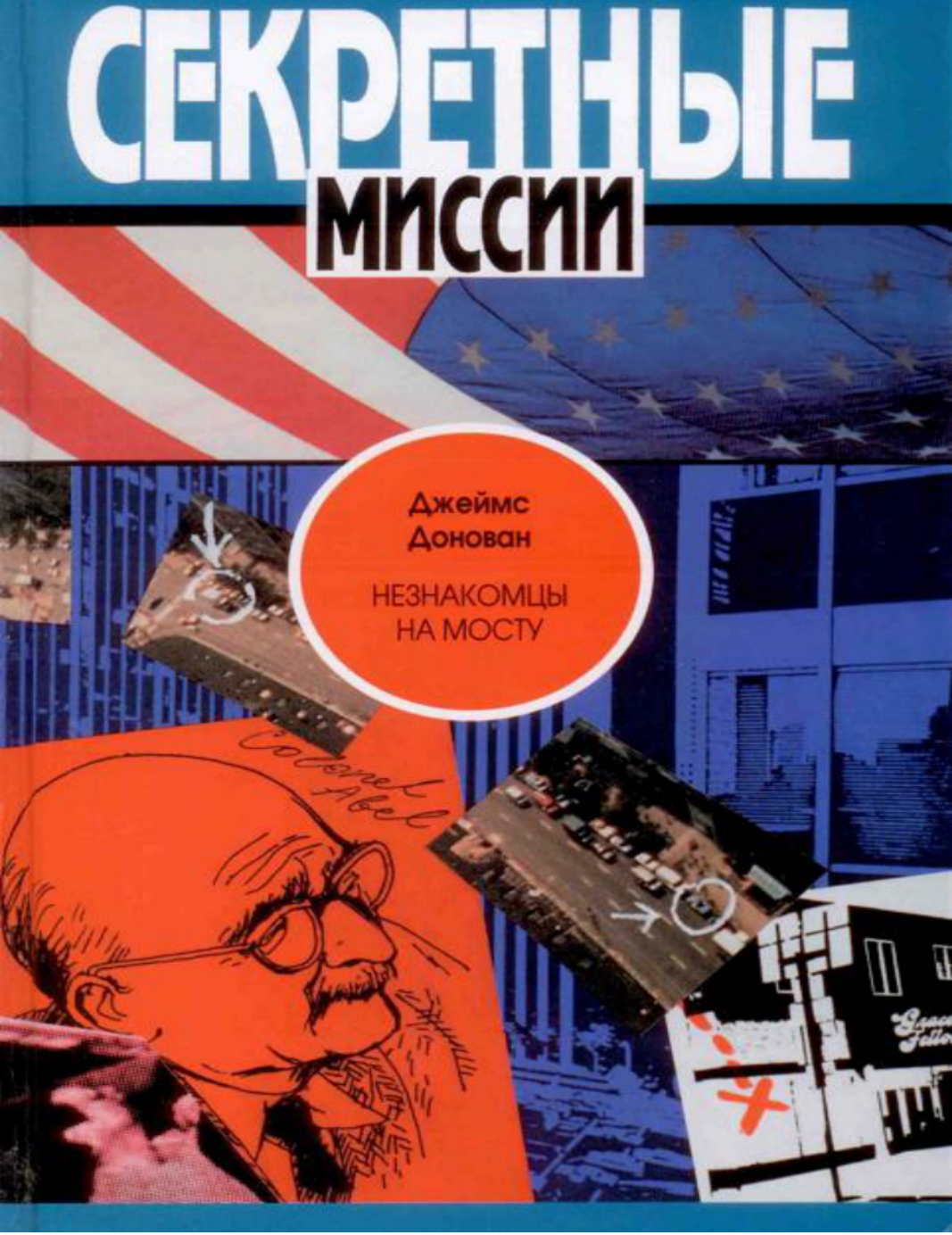
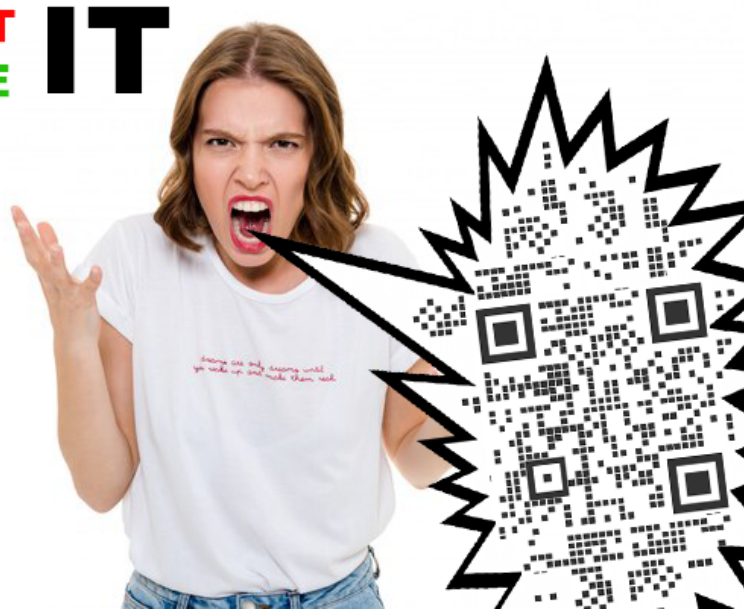
СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ



Джеймс Донован

НЕЗНАКОМЦЫ НА МОСТУ

SHOUT
SHARE
IT



Annotation

Книга «Незнакомцы на мосту» рассказывает об одном из самых выдающихся в истории шпионажа дел — процессе «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». Автор — адвокат Абеля — Джеймс Донован подробно пишет о подготовке дела, слушании в суде и кассационных инстанциях и, наконец, о его завершении — обмене в феврале 1962 г. на мосту Глиникер-брюкке полковника Абеля на Фрэнсиса Гарри Пауэрса.

- Джеймс Донован
  - Предисловие
  - ВВЕДЕНИЕ
  - 1957 год
  - 1958 год
  - 1959 год
  - 1960 год
  - 1961 год
  - 1962 год
  - ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. Ф. КЕННЕДИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Джеймс Донован
Незнакомцы на мосту

Предисловие

«Эта книга — нечто гораздо большее, чем захватывающий дневник одного из самых выдающихся в истории шпионажа дел, повествующих о том, как шла подготовка этого дела, как оно слушалось в суде и кассационных инстанциях и как, наконец, оно завершилось на Глиникер-брюкке. Всякий, кто увлекается рассказами о шпионах, о сложной, интересной работе следователей и искусных маневрах при разбирательстве дела в суде, несомненно, получит огромное удовольствие, прочитав эту книгу», — так начинает свое предисловие к американскому изданию книги «Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля» Чарльз С. Десмонд, председатель суда штата Нью-Йорк. Далее он пишет об американском судопроизводстве, стараясь привлечь внимание читателей к демократичности и справедливости суда и исключительной гуманности системы адвокатской практики, делает ряд комплиментов в адрес защитника Дж. Донована и ни слова не говорит о личности осужденного — полковнике Р. И. Абеле.

Мы не беремся разбирать юридические тонкости дела (об этом см. подробнее в кн.: *Тишков А. В.* Рудольф Абель перед американским судом. М.: Юридическая литература, 1971), хотя и отметим ряд грубых нарушений в ходе судебного процесса. Наша цель — рассказать о легендарном разведчике-нелегале, его жизни и оперативной деятельности в рамках, дозволенных условиями конспирации. До сих пор и сама личность Абеля, и его дело окутаны тайной (хотя о нем уже много написано), и это рождает различные домыслы, слухи, которые или преувеличивают его заслуги (особенно в период Отечественной войны), или, к сожалению, ставят под сомнение все им сделанное. Мы надеемся, что краткие сведения из биографии разведчика и описание событий, связанных с его арестом в США, позволят восстановить истину и показать, кем на самом деле был человек, известный и в нашей стране, и во всем мире как Абель.

14 октября 1957 г. на здании Федерального суда Восточного округа Нью-Йорка появилась надпись, возвещавшая: «Здесь слушается дело № 45094 — Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». Судебный процесс сопровождался шумной антисоветской кампанией, полковнику Абелю грозила смертная казнь или пожизненное тюремное заключение. Через месяц судья Байерс зачитал приговор суда: 30 лет тюрьмы. В то время Абелю было уже 54 года, и этот приговор означал практически пожизненное заключение.

Рудольф Иванович Абель — это имя взял себе, находясь в американской тюрьме, советский разведчик-нелегал Фишер Вильям Генрихович (оперативный псевдоним Марк).

Сложную жизнь прожил этот человек. Его отец, Генрих Матвеевич Фишер, родился в Ярославской губернии в семье немцев, выписанных в свое время из Германии князем Куракиным. В 16 лет он приехал в Петербург в поисках работы и сразу же активно включился в революционную деятельность, стал членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Встречался с В. И. Лениным, поддерживал дружеские отношения с В. В. Старковым, Г. М. Кржижановским. Был арестован и выслан полицией за границу. Вместе с молодой женой Любовью Васильевной (уроженкой Саратова) Генрих Матвеевич поселился в Англии в городке Ньюкасл-на-Тайне, но и там он продолжал революционную деятельность. 11 июля 1903 г. у них родился мальчик (второй ребенок в семье). По обоюдному согласию родители назвали его Вильямом, в честь великого Шекспира. В детстве он был молчуном, упрямым, настойчивым, упорным в достижении поставленной цели, исключительно правдивым и честным. Учеба давалась ему легко, но явное предпочтение мальчик отдавал естественным наукам. Самым большим его увлечением было чтение. Из-за финансовых затруднений в семье Вильям был вынужден оставить среднюю школу и поступить учеником чертежника в конструкторское бюро. Одновременно самостоятельно занимался по школьной программе. Незаурядные способности позволили ему в 16 лет сдать вступительный экзамен в Лондонский университет.

В 1920 году Фишеры возвращаются в Москву и становятся советскими гражданами. Но родителей не могла не тревожить мысль о том, как дети воспримут советскую действительность, поймут ли происходящие в стране перемены, разберутся ли в причинах временных трудностей, переживаемых государством, станут ли продолжателями дела, за которое они — родители — боролись всю жизнь. К счастью, оба сына — Генрих и Вилли — приняли родину родителей без колебаний. Имелась некоторая неопределенность относительно национальности детей. При поступлении на работу в органы безопасности Вилли однозначно ответил, что он русский. Его отец, хотя и немец по происхождению, родился и воспитывался в России, а мать — русская. Вскоре оба брата привлекаются в качестве переводчиков к работе в отделе международных связей Исполкома Коминтерна. Таким образом, им посчастливилось увидеть многих выдающихся деятелей мирового коммунистического движения.

В 1924 году Вилли поступает на иидостанское отделение

Института востоковедения им. Н. Нариманова в Москве. Со свойственной ему увлеченностью и основательностью он успешно заканчивает первый курс. Но дальше учиться не пришлось. Вилли призывают на воинскую службу, зачисляют в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. Он получает профессию радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль. В армии он подружился с Э. Кренкелем, будущим известным полярником, радистом экспедиции Папанина на Северном полюсе. После демобилизации Вилли поступает на работу в Научно-испытательный институт Военно-воздушных сил РККА. Вскоре он знакомится с Леной Лебедевой, хрупкой, грациозной блондинкой с большими серо-зелеными глазами и обворожительной улыбкой. Лена училась в балетной школе при Большом театре, но из-за полученной травмы была вынуждена прекратить занятия балетом и поступила в Московскую консерваторию в класс арфы. Любовь к музыке сблизила молодых людей. Вилли хорошо играл на пианино, гитаре, мандолине, одно время он даже был репетитором своей невесты.

Родители поначалу не одобрили выбор сына. Особенно переживала мать, женщина сильного характера, мечтавшая о невестке только из партийных кругов. Но Вилли был непреклонен, и скоро состоялось бракосочетание молодых, а через два года у них родилась дочь, которую назвали Эвелиной.

В органы госбезопасности Вилли поступил в 1927 году по рекомендации Московского Комитета ВЛКСМ. В беседе с начальником Иностранного отдела ОГПУ он признался, что только после обстоятельной беседы с отцом, старым большевиком, у него отпали многие сомнения относительно деятельности ОГПУ. Решение работать в органах было принято осознанно, с полным пониманием ответственности за выполнение стоящих перед ним задач. Вилли был назначен на должность помощника уполномоченного центрального аппарата. Он уверенно входит в чекистскую среду и становится полноправным ее членом, боеспособной единицей крепко сплоченного коллектива.

Через четыре года службы последовало предложение работать на полулегальном положении в одной из европейских стран. В его задачу входило обеспечение радиосвязи резидентуры с Центром. После соответствующей подготовки и получения необходимых документов он вместе с семьей выехал в страну назначения. Выдавая себя за радиоинженера и изобретателя, он открыл свою мастерскую и начал выполнять заказы на изготовление измерительных приборов для проверки и испытания радиоприемников. Жена преподавала балет в частной школе. В

оперативном плане Франк (его псевдоним) исполнял обязанности радиста нелегальной резидентуры, деятельность которой охватывала несколько европейских стран. К сожалению, командировку вскоре пришлось прервать, так как местная полиция отказалась продлить Франку разрешение на работу.

Проанализировав деятельность и поведение Франка за кордоном, руководство ИНО сочло целесообразным направить его на выполнение аналогичного задания в страну со сложной оперативной обстановкой, правительство которой проводило в отношении Советского Союза враждебную политику. Но пребывание Вилли в Москве несколько затянулось из-за болезни дочери и кончины отца, которую семья перенесла очень тяжело. В июне 1935 года началась вторая командировка Франка. Прежде чем прибыть в страну назначения, семья Фишеров на два месяца остановилась в маленьком бельгийском городе. Пребывание в промежуточной стране было вызвано необходимостью подготовить дочь, чтобы она вновь приобрела облик «иностранки» и избавилась от «славянизмов», которых она набралась от бабушек и других родственников за шесть месяцев пребывания в Москве.

Въезд в страну назначения и устройство на жительство прошли нормально. Труднее было с организацией прикрытия: пришлось профессию радиотехника сменить на профессию свободного художника. Создав дома некое подобие студии, Вилли стал заниматься живописью, одновременно вел подготовку к организации оперативной работы: оборудовал радио квартиру, приступил к сборке радиопередатчика.

Однако по неизвестным причинам была прервана и эта командировка, и семья Фишеров возвратилась в Москву. Вилли получил очередное повышение, ему было присвоено звание лейтенанта государственной безопасности.

Новый, 1939 год принес Вилли неожиданную весть: ему объявили, что руководство НКВД СССР приняло решение об освобождении его от работы в органах. Это был тяжелый удар для Вилли. Коллеги пытались успокоить его, объясняя, что дело не в нем, не в его недостатках или промахах, а в особенностях переживаемого момента. Они высказали надежду, что времена переменятся и его опыт еще пригодится. Вилли ничего не оставалось делать, как вернуться к гражданской профессии. Но и здесь его поджидали непреодолимые трудности. Пять месяцев упорных поисков работы не увенчались успехом. Как только его документы попадали в руки работников отдела кадров, тут же следовал отказ со ссылкой на различные предлоги. Убедившись в бесполезности дальнейших поисков и чувствуя острую

несправедливость по отношению к себе, он решился на крайнюю меру — обратился с письмом в ЦК ВКП(б). Ответ был положительным, и Вилли был принят во Всесоюзную торговую палату, позже он перешел на авиапромышленный завод, где проработал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года с Вилли встретился сотрудник органов госбезопасности и предложил вернуться в НКВД. Нелегко было решиться принять это предложение, но его убедили, что обстановка в органах сейчас иная и его опасения совершенно излишни. Вилли был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага. Начались дни упорной, напряженной работы, требовавшей отдачи всех сил, опыта, знаний.

В «холостяцкой» квартире Вилли (семья эвакуировалась в Куйбышев) нашел временный приют его близкий друг, товарищ по работе Рудольф Иванович Абель, которому впоследствии суждено было стать двойником Фишера, когда тот попал в американскую тюрьму.

Вскоре после окончания войны Вильям Генрихович вновь становится сотрудником внешней разведки органов государственной безопасности СССР.

Не успели смолкнуть орудийные залпы на полях сражений с фашистской Германией, как вчерашние союзники, в первую очередь США и Англия, взяли курс на конфронтацию, на развязывание «холодной войны», чреватой опасностью возникновения нового мирового кошмара. Уже в 1945 году Пентагон разрабатывал конкретные планы атомного нападения на СССР. Документ «Основа для формулирования военной политики США», одобренный комитетом начальников штабов 19 сентября 1945 г. и представленный на рассмотрение президенту Г. Трумэну, рекомендовал проводить все приготовления, чтобы в случае необходимости нанести первый удар с применением атомного оружия. Позднее, в 1949 году, был разработан план «Дропшот», намечавший сбросить на Советский Союз 300 атомных и 250 тыс. тонн обычных бомб.

Резкое обострение международной обстановки и усилившаяся активность разведывательных органов противника потребовали от всех подразделений органов государственной безопасности, в том числе и внешней разведки, принятия мер противодействия, с тем чтобы своевременно выявлять замыслы противника, парализовать его действия и обеспечить безопасность нашей страны.

В этот сложный период ряд работников внешней разведки

подали рапорт руководству о зачислении их в штат разведчиков-нелегалов для работы за кордоном. Среди них был и Вилли. В своем рапорте он писал: «Я, Фишер Вильям Генрихович, вполне осознавая важность для моей Родины — Союза ССР нелегальной разведывательной работы и отчетливо представляя все трудности и опасность этой работы, добровольно соглашаюсь стать в ряды нелегальных работников МГБ СССР.

Я обязуюсь, став нелегальным разведчиком, подчинить всю свою жизнь, все свои стремления и поведение интересам моей Родины.

Я обязуюсь строго соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах не раскрою врагам доверенную мне тайну и лучше приму смерть, чем предам интересы моей Родины».

Рапорт был принят, и сразу же началась интенсивная работа по программе подготовки разведчика-нелегала. Через 2 года он был готов к выполнению заданий с нелегальных позиций. Учитывая его личные и деловые качества, оперативный опыт и степень подготовки, руководство внешней разведки приняло решение направить Марка (новый псевдоним Фишера) на ответственный участок работы — в США, тогда страну главного противника. Еще четыре месяца напряженной подготовки, и в ноябре 1948 года Марк выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет.

Через некоторое время в Нью-Йорке появился свободный художник Голдфус Эмиль Роберт, гражданин США, родившийся в Нью-Йорке 2 августа 1902 г. в семье немца-маляра, прибывший с Запада Америки в поисках лучших условий жизни.

Первые дни пребывания в чужой стране, период так называемой легализации, всегда трудны для нелегала. Помимо чисто психологических наслоений, связанных с волнением и естественной настороженностью, огромные усилия тратятся на быстрое вживание в среду, чтобы не выделяться, не обращать на себя внимания людей из своего окружения, что требует большого напряжения, внутренней мобилизованности, постоянного самоконтроля. В этот период решаются организационные вопросы, связанные с устройством на постоянное жительство, созданием прикрытия и отработкой каналов связи.

Почти три недели Марк потратил на то, чтобы подыскать квартиру, удобную по соображениям безопасности для выполнения возложенных на него задач. Посетив более сорока квартир, он, наконец, сделал выбор.

Сложнее обстояло дело с созданием прикрытия. Марк вскоре убедился, что звание «свободный художник», за которого он собирался выдавать себя, не внушает доверия. Поэтому он решил

перейти на легенду «изобретателя», который, якобы имея небольшие сбережения, поставил целью разработать и запатентовать ряд изобретений, с тем чтобы открыть «свое дело» или добиться более выгодных для себя условий найма на крупном предприятии. Предприимчивым американцам такая легенда казалась более благозвучной. Для подкрепления этой легенды Марк составил описание одного электродного прибора и начал переписку с патентным отделом в Вашингтоне.

Одновременно с этим Марк приступил к отработке связи. Помимо почтового канала от него в Центр, который практически уже действовал, нужно было найти надежный почтовый адрес для ответной корреспонденции, организовать прием радиопередач, а также создать безотказный канал пересылки в Центр и из Центра к нему объемных материалов, в том числе различного снаряжения, оперативно-технических средств, денег, документов. Следовало разработать и условия личных встреч на случай возможного появления курьера или представителя Центра.

Марк очень быстро и уверенно вошел в местную среду, окружение его приняло как добропорядочного американца. К концу мая 1949 года все организационные вопросы были решены, и он доложил в Центр о готовности приступить к выполнению разведывательных задач.

Начался главный этап в жизни Марка. Через месяц он сообщает в Центр, что установил контакт с руководителем группы «Волонтеры» Луисом и связником Лесли. Сейчас по многочисленным публикациям, появившимся в нашей печати, мы уже знаем, что Луис и Лесли — сотрудники внешней разведки КГБ — граждане США Моррис и Леонтина Коэны, ставшие впоследствии известны всему миру под именами Питера и Элен Крогеров. Они сумели обеспечить передачу нашей разведке сверхсекретной информации о разработках атомной бомбы, проводимых в лабораториях американского атомного центра в Лос-Аламосе.

К сожалению, условия конспирации до сих пор не позволяют раскрыть многие операции, в которых участвовал Марк, но можно с уверенностью сказать, что велась активная разведывательная работа, полная трудностей и опасностей (недаром рабочий стаж нелегала исчислялся по коэффициенту год за два). В августе 1949 года пришло сообщение из Москвы, в котором его поздравляли с награждением орденом Красного Знамени.

Для того чтобы несколько разгрузить Марка, занятого выполнением большого объема текущей работы и многих специальных заданий, Центр в 1952 году направил ему в помощь Хэйханена (псевдоним Вик), кадрового сотрудника КГБ,

прошедшего подготовку в качестве радиста нелегальной резидентуры. Он должен был организовать двустороннюю радиосвязь между Нью-Йорком и Москвой для быстрой передачи разведывательной информации в Центр.

Вик по национальности карел, гражданин СССР. Как финн американского происхождения по легенде, он въехал в США и поселился близ Нью-Йорка.

Марк отнесся к приезду Вика положительно. Он помогал ему в легализации, создании прикрытия, освоении с обстановкой и включении в работу. Марк полностью доверял Вику как кадровому работнику, но старался не выходить за рамки инструкций, касавшихся отношений резидента с подчиненными. Поэтому Вик не знал ни действительных, ни легендированных данных Марка, ни его домашнего адреса, ни номера домашнего телефона. Ему было лишь известно, что Марк — резидент нелегальной разведки, кадровый работник органов госбезопасности в звании полковника, легализованный в Нью-Йорке под видом американца, занимающегося живописью и цветной фотографией.

Связь Марк и Вик в основном осуществляли через тайники. Для обсуждения важных вопросов проводили личные встречи, как правило, в городе в безлюдных местах и районах, удаленных от их квартир. Лишь однажды, когда Вик не смог выполнить порученную работу из-за отсутствия фотоматериалов, Марк привел его в район расположения своего ателье в Бруклине, попросил подождать на улице, а сам отлучился минут на пятнадцать и принес нужные материалы. Данное обстоятельство, как мы увидим дальше, имело для разведчика-нелегала роковые последствия.

Вик оказался слабым человеком. Четыре года, проведенные в Америке, оказали на него пагубное влияние. Падение Вика началось с малого, с обыкновенной рюмки спиртного, пристрастие к которому постепенно переросло в постоянную потребность. Вследствие этого он стал испытывать нехватку денег, залезать в карман государства, тратя на личные нужды оперативные средства. Весной 1955 года он присвоил пять тысяч долларов, выданные ему для передачи семье одного агента. Это было уголовное преступление, о котором, как понимал и сам Вик, со временем узнали бы в Центре. Пьянство повлекло за собой и моральную распущенность. Втайне от Центра Вик женился и, по существу, самоустранился от выполнения заданий разведки. Особенно пагубными для него оказались девять месяцев 1955 года, когда Марк по вызову Центра находился в Москве на отдыхе и переподготовке. Оставшись один и почувствовав отсутствие

должного контроля, Вик спился окончательно. На этой почве в семье часто возникали ссоры, порой доходившие до драк, из-за которых соседи были вынуждены вызывать полицию.

Возвратившись в январе 1956 года в США, Марк с трудом восстановил связь с Виком. Выяснилось, что разведывательной работой последний практически не занимался. Очень скоро Марк убедился в бесполезности дальнейшего пребывания своего помощника в стране и поставил перед Центром вопрос о его отзыве.

Приказ о возвращении в СССР Вик воспринял очень болезненно, под всяким предлогом уклонялся от выезда и даже сообщил, что ФБР будто бы осуществляет его повторную проверку.

Центр радировал Марку, что ему необходимо принять надлежащие меры безопасности: прекратить контакты с Виком и связь с агентурой, перейти на другие документы и переехать из Нью-Йорка на юг страны, а если он заметит что-либо подозрительное, немедленно покинуть США, выехав в третью страну по известному ему предусмотренному на такой случай маршруту. Марк четко выполнил указания Центра.

В Дейтон-Бич во Флориде он пробыл 18 дней, выдавая себя за Мартина Коллинза. С большим трудом ему удалось прочитать только одну телеграмму Центра, где сообщалось о встрече с Виком в Париже по пути его в Москву, который заявил, что у него все в порядке и обстановка вокруг него спокойная. Полагая, что опасность миновала, Марк на свой страх и риск решил вернуться в Нью-Йорк, но до установления связи с Центром и получения дальнейших инструкций пользоваться документами на имя Коллинза и на своей квартире не появляться.

По почтовому одностороннему каналу Марк информировал Центр о своем возвращении в Нью-Йорк и намерении взять из квартиры радиоприемник и находившиеся там в тайнике оперативные материалы. Однако, несмотря на все предпринятые им в течение этого времени усилия, из-за помех в эфире ответа из Центра получить не удалось.

Марк стал вынашивать план посещения квартиры. Во время первой своей попытки, несмотря на то что ничто не вызывало у него подозрений, он, подойдя к дому, все же не решился на осуществление своего плана. Прошло три недели, а помехи в эфире все еще не позволяли принимать радиограммы Центра. Тогда Марк решил предпринять вторую попытку. Поздно вечером, улучив удобный момент, он незаметно вошел в дом. Убедившись, что в квартире ничего не тронуто, он взял безотказно служивший ему портативный радиоприемник и вышел на улицу.

Внимательно осмотревшись и не заметив ничего подозрительного, Марк вернулся в отель «Латам». На другой день, приняв все меры предосторожности, он снова посетил квартиру и изъял из тайника необходимые ему материалы. Рассматривая их содержимое, Марк случайно уронил контейнер с мягкой пленкой на пол. Пошарив в темноте по полу и не найдя его, он подошел к окну и взглянул вниз на улицу. Не заметив там ничего, что бы могло его насторожить, он зажег свет и спустя две-три минуты нашел контейнер. Выключив свет и еще раз понаблюдав из окна за происходящим внизу, Марк покинул квартиру. И на этот раз он не обнаружил ничего подозрительного.

Вечером следующего дня состоялась очередная передача из Центра. Несмотря на безотказный в прошлом радиоприемник, на этот раз сигналы проходили плохо из-за сильных помех телевизионных передатчиков. С большим трудом и множеством ошибок разведчик все же принял телеграмму Центра, но ее расшифровка заняла очень много времени и текст полностью прочесть не удалось. Почувствовав после напряженного дня и изнурительной жары сильную усталость, Марк поздно ночью лег спать.

Конечно, он даже не мог предположить, что моральное падение, а фактически перерождение Вика приведет его к самому позорному для человека поступку — предательству. Он добровольно явился в посольство США в Париже, сообщил о своей принадлежности к советской нелегальной разведке и попросил политического убежища, пообещав, в свою очередь, сотрудничать со спецслужбами противника. На военном самолете Вик был тайно доставлен в США, где поступил в распоряжение ФБР. Э. Гувер, директор Федерального бюро расследований, бросил все силы своего ведомства на поиски Марка. Его девятилетнее пребывание на территории США, под боком ФБР, рассматривалось как большое упущение в деятельности американской контрразведки. Поэтому впоследствии, когда Марк был осужден, Гувер не пожалел красок, чтобы представить свое ведомство в самом выгодном свете.

«Упорная охота за мастером шпионажа полковником Рудольфом Ивановичем Абелем является одним из самых замечательных дел в нашем активе…Это такая история, о которой я рассказываю с гордостью, потому что она свидетельствует об умении ФБР вести расследование, когда наша задача состоит в поимке советского шпиона.

…Хэйханен дал нам ключ к тайне. В одном лишь случае Марк поступил неосторожно и позволил раскрыть себя. Хэйханену не хватило фотоматериалов, а они требовались срочно, и Марк

привел его в Бруклин, где хранил эти материалы. Хэйханен не мог вспомнить адреса кладовой, но знал, что она располагалась на четвертом или пятом этаже. Он знал, что это здание расположено где-то рядом с Фултон- и Кларк-стрит. ФБР наводнила этот район сотрудниками, и вскоре их поиски привели к дому № 252 по Фултон-стрит, в котором на пятом этаже располагалась студия Эмиля Р. Голдфуса. Но она была закрыта. От жильцов узнали, что Голдфус исчез в конце апреля, примерно в то же время, когда Хэйханен отправился во Францию. За домом № 252 по Фултон-стрит было установлено постоянное наблюдение»[1].

Как следует далее из статьи Гувера, 28 мая агенты ФБР заметили человека, по внешним данным походившего на описанного Виком советского резидента, сидевшего на скамейке как раз напротив входа в дом № 252. В 6 часов 50 минут этот человек ушел. Установить его личность не представилось возможным. Сотрудники ФБР продолжали круглосуточное наблюдение за всеми подходами к дому № 252, подъездом, ведущим на пятый этаж, где находилась комната № 505, и за окном этой комнаты, выходившим на улицу. Одновременно были взяты под усиленный контроль все места встреч Вика с Марком и проведения тайниковых операций в надежде на возможное появление там Марка или поступление от него сообщений.

Длительное безуспешное наблюдение за домом, очевидно, притупило бдительность сотрудников, и они не заметили, как Марк прошел в ателье. Лишь когда в его комнате на некоторое время вспыхнул электрический свет, со стационарного поста на двенадцатом этаже отеля «Турэйн» (напротив дома № 252), откуда сотрудники вели наблюдение за окном с помощью бинокля, дающего десятикратное увеличение, по рации последовала команда наружным постам начать слежку за находящимся в ателье человеком. Усиленная бригада службы наружного наблюдения, соблюдая меры предосторожности, довела Марка до отеля «Латам», секретно сфотографировала его, установила личность. Когда фотографию предъявили предателю, он сказал: «Вы нашли его, это Марк».

Около семи часов утра в номер гостиницы «Латам» внезапно ворвались агенты ФБР. Не дав Марку даже одеться (была жаркая ночь, и он спал, все с себя сняв), они начали допрос, стараясь всячески его унизить, сломить морально. Один из агентов, назвав Марка полковником, заявил, что им известно, что он советский разведчик, и предложил ему сотрудничать с ФБР, в противном случае он тут же будет арестован.

Внезапное вторжение не вывело Марка из равновесия, он

сумел сохранить внешнее спокойствие, держался с достоинством и категорически отказался отвечать на какие-либо вопросы. Умело действуя, он сумел избавиться от шифрблокнота и радиограммы, принятой прошлой ночью, но некоторые вещи, указывающие на его принадлежность к разведке, все же во время обыска попали в руки сотрудников ФБР. В этот же день Марк из Нью-Йорка был тайно переправлен в лагерь иммиграционной службы в Мак-Аллен и помещен в одиночную камеру. Начались бесконечные допросы. Казалось, было сделано все, чтобы склонить его к сотрудничеству. Щедрые посулы сменялись угрозами, шантажом, но Марк держался твердо. Хотя нелегалы, как правило, готовы к подобным экстремальным ситуациям, арест всегда является тяжелейшим испытанием для разведчика. Провал не сломил Марка. Он помнил о данном им обязательстве соблюдать конспирацию и ни при каких обстоятельствах не раскрывать врагам доверенных ему служебных тайн. Его решение всеми доступными средствами выполнить это обязательство было непреклонным. Вера в то, что Центр обязательно предпримет все от него зависящее для оказания помощи и ни при каких обстоятельствах не оставит в беде, придавала ему силы.

Стремясь показать свою осведомленность, сотрудник ФБР невольно выдал источник поступившей к ним информации: Марку сразу же стало ясно, что Вик предатель, ибо только он знал о присвоении ему звания полковника. В этой тяжелой ситуации разведчика беспокоила не только его судьба, но и то, что ФБР может начать с советской разведкой игру, с тем чтобы втянуть ее в какую-либо провокационную авантюру с последующей компрометацией. Для предотвращения провокаций со стороны ФБР надо было как можно скорее уведомить Центр о своем аресте. Он понимал, что имеющиеся у ФБР улики и показания Вика убедительно свидетельствуют о его советском гражданстве и принадлежности к советской разведке. После долгих и мучительных раздумий он приходит к выводу, что единственной возможностью сообщить в Центр о провале явилось бы официальное обращение в консульство СССР в Вашингтоне. Но для этого ему надо было признать себя гражданином СССР. Кроме того, вставал вопрос, за кого себя выдавать. Он неожиданно вспомнил о своем близком покойном друге Рудольфе Ивановиче Абеле и решил воспользоваться данными его биографии. В Центре хорошо знали об их дружбе, и он рассчитывал, что, как только появится сообщение об аресте Абеля, его коллеги сразу же поймут, что речь идет о Марке.

На следующий день он дал следователю показания, сообщив, что жил по фальшивым документам, а на самом деле он

советский гражданин Рудольф Иванович Абель, что во время войны нашел в разрушенном блиндаже 50 тысяч долларов и ушел на Запад. В Копенгагене купил американский паспорт и в 1948 году через Канаду прибыл в США в поисках лучшей жизни. Затем он заявил о своей готовнос-ти ответить на все интересующие следствие вопросы при условии, что ему будет позволено сообщить о себе в советское консульство. После ряда проволочек разрешение на письмо было получено, и Марк сообщил в посольство обстоятельства своего ареста. В полученном вскоре ответе его не признали гражданином СССР. Это было правильно с точки зрения политики Советского Союза, другого ответа он и не ждал. Но так случилось, что советский консул не счел нужным довести содержание этого письма до сведения Центра, а просто подшил его к делу. Таким образом, цели, которую преследовал Марк, достичь не удалось.

А тем временем ежедневные изнурительные допросы продолжались. В течение трех недель бились сотрудники ФБР и работники иммиграционной службы (судя по тому, как было организовано дело, они рассчитывали на успех), но им не удалось склонить советского разведчика к сотрудничеству. Так как поставленной цели добиться не удалось, Марку был предъявлен ордер на арест, и им занялись уже судебные органы. Для предъявления обвинения и предания суду его доставили в Нью-Йорк.

В обвинительном акте Абелю вменялось в вину:

1. Заговор с целью передачи СССР атомной и военной информации.

2. Заговор с целью сбора такой информации.

3. Заговор с целью пребывания на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте.

Первый пункт грозил Абелю вынесением смертного приговора, второй предусматривал 10 лет и третий — 5 лет тюремного заключения.

Ассоциация адвокатов, обсудив просьбу суда о предоставлении Абелю защитника, остановила свой выбор на адвокате Дж. Донована, сорокалетием, весьма преуспевающем бизнесмене, совладельце адвокатской фирмы, связанной с крупными страховыми компаниями. На Нюрнбергском процессе над немецкими военными преступниками он выступал в качестве помощника главного обвинителя от США. Не последнюю роль при этом выборе, видимо, сыграло и то, что Донован имел звание офицера морской разведки и во время второй мировой войны являлся видным сотрудником Управления стратегических служб.

Надо полагать, что руководство спецслужб США все еще не оставляло надежды склонить Марка к сотрудничеству, и в этой связи назначение в качесгве защитника специалиста-разведчика, по их расчетам, могло бы быть весьма полезным.

У Абеля с Донованом сложились хорошие деловые отношения. Сначала Донован был несколько удивлен, увидев вместо ожидаемого супермена типа Джеймса Бонда пожилого человека, похожего на школьного учителя, но очень скоро он понял, что имеет дело с незаурядной личностью. В его дневнике появляется такая запись: «Рудольф — интеллигентный человек и джентльмен, обладающий чувством юмора. В процессе общения у нас невольно возникла взаимная симпатия, и у меня появился интерес к нему как к личности, как человека его просто нельзя было не любить». Дальше появятся записи, где он будет отмечать мужество Абеля, его выдержку, достоинство, принципиальность, высокий интеллект, разнообразие и глубину его интересов и, конечно, профессиональные данные.

Абель дал твердо понять Доновану, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на сотрудничество с правительством США и не сделает во имя своего спасения ничего такого, что могло бы нанести ущерб его стране. Он также высказал просьбу, чтобы его защита велась с достоинством, без крикливости. Большое впечатление на Донована произвели слова его подзащитного: «Я не хочу, чтобы вы делали что-нибудь такое, что может умалить достоинство человека, честно служащего великой стране».

Судебный процесс сопровождался шумной антисоветской кампанией. Пресса нагнетала страсти, расписывая «доказательства» вины советского разведчика. Еще не началось слушание дела, а все средства пропаганды, формирующие общественное мнение, уже вынесли свой вердикт — «виновен».

Первым на суде выступил прокурор Томпкинс, сделавший особый акцент на том, что советский разведчик поступил «исключительно дерзко», устроившись как раз напротив здания Федерального суда — штаб-квартиры всех органов, обеспечивающих соблюдение законности в Бруклине и Лонг-Айленде. По соседству находился и местный полицейский участок. Далее Томпкинс изложил содержание обвинительного акта, обещая подтвердить его прямыми и косвенными доказательствами, при этом он не преминул подчеркнуть особое значение дела для национальной безопасности США.

В своей двадцатиминутной речи Донован стремился внушить присяжным, что при вынесении вердикта о виновности подсудимого они не должны руководствоваться своим

отношением к СССР или к коммунизму, а обязаны только ответить на вопрос, доказана ли его виновность в совершении вменяемых ему в вину конкретных преступлений.

Абель отказался от дачи показаний, так как согласно американскому законодательству показания подсудимого приравниваются к показаниям свидетеля и он обязан отвечать на любые вопросы. В случае согласия Абеля выступить в суде он поставил бы себя в крайне затруднительное положение.

Но вот судья вызвал главного свидетеля обвинения, и перед всеми присутствующими в зале появился тучный субъект, с трясущимися руками, с лицом, покрытым испариной, и с взглядом, устремленным в пол. Его вид ььпвал у всех явное разочарование. Главный свидетель обвинения вопреки ожиданиям производил очень жалкое впечатление. Хэйханен говорил невнятно, часто сбивался, питался. Его утверждения были расплывчаты. Отзетив на двести двадцать вопросов, он ушел, как побитый, с низко опушенной головой, красный и потный от пережитого волнения. Сделав свое подлое дело, в дальнейшем он оказался уже никому не нужным и скоро окончательно спился. Спустя четыре года Хэйханен погиб во время таинственной автомобильной катастрофы на Пенсильванском шоссе. И никто не сожалел о его смерти.

Во время суда Абель был внутренне собран, внимательно следил за всем происходящим, время от времени делал заметки и зарисовки. Репортеры отмечали, что он вел себя как бесстрастный наблюдатель, не заинтересованный в исходе процесса. Это, конечно, было далеко не так. «Только железная самодисциплина позволяла ему сидеть молча и спокойно, никак не проявляя своих чувств. А ведь он переживал колоссальную физическую и эмоциональную пытку», — писал Донован.

Приговор суда Абель принял абсолютно спокойно: ни один мускул не дрогнул на его лице, когда присяжные один за другим повторяли: «виновен, виновен».

«Когда я пришел к Абелю в камеру для заключенных после суда… он ожидал меня, — вспоминает Донован. — Непринужденно сидя в кресле, закинув ногу на ногу, он попыхивал сигаретой… Глядя на него, можно было подумать, что у этого человека нет абсолютно никаких забот.

— Это было неплохо, — сказал он, — то, что вы сказали там в суде, — это было очень здорово.

…Моя рубашка промокла от пота и прилипла к телу. Все мои духовные силы были исчерпаны, а он с поразительной самоуверенностью говорит мне «неплохо». В этот момент подобное холодное самообладание профессионала показалось

мне невыносимым».

При подготовке к судебному процессу в министерстве юстиции рассматривался вопрос о мере наказания для Абеля. Одни считали, что это будет больше отвечать интересам правительства, если Абель будет приговорен к пожизненному тюремному заключению. В этом случае остается надежда на то, что в один прекрасный день он заговорит. Другие были глубоко убеждены, что обвинение должно настаивать на смертной казни — не только для устрашения других советских разведчиков, но также в расчете на то, что Абель, испытав сильное нервное напряжение, может не устоять и начнет говорить.

Прокурор Томпкинс делал все возможное, чтобы доказать, что «полковник службы безопасности Советского государства совместно с другими высокопоставленными русскими чиновниками привел в действие чрезвычайно сложный аппарат советской разведки, пытаясь добыть секреты, представляющие величайшую важность как для США, так и для свободного мира в целом».

Но в ходе судебного заседания обвинение не смогло представить ни одного конкретного доказательства, подтверждающего факт получения и передачи информации оборонного значения. Более того, оно использовало «опороченные доказательства». Защита убедительно показала, что была нарушена Четвертая поправка к Конституции США, провозглашавшая охрану личности, жилища, бумаг и имущества граждан от необоснованных обысков и арестов. При задержании Абелю не предъявили ордера на арест, обыск и изъятие имущества, предусмотренные в подобных случаях (ордер на арест, выписанный службой иммиграции, был недействителен, поскольку главные обвинения, выдвинутые против Абеля, не входили в компетенцию этого органа).

Фактически суд доказал только одну вину: пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте. Максимальное наказание, предусмотренное законом за это преступление, — пять лет лишения свободы, Абель же получил тридцать. Апелляция в Верховный суд ничего не изменила. «Это решение меня не удивило, — заявил Абель, — я не верил, что дело будет решаться на основе закона. Я рассматриваю его как политическое решение».

Сначала Марк находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем по его просьбе был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

Для человека, в высшей степени образованного,

интеллигентного, испытывающего, по выражению Донована, «постоянную потребность в духовной пище», пребывание в камере с восемью отпетыми уголовниками было настоящей моральной пыткой. К счастью, он обладал удивительной способностью находить себе занятия в любой обстановке. В тюрьме Марк занимался решением математических задач, теорией искусства (написал работу «Искусство сегодня»), разработал подробные предложения по лучшему использованию тюремного здания и даже подготовил рабочие чертежи. Одно время он обучал сокамерника — уголовного преступника — французскому языку. В тюрьме Абелю поручили заведовать мастерской прикладного искусства. Со свойственной ему добросовестностью и увлеченностью он не только овладел, но и разработал свой технологический процесс шелкографического производства. Большим успехом пользовались изготовленные Абелем рождественские открытки. Он писал картины маслом, занимался графикой.

Сокамерники приняли Абеля в свою среду, относились к нему с большим уважением, он пользовался у них непререкаемым авторитетом. У администрации, правда, были опасения, что какой-нибудь уголовник попытается убить его, желая прослыть героем-антикомму-нистом, но этого не случилось. Проведя в заключении чуть больше четырех лет, Абель никогда ни на что не жаловался, не критиковал тюремщиков.

Трудно сказать, выполнял ли Донован чье-либо задание или действовал из чисто «профессионального интереса», но он не упускал случая, чтобы не посоветовать Абелю согласиться на сотрудничество с правительством США (точнее, с ФБР). Порой он пытался оказывать на Абеля психологическое давление. Так, однажды Донован заявил, что Россия якобы списала его со счетов как разведчика и он предоставлен сам себе, на что Абель резко возразил: «Я не согласен с вами… меня не «списали», и мне неприятно, что вы так говорите». Позже Донован как-то спросил его, не будут ли ему грозить неприятности по возвращении в СССР, не отправят ли его в Сибирь. А во время одного из своих последних приездов в тюрьму Донован предпринял прямую попытку склонить своего подзащитного к сотрудничеству с американскими спецслужбами. Говоря о возможности ходатайства о сокращении тридцатилетнего срока заключения, Донован заявил, что оно может быть принято только при условии, если суду будет известно, что Абель действительно сотрудничает с правительством США. В противном случае вынесенный приговор не может быть пересмотрен. На что Абель совершенно однозначно ответил: «Об этом не может быть и речи. Я никогда этого не

сделаю. В первые же полчаса, когда я сидел утром на кровати в номере гостиницы «Латам», я принял решение, и оно остается твердым».

Другой формой нажима на Абеля был запрет на переписку с женой и дочерью. Первоначально при поддержке директора ЦРУ Аллена Даллеса и министерства юстиции Донован добился разрешения на переписку Абеля с семьей. Но спустя некоторое время последовал запрет. Совершенно очевидно, что спецслужбы США действовали по принципу: не помог пряник, должен помочь кнут. Но никакие средства воздействия не смогли сломить силу воли, стойкость духа и мужество советского разведчика.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время судебного процесса над Марком и уже после его окончания в зарубежной прессе появилось много публикаций, в которых образ советского разведчика, чьи человеческие качества заслуживают самого глубокого уважения, давался с самой положительной стороны. Так, например, автор изданной в Англии и переизданной во многих других странах книги «Тайная война» Санш де Грамон, изучивший все материалы по делу Абеля и лично опросивший множество людей, включая бывшего директора ЦРУ А. Даллеса, руководителя ФБР Э. Гувера и других, писал: «Абель — редкий тип личности. Он одинаково свободно чувствует себя как в искусстве, так и в науке. Будучи одаренным художником, умелым музыкантом, превосходным фотографом, он также является законченным лингвистом, выдающимся математиком, химиком и физиком. Для развлечения он читал Эйнштейна, решал математические задачи и очень быстро разгадывал кроссворды из «Санди тайме». Он был хорошим столяром и делал книжные полки и столики для своих друзей, сам изготовлял некоторые контейнеры. Его идеалом было знание. Мы можем только сожалеть, вместе с Алленом Даллесом, что он вышел не из рядов разведки Соединенных Штатов». На одной из встреч с Донованом директор ЦРУ А. Даллес сказал: «Я бы хотел, чтобы мы имели таких трех-четырех человек, как Абель, в Москве».

Родина не оставила Марка в беде. 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, имевшем по случайному совпадению с памятных времен конца второй мировой войны неофициальное название «Мост свободы», был произведен обмен Рудольфа Ивановича Абеля на осужденного в СССР американского летчика Ф. Пауэрса.

После лечения и отдыха Абель вернулся к работе в центральный аппарат внешней разведки и находился на боевом посту до конца своей жизни, передавая свой богатый опыт молодым чекистам и будущим разведчикам Он неоднократно

выступал перед самыми разными аудиториями как у нас в стране, так и во многих бывших соцстранах. Сильное впечатление на всех произвело его выступление в прологе к фильму «Мертвый сезон».

Бытует мнение, что в книге «Щит и меч» выведен Абель. Это не совсем точно. А. Белов — образ собирательный, хотя автор В. Кожевников что-то и взял от Абеля, который консультировал его во время написания книги.

15 ноября 1971 г. Рудольфа Ивановича Абеля не стало. Он скончался в клинике онкологии после непродолжительной тяжелой болезни.

На его могиле сооружен памятник в виде стелы из черного мрамора с выгравированным силуэтным портретом Марка и надписью:

ФИШЕР

ВИЛЬЯМ ГЕНРИХОВИЧ (Абель Рудольф Иванович)

11 июля 1903—15 ноября 1971

Родина высоко оценила заслуги советского разведчика: он награжден орденом Ленина, тремя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями. Он по праву снискал популярность, заслуженную любовь и уважение не только у чекистов, но и у народа нашей Родины.

Впереди увлекательное чтение дневника адвоката Абеля Джеймса Донована. Надеемся, что данное предисловие поможет читателю объективно разобраться в событиях, описанных в книге, и воздать должное ее главному герою — полковнику Рудольфу Ивановичу Абелю (Фишеру Вильяму Генриховичу).

Д. Я. Тарасов, полковник в отставке

ВВЕДЕНИЕ

Ранним туманным утром мы проезжаем по безлюдным улицам Западного Берлина к Глиникер-брюкке, месту, где назначена встреча. И вот мы уже стоим в конце темно-зеленого стального пролета, уходящего на территорию Восточной Германии. За озером Потсдам, справа на холме вырисовывается силуэт старинного замка. По обе стороны озера темнеет густая зелень лесопарков. Дело происходит холодным, но ясным утром 10 февраля 1962 г.

Под мостом, на берегу озера с нашей стороны, три немца-рыболова забрасывают свои удочки, по временам с любопытством посматривая вверх. По озеру плавают несколько белых лебедей.

На другом конце узкого моста, прозванного в 1945 году нашими солдатами и русскими «Мостом свободы», виднеется группа людей в темных меховых шапках. Высокий человек — это И. А. Шишкин, советский чиновник из Восточного Берлина, который вел со мной переговоры по поводу обмена осужденными. Теперь обмен, в подготовке которого участвовали правительственные чиновники трех стран, должен состояться.

В Вашингтоне сейчас около трех часов утра, однако в окнах Белого дома все еще горит свет, и президент Кеннеди бодрствует, ожидая сообщения. Никем не занимаемая телефонная линия соединяет Берлин с Белым домом.

У нашего конца Глиникер-брюкке прохаживаются чины американской военной полиции, одетые в непромокаемые плащи. В маленькой караульной будке западноберлинские часовые, которые незадолго до этого внезапно получили приказ покинуть посты на мосту, потягивают кофе из бумажных стаканчиков. У них несколько смущенный вид: они вряд ли что-нибудь понимают в происходящем. Свои заряженные карабины они составили в козлы в углу.

Сзади к нам подъезжают два американских армейских автомобиля. Окруженный здоровенными охранниками появляется Рудольф Иванович Абель, несколько изможденный и выглядящий старше своих шестидесяти двух лет. Пребывание в американской тюрьме оставило на его внешности заметный след. Теперь, в самый последний момент, он держится только благодаря выработанной им внутренней самодисциплине,

Рудольф Иванович Абель был полковником КГБ, советской секретной разведывательной службы. У американцев имелись сведения, что он, будучи «резидентом», в течение девяти лет руководил всей сетью советского шпионажа в Северной Америке

из своей художественной студии в Бруклине. О его истинной деятельности спецслужбам США стало известно лишь в июне 1957 года, когда его предал находившийся у него в подчинении советский агент. Абель был немедленно арестован ФБР, и ему было предъявлено обвинение в «заговоре с целью военного и атомного шпионажа», преступлении, которое карается смертной казнью.

Когда в августе 1957 года Абелю впервые было предъявлено обвинение в Федеральном суде, он попросил судью назначить «адвоката по выбору Ассоциации адвокатов». Комитет юристов рекомендовал суду мою кандидатуру. После четырехлетнего судебного разбирательства Верховный суд США пятью голосами против четырех утвердил обвинительный приговор. Тем временем полковник отбывал свой тридцатилетний срок в исправительной тюрьме в Атланте.

При вынесении приговора 15 ноября 1957 г. во время открытого судебного заседания я просил судью не применять в качестве наказания смертную казнь, так как, по моему мнению, нельзя было исключить вероятность того, что в обозримом будущем работниками соответствующих служб Советской России или ее союзников может быть арестован американский разведчик соответствующего ранга. В таком случае обмен задержанными через дипломатические каналы, возможно, будет наилучшим образом отвечать интересам США.

И вот теперь на Глиникер-брюкке должен произойти обмен, договоренность о котором была достигнута «после того, как дипломатические каналы оказались бесполезными», — как позже писал мне президент Кеннеди.

На другом конце моста находился пилот американского самолета У-2 Фрэнсис Гарри Пауэрс. А в отдаленном районе Берлина, у пограничного поста между Восточным и Западным Берлином, известного под названием «Контрольный пункт Чарли», ждал своего освобождения Фредерик Прайор, американский студент Йельского университета, арестованный за шпионаж в Восточном Берлине в августе 1961 года. В ходе судебного разбирательства ему был вынесен смертный приговор. И наконец, последним заключенным, который должен был фигурировать в обмене Абель — Пауэрс — Прайор, был молодой американец Марвин Макинен, обучавшийся в Пенсильванском университете. Отбывавшему в киевской тюрьме восьмилетний срок за шпионаж Макинену неожиданно сообщили о его скором освобождении. О причине такого поворота событий ему оставалось только догадываться.

«Вот я дойду до середины Глиникер-брюкке, сделаю все, как

заранее условлено, и затем вернусь назад с тем, кто мне был обещан «из-за стены», в Восточном Берлине, и на этом завершится долгий путь».

Мне, как юристу, занимающемуся частной практикой, все прошедшее больше напоминало тяжелую непрерывную службу, чем работу по одному конкретному делу. Когда я занимался этим делом, много времени у меня отнимали правовые вопросы, но еще больше — неправовые.

Мне одному разрешалось посещать Абеля, и я был единственным человеком, с которым он переписывался в США на протяжении своего тюремного заключения, длившегося почти пять лет. Полковник был очень своеобразной личностью. Он испытывал постоянную потребность в духовной пище, свойственную каждому образованному человеку. Будучи ограниченным в возможности общаться с людьми, он стремился использовать каждый представлявшийся ему такой случай. Однажды, находясь в федеральной тюрьме в Нью-Йорке, он даже начал учить французскому языку своего соседа по камере, полуграмотного бандита из мафии, осужденного за вымогательство.

Итак, мы и беседовали с Абелем, и переписывались. Мы то приходили к согласию, то у нас разгорались споры, в которых мы высказывали свое мнение по самым разнообразным вопросам и проблемам: о его деле, об американском правосудии, о международных делах, о современном искусстве, о любви к животным, о теории вероятности, о воспитании детей, о шпионаже и борьбе с ним, об одиночестве всех преследуемых людей и даже о том, следует ли его останки предать кремации в случае его смерти в тюрьме. Круг его интересов казался таким же беспредельным, как и его знания.

Как ни странно, Абель в разговорах со мной никогда не признавался, что его деятельность в США направлялась Советской Россией. Это может показаться невероятным, но это так. Как будто он хотел, чтобы у собеседника создалось впечатление, что он просто полковник КГБ, который решил заняться шпионажем по собственной инициативе. Однако при построении своей защиты я всегда исходил из предпосылки, что американская сторона полностью доказала вину Абеля и вину Советов, направивших его в США для осуществления шпионской деятельности. Он, конечно же, знал мою точку зрения, молчаливо принимал ее и никогда не отрицал ее правильности. Обсуждая различные вопросы, мы исходили именно из этой предпосылки. Однако даже в разговоре со мной он никогда не говорил прямо, что она соответствует действительности.

Почему он вел себя именно так? Может быть, он считал меня наивным, или человеком, симпатизирующим Советам, или не разбирающимся в фактах? Отнюдь нет. Если хорошенько подумать, то нельзя не согласиться, что такое прямое признание не только шло бы вразрез со всеми его привычками, выработанными в течение тридцати лет, но — и это важнее — отрицательно отразилось бы и на его защите. Последнее обстоятельство являлось критерием, предопределявшим содержание наших бесед на эту тему. Однажды я спросил у него, какая у него настоящая фамилия. Подумав, он сказал: «Это вам необходимо знать для защиты?» Я ответил, что нет. Он постучал ногой по полу и проговорил: «Тогда давайте поговорим о чем-либо, имеющем большее отношение к делу».

Он с самого начала видел двойственность положения, в котором я очутился, приняв поручение суда. Он прекрасно понимал, что, честно защищая его, используя при этом все свое умение и опыт, я выполняю свой гражданский и профессиональный долг. Однако он видел различие между сведениями, необходимыми для зашиты его законных прав, и иной информацией, не имеющей значения для его защиты в суде, но, вероятно, представляющей исключительную ценность для контрразведывательных служб США. Поэтому наряду с искренностью он проявлял и необходимую осторожность, да мы оба были и искренни, и вместе с тем осторожны.

Эти удивительные сложившиеся между нами отношения — юристом и клиентом — сослужили мне хорошую службу при написании книги о деле полковника Абеля. Моя профессиональная совесть никогда не перестала бы мучить меня, если бы я воспользовался тем, что Абель исчез теперь за «железным занавесом». Он знал, что я собираюсь написать эту книгу. Работать над ней я начал еще в 1960 году, вскоре после решения Верховного суда. Он даже сказал мне однажды, что, поскольку книга об этом деле, несомненно, будет написана, он предпочел бы, чтобы это сделал я, а не какой-нибудь «профессиональный писатель, который может несколько преувеличить или исказить факты, дабы повысить спрос на книгу».

Теперь, когда прошло уже достаточно много времени, я не хотел бы, чтобы его вера в меня не оправдалась. Этого можно было бы и не говорить, ведь мне не известно ничего, что можно было бы использовать против Абеля, независимо от того, где он сейчас находится. Сами факты, свидетельствующие о том, что советский разведчик, отказывающийся говорить, представляется американцам опасным, должны служить у него на родине

доказательством его преданности и патриотизма. Ведь Натан Хейл[2] был казнен англичанами, но он вызывал у них невольное уважение, и мы до сих пор свято чтим его память.

В тот день, когда я был назначен защитником Абеля, я решил начать вести дневник о ходе этого дела. Во-первых, во время рассмотрения такого сложного дела дневник может оказаться полезным: по нему можно время от времени делать обзор основных вопросов. Во-вторых, он может послужить мне некоторым утешением в том случае, если мой клиент все же не избегнет казни и меня станут обвинять, пусть даже необоснованно, в том, что я не сумел обеспечить ему необходимой защиты. И наконец, такой дневник будет содержать личные заметки по делу, которое мне казалось самым серьезным из тех, в каких я когда-либо принимал участие после Нюрнбергских процессов.

На основе именно письменных материалов: первоначального варианта дневника, получившегося из записей, сделанных во время работы над этим делом и потом дополненных письмами к Абелю и от него, а также от его «семьи», официальных протоколов судебных заседаний и, наконец, телеграфных сообщений в государственный департамент о моей миссии в Восточном Берлине — и была написана эта книга.

Почему я принял предложение выступить в качестве защитника? Что представляет собой Абель? Почему голоса членов Верховного суда разделились: пять «за», четыре «против», когда суд выносил решение, подтверждающее приговор? Какие чувства испытывает американец, направляющийся за «берлинскую стену» для проведения переговоров с Советами, не будучи наделен дипломатическим статусом и которому не гарантирована неприкосновенность? Отвечал ли обмен, происшедший на Глиникер-брюкке, национальным интересам США? Ответ на все эти и многие другие вопросы сам по себе вытекает из сохранившихся письменных материалов.

Сидя как-то в одиночестве поздним вечером 1957 года, я думал о своем повседневном общении с Абелем и записал в дневнике (сейчас мне эти слова кажутся немного напыщенными):

«Мы — два не похожих друг на друга человека, которых так близко свели судьба и американский закон… в результате получилось классическое дело, которое требует особенного к себе отношения».

1957 год

Понедельник, 19 августа

— Джим, ты слышал о русском шпионе, который недавно пойман ФБР? Ассоциация адвокатов полагает, что ты должен выступить его защитником. Что скажешь?

Это звонил из Нью-Йорка, из нашей юридической фирмы, Эд Гросс. По его тону я почувствовал: он думает, что сообщает мне неприятную новость.

Эд Гросс сказал, что Бруклинская ассоциация адвокатов решила, что я должен защищать шпиона — полковника Рудольфа Ивановича Абеля. Затем он добавил, что председателем отборочной комиссии был Линн Гудноу, мой сосед по Бруклину.

Я уже читал газетные отчеты о том, что Большое жюри[3]Бруклина почти две недели назад предъявило Абелю обвинительный акт. Газеты описывали Абеля в зловещих тонах — как «главного агента», руководившего в США всей советской шпионской сетью.

Примерно около полудня, еще не приняв своего решения, я позвонил Линну Гудноу в Бруклин. Он откровенно сказал, что комиссия обсуждала этот вопрос с рядом видных адвокатов, стремившихся сделать политическую карьеру, и они категорически отказались. Ведь эра Маккарти закончилась не так давно. Зная о моей деятельности во время войны в качестве юриста в Управлении стратегических служб, нашем собственном органе секретной разведки, а также о моей последующей частной практике в суде, комиссия пришла к выводу, что именно я подхожу на роль защитника полковника Абеля. Я ответил, что в последнее время не занимался уголовными делами в Федеральном суде и что по профессиональным соображениям хотел бы, чтобы мне в помощь назначили молодого работника, бывшего помощника прокурора. Гудноу с этим согласился и примерно час спустя снова позвонил мне и сообщил, что судья окружного суда Мэтью Т. Абруццо хочет видеть меня завтра в своем кабинете в 11 часов утра. Обвинительный акт Абелю был предъявлен в присутствии судьи Абруццо, и теперь он был ответствен за назначение защитника.

Днем я поехал в местечко Лейк-Плэсид и попросил Дейва Содена — в то время местного прокурора, а теперь члена Верховного суда в графстве Эссекс — оказать мне любезность: разрешить воспользоваться его библиотекой, содержащей большое собрание юридической литературы. Прочитав все законы, касающиеся шпионажа, я был поражен, узнав, что после

известного дела Розенбергов об «атомном шпионаже» конгресс вынес решение, что шпионаж «в интересах иностранной державы» даже в мирное время является преступлением, караемым смертной казнью. Было ясно: полковник по фамилии Абель попал в серьезную передрягу, и, возможно, последнюю в его жизни.

Мы с женой спокойно пообедали вдвоем, и в девять часов вечера я сел на Северный экспресс, идущий в Нью-Йорк. Это был поздний воскресный вечер, и поезд был почти пуст. Я сидел один в купе со стаканом шотландского виски в руках. Некоторое время я пытался сосредоточиться на чтении, но мои мысли все время возвращались к этому делу, казавшемуся мне интересным, каким бы оно ни было «непопулярным» и безнадежным. Там, в поезде, примерно в час ночи, я решил взять на себя защиту полковника Абеля.

Вторник, 20 августа

В то утро я пришел на встречу, назначенную мне судьей Абруццо в Федеральном суде Бруклина. Хотя Абруццо работал в судебных органах много лет, я никогда прежде с ним не встречался.

Я предупредил судью, что против моего назначения защитником могут быть возражения: я католик по вероисповеданию, раньше работал в Управлении стратегических служб и занимал руководящий пост в Американском легионе[4]. Но он от всего этого отмахнулся, сказав, что все это делает меня еще более подходящим для выполнения такой задачи.

Судья передал мне копию обвинительного акта и весьма официальным тоном объявил, что назначает меня защитником. Я спокойно ответил, что я согласен (хотя, пожалуй, нужды в таком заявлении уже не было).

Судья сказал, что обвиняемый рассматривается нашей администрацией как самый важный советский агент, когда-либо задержанный в США, и что процесс, несомненно, получит международную огласку и, безусловно, поэтому почти двадцать адвокатов звонили ему или приходили лично с просьбой назначить их защитниками.

— Однако, — сухо добавил судья, — я не был вполне удовлетворен либо их профессиональной квалификацией, либо мотивами, которыми они руководствовались.

Судья сообщил мне, что у Абеля в момент ареста обнаружено 22 886 долларов и 22 цента наличными и банковскими депозитами. Он также сказал, что, хотя я должен обсудить вопрос о гонораре с моим новым клиентом, суд утвердит гонорар в сумме не менее десяти тысяч долларов, не считая текущих

расходов, которые также должны быть возмещены. Я ответил, что меня устраивает такой гонорар, но заранее решил передать его на благотворительные цели. Он заявил, что это мое личное дело, но вид у него при этом был несколько удивленный.

На половину третьего была назначена встреча с представителями прессы в моей конторе в деловом квартале Манхэттена. Я начал пресс-конференцию с заявления о том, что согласился взять на себя эго поручение, рассматривая его как свой общественный долг. Я подчеркнул, что национальные интересы страны требуют справедливого — в отношении Абеля — судебного разбирательства, и сказал, что необходимо отличать предателей из числа американцев от иностранных агентов, служащих своим правительствам. — Если то, что содержится в заявлении администрации, верно, это означает, что мы имеем дело не с американцами, предавшими свою страну, а с гражданином СССР, якобы военным по положению, который служил своей стране, выполняя исключительно опасную миссию. Я как американец хотел бы надеяться, что руководство США также располагает людьми такого же ранга, выполняющими подобные задания во многих странах мира.

Работа, выполняемая тайным агентом, всегда опасна и неблагодарна, поскольку он знает, что в случае разоблачения правительство тут же откажется от него. Тем не менее в США есть много памятников Натану Хейлу.

Кто-то спросил:

— Как вы относитесь к полученному заданию?

Я на мгновение задумался и чистосердечно ответил:

— Не могу сказать, что доволен. Однако ценю честь, которая мне оказана Ассоциацией адвокатов, избравшей мою кандидатуру.

Говоря это, я думал о том, что мне сказал член Верховного суда штата Нью-Йорк, судья Майлс Макдональд, который позвонил мне незадолго до конференции, чтобы пожелать удачи. Он сказал: «Надеюсь, вы понимаете, что вам предстоит. С тех пор как Джон Адамс защищал английских солдат в связи с бостонской резней в 1774 году, ни один защитник не имел менее «популярного» клиента».

Среда, 21 августа

Я был представлен полковнику Абелю в помещении для лиц, содержащихся под арестом. Мы обменялись быстрым рукопожатием и пошли по коридору мимо работающих телевизионных камер в маленькую комнату для арестованных, которую я просил судебного распорядителя выделить для нашей

первой встречи. У дверей этой комнаты стоял целый отряд помощников распорядителя. Двери за нами закрылись. Помощники распорядителя остались снаружи, и мы оказались одни, лицом к лицу — нас разделял лишь стол.

— Вот мои рекомендации, — сказал я, передавая ему экземпляр подробного сообщения для печати, подготовленного Ассоциацией адвокатов. В нем объявлялось о выборе моей кандидатуры. — Мне хотелось бы, чтобы вы внимательно прочитали это и обдумали, нет ли здесь чего-либо такого, что, по вашему мнению, могло бы помешать мне выступить в качестве вашего защитника.

Он вооружился очками без оправы и стал внимательно читать. Я, наблюдая за ним, вспомнил, как его описывали газеты и журналы: «Заурядного вида невысокий человек… благородное лицо с острыми чертами… длинный нос и блестящие глаза, делающие его похожим на любопытную птицу». Мне, однако, показалось, что он больше походил на школьного учителя. Абель был худощав, но казался жилистым и крепким. Когда мы здоровались, он крепко стиснул мою руку.

Закончив чтение, он поднял глаза и проговорил:

— Я согласен, чтобы вы были моим адвокатом. Он сказал это на безукоризненном английском языке с акцентом, характерным для англичанина из высших классов, прожившего несколько лет в Бруклине.

Я уведомил его, что согласен на любой гонорар, который суд сочтет достаточным, но употреблю его на благотворительные цели. Он заметил, что это мое «личное дело», и добавил, что уже упоминавшийся гонорар в размере десяти тысяч долларов будет справедливым, пояснив, что юрист, посетивший его в тюрьме, просил за ведение процесса четырнадцать тысяч долларов. Но он отверг услуги этого человека, потому что ему «недоставало профессионального достоинства», кроме того, у него был крайне неряшливый вид и даже грязь под ногтями.

Он, видимо, благородного происхождения, подумал я.

Покончив с формальностями, мы уселись, и он спросил меня, что я думаю о его положении. С кривой усмешкой он сказал:

— Думаю, они поймали меня без штанов.

Я рассмеялся. Его слова казались тем более забавными, что, когда агенты ФБР ворвались в его номер в гостинице ранним июньским утром, Абель спал нагишом. Агенты, производившие арест, обнаружили целый набор шпионских принадлежностей в его номере в манхэттенском отеле и в его студии в Бруклине. Там были коротковолновый радиоприемник с расписанием приема передач, болты, запонки, зажимы для галстуков и другие

предметы с высверленными в них отверстиями, служившие «контейнерами», блокнот с кодами, зашифрованные тексты, приспособление для изготовления микроточек, географические карты США с отмеченными на них основными районами обороны. (Администрация утверждала, что она располагает, кроме того, и исчерпывающим признанием по крайней мере одного из помощников Абеля.)

— Пожалуй, я согласен с вами, полковник, — отозвался я и добавил, что, судя по газетным сообщениям, которые я читал, а также на основании беглого просмотра официального досье по делу, находящегося у секретаря суда, можно сделать вывод, что доказательств его шпионской деятельности имеется вполне достаточно. — Скажу вам откровенно: учитывая новое положение о введении смертной казни за шпионаж, а также нынешнее состояние «холодной войны» между вашей страной и моей, только чудо поможет мне спасти вашу жизнь.

На мгновение он опустил голову. Я, желая прервать затянувшуюся тягостную паузу, начал говорить о том, что надеюсь создать более благоприятную обстановку для процесса. В этой связи, сказал я, важно посмотреть, какова будет реакция на мою первую пресс-конференцию. Он невесело размышлял вслух о том, можно ли вообще рассчитывать на объективное судебное разбирательство в условиях, когда, по его словам, атмосфера в стране «все еще отравлена недавним маккартизмом». По его мнению, добавил он, министерство юстиции, ведя «пропаганду» его виновности и представляя его «главным шпионом», уже тем самым осудило его.

— Ведь судьи и присяжные читают все это, — сказал он.

Я ответил, что он должен верить в приверженность Америки идеалам справедливости.

У меня не было никаких сомнений: Абель является именно тем, кем его считает администрация США, и он решил, что бесполезно отстаивать другую версию. Во время рассмотрения дела в Техасе, где он содержался в лагере для иностранцев, прежде чем ему было предъявлено обвинение, он показал под присягой, что является гражданином СССР и просил выслать его в Советский Союз. В Техасе он показал, что в течение девяти лет жил в США, в основном в Нью-Йорке, незаконно и по крайней мере под тремя вымышленными фамилиями.

Когда я упомянул о Техасе, он сказал, что в то время, когда он там находился, ФБР предлагало ему свободу и работу в спецслужбах США с окладом десять тысяч долларов в год, если он согласится на «сотрудничество».

— Они всех нас считают продажными тварями, которых

можно купить, — проговорил он.

Эта фраза невольно заставила его вспомнить об основном свидетеле обвинения, предавшем его бывшем помощнике Хэйханене.

— Он тварь, — с горечью констатировал Абель. — Не могу понять, как человек ради спасения собственной шкуры мог предать свою страну и обесчестить свою семью.

Затем он заявил, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на сотрудничество с правительством США и не сделает для своего спасения ничего такого, что может нанести ущерб его стране. Я заметил, что если он будет осужден, то я буду настаивать на том, чтобы во имя национальных интересов Америки ему была сохранена жизнь, поскольку после нескольких лет в тюрьме он, возможно, изменит свое решение.

Я также сказал, что мы будем стремиться сохранить его жизнь еще и потому, что политическая обстановка может измениться и во взаимоотношениях между СССР и США может наступить благоприятное для него улучшение. Кроме того, ведь русские также могут задержать равного ему по значению американского агента, и тогда появится возможность устроить обмен или может произойти что-либо другое. Я имел в виду, что члены его семьи могут умереть, и тогда исчезнет одна из причин, заставляющая его молчать.

— Не собираюсь оказывать на вас давление в связи с этим вопросом, — сказал я, — но, как американец, надеюсь, что ваше решение относительно сотрудничества изменится. Мы не станем пока больше говорить об этом, если вы только сами не захотите вернуться к этой теме.

Я полагал, что это все, что я мог сделать.

— Благодарю вас, — сказал он, — я понимаю, что вы в связи с принятием на себя обязанностей моего защитника должны испытывать по отношению ко мне противоречивые чувства.

Потом мы беседовали о его прошлом. Я перестал направлять разговор, мне казалось, что ему хочется выговориться; я считал, что важно с первой же нашей встречи добиться взаимопонимания. Он рассказал, что происходит из известной в дореволюционной России семьи, и снова заговорил о своих патриотических чувствах и преданности по отношению к «матушке России». Я сказал, что во время пресс-конференции старался отдать должное его происхождению и провести грань между его делом и делами «предателей, являвшихся коренными американцами». Он считал, что это очень важно, и поблагодарил меня.

Я предупредил его, что, возможно, большое значение будет иметь установление его военного статуса: тогда при ведении его

дела можно будет использовать договоренности, закрепленные в международных соглашениях. Он подтвердил, что на родине действительно носил военную форму. Однако, если в этом нет необходимости, предпочел бы, чтобы его не называли полковником, поскольку это может причинить ущерб его стране. Я спросил, как мне лучше называть его во время наших разговоров. Он улыбнулся.

— Почему бы вам не называть меня Рудольфом? Это имя не хуже других, мистер Донован.

В процессе нашего общения нельзя было не заметить (как мне ранее и сказал судья Абруццо), что Абель — культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он свободно говорил по-английски и метко употреблял американские идиоматические выражения («твари, поймали меня без штанов»), знал еще пять языков, имел специальность инженера-электронщика, обладал обширными знаниями в области химии и ядерной физики, был одаренным музыкантом и художником, а также математиком.

Абель говорил со мной прямо и откровенно, и у меня сложилось впечатление, что он чувствовал себя со мной так свободно потому, что я в прошлом работал в Управлении стратегических служб. Он, наконец, нашел человека, с которым мог «поболтать», не беспокоясь о том, что его подслушивают. Во всяком случае, Рудольф — интеллигентный человек и джентльмен, обладающий чувством юмора. В процессе общения у нас невольно возникла взаимная симпатия, и у меня появился интерес к нему как к личности. Как человека его просто нельзя было не любить.

Не я один подпал под его обаяние. Он с некоторой гордостью рассказал мне, что в федеральной тюрьме другие заключенные также относились к нему по-дружески и с уважением.

— Они называли меня полковником, — сказал он. — Они не только понимали всю сложность моего положения, но и считались с тем, что я служил своей Родине. Кроме того, они всегда с уважением относятся к человеку, который, несмотря ни на что. не становится предателем.

Я заверил его, что как защитник приложу все силы и постараюсь добиться, чтобы на всех стадиях процесса была обеспечена надлежащая законная процедура. Затем я добавил, что, по моему убеждению, в интересах правосудия, адвокатуры и его самого необходимо, чтобы вся защита проводилась при самом строгом соблюдении правил этикета.

Абель полностью согласился с таким подходом. Он спокойно проговорил:

— Я не хочу, чтобы вы делали что-нибудь такое, что может умалить достоинство человека, честно служащего великой стране.

«Вот это парень!» — подумал я.

Я спросил, есть ли у него какая-либо просьба и не могу ли я что-нибудь сделать для него. Он ответил, что в его студии на Фултон-стрит находятся все написанные им картины.

— Они представляют для меня большую ценность — это часть моей жизни здесь, — сказал он. — Я боюсь, что какие-нибудь негодяи могут ворваться в студию и растащить картины. чтобы использовать их в пропагандистских целях.

Я заверил его, что позабочусь о его картинах и в случае необходимости буду хранить их где-нибудь у себя дома.

— Но все-таки, может быть, вы что-нибудь хотите получить сейчас? — спросил я.

— О да, — сказал он, — я хотел бы получить свободу.

Говоря это, он улыбнулся, а затем уже серьезно попросил присылать ему газеты, «за исключением желтой прессы».

Мы обменялись рукопожатием во второй раз. Мне предстояла встреча с репортерами. Мы беседовали с ним почти три часа.

Вечером, когда все мои улеглись спать и стало тихо, я долго сидел у себя в кабинете. Просмотрел с два десятка юридических книжек. Проанализировал дела о шпионаже, разбиравшиеся здесь и в Европе. Параграф за параграфом разобрал обвинительный акт. Он занимал двенадцать страниц крупного формата. Человеку, в одиночку берущемуся за защиту, он мог показаться очень внушительным документом. Акт состоял из трех пунктов, вменявших Абелю в вину следующее: 1) заговор с целью передачи Советской России атомной и военной информации (максимальное наказание — смертная казнь); 2) заговор с целью сбора такой информации (максимальное наказание — десять лет тюремного заключения); 3) заговор с целью пребывания на территории Соединенных Штатов Америки в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте (максимальное наказание — пять лет тюремного заключения).

Текст обвинительного акта, особенно те места, где говорилось о «явных действиях»[5], читался как увлекательный детектив или киносценарий. В сценарии место действия вполне могло быть перенесено из Бруклина в Вену или Лиссабон. Вот некоторые выдержки из обвинительного акта, утвержденного Большим жюри:

«Начиная с 1948 года или примерно с этого года… Рудольф Иванович Абель, известный также как Марк (псевдоним), и как Мартин Коллинз, и Эмиль Р. Голдфус, в нарушение закона преднамеренно и по своей воле вошел в сговор с Рейно

Хэйханеном, известным также под именем Вик… и с другими лицами, не известными Большому жюри… с целью передачи сообщения и пересылки… Союзу Советских Социалистических Республик… документов, текстов, фотографий, негативов, фотоснимков, планов, карт, моделей, заметок, инструментов, приспособлений и информации, касающейся национальной обороны Соединенных Штатов Америки, и особенно информации, касающейся вооружения, оснащения и дислокации вооруженных сил Соединенных Штатов, а также информации, касающейся американской программы в области атомной энергии…

Составной частью указанного заговора являлось то, что обвиняемый… вербовал или пытался завербовать в качестве агентов некоторых служащих вооруженных сил на территории Соединенных Штатов Америки, которые располагали возможностью предоставлять информацию, касающуюся национальной обороны…

…Обвиняемый использовал коротковолновую радиостанцию, чтобы получать инструкции… от Союза Советских Социалистических Республик и чтобы передавать информацию правительству этого государства.

…Обвиняемый изготовлял «контейнеры» из болтов, гвоздей, монет, электрических батарей, карандашей, запонок, серег и так далее… пригодных для хранения секретных микрофильмов и микроточек и других секретных сообщений.

…Обвиняемый и его сообщники поддерживали связь друг с другом, помещая сообщения в указанные «контейнеры» и оставляя их… в заранее подобранных «тайниках» в Проспект-парке в Бруклине и в Форт-Трайон-парке (Нью-Йорк), а также в других местах…»

В обвинительном акте далее говорилось:

«Составной частью указанного заговора являлось также то, что… обвиняемый получал от Советского правительства… крупные суммы денег для осуществления своей незаконной Деятельности… Часть этих денег откладывалась для использования в будущем.

…Обвиняемый и некоторые определенные лица из его соучастников в случае войны между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик должны были бы создать тайные принимающие и передающие радиостанции для того, чтобы продолжать передачу… информации, касающейся национальной обороны США, а также должны были бы совершать акты саботажа против США».

В обвинительном акте перечислялось девятнадцать «явных действий», которые дополняли обвинение необходимыми

деталями, подкрепляли обвинения в заговоре и соединяли действия всех его участников воедино. Прочитав перечень этих девятнадцати «явных действий», можно было проследить нити заговора от Кремля до США, увидеть, как основные его участники организовывали секретные встречи, пользовались тайниками и забрасывали сети в поисках информации и новых агентов. Перечень «явных действий» характеризовал также взаимоотношения Абеля с Хэйханеном. Там говорилось следующее: Абель проник в США из «неизвестного пункта» в Канаде 5 ноября 1948 г. В 1952 году в Соединенные Штаты прибыл подполковник Хэйханен, но он встретился с Абелем в первый раз лишь одиннадцать месяцев спустя.

К тому времени Абель уже устроился в своей студии на верхнем этаже дома № 252 по Фултон-стрит (Бруклин), около Бруклинского моста. Как впоследствии отмечало обвинение, советский резидент поступил «исключительно дерзко»: он устроился как раз напротив здания Федерального суда — штаб-квартиры всех органов, обеспечивающих соблюдение законности в Бруклине и Лонг-Айленде. За окнами своей студии он протянул антенну, чтобы можно было лучше принимать передачи на коротких волнах.

Шпионский центр Абеля находился по соседству также и с местным полицейским участком. Студия была для него прекрасным «прикрытием», поскольку она находилась в бедном районе Бруклин-Хайтс, где вот уже столетие художники, писатели и поэты вели тихую, замкнутую жизнь. Итак, 17 декабря 1953 г. Эмиль Р. Голдфус, он же Рудольф И. Абель, он же Марк, вселился в мрачноватую однокомнатную «студию», за которую платил тридцать пять долларов в месяц.

Летом 1953 года Абель впервые встретился с Хэйханеном (Виком) в мужской курительной комнате в театре в Нью-Йорке. В соответствии с инструкцией на Хэйханене был голубой галстук в красную полоску и он курил трубку.

— Можете не говорить пароль, — сказал Абель, — я знаю: вы тот человек, которого я жду. Пойдемте.

В течение последующих двух с половиной лет Марк и Вик периодически встречались. Во время одной из встреч Абель передал Хэйханену коротковолновый приемник. В следующий раз он передал ему для расшифровки зашифрованное сообщение, в третий раз он принес ему двести долларов и поддельное свидетельство о рождении. Дважды Абель отправлял Хэйханена по заданию — в Салиду (штат Колорадо) и в Куинси (штат Массачусетс). Вместе они совершали поездки в Нью-Хайд-парк (Лонг-Айленд), в Атлантик-Сити (Нью-Джерси) и Поукипси (штат

Нью-Йорк). В обвинительном акте говорилось, что в Поукипси они ездили с тем, чтобы найти подходящее место для работы на коротковолновом передатчике (Хэйханен впоследствии жаловался, что Абель считал его ниже себя в интеллектуальном смысле и относился к нему снисходительно, «как к шоферу»).

Хотя Абель был арестован в номере отеля в Манхэттене, обвинение было ему предъявлено в Бруклине и перед судом он предстанет также в Бруклине, где находилась его оперативная штаб-квартира. Поэтому обвинительный акт был подписан прокурором Леонардом П. Муром (Бруклин и Лонг-Айленд) и Уильямом Ф. Томпкинсом, помощником генерального прокурора, ведающим отделом внутренней безопасности министерства юстиции. Томпкинс приехал из Вашингтона, чтобы руководить заключительной стадией расследования, проводившегося Большим жюри, и останется здесь. Он будет выступать на процессе обвинителем.

Было уже два часа утра, когда я отложил в сторону обвинительный акт. С момента моей утренней встречи с Абелем прошел длинный и утомительный день.

Четверг, 22 августа

Я пригласил на ланч прокурора Мура (в настоящее время он судья окружного апелляционного суда второй инстанции) и помощника генерального прокурора Томпкинса (в то время он работал в Вашингтоне в окружном суде, в настоящее время занимается частной практикой в штате Нью-Джерси). Было уже три часа, когда мы закончили нашу беседу.

— Хотя защита, конечно, должна представлять свои позиции в наилучшем свете, — начал я, — могу заверить вас: на процессе не будет споров из-за пустяков.

Я сообщил им, что Абель по своим собственным соображениям согласился с идеей защиты с достоинством.

Я отметил также, что в таком сложном деле одному адвокату защиты трудно соревноваться с безграничными возможностями федерального правительства. Я только приступил к изучению дела и уже с горечью ощущаю, что мне приходится противостоять министерству юстиции и целой армии сотрудников ФБР. Кроме того, с меня не спускают глаз Нью-Йоркская ассоциация адвокатов и пресса.

Я с надеждой упомянул о процедуре, применявшейся на Нюрнбергских процессах, в соответствии с которой защите предоставлялась возможность до начала заседания суда познакомиться с собранными доказательствами. Обвинение не могло предъявлять на суде какие-либо доказательства, ранее не

представленные для ознакомления защите. Например, вечером накануне того дня, когда я представил в Нюрнберге в качестве доказательств кинофильмы о нацистских концентрационных лагерях, мы должны были неофициально продемонстрировать эти фильмы всем представителям защиты.

Это правило было позаимствовано из европейской судебной процедуры, и мы согласились применить его в Нюрнберге, поскольку стремились, чтобы во всем мире, и особенно в Германии, признали, что международные военные трибуналы обеспечивают справедливое рассмотрение дел.

— Полагаю, — заметил Мур, — что столь общее ознакомление до суда с доказательствами явилось бы неудачным прецедентом в сфере уголовного судопроизводства в нашей стране.

— Пожалуй, если говорить об обычных делах, — сказал я. — Однако в деле Абеля, как было и в Нюрнберге, затрагиваются международные интересы. Мы хотим, чтобы все страны признали, что американские суды обеспечивают самое справедливое правосудие. В частности, применяемые нами процессуальные нормы должны казаться рядовым европейцам справедливыми.

В принципе мы пришли к согласию, однако мои собеседники недвусмысленно дали понять, что предоставят в мое распоряжение только то, что должны предоставить в соответствии с федеральными правилами уголовного процесса, и ничего больше.

Затем Томпкинс заявил:

— Процесс будет достаточно простым. Он будет проводиться просто и прямолинейно — не потребуется предъявлять записей подслушанных телефонных разговоров или каких-либо других подобных улик. Обвинение не станет прибегать к методам, из-за которых Верховный суд отменил приговоры по другим делам о шпионаже.

Когда я спросил, будет ли обвинение требовать смертной казни, он ответил, что официальный порядок в настоящее время заключается в том, чтобы просто сообщить суду имеющиеся факты и не давать рекомендаций о мере наказания.

— Лично я, — добавил Томпкинс, — не считаю, что обвинение должно требовать смертного приговора, однако положение может внезапно измениться.

Разговор получился приятный и, как мне казалось, полезный для всех. В принципе мы и в дальнейшем постоянно достигали единства мнений.

А пока что процесс нависал, как штормовое облако на горизонте. Он был назначен на 16 сентября, то есть до его начала

оставалось меньше месяца.

Пятница, 23 августа

В девять часов утра я встретился с прокурором Муром, чтобы обсудить вопрос о том, что делать с имуществом Абеля, которое не используется в качестве вещественных доказательств — с массой различных инструментов, книг и картин, которые Абель так хотел сохранить.

Мы с прокурором договорились, что вещи Абеля будут помещены в государственный склад с правом доступа к ним как обвинению, так и защите. 29 июня два сотрудника ФБР произвели обыск в студии Абеля и унесли двести два предмета. Они вновь вернулись туда 16 августа и забрали еще сто двадцать шесть предметов из кладовой, находящейся в коридоре рядом со студией. Эти предметы были упакованы в двадцать картонных и деревянных ящиков.

Вот что, в частности, было найдено ФБР (эти предметы отражают ту двойную жизнь, которую мой клиент вел в Соединенных Штатах): электрический генератор мощностью в треть лошадиной силы; коротковолновый приемник «Холликрафтер» с наушниками; фотокамера «Спидтрафик» и большой набор фотооборудования и материалов; металлические винторезные головки и инструменты; многочисленные кассеты и обертка от фотопленки; напечатанные на машинке заметки на тему «Нельзя смешивать искусство с политикой»; карта парка Бэр-Маунтин-Гарриман, который является частью парка Полисейдс, и планы расположения улиц Куинси, Бруклина, Уэст-Честера и Патнама (штат Нью-Йорк), планы других городов — Чикаго, Балтимора, Лос-Анджелеса; гвозди, обрывки фотопленок, запонки-«контейнеры» и всякие другие мелочи, упакованные в тринадцать коробок «Сакретс», расписание прибытия и отправления международной почты; блокнот с записями математических формул, ноты, магнитофон и пленки с записями; альбом с эскизами, научные журналы и технические брошюры, банковская книжка; написанная масляными красками картина, изображающая нефтеочистительный завод; коробочка с профилактическими средствами и шестьдесят четыре кисти.

В половине третьего дня я первый раз посетил Абеля в камере предварительного заключения федеральной тюрьмы, занимающей не очень-то импозантное, но вполне отвечающее своему назначению здание на Уэст-стрит в Манхэттене. Я прошел через управляемые электрическими приборами тюремные двери и расписался в журнале (лишь один заключенный пытался совершить отсюда побег — и то неудачно).

Во время этой второй встречи казалось, что Абель чувствует себя свободно в обществе адвоката, назначенного ему судом.

Когда он сел, я сказал:

— Не хочу порождать ложных надежд, но полагаю, что начало было положительным.

Затем я сообщил ему о содержании полученных мною писем, о телефонных звонках и о том, что пресса, освещая мое первое интервью, отреагировала позитивно.

— Я убежден, Рудольф, что вам принесет пользу такая присущая американцам черта, как стремление действовать по справедливости. Ведь каждый американец хочет, чтобы дело любого человека, независимо от того, кого он представляет, было рассмотрено объективно.

Он ответил:

— Я знаю. Я ведь прожил в Америке долгое время. Но меня беспокоит «желтая пресса».

Затем я заговорил о тех шагах, которые предпринимаю в настоящее время, и сказал, что в соответствии с нашей договоренностью о защите с достоинством я не хотел бы, чтобы он появлялся в суде или чтобы его фотографировали до тех пор, пока он не будет выглядеть наилучшим образом. Это означало, что ему необходима новая одежда. Я записал его размеры и сказал, что куплю ему весь комплект одежды — от ботинок до шляпы.

— Какой костюм вы хотели бы? — спросил я.

— Представляю это на ваше усмотрение, — ответил он и затем, улыбаясь, добавил: — Может быть, мне следует выглядеть, словно я юрист с Уолл-стрит? Пожалуй, купите мне серый фланелевый костюм с жилетом.

Мы оба рассмеялись, однако я и в самом деле полагал, что его костюм должен быть примерно таким.

Далее мы занялись обсуждением перечня вопросов, который передали мне репортеры. Мы договорились с Абелем, как следует отвечать на эти вопросы.

Я рассказал Абелю, что думаю сдать все его вещи, включая и картины, на склад. Он подписал документ, уполномочивающий меня обращаться с его вещами по моему усмотрению. Он оказался настолько проницательным, что спросил меня, следует ли ему подписывать этот документ именем Эмиль Р. Голдфус, под которым он снимал свою бруклинскую студию.

— Может быть, — сказал он, — мне лучше придерживаться формулировок обвинительного акта и написать «известный также как Марк и Рудольф И. Абель»?

— Не стоит этого делать, — ответил я. Я обсуждал уже этот

вопрос с прокурором Муром, и мы решили, что, поскольку, арендуя студию, Абель подписывался как Эмиль Голдфус, проще будет, если он и впредь будет подписываться так же.

Затем я задал ему вопрос, не хочет ли он, чтобы я связался с советским посольством в Вашингтоне в надежде получить официальное заявление о его статусе, а может быть, и требование о признании неприкосновенности его личности. Пока что позицию посольства можно было выразить фразой: «Нас это дело не интересует». Я сказал Абелю, что, по моему мнению, нам не следует предпринимать такой попытки, во всяком случае, я не вступлю в контакт с советским посольством До тех пор, пока не проконсультируюсь с соответствующими Должностными лицами США. Я заверил Абеля, что стараюсь действовать осторожно, с тем чтобы избежать ситуации, чреватой конфликтом между моим долгом адвоката по отношению к нему и моим долгом американского гражданина. Я пояснил, что подобная ситуация может обернуться и против самой защиты. Работники советского посольства, узнав о моем прошлом из газет, вероятно, рассматривают меня как «подставное лицо» ФБР и наверняка сочтут мои попытки установить с ними контакт по этому вопросу частью «заговора» США, направленного на то, чтобы поставить СССР в затруднительное положение.

— По-моему, Рудольф, ваша страна уже списала вас со счетов как разведчика, — сказал я, — и вы должны полагаться только на себя.

— Я не согласен с вами, — резко возразил он, — меня не «списали со счетов». Безусловно, они не могут проявлять явную заинтересованность в этом деле. Таково традиционное правило моей работы, и я должен принимать это как должное. Однако меня не «списали», и мне неприятно, что вы так говорите.

Это было самым серьезным разногласием между нами. Тем не менее Абель сказал, что он пришел к точно такому же выводу относительно возможности установления мною контактов с советскими представителями в США. Я выразил предположение, что смогу добиться почти таких же юридических результатов, заявив в подходящий момент, что обвинение считает Абеля полковником советской разведки и что, хотя мой клиент не сделал подобного признания, защита в интересах дела готова признать это утверждение обвинения за истину. Коль скоро этот шаг не будет содействовать успеху ходатайства о прекращении дела по причине неприкосновенности личности обвиняемого, мы все же, вероятно, рискнем сделать его, если присяжные признают Абеля виновным. Мы пойдем на это только в том случае, если это будет в интересах Абеля в момент вынесения приговора или

обжалования.

Мне показалось, что мои соображения он считает приемлемыми. На этом мы расстались. Наша беседа продолжалась два часа.

Из мрачного здания федеральной тюрьмы я отправился через мост в бруклинскую студию Абеля. Там царил беспорядок. Репортеры и фотокорреспонденты впервые увидели убежище Абеля, которое со дня его ареста находилось под замком и охранялось.

Суббота-воскресенье, 24–25 августа

Два этих дня я посвятил делу Абеля и вместе с тем нашел время, чтобы заняться делами нескольких менее известных, но все же преуспевающих моих клиентов из числа бизнесменов. Кое-кто в нашей юридической фирме считал, что мы потеряем многих консервативно настроенных клиентов из-за того, что я защищаю русского шпиона. Я не разделял подобных прогнозов и не скрывал этого. Однако по крайней мере один из партнеров фирмы предупредил о своем возможном выходе из дела. Почта принесла хорошие известия. Мы получили несколько редакционных статей из иногородних газет, в которых положение полковника сравнивалось с положением солдата, выполняющего опасное задание и служащего своей стране. Одна статья (из сан-францисской «Кроникл»), присланная мне моим старым другом Ролло Феем, положительно отзывалась о назначении меня защитником. «Кроникл» писала:

«Донован будет выполнять эти обязанности (защищать Абеля) как свой «общественный долг». Такая оценка, учитывая характер преступлений, в которых обвиняется подсудимый, на первый взгляд может показаться нелепой натяжкой. Однако, если разобраться, она полностью соответствует свято чтимому американцами принципу, провозглашающему, что любой преступник, не исключая и коммунистических шпионов, имеет право на самое справедливое публичное разбирательство в суде».

В редакционной статье приводились мои высказывания на пресс-конференции относительно Натана Хейла, а также о том, что я надеюсь, что руководство США также располагает людьми такого же ранга, выполняющими подобные задания. Статья заканчивалась следующим выводом:

«Конечно, Донован не имеет шансов выиграть это дело. Несомненно, он знает это так же, как и полковник Абель. Однако выступление такого юриста по такому делу определенно будет способствовать росту престижа американского правосудия во всем мире. В то же время холодная реальность умерит неприязнь

американцев к не очень привлекательной, но необходимой профессии разведчика».

Наиболее нервные из моих партнеров тут же начали рассылать фотокопии редакционной статьи из «Кроникл» всем важным клиентам нашей фирмы.

Вторник, 27 ***августа***

Когда мы встретились с Абелем днем для того, чтобы рассмотреть состояние дел на данный момент, а также планы на будущее, у него было хорошее настроение. Он сказал — и это была не просто шутка, — что не один я проявляю интерес к его защите, пояснив, что, несмотря на то что находится в одиночной камере в условиях «режима максимальной безопасности», ему все же удалось получить советы юридического характера от других заключенных. Заключенные передали ему даже точные выдержки из других дел, которые могли служить прецедентом. Он показал мне «записку по делу», тайком переданную в его камеру. Она была составлена очень тщательно. Судя по цитатам и юридическим положениям, приведенным в записке, ее авторы имели большой опыт (несомненно, личный) в области уголовных дел. Они изъявляли готовность предоставить Абелю бесплатную консультацию «тюремного юриста». Хотя большинство заключенных были настроены весьма патриотично и раньше весьма недружелюбно относились к американским коммунистам, находящимся в тюрьме, полковник явно завоевал симпатии обитателей тюрьмы.

Рудольф рассказал, что заключенные внимательно следят за делом по нью-йоркским газетам, а один из них даже готовит настоящую «записку по делу» о слабых местах в обвинительном акте. Я сказал Абелю, что с удовольствием познакомился бы с этой «запиской».

Среда, 28 августа

Рано утром я отправился на Уолл-стрит, в контору юридической фирмы «Дьюи, Баллантай, Башби, Палмер и Вуд», где встретился с одним из старших партнеров фирмы — Уилки Башби. Это была крупная фирма. В ее штате насчитывались несколько бывших помощников прокурора, которые значились в списке, полученном мной несколько дней назад. Я объяснил Башби, что мне безотлагательно требуется квалифицированная помощь. Терпеливо выслушав меня, он сказал, что моя просьба будет рассмотрена на совещании, в котором примут участие все присутствующие в данный момент в конторе старшие партнеры фирмы. В три часа он позвонил мне и сообщил ответ.

«В интересах адвокатуры, — сказал он, — мы решили предоставить в ваше распоряжение на время всего процесса нашего молодого сотрудника Арнольда Фрсймена. Фреймен будет по-прежнему получать от нас вознаграждение, и мы не потребуем платы за его услуги вам».

«Это решение, — добавил Башби, — бьшо принято на совещании, в котором участвовал бывший губернатор штата Нью-Йорк и кандидат в президенты Томас Е. Дьюи». Я выразил ему благодарность, а также сказал, что ценю высокое чувство профессиональной ответственности, проявленное фирмой.

Фреймену тридцать два года. Он окончил Колумбийскую юридическую школу и проработал три семестра в прокуратуре Южного округа Нью-Йорка. Мы незамедлительно встретились с ним, и в пять часов дня я представил его комиссии, назначенной Бруклинской ассоциацией адвокатов для подбора защитника по делу Абеля. Фреймен — молодой энергичный человек. Именно такой и требуется защите.

Пятница, 30 августа

В одиннадцать часов утра Фреймен и я встретились с Абелем в Бруклине. Мы беседовали в одном из свободных залов заседаний суда. Я представил Фреймена Абелю и кратко рассказал о его послужном списке. Абель согласился с его кандидатурой без возражений.

Я предложил подвергнуть дело детальному разбору, в том числе выслушать то, что Рудольф может рассказать о человеке, предавшем его, — Хэйханене. Мне не терпелось встретиться с Хэйханеном и, если представится возможность, задать ему несколько вопросов и получить от него до суда показания под присягой. Прежде, однако, мне необходимо было узнать о его прошлом. Затем нам предстояло установить местонахождение Хэйханена или найти людей, знавших его. Газеты писали, что он «надежно спрятан работниками американской службы безопасности». Казалось, Абель хочет, даже жаждет поговорить о человеке, положившем конец его деятельности, из-за которого он попал в тюрьму и ему грозит смертный приговор.

Абель сказал, что Хэйханен жил в Соединенных Штатах под именем Юджин Никола Маки, и назвал его «мерзким типом». Он участвовал в нескольких дебошах, из-за чего привлек к себе внимание полиции. В довершение всего прошлой осенью в Ньюарке (штат Нью-Джерси) он попал в автомобильную аварию и еле выдержал проверку на наличие алкоголя в крови. Я пришел к выводу, что частично эти сведения были получены от Хэйханена, частично из других источников.

С презрительной миной Абель добавил, что, живя в США, Хэйханен уделял повышенное внимание молодой блондинке-скандинавке, которая, как вынужден был признать Абель, была «довольно привлекательна». В России же у Хэйханена остались жена и маленький сын, к которым, как Хэйханен говорил Абелю, он был «привязан».

Абель пожаловался, что Хэйханен редко бывал в Нью-Йорке и его знание английского языка оставляло желать лучшего из-за того, что он вел замкнутый образ жизни.

Абель рассказал, что в декабре 1956 года Хэйханен, или Маки, сообщил ему, что за ним, кажется, ведется слежка. При этом он заметно волновался. Однако во время следующей встречи с Абелем в начале 1957 года он выглядел спокойным и уверенным в себе. Только теперь, после ареста, Абель понял, что, вероятнее всего, в декабре Хэйханен был схвачен сотрудниками ФБР и после этого он встречался с Абелем уже под контролем агентов ФБР.

Я хотел получить от Абеля подробный рассказ о его аресте в форме официального документа. Газеты сообщали лишь отрывочные данные, обнародованные обвинением: что он был задержан в нью-йоркском отеле как иностранец, незаконно проживающий в стране, и направлен в лагерь для интернированных в Техасе, а на основе полученной впоследствии информации ему в Бруклине было предъявлено обвинение в шпионаже.

Слушая рассказ полковника о том, как его схватили, я впервые стал осознавать, что действия властей в данном деле не укладывались в обычные для таких случаев рамки. Он был арестован в отеле «Латам» с целью высылки из страны по ордеру службы иммиграции и натурализации, о чем не обязательно должно было сообщаться публично. Секретным, хотя и официальным, порядком его отправили на самолете в Техас, посадили в одиночную камеру в лагере для интернированных иммигрантов. Там его допрашивали работники ФБР и иммиграционной службы. Он и его пожитки бесследно исчезли из Манхэттена, словно сквозь землю провалились. Ничего не было объявлено публично ни о его аресте, ни об отправке в Техас, за две тысячи миль, ни о том, что он содержится в заключении как человек, которого подозревают в совершении преступления, караемого смертной казнью. Все это было очень странно, так как Абель в качестве обвиняемого по уголовному делу пользовался такими же правами, как любой американский гражданин. По-видимому, за всем этим что-то стояло.

Вот как выглядела эта история в черновом варианте

официального документа:

«11 мая 1957 г. я зарегистрировался в отеле «Латам», 4-я Ист, 28-я улица, Манхэттен, Нью-Йорк, под именем Мартин Коллинз. Я снял номер 839 за двадцать девять долларов в неделю и вносил плату каждую субботу».

Когда история его ареста стала известна, репортеры проинтервьюировали управляющего отеля «Латам». Он охарактеризовал Коллинза как «спокойного, скромного, нетребовательного человека». С точки зрения обслуживающего персонала отеля, Коллинз был хорошим жильцом. Платил он своевременно, не предъявлял никаких претензий, и «о нем не было известно, что он принимает посетителей». Фактически никто и не знал, когда он у себя, а когда отсутствует. В этом, безусловно, проявилась сильная сторона Рудольфа: ему всегда удавалось оставаться неприметным лицом в толпе, молчаливой фигурой в массе людей, ненавязчивых и безвестных.

«Номер 839 находится на восьмом этаже отеля, при нем имеется маленькая ванная комната. Номер примерно десять футов в ширину и тринадцать в длину. Его обстановка состоит из двухспальной кровати, низкого комода, небольшого письменного стола, двух кресел и складной подставки для чемодана. Стенной шкаф для платья с дверцей выдается в комнату».

В комнате около кровати стоял также маленький столик, на котором, по данным ФБР, находился коротковолновый приемник «Холликрафтер». Антенна от него поднималась по стене, пересекала потолок, уходила в ванную и оттуда выходила в окно.

«Примерно в половине восьмого утра в пятницу 21 июня в дверь моего номера постучали, и этот стук разбудил меня. Ночь была теплая, и я спал голым, лежа поверх простыней.

Не одеваясь, я приоткрыл дверь на несколько дюймов, чтобы посмотреть, кто там. В комнату неожиданно ворвались три человека. Они заявили, что являются сотрудниками ФБР, и показали мне удостоверения личности. Полагаю, что они были вооружены, но не МОГ)’ припомнить, чтобы кто-нибудь из них вынул оружие. Они предложили мне сесть на кровать. Будучи все еще не одетым, я сел.

Эти трое разговаривали со мной в течение пяти минут. Заявив, что им все обо мне известно, что за мной была установлена слежка и все мои агенты раскрыты, они стали добиваться от меня, чтобы я пошел на «сотрудничество». Я сказал, что не понимаю, о чем они говорят. Я имел право не разговаривать с ними, да и не желал разговаривать.

Задавая вопросы, они называли меня «полковник», хотя я никогда не использовал это или какое-либо аналогичное ему

звание в Соединенных Штатах Америки».

Из того, что его называли «полковником», Абель понял, что его выдал Хэйханен, так как в США он был единственным человеком, знавшим, что Абелю присвоено это звание советской секретной разведкой.

Затем сотрудники ФБР заявили Абелю: «Полковник, мы получили точную информацию о вашей причастности к шпионажу. Мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами. Если вы откажетесь, то будете арестованы прежде, чем выйдете из этой комнаты». Если бы он дал согласие «сотрудничать», один из работников ФБР должен был «позвонить своему непосредственному начальнику в нью-йоркском отделении ФБР и сообщить об этом». Поскольку Абель не желал и слышать о «сотрудничестве», они пригласили в номер трех работников иммиграционной службы, ожидавших за дверью.

«Теперь, — писал Абель, — в моем номере было полно народу. Сотрудники иммиграционного управления начали обыск. Я полагал, что они имеют на это право. Обыск в основном проводили работники иммиграционной службы, но агенты ФБР присутствовали при этом. Обыскали одежду, которую я надевал накануне вечером. Она лежала на столе. Открыли стенной шкаф для платья, обыскали висевшие там вещи. Достали мои чемоданы и вывалили их содержимое на кровать. Все мои веши были осмотрены и затем сложены в чемоданы».

Одежда Абеля была не новая, однако ее было достаточно. Большая часть его гардероба, в основном скромная, не ярких цветов одежда, была приобретена в магазинах, торгующих высококачественными товарами. В этом отчасти проявлялся его талант маскироваться, благодаря которому люди считали его «ненавязчивым» и «неприметным». Он снимал номер в маленьком отеле также отнюдь не из бережливости. Деньги не составляли для него проблемы, в чем могли убедиться работники иммиграционного управления в утро ареста, обнаружив в номере 839 более шести с половиной тысяч долларов наличными. В коричневом пакете, лежавшем в папке с застежкой «молния», находилось четыре тысячи долларов купюрами по двадцать долларов. Кроме того, были обнаружены две с половиной тысячи долларов купюрами по пятьдесят и двадцать долларов, банковская книжка, в которой значился вклад на сумму 1386 долларов 22 цента в сберегательном банке на Ист-Ривер, и ключ от сейфа в банке, где впоследствии было обнаружено пятнадцать тысяч долларов наличными.

Помимо денег при обыске было найдено свидетельство о рождении на имя Эмиля Роберта Голдфуса, согласно которому он

родился 2 августа 1902 года, и другое свидетельство о рождении на имя Мартина Коллинза, где указывалось, что он родился 2 июля 1897 года. (ФБР, наведя справки в нью-йоркском отделении архива департамента здравоохранения, установило, что Эмиль Роберт Голдфус, белый ребенок мужского пола, адрес: 120-я Ист, 87-я улица — умер в возрасте двух месяцев и семи дней 9 октября 1903 года.) В числе других предметов в комнате были обнаружены две фотографии с надписью «Шерли и Моррис» на обратной стороне одной из них.

В ходе предварительного следствия один из чиновников иммиграционного управления, производивших арест, показал следующее: «Во время обыска вещей иностранца мы обнаружили квитанцию на вещи, сданные на хранение. Она была выписана на имя Голдфуса. Мы спросили его, кто это такой. «Это я», — ответил Коллинз».

«После того как он оделся, — показал под присягой чиновник иммиграционного управления Фэрли, — я начал укладывать его вещи в чемоданы. Иностранец выказал недовольство тем, как я их укладываю, и попросил разрешения лично упаковать веши. Мы разрешили ему это, и он стал аккуратно складывать каждый предмет одежды и укладывать в чемодан. Так же аккуратно он укладывал в чемоданы и остальные свои вещи.

Укладывая вещи, он время от времени поднимал какой-либо из предметов, валявшихся по всей комнате, и бросал в корзину для бумаг. Когда он закончил упаковку чемоданов, корзина была до половины наполнена выброшенными вещами».

Иммиграционные чиновники говорили, что Абель оставил на подоконнике несколько маленьких флаконов с материалами для живописи и бросил в корзину пачку карандашей и Два пакета фирмы «Клинекс», обрывок проволоки, клочки бумаги и шесть книжек.

За Абелем, в то время как он упаковывал свои веши, пристально наблюдал Роберт Е. Шёненбергер, руководивший расследованием по линии управления иммиграции. «Закончив Упаковку, — показывал Шёненбергер, — Абель попросил разрешения перепаковать один из больших чемоданов, чтобы переложить туда некоторые предметы из сумки, в которой лежал фотоаппарат.

Когда он занимался этим, я заметил, что он вынул из чемодана какие-то бумаги и пытался засунуть их в правый рукав куртки, которая была на нем. Я нагнулся, поднял его руку и вынул из рукава три кусочка бумаги. Два из них были обрывками, на которых было написано лишь несколько строчек. Там были испанские слова. Одна фраза начиналась словом «Балмора».

Другая — предлогом «в». Казалось, что там написано «В Мекс». В этой фразе я увидел слово «Чигуагуа». На другом листке, похожем на лист из тетради в клетку, были написаны группы цифр, по пять цифр в каждой группе. Полагаю, что там было восемь строк, восемь или десять».

Продолжая описание происшедшего с ним, Абель далее сообщал: «По прошествии примерно часа иммиграционные чиновники предложили мне одеться. Взяли упакованные чемоданы и другие мои веши и надели на меня наручники. Затем меня вывели из номера. Прежде чем по их требованию уйти из отеля, я попросил их расплатиться за номер, включая и день ареста (21 июня). Они обещали это сделать.

Мы вышли из отеля через заднюю дверь, сели в ожидавший нас закрытый автомобиль и поехали в Главное управление иммиграции. Там у меня сняли отпечатки пальцев, сфотографировали меня и продержали примерно до половины пятого. Затем на автомобиле меня доставили в какой-то аэропорт близ Ньюарка, штат Нью-Джерси.

В аэропорту меня посадили в самолет, где я и два чиновника иммиграционного управления были единственными пассажирами. Я спросил их, куда мы летим, и оба сказали, что не знают. Во время полета с меня сняли наручники. Самолет сделал одну посадку примерно через пять часов после взлета. Полагаю, что это было в штате. Алабама».

(Один из следователей иммиграционного управления впоследствии рассказал репортеру, что, когда самолет пошел на посадку, Абель посмотрел в окно и спросил: «А что нам нужно в Алабаме»? Он пояснил, будто понял, что они летят над штатом Алабама, так как, ориентируясь по солнцу, определил направление полета, учел время, которое они находились в полете, и вероятную скорость.)

«Примерно в половине пятого утра на следующий день (в субботу, 22 июня) мы прибыли, как я потом узнал, в Браунсвилл, штат Техас. На меня снова надели наручники. Мы сели в ожидавший нас автомобиль и в сопровождении другого автомобиля поехали в Мак-Аллен (Техас). Там меня поместили в федеральный лагерь для интернированных лиц, в одиночную камеру.

После того как я поспал два часа, мне дали позавтракать и около девяти часов утра привели в комнату, где почти до вечера (с перерывом на ланч) меня допрашивали. В начале допроса я потребовал, чтобы мне предоставили адвоката, однако мне ответили, что это будет сделано позже, на «официальной» стадии расследования».

Абель рассказал, что на следующий день, в воскресенье, 23 июня, его допрашивали в течение всего дня. «Меня допрашивали сотрудники ФБР, а затем следователи иммиграционной службы. Допрашивавшие работали посменно. Я отказался давать какие-либо показания». (Версия обвинения отличалась от этого рассказа лишь в незначительных деталях.)

«То же самое повторилось в понедельник, 24 июня. Во вторник, 25 июня, я решил заявить, что мое подлинное имя — Рудольф Иванович Абель, что я гражданин СССР, что во время войны я нашел крупную сумму денег в американской валюте в разрушенном блокгаузе в России, затем купил в Дании фальшивый американский паспорт и с ним въехал в США из Канады в 1948 году. После этого допросы прекратились, и мне сказали, что я могу встретиться с адвокатом. В тот день меня посетил адвокат из Мак-Аллена.

27 июня я предстал перед чиновниками иммиграционного управления, которые теперь проводили уже официальное разбирательство в лагере для интернированных. Меня сопровождал мой адвокат Моррис Атлас, эсквайр из Мак-Аллена. Я заявил, что мое подлинное имя — Рудольф Иванович Абель, что я нелегально въехал в США из Канады, что, живя здесь, я в разное время и в разных местах пользовался именами Эмиль Голдфус и Мартин Коллинз и что я являюсь гражданином СССР».

Во время официального разбирательства и Техасе Абель также показал, что он не зарегистрировался как иностранец и тем нарушил требования о регистрации и сообщении адреса, установленные Законом об иммиграции и гражданстве. Он заявил, что был учителем. Его отца звали Иван Абель, и он родился в Москве. Он не сообщил, однако, жив ли его отец или умер и где проживает в настоящее время. Он показал, что имя его матери — Любовь Корнеева и что она родилась в декабре (год не указан) в Саратове. Абель пояснил, что до мая 1948 года, до того, как он оказался в США, жил в Москве на Никитском бульваре.

«Меня попросили назвать страну, куда я хотел бы быть депортирован, — писал Абель, — и я ответил: — СССР».

Протокол расследования на предмет депортации свидетельствует о том, что в середине заседания Абель и его адвокат сделали тридцатидвухминутный перерыв, чтобы посовещаться. Своего адвоката, мистера Атласа, Абель нашел благодаря местному указателю адвокатов, и тот, соглашаясь принять на себя соответствующие функции, конечно, полагал, что займется обычным делом о депортации. После перерыва Абель признал все выдвигавшиеся против него обвинения, включая и то, что он не указал своего адреса, опасаясь, что «в результате

обнаружился бы факт его незаконного пребывания в Соединенных Штатах».

«Я признаю и это, — сказал он и закончил показания заявлением: — Пожалуй, я согласен на депортацию».

В своих последующих показаниях Абель пояснил: «Впоследствии примерно в течение трех недель меня ежедневно допрашивали разные сотрудники ФБР. Они все время твердили, что, если я пойду на «сотрудничество» с ними, они смогут предложить мне хорошую еду, напитки, номер с кондиционером в отеле и работу с годовым окладом десять тысяч долларов в государственном учреждении Соединенных Штатов. Я отказался обсуждать эти вопросы, и меня больше не допрашивали.

Во время моего шестинедельного пребывания в мак-аллен-ской тюрьме сотрудники ФБР предъявили мне ордер на арест по обвинению в уголовном преступлении. Мне сообщили, что имеется обвинительный акт, датированный 7 августа 1957 г., однако не показали его. Затем меня доставили к мировому судье, и он принял постановление о передаче меня в штат Нью-Йорк».

Обвинение не отрицало, что Абель каждый день в течение трех недель допрашивался сотрудниками ФБР и что те предлагали ему еду, напитки и номер в отеле в качестве вознаграждения за сотрудничество. Обвинение просто констатировало: «С 27 июня по 7 августа, по день, когда задержанному было предъявлено обвинение и он был переведен в Нью-Йорк, он находился под стражей в лагере для интернированных в Мак-Аллене». Последующие события стали развиваться слишком быстро для Абеля, человека, привыкшего к осторожным, продуманным действиям. Вопрос о выдаче рассматривался мировым судьей Дж. К. Холлом 7 августа в Эдинбурге (штат Техас) и был решен за двадцать минут.

— Почему вы взяли себе такую фамилию? — поинтересовался судья Холл. — Абель — достаточно распространенная фамилия в наших краях. У нас много людей с такой фамилией в Южном Техасе и в Валли.

Абель усмехнулся и ответил:

— Эта фамилия немецкого происхождения.

На следующий день Абеля увезли из Техаса на самолете для предъявления обвинительного акта и предания суду.

Воскресенье, 1 сентября

Было воскресенье, но мы провели совещание своего «штаба». Том Харнет, сотрудник нашей фирмы, поднаторевший в тяжбах, разбираемых федеральными судами, также согласился участвовать в нем. Мы обсудили наши возможные действия.

Прежде всего мы договорились о том, что необходимо ходатайствовать об отсрочке процесса по крайней мере до 16 октября. Открытие же процесса было назначено на 16 сентября. Таким образом, он должен был начаться уже через две недели. По нашему мнению, такой срок был совершенно неприемлем, так как к защите надо было основательно подготовиться.

Обсуждая обычные для каждого судебного дела вопросы, мы решили потребовать список свидетелей обвинения, состав предполагаемых присяжных, а также детальное изложение предъявляемых Абелю обвинений. Поскольку газеты представляли Хэйханена как основного свидетеля обвинения, мы решили потребовать встречи с ним, как только обнаружим его фамилию в списке свидетелей. Мы также поставили вопрос об ознакомлении с его показаниями. Это даст нам возможность выявить в показаниях противоречия, что может оказаться нам полезным при перекрестном допросе. Мы договорились, что уже в ближайшее время будем добиваться встречи с прокурором для решения этих вопросов.

В тот вечер я говорил относительно Хэйханена с бывшим лейтенантом нью-йоркской службы розыска Эдом Фаррелом. Я объяснил ему, как важно для защиты составить досье на Маки, но предупредил, что мы должны это сделать так, чтобы У обвинения не возникло никаких подозрений. Я подчеркнул то обстоятельство, что конспиративная кличка Хэйханена «Маки» до настоящего времени официально оставалась «секретом», не раскрытым обвинением защите.

Мне удалось узнать, что в «финском городке», где, по словам Абеля, Хэйханен проводил значительную часть своего времени, живет много уважаемых граждан, но по ночам этот городок мог оказаться весьма неприятным местом. Эд сказал: «Здесь любят бывать финские матросы, а некоторые из них, когда напиваются, могут укокошить вас, если вы попадете им под горячую руку». Он предостерегал меня от того, чтобы я стал сам разыскивать следы Маки в притонах «финского городка», и обещал потихоньку навести справки через сыщиков местного полицейского участка, а также через содержателя одной таверны, который, по его мнению, был достаточно хорошо осведомленным человеком.

Понедельник, 2 сентября

Утро я посвятил дальнейшему изучению обвинительного акта. Важно было то, что лишь первый его пункт предусматривал смертную казнь, то есть в случае, если удастся доказать, что Абель действительно виновен в заговоре с целью передачи информации России. Абель же полагал, что у обвинения нет

доказательств по этому пункту и, пожалуй, позиция обвинения здесь будет шаткой. Во втором пункте Абель обвинялся лишь в заговоре с целью сбора информации, а о передаче информации там ничего не говорилось. Если только на суде этот пункт получит подтверждение, мы сможем направить дело к оправданию обвиняемого по первому пункту и в случае удачи спасти жизнь полковнику.

Позднее в этот же день я прочитал недавно опубликованную книгу под названием «Лабиринт», написанную Вальтером Шелленбергом, руководителем гитлеровской службы контрразведки. Шелленберг, которого я знал по его показаниям на Нюрнбергских процессах, сделал одно интересное наблюдение. Он писал, что когда вел допрос «стойкого до конца» польского шпиона (хотя его подвергали пыткам), то заметил, что, как только этот человек узнал, что они — люди «одной профессии», он стал совершенно свободно рассказывать Шел-ленбергу о методах разведывательной деятельности, хотя знал, что ему уготована смертная казнь.

То же самое мог наблюдать и я. То обстоятельство, что я во время войны был связан с разведывательной деятельностью, по-видимому, заставило Абеля смотреть на меня как на своего рода агента в отставке, который может понять его профессиональные трудности. Надеюсь, однако, что он убедился в моих честных намерениях сделать все возможное для его пользы.

Среда, 4 сентября

Утром мы встретились с прокурором Муром и рассказали ему о запланированных нами предварительных действиях, подчеркнув в первую очередь важность отсрочки начала процесса. Он согласился отложить процесс на две недели при условии, если Вашингтон это одобрит. Если через две недели мы не будем готовы, он даст согласие отсрочить процесс еще на две недели.

Покинув кабинет прокурора, мы вновь встретились с Абелем. На нем был новый костюм. В сером костюме, белой рубашке и в «консервативном» полосатом галстуке он выглядел совсем по-иному. Приветливо улыбаясь, он встал, чтобы поздороваться с нами. Мы сразу же занялись вопросом, намеченным на сегодня, — Хэйханеном. В ответ на мои вопросы Абель дал полное описание внешности своего бывшего помощника: «Примерно тридцати пяти лет… рост пять футов восемь дюймов, вес около ста семидесяти пяти фунтов… крепкого телосложения… лицо белое… густая шевелюра каштановых волос… тонкие губы и квадратная челюсть… серо-голубые глаза…»

Абель был уверен в том, что Хэйханен вступил в сделку с ФБР

и затем по указанию ФБР отправился в Европу для создания легенды своей «измены». К такому выводу он пришел, узнав, что в январе или феврале Хэйханен попал в автомобильную катастрофу и был доставлен в госпиталь. В карманах у него было более тысячи долларов наличными, и когда полиция произвела у него дома обыск, то среди прочих вещей обнаружила коротковолновый радиоприемник. Полковник сказал, что кто-то, наверное, тогда и сообразил, в чем дело.

Абель рассказал, что Хэйханен отличался удивительной способностью всегда нуждаться в деньгах и что ему неоднократно приходилось давать тому деньги. Ранее Абель сообщил, что Хэйханен имел пристрастие к водке.

Мой собственный вывод, о котором я не счел нужным сообщать Абелю, заключался в том, что при всех своих слабостях Хэйханен был вовсе не такой дурак, когда речь шла о спасении собственной шкуры.

Возвращаясь к ранее рассмотренным вопросам, Абель вновь стал отрицать, что он когда-либо осуществлял передачу информации по радио с территории США.

Когда мы беседовали по другим разделам обвинительного акта, он отрицал, что лично получал какую-нибудь секретную информацию.

Абель добавил, что, по его мнению, обвинение не располагает доказательствами, что он передавал русским какую-либо информацию. Хэйханен, сообщил Абель, непосредственно передавал некоторую информацию в СССР. Подробнее осветить этот вопрос он отказался.

Пятница, 6 сентября

Днем я встретился с Томасом М. Дебевойсом, предполагаемым нашим коллегой по защите. Он окончил Колумбийскую юридическую школу и несколько лет работал в Манхэттене в прокуратуре. Он происходил из старого нью-йоркского семейства, из которого на протяжении многих поколений выходили выдающиеся юристы.

Дебевойс имел возможность получить практику в Вудстоке (штат Вермонт), родном городе его жены, и теперь ожидал экзаменов в адвокатуру этого штата. Он был знаком с подробностями дела Абеля из газет, и так как его заинтересовало это дело, он изъявил готовность работать с нами в течение нескольких месяцев, получая лишь минимальное вознаграждение, которое могло покрыть только его расходы по делу. Дебевойс оказался приятным человеком.

Втроем мы подробно рассмотрели дело и договорились, что

наш новый коллега немедленно займется исследовательской работой в библиотеках, чтобы установить, не допущено ли нарушений конституции при аресте Абеля в номере 839 отеля «Латам» утром 21 июня.

Понедельник, 9 сентября

Утром я отправился в Атлантик-Сити читать лекцию в Ассоциации компаний по страхованию жизни. Было уже почти четыре часа, когда я вернулся на автобусе в Нью-Йорк. И я сразу же поспешил в контору. Мок помощники уже ожидали меня. Оба они были чрезвычайно взволнованы и напоминали двух прокуроров, только что обнаруживших тайник с героином или нашедших свидетеля, присутствовавшего при убийстве. Они говорили оба разом, стараясь выразить одну и ту же мысль: арест Абеля и всех его вещей в отеле «Латам», безусловно, произведен в нарушение конституции Соединенных Штатов.

Если это так, то никакие вещественные доказательства, изъятые в отеле «Латам» или в студии на Фултон-стрит, не могут быть использованы в уголовном процессе. Кроме того, поскольку значительная часть этих доказательств была предъявлена Большому жюри, обвинительный акт недействителен, так как он построен на «опороченных доказательствах». Короче говоря, обвинение против Абеля рухнет.

Мы расселись, и я взял на себя роль судьи, рассматривающего дело, выслушивая то одного, то другого о законодательных нормах, применяемых к делу, и задавая вопросы. Они отстаивали свои позиции. Вновь и вновь мы рассматривали факты и статьи закона, имеющие отношение к делу. На улице уже стемнело. Из окна моего кабинета мы видели огоньки, обрамляющие Бруклинский мост, и светящиеся фары автомобилей, снующих по Ист-Ривер-драйв. На другой стороне реки находились здание Бруклинского федерального суда, студия Абеля на Фултон-стрит и мой собственный дом, где уже теряла терпение моя семья, сидя за остывающим обедом.

В конце концов я был вынужден согласиться с выводами моих помощников.

Вторник, 10 сентября

Я встал очень рано, чтобы переработать черновик показаний Абеля, содержавший детальное описание его ареста. Я начал работать над ним накануне поздно ночью. Этот документ будет основой нашего ходатайства об изъятии из дела всех вещественных доказательств из имущества полковника, на которое был наложен арест.

Я переписал весь текст и отшлифовывал его стиль до тех пор, пока он не стал кратким и строгим. Когда я кончил трудиться над показаниями Абеля, получился рассказ в стиле Хемингуэя:

Представители властей арестовали человека, когда он находился у себя дома, и наложили арест на все его имущество, не имея ордера на проведение ареста и обыска; тайно перевезли его в лагерь для интернированных лиц в Техасе и держали там сорок семь дней (первые пять дней в одиночном заключении, без права связи с внешним миром). Эти факты служат классическим примером того положения, с которым Должна была покончить Четвертая поправка к нашей конституции.

Четвертая поправка является конституционной формулировкой принципа «мой дом — моя крепость». Она гласит:

«Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков или арестов не должно нарушаться, и ордера на обыск или арест не будут выдаваться без достаточных оснований, подтвержденных присягой или торжественным обещанием. Такие ордера должны содержать подробное описание места обыска, а также подлежащих аресту лиц или имущества».

Готовя этот документ, я испытывал по отношению к действиям властей двойственное чувство. С одной стороны, конечно же, наша контрразведка должна действовать быстро и решительно, но, с другой стороны, при этом ей не следует нарушать конституционные права и традиционные свободы.

Коль скоро имеются серьезные основания считать Абеля — иностранца, незаконно проживающего в стране, — важным советским шпионом, я не стал бы беспокоиться, если бы его арестовали по ордеру иммиграционных властей, держали в изоляции необходимое время и в случае отказа с его стороны «сотрудничать» выдворили бы за границу. Однако избрав другой путь: арестовав Абеля и его имущество без ордера на арест и обыск в надежде на то, что он в конце концов согласится «сотрудничать», — власти уже не могли, когда их игра не удалась, игнорировать то, что уже было сделано, и пытаться осудить Абеля на смертную казнь открытым судом в США. Это означало бы непризнание принципа «надлежащей законной процедуры».

Я полагал, что нам удалось найти самый серьезный аргумент, который мог сыграть определяющую роль при защите Абеля. В моей голове этот принцип вырисовывался очень четко в связи с принципиально важными соображениями, высказанными генерал-майором Донованом[6] (Диким Биллом) в начале 1945 года. Президент Рузвельт поручил ему тогда подготовить план

создания центрального разведывательного органа, который в послевоенный период явился бы преемником Управления стратегических служб. Генерал Донован, давая мне, своему старшему юрисконсульту, указания о подготовке такого плана, несколько раз подчеркнул необходимость делать различие между разведывательной и контрразведывательной деятельностью и деятельностью по исполнению законов, осуществляемой в конституционных рамках внутри США. Он полагал, что всякая попытка соединить эти полномочия в руках одного правительственного органа будет чревата опасностью для демократии, поскольку стремление обеспечить «эффективные» методы расследования неизбежно ведет к созданию гестапо.

Когда проект показаний Абеля был должным образом отработан, я повез его в федеральную тюрьму Нью-Йорка и показал полковнику. Я предупредил его, что обвинение подвергнет все наши документы самому строгому разбору и, если в них обнаружатся преувеличения или ложь — пусть даже незначительные, — это может сказаться роковым образом на осуществлении нашего плана, а также на возможной апелляции.

Мы разобрали написанный мною текст подробнейшим образом, строчку за строчкой. Абель, в своих очках без оправы очень похожий на профессора, внимательно слушал и молча кивал.

В проекте документа описывалось, каким образом полковник исчез из отеля «Латам», как его держали в Техасе, допрашивая почти каждый день в течение месяца, и как ФБР обещало ему выгодную «сделку», если он согласится «сотрудничать». В заключение там говорилось:

«Мой адвокат, назначенный судом, обсудил со мной вопрос об обыске и наложении ареста на мое имущество 21 июня в отеле «Латам» и объяснил мне, какие, по его мнению, нормы закона могут быть применены в данном случае. Я поручил ему предпринять любые процессуальные действия, которые могут оказаться полезными, и отстаивать права, которыми я обладаю в соответствии с конституцией и законами Соединенных Штатов Америки».

Я оставил Абелю копию документа, попросив тщательно обдумать все написанное, пока мы будем его дорабатывать.

В конце дня я пригласил к себе в кабинет двух юристов и прочитал им документ, предварительно одобренный Абелем. К моему изумлению, один из них стал поносить этот документ, говоря, что представлять такой «ужасный» материал в открытом судебном заседании — значит позорить ФБР.

Начав с этого, он затем грубо сказал:

— На вашем месте я не стал бы так заботиться о спасении Жизни этого сукина сына. Пусть получает то, что ему причитается!

Легко догадаться, что дальше последовало то, что юристы называют «острым спором». Я тотчас стал объяснять, что совсем не желаю «позорить» ФБР и что высоко ценю эффективную деятельность этого органа. Однако, будучи защитником Абеля, я считаю своим долгом представить суду наиболее веские аргументы в пользу моего подзащитного.

— Преднамеренно снижать силу этого аргумента или смягчать его, — сказал я, — по моему мнению, было бы неэтично.

Я подчеркнул, что на суде будет решаться вопрос жизни и смерти Абеля, и если я сознательно не сделаю все возможное для его защиты, то именно я заслужу эпитет «сукин сын».

Мы разошлись поздно вечером, но убедить моего многословного оппонента мне не удалось.

Среда, 11 сентября

Вчерашний спор по поводу содержания подготовленного документа все еще волновал меня, и я пригласил позавтракать со мной Джона Уолша — старшего партнера нашей фирмы. Опытный и честный юрист, он был известен среди друзей как человек консервативных политических убеждений. Я полагал, что для консультации по проблемам, затрагивающим совесть, это идеально подходящий человек. За кофе я поведал Джону о своих трудностях, дал ему прочитать показания Абеля и сказал, что буду благодарен, если он выскажет свое мнение.

Он внимательно прочитал проект документа и проговорил: «Если здесь правильно излагается то, что рассказал Абель, ваш долг наилучшим образом представить этот материал суду, даже если лично вы не верите, что это правда. Если вы не сделаете этого и не приложите все свои усилия, чтобы представить его наилучшим образом, вас следует дисквалифицировать как адвоката. Я вынес бы такое решение, если бы был членом комитета адвокатской этики и мне передали бы на рассмотрение это дело».

Я почувствовал огромное облегчение, выслушав безоговорочное мнение друга, которому я доверял.

Четверг, 12 сентября

Наши документы по вопросу обыска и наложения ареста на имущество Абеля готовились в порядке гражданского иска, независимо от уголовного дела. Поскольку арест на имущество был наложен в Манхэттене, мы считали, что иск следует

предъявить там же, в суде Южного округа Нью-Йорка. Абеля, конечно, будут судить в Восточном округе Нью-Йорка, куда входит Бруклин. Однако, начав дело в Манхэттене, мы можем получить преимущество — право немедленной подачи апелляционной жалобы, в случае если окружной суд откажет нам. В результате, может быть, удастся избежать процесса. Если бы мы предъявили иск в Бруклине в качестве части уголовного дела, вряд ли бы нам удалось подать апелляционную жалобу, прежде чем присяжные вынесут свое решение и будет объявлен приговор. Процедурные соображения подобного рода всегда имеют важное значение в гражданском процессе.

Дабы избежать рассуждений на тему о том, что предпринимаемым нами шагом мы стремимся «опозорить» ФБР, я добавил в окончательный проект документа следующую фразу: «Со времени ареста и до предъявления мне обвинительного акта ко мне не применялось физическое насилие и мне им не угрожали». Затем я отправил своих помощников к Абелю, чтобы он подписал документ. Он отказался.

— В таком виде, как этот документ написан сейчас, — заявил он, — он не соответствует истине.

Затем он рассказал, что однажды после целого дня допросов в Техасе, когда на улице стояла невыносимая жара, один из допрашивающих, фамилию которого он затем установил, придя в состояние крайнего раздражения, «потерял контроль над собой». Абель добавил, что этот сотрудник ФБР ударил его по лицу и сбил с него очки.

Мы совещались с полковником в общей сложности более десяти часов. В основном мы говорили о деле: о его аресте, о человеке, предавшем его, о его поведении на допросах, о его будущем, о защите. Он ни разу не упомянул об этом случае в Техасе, и я уверен, что он не собирался вообще поднимать этот вопрос. Чувство собственного достоинства, я полагаю, не позволяло ему хныкать из-за одного удара по лицу. Как профессиональный боец, он, пожалуй, был готов к тому, что с ним будут обращаться крайне грубо. Кроме того, хотя допрашивавшие по отношению к нему вели себя корректно все то время, пока он находился в заключении, они в конце концов ведь тоже были только людьми, и этот единственный удар в условиях, когда нервы у всех, возможно, были напряжены до предела, можно было им и простить.

Однако выработавшаяся у него привычка заботиться о том, чтобы факты сообщались абсолютно точно, была настолько сильна, что он не мог пропустить даже одной неточности. Эта тщательность при изложении фактов, как я впоследствии узнал,

была весьма примечательной чертой его характера, а также одной из основных особенностей его профессии. В конце концов, он ведь зарабатывал себе на жизнь, составляя доклады, и вознаграждение в огромной степени зависело от их точности. Много месяцев спустя в письме из тюрьмы в Атланте он также подчеркивал, что в разведывательной работе точность крайне необходима.

Итак, документ вернулся ко мне неподписанным. Я отправился в тюрьму и безуспешно пытался доказать, что один-единственный удар не составляет «физического насилия». Полковник был непреклонен. Он даже привел мне' определение насилия из толкового словаря: «физическая сила, незаконно примененная». В конце концов мы договорились вычеркнуть фразу о насилии как несущественную при рассмотрении вопроса об обыске и наложении ареста на имущество.

Пятница, 13 сентября

Весь день я работал над юридическими документами, необходимыми для реализации нашей попытки добиться изъятия вещественных доказательств, захваченных в отеле «Латам» и на Фултон-стрит. Эти документы включали и окончательно выверенный текст показаний Абеля. Позже, после полудня, Абель подписал документ, и он был заверен тюремным чиновником.

Было уже почти десять часов вечера, когда я закончил работу над документами и поспешил домой, в Бруклин. Я не обедал, потому что назначил у себя дома небольшую неофициальную «разъяснительную» пресс-конференцию. Я кратко изложил дело полдюжине репортеров и тщательно растолковал смысл документов, связанных с нашим ходатайством. Репортеры воспринимали предлагавшуюся им информацию с большим вниманием, особенный интерес вызывала у них личность самого Абеля. Они спрашивали у меня: «Что он за человек?» Им хотелось получить полную подборку наших новых документов. Я отказался представить документы до тех пор, пока они не будут переданы в суд, однако пообещал завтра как можно раньше для удобства репортеров направить в каждую редакцию по одной подборке этих документов.

Для нас, то есть представителей защиты, было совершенно ясно, что во время всего периода подготовки к процессу позиция Абеля (а теперь и его показания) должна полностью разъясняться публике. Обвинение не упускало ни одной возможности информировать прессу о каждом своем шаге: во всех журналах печатались пространные отчеты и фотографии, где представлялись «доказательства» вины «главного шпиона», которыми располагают власти. Нам казалось очень существенным, чтобы при подаче этого важного для защиты ходатайства общественность, а также юристы поняли его значение. По нашему мнению, ни у кого не должно было создаться впечатления, что мы предпринимаем маловажный или легкомысленный шаг, что это всего лишь «маневр», рассчитанный на то, чтобы задержать наступление неизбежного.

Я предложил репортерам напитки и, хотя было уже далеко за полночь, продолжал отвечать на их многочисленные вопросы.

Суббота, 14 сентября

Утром Том Дебевойс подал наши документы в Федеральный суд в Манхэттене. Я ожидал его в автомобиле возле здания суда. Затем мы поехали по газетным редакциям. В каждой, как и было обещано, он оставлял подборку документов. Покончив с этим, мы сделали перерыв на несколько часов, чтобы позавтракать и побеседовать. Мы хотели получше познакомиться друг с другом.

Воскресенье, 15 сентября

В два часа пополудни «защита» собралась у меня в кабинете, чтобы разработать курс наших дальнейших действий и изучить утренние воскресные газеты. Опубликованными в них материалами, касающимися нашего дела, мы остались вполне

довольны. Наша информация была помещена на первых страницах «Таймс» и «Геральд трибюн». Если не считать «дешевых» заголовков: «Абель объявляет действия ФБР незаконными!», «Подозреваемый в шпионаже красный обвиняет ФБР!», — материал, по нашему мнению, был подан точно и объективно. Приводились пространные выдержки из наших документов. Все газеты излагали версию Абеля. В них отмечалось, что в случае успеха ходатайства защиты обвинительный акт может рухнуть.

В составленном лично мной документе — написанном в подтверждение данных Абелем под присягой показаний — разъяснялось, что до 21 июня ФБР располагало достоверной информацией о советском шпионе по фамилии Абель, имеющем, как полагали, звание полковника. Сотрудники ФБР, вероятно, в течение продолжительного периода вели за ним тайное наблюдение. ФБР было также известно, что Абель жил в номере 839 отеля «Латам» под именем Мартина Коллинза.

Далее я отметил и тот факт, что утром 21 июня сотрудники ФБР «ворвались» в его номер первыми.

Далее в указанном документе говорилось:

«С 21 июня по 7 августа по отношению к Абелю министерством юстиции предпринимались меры, которые в соответствии с законом следовало применять к нему, как к иностранцу, нелегально находящемуся в Соединенных Штатах Америки. Фактически же сотрудники министерства бьши информированы о том, что Абель, занимаясь шпионажем в пользу СССР, совершил преступление, караемое смертной казнью. Этим, и объяснялся повышенный интерес американских правительственных кругов к Абелю.

Совершавшие вышеуказанные действия лица, видимо, полагали, что все это делалось в наших национальных интересах. Каждый, кто знаком с особенностями работы контрразведки, понимает, что перешедший на нашу сторону агент противника может представлять значительную ценность. От него можно получить не только полную информацию об аппарате разведки противника, но и такие конкретные данные, как имена и местонахождение других вражеских резидентов, коды и шифры противника и так далее. Кроме того, не исключена возможность использования такого человека в качестве «агента-двойника», который, делая вид, что продолжает работать на прежних хозяев, в действительности будет служить другой стороне.

Однако Конституция и законы Соединенных Штатов Америки содержат совершенно ясные предписания о порядке ареста человека, обыска и наложения ареста на имущество, находящееся

в его распоряжении или владении. В данном конкретном случае ФБР, располагая сведениями, что русский шпион находится в номере 839 отеля «Латам», предъявив ему обвинения в шпионаже, должно было получить ордер на его арест.

В случае, если бы проживающий в номере 839 человек был арестован таким образом, сотрудники ФБР вполне законно могли бы произвести обыск в номере и наложить арест на все, что можно рассматривать как орудия и средства шпионажа — преступления, в котором обвинен арестованный. Затем арестованного надлежало направить к ближайшему мировому или федеральному судье, где он имел право проконсультироваться с адвокатом. И затем его надлежало передать в федеральную тюрьму. В случае, если сотрудники ФБР желали произвести обыск в номере 839 в отсутствие его хозяина, они могли получить ордер на обыск в соответствии с установленными правилами.

Еще до 21 июня 1957 г. сотрудники министерства юстиции, которым были представлены доказательства шпионской деятельности Абеля, должны были принять определенное решение. Как известно, ФБР выполняет функции двоякого рода. Оно выступает в качестве органа, обеспечивающего исполнение законов, а также в качестве контрразведывательного подразделения национального разведывательного сообщества. Решение, которое следовало принять министерству юстиции, должно было определить:

а) должны ли были сотрудники ФБР в качестве чиновников, отвечающих за исполнение законов, арестовать Абеля по обвинению в шпионаже, производить на законном основании какие-либо обыски и налагать арест на имущество и придерживаться всех остальных процессуальных норм, установленных Конституцией и другими законами Соединенных Штатов Америки;

б) следовало ли сотрудникам ФБР в качестве агентов контрразведки, участвующих в выполнении специального задания, подвергать Абеля аресту, скрывая факт его задержания от его соучастников, и тем временем пытаться заставить его перейти на нашу сторону.

Выбор между этими двумя возможными линиями действий был сделан. Возможно, он соответствовал интересам США. Но поставленных целей достигнуто не было. Осуществив такой выбор, власти теперь уже не в состоянии кого-либо убедить, что не совершали ничего противозаконного.

Четвертая поправка к конституции содержит ясные предписания… Злоупотребления, имевшие место до революции и

вызвавшие необходимость принятия этой поправки, хорошо известны. Основываясь на фактах этого дела, я, как лицо, дающее изложение его со своей точки зрения, считаю, что Четвертая и Пятая поправки к конституции в том виде, как их истолковывает Верховный суд, были нарушены».

Понедельник, 16 сентября

В половине одиннадцатого утра мы явились к судье Байерсу в здание суда в Бруклине. Мы сидели напротив целой фаланги прокуроров во главе с помощником генерального прокурора Томпкинсом. Здесь присутствовали Кевин Маро-ней, Джеймс Фезерстоун и Энтони Палермо — «особые прокуроры» министерства юстиции, вызванные из Вашингтона для участия в деле Абеля.

Когда ввели полковника, большинство голов невольно повернулось в его сторону. В своем новом костюме «консервативного» стиля он производил впечатление аккуратного, подтянутого человека. Быстро и спокойно заняв свое место, он стал внимательно наблюдать за разбором нескольких заурядных дел о торговле наркотиками, которые предшествовали нашему делу. Вряд ли кто-нибудь, кроме него, уделял столько внимания этим делам.

Когда приступили к нашему делу, я прежде всего задал вопрос о дате начала процесса. Первоначально было решено, что процесс должен начаться уже сегодня. Сказав о нашем желании завершить процесс как можно скорее, я вместе с тем отметил, что нам необходимо время для основательной подготовки к зашите. Судья резко возразил, что адвокаты всегда просят дополнительное время, и объявил, что назначает процесс на 26 сентября. Он предложил мне сообщить к этому времени, как у нас будет идти подготовка. Таким образом, до начало процесса оставалось всего десять дней. А мы надеялись, что для проведения расследования и подготовительных работ нам предоставят месяц!

Затем я аргументировал наше ходатайство о том, чтобы нам предоставили списки свидетелей обвинения и предполагаемых присяжных. По закону список свидетелей обвинения должен сохраняться в тайне, но по делам, в результате слушания которых обвиняемый мог быть приговорен к смертной казни, обвинение должно было предоставлять этот список защите «не позднее, чем за три дня» до начала суда. Судья Байере дал указание незамедлительно сообщить нам фамилии свидетелей.

Я согласился с требованием обвинения о том, чтобы фамилия и адрес одного из свидетелей (предположительно Хэй-ханена)

были переданы мне в запечатанном конверте. Однако, когда я попросил предоставить нам фотографию этого свидетеля, моя просьба по соображениям «безопасности» была отклонена. Обвинение заявило, что организует мне с ним встречу. Тщетно я пытался доказать, что, если этот свидетель служил в советской внешней разведке, как утверждает обвинение, у русских в их досье, безусловно, есть его фотография. Поэтому если защита будет располагать его фотографией, это не окажет какого-либо влияния на его судьбу. Однако я не смог ничего добиться.

После изложения наших просьб я поговорил с Абелем в помещении для арестованных. Поинтересовался его мнением об окончательном варианте составленного мной документа по вопросу об обыске и аресте. Он сказал, что документ составлен отлично, но подверг критике заключительный абзац, оканчивающийся фразой: «Если свободный мир не будет верен своему собственному моральному кодексу, то не останется такого общества, к которому стремились бы другие народы».

«Это звучит слишком эмоционально, — сказал он. Затем в присущей ему манере школьного учителя добавил: — Мне кажется, столь эмоциональный призыв не может иметь существенного значения в юридическом деле подобного рода».

«Рудольф, — сказал я, — вам повезло: вы не занимаетесь юридической практикой в Соединенных Штатах. Если вы думаете, что без учета подобных моментов можно эффективно вести дело в суде, то глубоко заблуждаетесь».

Это мое замечание показалось ему весьма забавным.

Однако я не нашел ничего забавного в разговоре с обвинителем Томпкинсом, состоявшемся несколькими минутами позже. Он остановил меня возле зала заседаний суда и сказал, что в министерстве юстиции появился «новый подход» к вопросу о мере наказания, которую должно будет потребовать обвинение. Он пояснил, что существуют «расхождения во взглядах». Одни считают, что интересы страны больше выиграют, если Абель будет приговорен к пожизненному тюремному заключению. В этом случае останется надежда на то, что в один прекрасный день он заговорит. Другие же глубоко убеждены, что обвинение должно требовать смертной казни: не только для устрашения других советских агентов, но также принимая в расчет то, что, испытав сильное нервное напряжение, Абель может не устоять, поскольку перед глазами у него будет электрический стул, и начнет говорить. Томпкинс также отметил, что все, кто имел возможность познакомиться с доказательствами по делу, полагают, что обвинительный приговор будет вынесен быстро.

Я, в свою очередь, подчеркнул, что в настоящий момент

защита сосредоточивает свои усилия на подготовке к судебному разбирательству, и если эти усилия окажутся успешными, вопрос о наказании приобретет чисто теоретический характер. Однако, добавил я, если Абель будет осужден, решение о том, какую рекомендовать меру наказания, не должно приниматься одним лишь министерством юстиции. Я предложил проконсультироваться с государственным департаментом и Центральным разведывательным управлением — нашей службой внешней разведки. «Возможно, — сказал я, — мера наказания, назначенная Абелю, повлияет на отношение русских к некоторым нашим людям. Целесообразно выяснить, не задержаны ли в последнее время в России американские секретные агенты».

Я также выразил надежду на то, что все правительственные органы будут теперь более тесно сотрудничать в национальных интересах, чем это имело место в тот период, когда я находился на государственной службе во время второй мировой войны. Томпкинс сказал: «Дай-то Бог».

Четверг, 19 сентября

Обвинение, естественно, изо всех сил противилось принятию нашего ходатайства в связи с вопросом об обыске и аресте. Оно утверждало, что наш иск следовало предъявить в Бруклине, а не в Манхэттене, и просило суд Южного округа отклонить его. Томпкинс утверждал, что этот вопрос должен рассматриваться как часть уголовного дела в Бруклине. В своем заключении он писал: «Это обеспечит более упорядоченное судопроизводство и позволит избежать повторной постановки в ходе процесса вопросов, поднимаемых в связи с этим иском».

Если суд примет решение в пользу обвинения и наш иск отправят в Бруклин, мы потеряем всякую возможность сразу же подать апелляционную жалобу в случае отказа и должны будем пойти на процесс.

Пятница, 20 сентября

Я провел с полковником почти два часа в федеральной тюрьме, занимаясь обсуждением широкого круга вопросов. Я представил перечень всех произведенных мною из своих средств расходов. После тщательного ознакомления с ним он утвердил этот список. Затем он подписал письмо на имя судьи Абруццо с просьбой возместить мои расходы из изъятых у него денег.

Абель сказал, что он согласен на любые необходимые для его защиты расходы, но в то же время будет признателен, если у него останутся какие-нибудь средства, поскольку они могут ему потребоваться, если он будет «осужден на десять или пятнадцать

лет». Я молча кивнул. Что можно было сказать ему после нашего последнего разговора с Томпкинсом?

Он спросил у меня, сможет ли он зарабатывать деньги в тюрьме, и я заверил его, что при нашей системе он сможет зарабатывать столько, сколько потребуется на личные нужды. По словам Абеля, некоторые заключенные высказывают предположение, что в конце концов его обменяют на какого-нибудь американского разведчика.

Я уже собирался уходить, когда в комнате свиданий, где мы сидели с полковником, появился весьма любезный начальник тюрьмы Алекс Кринский. Абель, который, как мне показалось, был хорошо знаком с ним, сразу же спросил, не может ли он получить еще книг, так как жизнь в камере для него очень скучна.

Кринский ответил, что он его понимает и постарается найти что-нибудь подходящее. В присутствии Кринского я сказал полковнику, что, по моему мнению, его заинтересует книга «Лабиринт» о немецкой контрразведке военного времени, написаная Шелленбергом из ставки Гитлера. «Шелленберг утверждает, — сказал я, — что во время войны был момент, когда немцы захватили около пятидесяти принадлежавших русским агентам радиопередатчиков и передавали с их помощью в Россию военную дезинформацию».

Кринский громко рассмеялся, однако Абель быстро парировал:

— А он сообщает, сколько их агентов мы арестовали и проделывали с ними то же самое? ***(Об Абеле говорили, что во время второй мировой войны он работал в Германии.)***

После того как Абель ушел в свою камеру, я спросил у Кринского, который бьш в высшей степени вежлив, не могу ли я прислать Абелю книгу Шелленберга. Он некоторое время колебался. Дело было в том, что существовала инструкция тюремного управления, запрещающая заключенным читать все то, что могло бы их снова подтолкнуть к преступной деятельности, которой они занимались ранее.

Теперь наступила моя очередь посмеяться. Я сказал, что советский офицер с тридцатилетним опытом работы в разведке вряд ли «собьется с пути» в результате чтения каких бы то ни было книг. К тому же шансы на реабилитацию Абеля по существу были равны нулю. В конце концов я получил от начальника тюрьмы разрешение прислать книгу. При этом он пояснил, что она должна быть совершенно новой и надо, чтобы ее прислали в тюрьму непосредственно из издательства. Затем с искренним любопытством он спросил, не мучает ли меня совесть из-за того, что я являюсь защитником Абеля, и добавил: «Вот я, наверное, не

смог бы выступать в этой роли». Я ответил, что все люди разные, а моя совесть никогда еще не была такой спокойной, как сейчас. На что он только пожал плечами.

По возвращении в свою контору я получил сообщение Дебевойса о том, что обвинение передало нам список своих свидетелей. В списке числилось шестьдесят девять фамилий, причем тридцать две из них были фамилиями агентов ФБР. В этом списке также значились Хэйханен и армейский сержант Рой А. Роудс.

Суббота, 21 сентября

Защита работала целый день. Я составил дополнительный документ с нашими соображениями по поводу обыска и ареста. Я обнаружил одно обстоятельство, которое, как мне показалось, могло бы оказать нам большую помощь. Мы утверждали, что ФБР наряду с действиями, осуществляемыми в строгом соответствии с законом и во имя исполнения закона, практикует и тайные обыски, а затем представляет суду их результаты, а это недопустимо. Признание факта проведения ФБР таких тайных обысков могло бы серьезно подкрепить наше утверждение о том, что имело место нарушение конституции.

Я наткнулся на этот, можно сказать, «самородок» накануне вечером, когда внимательно перечитывал имевшую большой успех «Историю ФБР» Дона Уайтхеда. В одном из примечаний к книге говорилось, что помимо осуществления расследования, проводимого с целью получения «юридических доказательств, приемлемых в суде», ФБР иногда в контрразведывательных целях организует так называемые тайные проверки. Действия такого рода осуществлялись, когда возникала необходимость в получении доступа к бумагам «человека, подозреваемого в шпионаже». Это утверждение представлялось достоверным, поскольку директор ФБР Дж. Эдгар Гувер в своем предисловии подтверждал правдивость изложенной в книге информации.

В газете «Дейли ньюс» за этот день была помещена заметка о мальчике — газетчике из Бруклина, нашедшем полую монету с микропленкой с зашифрованным сообщением. Высказывалось предположение, что именно этот случай помог ФБР напасть на первый след «советской шпионской организации, якобы возглавляемой Рудольфом Ивановичем Абелем». Однако мальчик, которому теперь уже семнадцать лет, нашел монету четыре года назад, и все это время его находка держалась в секрете, пока «местные и федеральные власти плели вокруг Абеля прочную паутину». Газетчик должен был выступить на суде свидетелем обвинения. Я сделал себе пометку, чтобы спросить об этом у

Абеля.

Понедельник, 23 сентября

По моему предложению представители обвинения и защиты встретились в половине четвертого в кабинете судьи Байерса для обсуждения в частном порядке дальнейшей процедуры рассмотрения дела. Мы, со своей стороны, объяснили судье, что работаем денно и нощно и, тщательно все обсудив, полагаем, что для должной подготовки защиты нам потребуется время до 1 ноября. В соответствии с ранее данным обещанием обвинение не возражало против такой отсрочки. Но судья Байерс заявил, что не может согласиться на такую задержку начала процесса, и считает, что процесс небходимо начать 30 сентября, то есть через неделю.

— Я ценю проявляемое защитой усердие, — сказал он, — но заверяю вас, что со всеми вашими предварительными ходатайствами я разделаюсь быстро.

Вторник, 24 сентября

Рано утром мои помощники по защите были уже у меня. Они негодовали так бурно, как могут негодовать только молодые адвокаты. После вчерашнего совещания они были убеждены, что судья Байерс назначит процесс на понедельник и что мы должны сделать все от нас зависящее, дабы не допустить этого. Они полагали, что, если слушание дела начнется прежде, чем мы полностью закончим подготовительную работу, это будет «ошибкой, дающей основания для отмены приговора», и апелляционный суд даст указание разобрать дело. Никто из нас, конечно же, этого не хотел.

Я высказался за то, чтобы отвести душу перед судьей Абруццо, который, назначив нас защитниками, взвалил на нас это тяжкое бремя. Ведь судья Абруццо неоднократно говорил, что мы можем обратиться к нему, если нам будет необходим его совет.

В половине пятого мы явились к судье Абруццо и объяснили ему, в каком затруднительном положении находимся.

— Мы полагаем, — заявили мы, — что, если судья вопреки нашим возражениям все же приступит к слушанию дела сейчас, это будет произвольным решением. Возможно, это явится нарушением надлежащей законной процедуры, а если так, то это будет ошибкой, дающей основание для отмены приговора.

Судья Абруццо ответил, что глубоко сочувствует нам и не сомневается, что суд предоставит нам любую благоразумную отсрочку, если мы предварительно согласимся с подбором присяжных. Однако у администрации есть очень важная причина, вследствие которой необходимо, чтобы дело было рассмотрено

как можно скорее. Но судья не может ее сейчас обсуждать. ***(Лишь много месяцев спустя мы узнали, что Хэйханен очень сильно пил и хотел отказаться от обещания давать показания против Абеля. А без этих показаний обвинение не могло бы доказать наличие состава преступления.)***

«Если мы выберем присяжных, а затем получим отсрочку, — доказывал я, — то этим причиним большой ущерб интересам защиты. Окончание подбора присяжных означает начало процесса. Все это получит широкую огласку, и каждый отдельный присяжный окажется объектом серьезного внешнего воздействия. Вы не можете выбрать присяжных заседателей, а потом позволить им целый месяц свободно разгуливать по Бруклину».

Судья Абруццо сказал, что он переговорит по этому вопросу с судьей Байерсом.

Среда, 25 сентября

В этот день защита наняла частного детектива и направила его по следам Рейно Хэйханена, или Юджина Маки. Я встретился с этим сыщиком, и мы обсудили с ним все аспекты дела, требовавшие расследования. Я подчеркнул, что нам необходимы подробные сведения о Хэйханене, о его карьере осведомителя, грязном прошлом и его даме, весьма любившей выпить. Припомнив все, что мне рассказал Абель, я посоветовал сыщику начать свои поиски с Ньюарка и сказал, что до конца недели мы надеемся повидаться с Хэйханеном, после чего сможем сделать набросок его портрета. Пока же детективу придется поработать, располагая только описанием внешности Хэйханена и материалом о его прошлом, полученным от полковника Абеля.

После разговора с детективом я принялся трудиться над меморандумом, представлявшим собой подробный отчет о проделанной нами работе, где также доказывалась необходимость завершения нашей работы, так как еще не все намеченное было выполнено. Мы надеялись, что этот документ убедит любой суд в необходимости отложить начало процесса до 1 ноября. Хотя у нас и существовало некоторое опасение, что столь подробное изложение вызовет раздражение у судьи Байерса, мы все же пришли к общему мнению, что в интересах справедливости по отношению к Абелю меморандум следует подать. Это было единственной возможностью добиться того, чтобы наша точка зрения была отражена в официальном судебном протоколе.

В тот же день русские выступили с сообщением об аресте на территории СССР американского «резидента», получившего, как они утверждали, подготовку в «разведывательном центре на ферме недалеко от Вашингтона». Корреспондент «Нью-Йорк

тайме» в Москве, в свою очередь, сообщил, что американец и его помощник-латыш были арестованы в Латвии. В сообщении Комитета государственной безопасности СССР указывалось, что у задержанного агента было полное шпионское снаряжение — оружие, радиопередатчик, советские деньги и чистые бланки для изготовления фальшивых документов.

Я не мог отделаться от чувства, что эта информация может каким-то образом повлиять на судьбу моего клиента.

Четверг, 26 сентября

Судья Байерс назначил начало процесса над Абелем на следующий четверг. Он выслушал нас в открытом судебном заседании, а затем заявил, что наша просьба об отсрочке суда до 1 ноября является чрезмерной.

Когда я объяснил, что наше ходатайство об изъятии (представленных ФБР вещественных доказательств) еще ожидает рассмотрения и поэтому мы не можем согласиться с таким сроком, Томпкинс сообщил, что решение по этому вопросу будет принято на следующий день. Судья Байерс охарактеризовал весь спор об обыске и аресте как малозначительный, заявив, что сможет с ним разделаться очень быстро.

На заседание из тюрьмы был доставлен Абель. В газетах отмечалось, что он следил за этим спором очень внимательно. Действительно, слушать он умел. Можно было даже предположить, что именно благодаря этому своему качеству он и сделал карьеру.

После судебного заседания мы с ним в течение часа обсуждали ответы обвинения на наше ходатайство по поводу обыска и ареста. Абель читал документы вслух, не делая своих комментариев, пока не дошел до утверждения: «В дополнение к этому просителю еще во время его ареста было устно объявлено, что он имеет право воспользоваться услугами адвоката». Указывая на эту строчку, Абель проговорил:

— Это неправда. Мне этого никогда не говорили.

Я попросил его просмотреть подготовленный обвинением список свидетелей, и он сказал, что Эрлен Браун — эта фамилия была нам незнакома — является замужней сестрой сержанта Роя Роудса. По его словам, Хэйханен звонил этой женщине по телефону, когда приезжал в Колорадо.

— ФБР известно о Роудсе все, — заявил Абель. — Я узнал об этом во время допроса в Техасе от одного из сотрудников ФБР. Он также сказал, что Роудс сознался. Они тогда хотели произвести на меня впечатление своей осведомленностью.

— Ну и произвели? — с любопытством спросил я.

— А это важно? — ответил Абель.

Мы перешли к вопросу о Хэйханене. Абель посоветовал мне во время перекрестного допроса этой «крысы» (казалось, что он предвкушает этот момент) «исследовать» все факторы, приведшие Хэйханена к измене: его пьянство, его блондинку, его беззаботное отношение к деньгам и его привычку влезать в долги. После этого, чтобы проиллюстрировать, как Хэйханен обращался с деньгами, Абель поведал мне любопытную историю. В июле 1955 года перед одной поездкой (вероятно, в отпуск на родину, в Россию) он оставил Хэйханену пять тысяч долларов наличными. Эти деньги, пояснил Абель, были предназначены для использования на одно конкретное дело, но не уточнил, на какое именно. По возвращении Хэйханен объявил ему, что израсходовал эти деньги в соответствии с полученными указаниями, но, как потом выяснилось, солгал.

— Хэйханен, — заявил Абель, — вероятно, присвоил эти деньги.

Я задал ему вопрос по существу заметки в «Дейли ньюс» относительно газетчика и монеты с микропленкой. Он ответил, что не помнит, чтобы терял такую монету. Теперь я уже знал Рудолофа достаточно хорошо и понимал, что если бы он когда-нибудь и потерял полую монету с микропленкой, то непременно вспомнил бы об этом.

Я не стал говорить Абелю, что после появления в прессе истории с монетой у нас возникло подозрение, что обвинение умышленно организовало «утечку» этой информации в газету «Дейли ньюс» (тираж 2 400 000 экземпляров), пытаясь найти дополнительных свидетелей, которые могли бы дать показания о других полых монетах и микропленках, имеющих отношение к делу Абеля и Хэйханена. Однако Томпкинс не только отрицал это, но и заявил, что, по его мнению, такую «утечку» организовали мы.

Во всяком случае, Абель ничего не знал об этой полой монете и не верил, что на микропленке было сообщение, зашифрованное его шифром. Он добавил, что каждый агент имеет свой личный шифр и второй ключ к нему находится только в Центре.

Я подумал, что сейчас как раз настало время сообщить моему самоуверенному клиенту, насколько твердо убеждена прокуратура в том, что ей удастся добиться обвинительного приговора. Сегодня утром один из чиновников прокуратуры доверительно сообщил нам, что появились «новые важные обстоятельства», и, многозначительно взглянув на нас, добавил, что, возможно, обвинению вовсе не придется использовать те улики, которые, как мы утверждали, были добыты незаконным

путем.

Обо всем этом я сообщил Абелю и указал на возможные тяжелые для него последствия.

— Обвинение ведет себя так, — сказал я, — словно оно неожиданно получило возможность выставить свидетеля, который подтвердит показания Хэйханена, кого-нибудь, чьи показания будет трудно опровергнуть во время перекрестного допроса. Есть ли кто-нибудь еще, возможно американец, кто знал бы о вашей истинной деятельности?

Такие вопросы я и раньше задавал Абелю, но он всегда надменно отмахивался от них. А сейчас он расстроился, побледнел и рука его задрожала. Он положил сигарету, так как она выдавала его нервное напряжение.

— В ваших же интересах, — продолжал настаивать я, — сказать мне это. Только тогда мы сможем наиболее убедительно защищать вас.

Абель сделал вид, что размышляет, но у меня создалось впечатление, будто он не вспоминает, а просто пытается сформулировать то, что следует сообщить о каком-то таком человеке.

— Думаю, есть только один человек, которого они могут попытаться впутать, — наконец сказал он. — Его имя — Аллан Уинстон.

Уинстон, как сообщил Абель, был молодой псевдоинтеллигент, который якобы готовился к защите диссертации в университете Нью-Йорка. По словам Абеля, он был сыном богатого текстильного промышленника, бунтовавшим против своих родителей и против их «буржуазного» образа жизни. Уинстон, по мнению Абеля, был декадентом. Однако, как я понял, он все же позволял родителям содержать себя.

Абель припомнил, что познакомился с Уинстоном в Центральном парке, где они оба работали над этюдами. Оказалось, что у них схожие интересы и пристрастия в искусстве, музыке и еде. Они подружились. Вместе бывали на концертах, в кино, музеях и ресторанах. Вместе с девушкой, приятельницей молодого человека, они часто обедали на квартире Уинстона в центре города, причем Абель как гурман выбирал вина и готовил кушанья.

Полковник сказал, что он как-то однажды попытался привлечь этого юного критика капитализма к сотрудничеству, с тем чтобы «все страны делили между собой все познания», однако Уинстон так и не дал ему твердого ответа. Абель добавил, что первая реакция Уинстона на это предложение была отрицательной. Очевидно, Абель не форсировал этого вопроса и

не обсуждал с Уинстоном деталей своего предложения. Тем не менее он ему доверял и даже пользовался с разрешения Уинстона его сейфом в банке, в котором хранил пятнадцать тысяч долларов наличными.

Вся жизнь полковника, само его существование базировались на твердом фундаменте самодисциплины и самоотречения. Однако подобная жизнь до отчаяния одинока, и разведчик не может не идти хоть на какой-то компромисс, позволяя себе опасную роскошь в виде приобретения нескольких тщательно отобранных друзей. Все друзья Абеля принадлежали к одной и той же категории — молодые люди, художники, имевшие одинаковые склонности. Никто из них не обладал особыми познаниями в вопросах практической политики и международных отношений.

Как Уинстон, так и два других молодых его приятеля-художника — Берт Силвермен и Дей в Левайн — полностью отвечали строгим требованиям Абеля. Да и он был для них хорошим старшим другом — добрым, отзывчивым и постоянным. Зная его, в этом можно было не сомневаться.

Вскоре после ареста Абель написал из Техаса Левайну и прислал ему доверенность, которая давала ему право распорядиться всем имуществом Абеля, находящимся в Бруклине. Копии этих документов приобщены к материалам процесса. В письме к Левайну говорится:

«Пишу вам в надежде, что вам удастся найти возможность помочь мне распорядиться всем тем, что у меня еще осталось.

Никаких особых пожеланий у меня нет, за исключением того, чтобы вы просмотрели все мои картины и сохранили те, которые считаете заслуживающими этого, до того времени (если это вообще когда-либо произойдет), когда я снова смогу получить их.

Я не возражаю против того, чтобы вы хранили или использовали любые материалы, какие найдете полезными для себя или для других моих друзей. Если вы найдете возможным что-либо продать, я хотел бы вам заплатить какую-то сумму, которая компенсировала бы вам ваши хлопоты».

Абель не упоминал в письме ни о своем аресте, ни о своем местонахождении и не объяснял странного замечания о возможности возвращения ему его картин, «если это вообще когда-либо произойдет». Доверенность была засвидетельствована нотариусом, но так и не была использована.

Когда Абель закончил свой рассказ об Уинстоне и об их отношениях, я сообщил ему, что в их дружбе не нахожу ничего такого, что могло бы негативным образом повлиять на его защиту. Он же заверил меня, что Уинстону ничего не было

известно о его подлинном лице и тот просто считал Абеля несколько разочаровавшимся человеком, бунтарем, живущим в окружении, чуждом его философии.

Чтобы переменить тему разговора, я спросил Абеля о его прошлом и о его национальности.

— Настоящий грузин, — ответил он и с явным удовольствием добавил, что евреи часто принимали его за еврея, немцы — за немца, а поляки — за поляка. Не было нужды упоминать о том, что в Бруклине его считали бруклинцем.

— Все это хорошо, — заметил я, — но для американца ирландского происхождения вы не выглядите как некто, кого при крещении назвали Мартин Коллинз.

Эти слова вызвали смех, и теперь Абель снова был самим собой — он полностью взял себя в руки. Он с интересом стал говорить об опубликованном в газетах сообщении из Москвы относительно американского «резидента», арестованного рус скими. Абель пояснил, что это, вероятно, «пробный шар» с целью зондажа возможности обмена, поскольку ему не приходилось раньше слышать о подобных сообщениях.

Я ответил, что у меня есть серьезные сомнения в реальности обмена, поскольку в сообщениях указывается, что «американский агент» является латышом по национальности и был арестован сразу же, как только ступил на землю Латвии. Вряд ли он представляет значительную ценность для кого-нибудь, и такой обмен, вероятнее всего, не заинтересует руководство США.

Абель не согласился с этим.

— Но я тоже теперь не представляю особой ценности, — заявил он. — Меня больше никогда не смогут использовать за пределами моей страны.

— Возможно, это и так, — ответил я, — однако ваш опыт делает вас исключительно полезным специалистом для не менее важной работы по оценке информации, поступающей из-за границы. По возвращении в Москву вы, вероятно, возглавите в центральном аппарате разведки отдел по Северной Америке.

Не оспаривая этого, Абель продолжал защищать свою точку зрения. Улыбнувшись, он сказал:

— Опыт этого латыша делает его ценным для Соединенных Штатов. ЦРУ, вероятно, очень полезно будет узнать, какие ошибки он допустил…

Пошутив еще немного, я перешел к следующему вопросу из моей повестки дня. Я умышленно до сих пор не затрагивал его, так как мне хотелось выяснить, не намерен ли он в какой-то мере признать себя виновным.

— Один судебный чиновник, — начал я, — сказал, будто,

понаблюдав сегодня утром за судьей Байерсом и послушав, какие он задает вопросы, убедился, что судья стремится найти признаки того, что вы готовы признать себя виновным по какому-нибудь из предъявляемых вам обвинений.

Я объяснил, что, если он решит признать себя виновным, например, по второму пункту обвинительного заключения — заговор с целью сбора, но не для передачи информации, — максимальный срок наказания составит десять лет. Если он признает себя виновным по третьему пункту — пять лет.

— И я не думаю, что этими своими действиями вы поставите свое правительство в неудобное положение, — сказал я. — В конце концов, оно ведь объявило, что ему ничего не известно о вас. Таким образом, оно якобы не замешано в этой истории, и вы могли все это делать по собственной инициативе.

Мы поговорили на эту тему еще несколько минут, а потом Абель заявил, что хочет немного подумать об этом.

Мы расстались, условившись, что он серьезно и всесторонне обдумает вопрос о возможности признания себя виновным по одному из пунктов обвинительного заключения.

Пятница, 27 сентября

Мне позвонили из прокуратуры и сообщили, что завтра в десять часов утра в управлении ФБР для нас будет организован осмотр «захваченных доказательств». Наша беседа с Хэйханеном была назначена на тот же день, на два часа.

Говоря откровенно, я сомневался, что Хэйханен во время нашей встречи согласится ответить нам даже на вопрос, который час. Однако встреча с ним была нужна для того, чтобы выяснить, что он собой представляет, и сделать набросок его портрета, который помог бы нашему частному детективу.

Суббота, 28 сентября

Ровно в десять часов утра мы вошли в управление ФБР в Нью-Йорке на углу 69-й улицы и 3-й авеню, и я обратил внимание своих помощников еще на одну из странных шуток судьбы в деле полковника Абеля.

13 октября 1953 года Абель сдал на хранение на склад Линкольна свои инструменты, которые ему не требовались каждый день. По случайному стечению обстоятельств здание склада, недавно капитально отремонтированное, теперь было занято управлением ФБР. Некоторые материалы из числа находившихся сейчас в ФБР, несомненно, раньше хранились в этом же здании, но только в качестве невинной собственности неприметного художника Эмиля Р. Голдфуса.

Доказательства, собранные под крышей занимаемого сейчас здания ФБР, выглядели внушительно. В длинной, хорошо освещенной комнате на двадцати пяти столах, словно гигантский набор закусок, были разложены различные предметы. Справедливости ради необходимо отметить, что сюда входило полное оснащение для любой важной разведывательной операции.

Работники ФБР были очень вежливы. Мы не спеша переходили от стола к столу. Прежде всего мы ознакомились с наиболее вескими доказательствами. Сюда входили: 1) полые винты, карандаши и другие контейнеры, включая бритвенную кисточку, в которые, конечно, могли вкладываться сообщения на микропленке; 2) письма к Абелю от жены и дочери из России на микропленке, а также расписание радиопередач из России, тоже на микропленке; 3) полый брусок черного дерева, содержавший комплект шифровальных таблиц на тончайшей бумаге необычного качества, похожей на очень тонкую серебряную фольгу. У меня сложилось впечатление, что в случае ареста агент мог быстро уничтожить такую бумагу, проглотив ее без всякого ущерба для своего здоровья.

Весьма остроумно были высверлены внутри винты. Снаружи они выглядели старыми и ржавыми, но, поворачивая их, вы лицезрели настоящее чудо. Новенькая медная нарезка внутри находилась полностью в рабочем состоянии, простой и невинный на вид шуруп оказывался водонепроницаемым контейнером для микропленки.

В числе экспонатов были также токарный станок и великое множество обычных инструментов, которыми Абель пользовался для изготовления контейнеров, — винтов и других приспособлений. Он располагал и целой фотографической лабораторией — с химикалиями и довольно многочисленной и дорогостоящей фотоаппаратурой. Он был настолько искусным фотографом, что мог уменьшить формат письма до размера булавочной головки. Такие микроточки, фактически не поддающиеся обнаружению, были изобретены немецкой разведкой во время второй мировой войны.

На одном из столов находились книги из его библиотеки, среди которых имелся учебник по применению термоядерной энергии, экземпляр книги Эйнштейна о теории относительности ***(Абель читал Эйнштейна так, как некоторые читают Эрла Стенли Гарднера — для развлечения),*** несколько книг по истории искусства, а также учебники по математике и статистике. Здесь же было с два десятка карт, казавшихся обычными картами дорог США, с некоторыми районами, отмеченными кружками,

сделанными карандашом. При этом кружками были обведены основные районы обороны США.

Среди бумаг Абеля находились две его банковские книжки, показывающие движение денежных сумм по его лицевым счетам в 1954 и 1955 годах, этикетки от спичечных коробок с зашифрованными записями на их внутренней стороне. Одна из них с записью воинского звания, личного номера и адреса Ачана Уинстона в то время, когда он служил в армии.

Осматривая эту кучу вещественных доказательств, я завязал разговор с одним из сотрудников ФБР. Он оказался уроженцем города Тикондероги в северной части штата Нью-Йорк; беседуя, мы внезапно открыли, что много лет назад, когда я был инструктором в лагере для мальчиков близ его родного города, мы с ним играли в бейсбол в полупрофессиональных командах, выступавших друг против друга. После ознакомления с такой массой изобличающих Абеля улик этот разговор принес мне некоторое облегчение.

В полдень мы отправились в закусочную и там за столом поговорили о совокупной весомости доказательств, представленных обвинением. Ничего особенно неожиданного в них не было. О некоторых уликах мы читали в газетах, о других узнали, знакомясь с меморандумами обвинения, к которым прилагались перечни вещественных доказательств, и, конечно, сам Абель рассказывал нам о своем имуществе. И тем не менее все это, собранное и показанное вместе, производило несколько иное впечатление.

С довольно натянутой улыбкой я заметил своим помощникам:

— Не думаю, чтобы у нашего клиента были солидные основания для возбуждения дела о незаконном аресте.

Никто из них даже не улыбнулся.

В час дня мы возвратились в управление ФБР и встретились с Джеймсом Фезерстоуном — молодым прокурором из состава обвинения, которого мы несколько раз видели в суде. Он должен был сопровождать нас на встречу с Хэйханеном. Фезерстоун попросил нас пересесть из нашей машины в его автомобиль, которым он управлял сам. Это была ничем особенно не выделявшаяся машина министерства юстиции со служебными номерными знаками.

Мы проехали по Манхэттену, а потом направились на север по шоссе вдоль берега реки Гудзон. Я сидел впереди рядом с Фезерстоуном, но мы почти не разговаривали. Он был поглощен управлением машиной и временами посматривал в зеркальце заднего обзора. Я подумал, что, наверное, нас сопровождают

работники ФБР.

Я представил себе, как по этому же самому шоссе в свое время ездили Абель и Хэйханен, направляясь на свидание в Поукипси, или Бэр-Маунтин, или куда-либо еще. Мы пересекли границу города и графства Уэст-Честер и вскоре добрались до города Элмсфсрд. Здесь мы повернули на запад и, ориентируясь по дорожным знакам, направились к мосту Тап-пан-Зи через Гудзон, соединявшему Тарритаун на восточном берегу с Саут-Найаком на западном. Проехав еще немного в этом направлении, мы свернули с дороги и остановились на стоянке машин, принадлежавшей придорожному ресторану «Маффи Мэн».

— Подождите меня здесь, — попросил Фезерстоун. — Я скоро вернусь. Мне нужно позвонить по телефону.

Обвинение вело себя загадочно и сверхосторожно, но меня это не удивляло. Упрекать его в этом я не мог. Хэйханен был человеком, которого искали. КГБ, несомненно, назначил цену за его голову, а ведь он является основным свидетелем обвинения. Без него обвинению пришлось бы плохо.

Возвратившись, молодой прокурор сообщил, что нужно будет подождать минут пятнадцать, и предложил выпить по чашечке кофе в «Маффи Мэн». В ресторане было довольно много посетителей. Мы заняли столик и заказали кофе, а Фе-зерстоун пошел по своим делам. К нему подошли несколько человек в серых шляпах, одетых как бизнесмены. Было очевидно, что в «Маффи Мэн» находилось несколько специальных агентов ФБР.

После того как мы выпили кофе, к нам подошел Фезерс-тоун и объявил:

— Теперь мы можем ехать.

Мы вышли за ним, и, когда подошли к обочине тротуара, к нам подкатила черная крытая машина, которой управлял могучего сложения человек, игравший, если мне не изменяет чутье, в свои студенческие годы в американский футбол — нападающим или защитником.

Водитель явно не собирался вступать с нами в разговор. Когда мы садились в машину, он даже не взглянул в нашу сторону и не кивнул нам. Машина сразу же рванулась с места и быстро покатила в направлении моста Таппан-Зи, но уже через полмили шофер неожиданно повернул на дугообразную объездную дорогу, которая вела к лесопитомнику, и помчался в обратном направлении. Мы возвратились к знакомому ресторану «Маффи Мэн», пересекли площадку для стоянки машин и по боковой дороге, шедшей параллельно бульвару, помчались в направлении Нью-Йорка. Мы миновали мотель и остановились у бензозаправочного пункта, расположенного сразу же за

гостиницей. Однако, прежде чем заправщик успел подойти к нам, мы сделали разворот и по той же дороге поехали обратно. Конечно, мы снова направлялись к ресторану. Повернувшись к нашему мрачному водителю, я как только мог добродушьо спросил:

— Мы что, пытаемся избавиться от ароматов «Маффи Мэн»?

Ответа я не услышал, но бывший футбольный защитник внезапно направил машину на площадку для стоянки автомобилей у мотеля и здесь остановился. Мы вышли из машины, после чего нас отвели в комнату на втором этаже одного из зданий. Дверь была открыта, по комнате ходил подполковник Хэйханен, он же Маки. Я узнал его по описанию Абеля. Снаружи, на балконе, с видом солдат, получивших команду «вольно», бездельничали несколько мужчин крупного сложения — очевидно, специальные агенты ФБР.

Никаких признаков того, что в комнате кто-то живет, не было, если не считать включенного телевизора. Перед нашим приходом Хэйханен, должно быть, смотрел телевизионную передачу и сейчас даже не обнаруживал намерения выключить телевизор или сесть. Ясно, что комната была снята специально для этой встречи и никто из присутствовавших, за исключением представителей зашиты, не ожидал, что беседа будет длительной.

— Я — главный свидетель обвинения, — нарушил молчание Хэйханен. — Вы — адвокаты Марка и можете задавать мне вопросы. Однако я имею право не отвечать на них и вообще ни о чем не буду говорить до суда.

Это была явно отрепетированная речь. Произношение у Хэйханена было довольно отчетливое, хотя говорил он медленно и с сильным балтийским акцентом. Я вспомнил о замечании Абеля, что его подчиненный проводил мало времени среди коренных американцев.

Мне необходимо было время дня изучения Хэйханена, поэтому я, игнорируя его слова, все же начал задавать ему общие вопросы. На все эти вопросы он шаблонно отвечал:

— До суда я с вами разговаривать не буду.

По словам Абеля, Хэйханен был ростом пять футов восемь дюймов и весил сто семьдесят пять фунтов. Сейчас же его вес наверняка превышал двести двадцать пять фунтов. По словам Абеля, ему было лет тридцать пять, а возможно, и все сорок пято. Его бледно-голубые глаза бегали, а черные редеющие волосы были зачесаны назад. У него были очень белые ровные зубы. Он лысел со лба, волосы его были выкрашены густой черной краской. Черные усы и еще более черные брови тоже казатись подкрашенными. Он был очень похож на изгнанного короля

Египта Фарука.

Хотя Хэйханен сейчас и несколько располнел, чувствовалось, что раньше он был сильным человеком. У него были широкие покатые плечи и жесткие мускулистые руки, которые все время тряслись. Он, очевидно, жил, как в аду, подбадривая себя, вероятно, водкой. Неудивительно, что обвинение хотело поскорее начать процесс. На месте прокурора меня бы тоже не оставляло чувство беспокойства, как этот человек будет давать свидетельские показания на открытом судебном заседании.

— Когда вас арестовали? — спросил я.

Этот вопрос как будто встревожил его.

— Меня никогда не арестовывали, — ответил он. — Меня просто охраняют, но меня никто не арестовывал.

Позади нас на большом экране телевизора разворачивалась драма. Показывали старый фильм о гангстерах, и по какому-то странному совпадению один из бандитов как раз в этот момент сказал:

— Я, может, и уголовник, но все равно имею право на адвоката.

На все вопросы о его прошлом, когда он был советским агентом, Хэйханен отвечал:

— Почему бы вам этот вопрос не задать Марку? Он знает ответ на него лучше, чем я.

В другой раз он громко, словно хотел, чтобы слышали охранники, сказал:

— Спросите у Марка, он знает. Он получал по радио сообщения обо мне. Он знает обо мне все, что происходило в течение этих последних месяцев.

Подобно многим своим предшественникам, Хэйханен на собственном опыте имел возможность убедиться, что жизнь большинства перебежчиков не перестает быть адом. Как только он перешагнул известную грань, старые его страхи сменились новыми. Он спасся от ненавистной жизни, но потерял семью, родину, прошлое. Абель и назначенный судом адвокат Абеля напоминали Хэйханену то, что он оставил позади себя, и то, что он хотел бы забыть, — свою вину, сомнения, страх. Во время второй мировой войны я знал многих перебежчиков. Несчастные случаи, пьянство и так называемые нервные расстройства и самоубийства были частыми явлениями среди них. Выживали из них только те, кто перешел на другую сторону искренне, по мотивам идеологического характера.

В конце концов Хэйханен сказал, что для него и «министра юстиции» будет лучше, если он больше ничего не скажет.

— Я больше ничего говорить не буду, — заявил он. — Вы

напрасно теряете время.

— Как вам угодно, — ответил я и, собираясь уйти, с улыбкой добавил: — До встречи на суде.

Хэйханен, показав белые зубы, улыбнулся в ответ. Улыбнувшись, он, видимо, почувствовал себя свободнее и сразу как-то помолодел. Чувствовалось, что он рад окончанию нашей встречи.

По дороге в город я старательно сделал набросок лица

Хэйханена. Вначале я нарисовал его таким, каким он выглядел сейчас, а под этим рисунком сделал другой — без усов и с более светлыми волосами и бровями. Единственной особой приметой лица Хэйханена был небольшой шрам на правой щеке. Однако в душе у него словно была открытая рана. Его хорошо охраняли, но, несмотря на это, было заметно, что он все время жил в состоянии страха. Невозможно было предсказать, как он будет вести себя в качестве свидетеля обвинения.

Воскресенье, 29 сентября, и понедельник, 30 сентября

Принимая во внимание, что процесс может начаться на следующей неделе, я все воскресенье трудился над вступительной речью перед присяжными. Это было нелегким делом. Судя по имеющимся фактам, представителям защиты не приходилось рассчитывать на легкий успех. После многочасовой работы — составления и переработки — проект речи стал более сжатым, выразительным и сдержанным по тону.

А мои помощники тем временем работали над вопросами, которые следовало задавать присяжным в процессе их отбора. В судах нашего штата представители защиты и обвинения могут сами опрашивать будущих присяжных, но в Федеральном суде это право принадлежит только судье. Однако вопросы могут быть представлены председательствующему судье заблаговременно, и судья Байерс дал понять, что он намерен придерживаться именно такой процедуры.

Днем в понедельник, когда я продолжал трудиться в своей конторе над вступительной речью, к моему удивлению и, я не сомневаюсь, к изумлению нашей телефонистки, у меня состоялся довольно необычный телефонный разговор.

— Мистер Донован? Говорит Рудольф, — сказал мне кто-то.

— Какой Рудольф? — спросил я.

— Рудольф Абель.

Вначале я было подумал, что это кто-то из друзей решил надо мной пошутить, но, как оказалось, это, действительно, звонил полковник. Он объяснил, что как я имею право звонить ему по телефону, если за десять минут до этого предупрежу начальника

тюрьмы Кринского, то так же это может Делать и он. По словам Абеля, он очень хотел бы увидеться со мной, так как у него возникли новые важные вопросы, которые он хотел бы обсудить. Я ответил, что навещу его в тюрьме на следующий день.

К концу второй половины дня наш частный детектив представил свой первый доклад — это оказалось самым важным событием дня. В докладе из десяти страниц с грифом «Конфиденциально» единственными отличительными пометками были только инициалы: «Дж. Д.».

Используя сообщенные нами данные и мои любительские наброски лица Хэйханена, детектив выяснил, что Хэйханен, или Юджин Маки (под этим именем его знали соседи), в 1955–1956 годах жил в ветхом доме № 806 по Берген-стрит в городе Ньюарке. Он нашел эту квартиру по объявлению в газете и 29 марта 1955 г. подписал договор об ее аренде сроком на три года. Однако около года назад Хэйханен и его «жена» внезапно и тихо уехали.

В докладе нашего сыщика жители Берген-стрит причислялись к «низшим классам». На этой улице были расположены небольшие магазинчики и многоквартирные дома, частично заселенные неграми, частично белыми. Дом, где жил Хэйханен, находился, по сообщению детектива, «в запущенном состоянии».

На этой улице имелось два бара. Соседи говорили, что Хэйханен пил дома, и пил основательно. Эти же соседи, считавшие Хэйханена довольно загадочной и неприятной личностью, рассказывали, как он пил, как имел обыкновение разбрасывать по всему коридору пустые бутылки из-под пива и виски. Естественно, что он невольно привлекал к себе внимание.

Хэйханена знали и в парикмахерской Дейва, расположенной напротив дома, где он жил, и в булочной, находившейся в доме № 808, и в «Стар кредит компани», где он приобрел за наличные холодильник, и в химчистке. Вот некоторые факты, о которых детективу удалось узнать от соседей:

«Хэйханен много и часто пил, часто ссорился со своей женой, красивой блондинкой, и нередко избивал ее. Он никогда и нигде не работал, но у него всегда бьши деньги на виски и на содержание машины. К нему неоднократно вызывали полицию, но она ни разу не приняла по отношению к нему каких-либо мер. Хэйханен никого не пускал в свою квартиру, а выходившие на улицу окна замазал мастикой так, что снаружи через них нельзя было разглядеть, что делается внутри.

Соседи, может быть, и не обращали бы особого внимания на поведение и пьянство Хэйханена, если бы не его слишком жестокое обращение с женой, которую все описывали как

женщину необычайной красоты. Один человек даже утверждал, что Хэйханен беспощадно избивал ее.

Вечерами из квартиры доносились ужасные крики, рассказал другой. Люди не раз вызывали полицейских. Однажды вечером он тоже обратился в полицию, однако прибывшие полицейские не смогли проникнуть в квартиру и уехали.

Другой сосед сообщил, что однажды Хэйханен издевался над своей женой таким образом: как-то утром он купил в булочной хлеб, разломил его на куски, тут же в булочной швырнул их на пол, а затем приказал жене встать на колени и собрать их, и она повиновалась.

Жена Хэйханена, Анна, женщина лет тридцати пяти, не говорила по-английски и, возможно, поэтому терпела такое обращение и не просила помощи у соседей или у полиции. Но 24 мая 1956 г. она, очевидно, решила, что с нее хватит. В половине девятого утра кто-то позвонил в полицию, и дежурный по шестому участку сигнализировал патрульным, что требуется оказать помощь человеку, пострадавшему от несчастного случая в доме № 806 по Берген-стрит. Сержант Ге-варни и патрульный Кюэл провели расследование и в своем официальном рапорте сообщили: «Юджин Маки, тридцати шести лет, упаковывая что-то, нечаянно порезал себе правую ногу, и из раны пошла кровь. Он был доставлен в Мартленд-скую поликлинику, где ему оказал помощь доктор Кэнзер».

Сержант Геварни сообщил нашему детективу, что, когда он приехал к Хэйханену, или Маки, тот лежал на кровати и его нога была кое-как забинтована. У него был глубокий порез, на который потом пришлось наложить три шва. По словам полицейского, у двери в квартиру Хэйханена темнела лужа крови. Пятна крови были видны по всей квартире, и даже стены кое-где тоже были обрызганы кровью. Он вспомнил, что, после того как Хэйханена отправили на машине «скооой помощи» в поликлинику, его жена осталась дома.

Полицейский поверил Хэйханену, утверждавшему, что он что-то упаковывал, пользуясь нежом, которым случайно и ранил себя. Полицейские не поинтересовались, что именно он упаковывал и куда собирался. Они припомнили, что в квартире находилось несколько ящиков с фотооборудованием.

Однако соседи Хэйханена полагали, что они лучше осведомлены. Кроме того, у них возникали и другие вопросы. «Чем он занимается? — спрашивали они друг у друга. — Почему у него всегда замазаны окна? Для чего ему нужна большая служебная собака?»

Молодая женщина, работающая в химчистке, утверждала, что

Хэйханен, перед тем как снять квартиру, говорил о своем намерении открыть фотостудию. Однако переехав сюда, Хэйханен со своей несчастной женой стал жить как затворник.

Соседи обратили внимание и на тот факт, что машина Хэйханена то несколько дней стояла на улице, а то по нескольку недель ее не было видно».

Остальная часть доклада нашего детектива состояла из отрывистых сведений, которые обычно стараются собрать все сыщики для характеристики человека с целью определения его положения в обществе и с тем, чтобы дать описание его образа жизни.

Если судить по содержанию доклада, то казалось невероятным, чтобы подобный человек мог быть подполковником советской внешней разведки, осуществлявшим важную нелегальную работу. Ведь его профессия требовала соблюдения величайшей осторожности, а он, казалось, делал все возможное, чтобы привлечь к себе повышенное внимание. Неудивительно, подумал я, что Абель недоумевал по поводу выбора его помощника.

Вторник, 1 октября

Утром мы с Абелем провели вместе целых два часа. На встречу со мной он пришел с написанными на трех страницах юридическими доводами, подготовленными его «тюремными адвокатами». Как выяснилось, это и были те «новые важные вопросы», о которых он упоминал во время нашего разговора по телефону. Некоторые правовые положения подкреплялись точными ссылками на авторитеты в области юриспруденции. Так, например, в этом документе говорилось: «Может ли обвинение в двух различных преступлениях: 1) сбор и получение и 2) передача и получение — базироваться на одних и тех же действиях, подтверждаемых свидетельскими показаниями? (См. дело Питерсона в окружном апелляционном суде Аляски, 297 Ф 1002.) Нельзя обвинять в двух различных преступлениях, если они являются результатом одних и тех же действий».

— И откуда только вы все это получили? — спросил я. — Кто вам дал эти правовые аргументы?

— Заключенные, — ответил Абель. — Заключенные, отбывающие наказание в особо строгих условиях. Я же рассказывал вам, что получаю информацию «из первоисточников».

Я внимательно прочитал эти заметки и несколько минут обдумывал изложенные в них аргументы. Полковник, наверное, надеялся, что если я, полагаясь на эти заметки, обращусь в суд с

ходатайством об освобождении его под залог, то он сегодня же сможет выйти из тюрьмы.

Призвав на помощь весь свой такт, не торопясь, я начал объяснять ему, что все эти аргументы, конечно, вполне заслуживают внимания и защита уже рассматривала каждый из них. После этого я сообщил, почему мы решили не использовать их.

Предложение: выступить с ходатайством, вынуждающим обвинение точно определить, по какому — первому или второму — пункту обвинительного акта оно будет добиваться обвинительного приговора, поскольку обвинения по обоим этим пунктам вытекают из одних и тех же действий.

Возражение: мы полагаем, что после нашего выступления с таким ходатайством обвинение остановится на первом пункте, из которого следует смертный приговор. Мы надеемся, что, если представленные обвинением по этому пункту доказательства окажутся слабыми, мы сможем просить присяжных об оправдании по первому пункту. По пункту второму максимальным наказанием может быть десятилетнее тюремное заключение. В сущности говоря, мы надеемся, что присяжные сами сделают выбор и этот выбор будет правильным. Это будет лучше, чем если мы заранее откажемся дать возможность присяжным сделать такой выбор.

Точно так же я проанализировал и остальные десять пунктов, причем каждый из них в документе подкреплялся ссылками на юридические авторитеты. Абель, как всегда, слушал внимательно и терпеливо. Когда я закончил, Абель сказал, что соглашается с нашим мнением, которому, как он это неоднократно заявлял, полностью доверяет г; которое считает единственно правильным.

Я рассказал Абелю о нашей встрече в прошлую субботу с Хэйханеном. Он наклонился вперед и, слушая, приложил к правому уху сложенную «лодочкой» ладонь. Это была его излюбленная поза, когда он слушал. Мне Абель никогда не жаловался на свой слух, но кое-кто высказывал предположение, что он слышит не совсем хорошо. Однако это никак не отражалось на его способности быстро и взвешенно отвечать, при условии, конечно, если он хотел этого.

Когда я описал ему, как Хэйханен волновался и пытался скрыть, что у него трясутся руки, Абель заметил:

— Это от пьянства. Он пьет — и еще больше трусит. Все трусы пьют, чтобы избавиться от страха.

Я показал ему свой набросок лица Хэйханена, и он сперва кивнул, а потом посоветовал нарисовать глаза поближе друг к другу.

По словам Абеля, он занимал в отношении Хэйханена выжидательную позицию, полагая, что этот совершенно не подходящий ддя подобной работы человек в скором времени будет отозван или же что его полнейшая непригодность — часть более хитроумного замысла советской разведки, имеющего целью подставить Хэйханена ФБР в качестве двойного агента. Абель так верил в Советский Союз и в его разведывательную службу, что не допускал мысли о возможности посылки ему КГБ столь ненадежного и некомпетентного работника.

Мы поговорили с Абелем о вещественных доказательствах, которые ФБР продемонстрировало защите в субботу утром. Абель отрицал, что у него была аппаратура для передачи мощных радиосигналов. По его словам, имевшийся у него генератор был слишком слаб для осуществления передач на большие расстояния. Я вынужден был с ним согласиться, когда он сказал, что было бы слишком рискованно даже пытаться вести радиопередачи из деловой части Бруклина, менее чем в одной миле от Бруклинской военной верфи.

Среда, 2 октября

В последнюю минуту мы обратились к судье Байерсу с ходатайством отложить процесс до 1 ноября, с тем чтобы мы могли должным образом подготовиться.

— Ваша честь! — сказал я. — Для удовлетворительной подготовки к этому процессу действительно требуется время. Тем не менее, если мы до 1 ноября убедимся, что готовы, мы немедленно уведомим об этом суд и прокуратуру.

— Мистер Донован, я настаиваю на том, чтобы назначение состава присяжных произошло завтра, — ответил судья. — После этого, если защите потребуется еще время, я соглашусь на любую обоснованную отсрочку.

Судья оказался непреклонным человеком. Он все время уверял, что проведет отбор присяжных 3 октября, а потом отправит их по домам, но я как-то не мог заставить себя поверить, что он исполнит свою угрозу. Однако Байерс оказался человеком слова, которое в данном случае стало законом.

Мы с Томпкинсом, завтракая вдвоем, решили, что обвинение и зашита в виде компромисса, безусловно, могут согласиться, что отбор присяжных должен быть произведен 15 октября. По моему предложению мы еще раз нанесли визит судье Байерсу. Мы застали его в кабинете, но он был непреклонен.

Я сообщил ему, что в сложившейся обстановке буду вынужден обратиться в апелляционный суд США и на внеочередном заседании попросить вынести определение об

отмене установленной им даты начала процесса.

Казалось, что это сообщение захватило судью врасплох.

— В апелляционный суд? — спросил он. — Отложить начало процесса?

Судья далее заметил, что такое направление действий кажется ему совершенно необычным, но что это мое право. Он повторил свои заверения, что, если присяжные будут выбраны завтра, он выслушает ходатайство об отсрочке. Я столь же решительно и твердо ответил, что не считаю правильным, в том случае, когда речь идет о рассмотрении такого важного дела, сначала выбирать присяжных, а затем распускать их на десять или больше дней, чтобы они занимались своими делами и общественной деятельностью в Бруклине.

В четыре часа дня в здании Федерального суда началась необычная чрезвычайная сессия апелляционного суда США, на которой председательствовал старший судья Дж. Эдвард Ламбард. В большом красивом зале суда царила тишина, так как было уже довольно поздно и на заседании присутствовали только мы.

Сообщить что-либо новое мы не могли, так как обо всем уже говорилось много раз. Томпкинс заявил, что обвинение готово к процессу, но не станет возражать против нашего требования о любой отсрочке, если оно будет обоснованным.

Я повторил наше утверждение, что если нас вынудят на следующий день прийти на суд, то таким образом будет нарушена законная судебная процедура, поскольку мы не имели необходимого времени для должной подготовки защиты. Я рассказал о составленных нами подробных документах и о времени, уже потраченном на судебные проволочки, а также подчеркнул важность нашего ходатайства по поводу обыска и ареста, которое в данный момент все еще не рассмотрено в Федеральном окружном суде.

Незадолго до окончания дискуссии какой-то журналист Передал прокурору Томпкинсу записку, и прокурор тут же информировал суд, что только что вынесено решение по нашему ходатайству об обыске и аресте.

— В связи с этим, — заявил судья Ламбард, — я полагаю, что решение вопроса должно быть полностью передано судье, который будет председательствовать на процессе. Я совершенно убежден, что судья Байерс решит этот вопрос без всякого ущемления прав подзащитного.

Мы поспешили уйти из суда, чтобы разузнать подробности решения по нашему ходатайству. В его определении говорилось, что мы поступили правильно, возбудив ходатайство в Нью-Йорке,

где был наложен арест на имущество Абеля. Судья признавал, что в нашем ходатайстве речь идет о гражданском иске, подлежащем рассмотрению отдельно от уголовного дела. С другой стороны, продолжал судья, принимая во внимание все обстоятельства и разумно применяя предоставленное ему право, он считает необходимым отклонить наше ходатайство, но разрешает нам возбудить его вновь в суде Восточного округа.

Таким образом, наша попытка не увенчалась успехом. У нас не было времени возбуждать заново гражданское исковое дело в Бруклине. Кроме того, мы должны были признать, что у нас почти не было оснований надеяться на возможность отмены постановления суда апелляционным судом.

Впереди предстояла интенсивная работа. Мы решили, что на следующий день утром следует обратиться к судье Байерсу с просьбой считать все документы по ходатайству об обыске и аресте частью рассматриваемого в Бруклине уголовного дела и таким образом сохранить за собой право вернуться к этому вопросу, если придется подавать апелляционную жалобу.

Пока же мы решили работать весь вечер и, если потребуется, всю ночь над определением позиции защиты на первой стадии процесса, который начнется утром.

Мы обсудили, какого именно состава присяжных заседателей нам нужно добиваться. Я напомнил своим коллегам, что в данном случае, «вне зависимости от того, каким окажется состав присяжных, нам следует иметь в виду, что мы начинаем процесс по меньшей мере с двумя проигранными очками».

— Мы несколько продвинулись вперед, — сказал я своим помощникам, — но сказанное мною Рудольфу в первый же день все еще соответствует реальному положению дела. Только чудо может спасти ему жизнь.

Четверг, 3 октября

От нашего дома до здания Федерального окружного суда в деловой части Бруклина, выходящего окнами в небольшой парк, можно доехать за пятнадцать минут. Если же на прилегающих улочках движение интенсивное, на это потребуется час. В этот день поездка заняла полчаса, и, входя в старое здание суда, я порадовался, что приехал пораньше. Зал суда был уже переполнен. К его дверям тянулись длинные очереди любопытных. Не в меру усердные охранники обыскивали всех посетителей, словно ожидали, что здесь будет не суд, а сражение, и все явятся с оружием.

— Прошу встать!

Ровно в половине одиннадцатого служитель в голубой форме

открыл дверь позади судейского места, и высокий, держащийся очень прямо судья Байерс опустился в деревянное кресло, стоящее на возвышении.

Прежде чем приступить к отбору присяжных, я попросил у судьи разрешения передать ему документы, касающиеся нашего ходатайства об обыске и аресте. Судья Байер согласился с этим и сказал:

— Суд примет документы и будет рассматривать ходатайство, как если бы оно было сразу представлено в суд Восточного округа.

Он заявил, что оставляет за собой право принятия решения, и заметил:

— Я хотел бы изучить документы.

Затем он обратился к первым двенадцати кандидатам в присяжные. Задав несколько предварительных вопросов, судья заявил:

— Сейчас я коротко расскажу вам суть этого дела. В подробности вдаваться не буду.

Я невольно задал себе вопрос, кто из присутствующих в этом переполненном зале, и особенно среди присяжных, мог не знать сути этого дела. Видимо, только люди, не смотревшие в последнее время телепередач, не читавшие газет и журналов и не разговаривавшие со своими соседями в Бруклине.

— В обвинительном заключении подсудимый Абель обвиняется в участии в трех отдельных заговорах, — продолжал судья. — Заговор — это соглашение между двумя или более лицами, и для того, чтобы это соглашение было наказуемым, ЭТО должно быть соглашение с целью нарушения закона.

— Есть ли у кого-либо из вас возражения против участия в процессе в качестве присяжного заседателя, поскольку дело является уголовным? Был ли кто-либо из вас в прошлом связан с каким-либо правительственным или муниципальным учреждением?

Присяжный № 1 ***(поднимая руку).*** Я в настоящее время являюсь офицером запаса.

Присяжный № 10. Лет десять назад часть дня работал на почте.

Судья Байерс. Отразится ли то обстоятельство, что в свое время вы состояли на государственной службе, на вашей способности вынести справедливый и беспристрастный приговор?

Присяжный № 1. В моем случае — да, сэр.

Судья Байерс. Вы освобождаетесь от участия в рассмотрении этого дела.

Полковник Абель, аккуратный и скромный в своем

темносером костюме, с модным узким галстуком в полоску, сидел позади меня. Время от времени мы обменивались несколькими словами. Раз или два что-то услышанное Абелем заставило его улыбнуться. В газетных статьях об Абеле говорилось, что он был «щегольски одет», вел себя «совершенно непринужденно». Один из репортеров писал, что он «излучал уверенность… смеялся и оживленно разговаривал со своим адвокатом, назначенным судом».

Судья Байерс вновь обратился к присяжным:

— Подсудимым по делу является Рудольф Иванович Абель — вы так это произносите?

Абель. Да, сэр. (***Отвечая, Рудольф улыбнулся.)***

Судья Байерс. Кто-нибудь из вас знаком с ним? ***(Все промолчали.)***

Судья Байерс. Кто-нибудь из вас читал о нем? Те, кто читал, поднимите руки. Номера один, пять, шесть, номе? восемь, номер девять, номер одиннадцать.

Шесть из двенадцати вероятных присяжных, то есть половина их, признали, что читали о деле.

— Создалось ли у вас в результате этого чтения, вне зависимости от того, что вы читали, какое-либо впечатление о виновности или невиновности подсудимого? — спрашивает судья.

Присяжный № 6. У меня создалось.

Судья Байерс. Номер шесть, у вас сложилось определенное мнение?

Присяжный № 6. Да.

Судья Байерс. Как вы считаете, это мнение не изменится после ознакомления с доказательствами?

Присяжный № 6. Я полагаю, сэр, что изменится. Да. ***(Присяжный Ns 6 по фамилии Рэндвла ранее сообщил, что он клерк.)***

Судья Байерс. Ну что ж, это очень важно, и я должен полностью доверять вам.

Разрешите мне пояснить, что в уголовном деле подсудимый с начала процесса и на всем его протяжении считается невиновным до тех пор, пока присяжные не вынесут приговор. Основная ответственность за опровержение этой презумпции невиновности лежит на обвинении, которое должно доказать вину так, чтобы в этом не оставалось никакого сомнения.

Вы заявляете, что у вас сложилось определенное мнение. Вам придется сказать мне, сможете ли вы изменить его после ознакомления с доказательствами или отказаться от него, если прокурор не сможет так основательно, как это требуется, доказать правильность обвинения.

Присяжный № 6. Я полагаю, что, если мне будут представлены достаточно убедительные доказательства, я смогу понять, что означает то или иное доказательство, но тем не менее у меня есть свое мнение.

Судья Байерс. Важно иметь в виду, что доказательства, подтверждающие необходимость вынесения обвинительного приговора, должны быть представлены обвинением и что вина подсудимого должна быть установлена с их помощью так, чтобы исключалось всякое резонное сомнение.

Если обвинение не сможет представить таких доказательств, то помешает ли вам мнение, которое, по вашим словам, у вас есть, честно и беспристрастно выполнить свой долг присяжного?

Присяжный № 6. Я полагаю, что да, сэр.

Судья Байерс. Вы будете освобождены от участия в рассмотрении.

Клерк назвал фамилию, и место присяжного № 6 на скамье

для присяжных занял другой человек. Пока происходила эта замена, судья опросил всех других кандидатов, признавших, что они читали о деле, сложилось ли у них какое-нибудь мнение. Все ответили отрицательно. Судья продолжал опрос, задавая обычные, шаблонные вопросы. Знакомы ли присяжные с кем-нибудь из представителей обвинения или защиты?

Не состоит ли кто-нибудь из членов их семей на государственной службе или не пытается ли поступить на нее? Знакомы ли они с каким-нибудь судьей или с кем-либо из судейских чиновников?

— Окажут ли на вас влияние письма с угрозами, — спросил далее судья, — телефонные звонки или какие-нибудь сообщения, какие вы можете получить, когда избрание вас присяжным при рассмотрении этого дела получит огласку?

В зале суда установилась тишина. Ни один из присяжных после такого вопроса даже не шевельнулся. Затем женщина-присяжный подняла руку. Судья кивнул ей.

— Можно ли назвать невестку членом семьи? — спросила она. — Я только что вспомнила, что одна из моих невесток находится на государственной службе.

— Это довольно трудный вопрос, — улыбаясь, ответил судья. — Одни считают невесток членами семей, а другие нет. Расскажите мне, как у вас обстоит дело.

Женщина сообщила, что ее невестка работает клерком в ФБР, но она полагает, что, несмотря на это, может без предубеждения выполнить свой долг присяжного заседателя.

— Выслушайте внимательно следующий вопрос, — продолжал судья Байерс. — Есть ли у кого-нибудь из вас члены семей, проживающие сейчас в странах, которые называются находящимися за «железным занавесом»?

Судья перечислил страны, а затем посмотрел на каждого из присяжных.

Ответа не последовало, и он сказал:

— Из вашего молчания я делаю вывод, что ни у кого из вас нет членов семьи, проживающих за «железным занавесом».

Продолжая задавать вопросы, судья коснулся и вопроса о смертной казни.

— Возражает ли кто — нибудь из вас против применения такой меры наказания, как смертная казнь? Окажет ли какое-либо влияние на ваш вердикт тот факт, что, если подсудимый будет признан виновным по первому пункту обвинительного акта, он может быть приговорен к смертной казни?

Ответа от присяжных опять не последовало.

По нашей просьбе судья задал присяжным два следующих

вопроса:

— Станете ли вы придавать большее значение показаниям свидетеля, потому что этот свидетель утверждает, что он, являясь бывшим русским шпионом, в настоящее время помогает администрации Соединенных Штатов? Окажет ли влияние недавняя война в Корее или теперешнее положение в мире на вашу способность объективно ответить сейчас на вопрос, виновен ли подсудимый в предъявленных ему обвинениях?

Теперь мы были готовы для опроса будущих присяжных, дающего основания для выдвижения защитой требований об отводах — как постоянных, так и временных. Как решил судья, все вопросы должны были задаваться через него.

Один раз Фреймен вскочил с места и хотел задать вопрос непосредственно присяжному, однако судья тут же резко оборвал его:

— Как я вчера вам сказал, вопросы будут задаваться только мною.

Нам было ясно, что судья не хочет соглашаться на отвод кого-либо из присяжных. Во всяком случае, он не согласится на это без борьбы. Когда я указал на то, что присяжный № 12 является служащим военно-морского флота и поэтому должен быть отведен, судья ответил:

— Он вольнонаемный служащий… Нет, на его отвод я не согласен.

— Но в обвинении речь идет о вопросах национальной обороны, ваша честь.

— Он вольнонаемный служащий, — снова ответил судья Байерс. — Я не согласен на его отвод.

Не только судья не желал отводить присяжных. Они и сами очень не хотели покидать свои места на скамье присяжных. Большей частью они и ответы-то свои формулировали таким образом, чтобы дать как можно меньше поводов любой из сторон к выдвижению требований об отводе. Ведь принадлежность к составу присяжных по делу Абеля могла явиться богатой темой для разговоров в будущем — с соседями, в клубе за игрой в карты или за бокалом вина в излюбленном ресторанчике. К тому же если и выступать в роли присяжного, так уже лучше в таком деле, чем при разбирательстве, скажем, дела о воровстве автомобилей.

Одна пожилая женщина подозрительно настойчиво добивалась, чтобы ее оставили в составе присяжных. Она утверждала, что никогда раньше не слышала об Абеле или о каком-то его деле и у нее нет никаких предубеждений против коммунистов. Мы пытались понять, что ею руководит, и в конце концов спросили у нее через судью, есть ли у нее дети.

— У меня был сын. Он был убит, когда находился на военной службе. У меня есть еще дочь, — тихо ответила она.

Судья Байерс, не расслышавший ее ответа, переспросил:

— Вы говорите, что у вас есть сын и он на военной службе?

— Он убит, — снова ответила женщина. — Он был летчиком, и его убили коммунисты в Корее.

После этого судья по нашей просьбе спросил:

— Не отразится ли факт утраты вами сына, о котором вы сообщили, на вашем вердикте по этому делу?

Присяжный № 2 (***категорически***). Нет, никак не отразится.

Эти настойчивые утверждения о способности к объективности и заявление о невероятной неосведомленности о деле Абеля были настолько подозрительными, что защита пришла к выводу о необходимости отвести ее кандидатуру в первую очередь. Ведь, несомненно, бедная женщина рассматривала участие в этом процессе как возможность для сведения личных счетов. Я испытывал к ней невольное сострадание: ее сын трагически погиб от рук красных. Однако американский суд, рассматривающий дело, по которому может быть вынесен смертный приговор, неподходящее место для проявления личных эмоций.

По мере того как делались отводы, на скамьях присяжных занимали места новые люди, и им задавались те же самые вопросы. Один из кандидатов на вопрос судьи о родственниках, находящихся на государственной службе, ответил:

— Моя мать работает на почте в Хобокене.

Тридцатишестилетний Джон Даблин, занявший место присяжного № I, сообщил, что работает в отделе общественных работ муниципалитета. На вопрос судьи, читал ли он о подсудимом, Даблин холодно ответил:

— Несколько азов о том, что он арестован или что-то вроде этого.

Судья Байерс. И о том, что предстоит суд над ним?

Мистер Даблин. Нет, всего лишь несколько слов о том, что он арестован.

Судья Байерс. У вас сложилось какое-либо определенное мнение?

Мистер Даблин. Нет.

Присяжный через всю комнату бросил взгляд на Абеля, чтобы как следует рассмотреть подсудимого. То, что он увидел внешне ничем не примечательного человека, несколько удивило его, и несколько месяцев спустя после процесса Даблин заявил репортеру:

— Знаете, у меня создалось впечатление, что он ничем не отличается от обыкновенных людей, его можно было принять за

кого угодно.

В итоге было сделано тридцать два возражения, и еще восьми присяжным было отказано в участии в рассмотрении дела. К четверти четвертого, через три с половиной часа, было отобрано двенадцать кандидатур присяжных, удовлетворяющих обе стороны. Отбор прошел довольно спокойно и не вызвал ожесточенных и долгих споров.

Старшиной присяжных был назначен мистер Даблин.

В целом защитники пришли к выводу, что в состав присяжных вошли довольно интеллигентные люди. Мы не смогли составить какого-либо определенного мнения лишь о двух присяжных из этого состава — о вольнонаемном работнике военно-морских верфей и о миссис Кэтрин Мактаг, муж которой работал вольнонаемным врачом на военной базе в Бруклине.

После обеда мы поделились впечатлениями о прошедшем дне, тщательно проанализировали состав присяжных и поговорили о том, чего можно ожидать в дальнейшем. Завтра нам предстоит отобрать еще четырех запасных присяжных.

Пятница, 4 октября

В одной из бульварных газет сообщалось, что Хэйханен, возможно, не будет выступать на суде. «Надежные источники» сообщали, что он не решается давать показания, опасаясь репрессий по отношению к его матери, двум братьям и сестре, оставшимся в России. Согласно сообщению, Томпкинс отказался отвечать на вопросы о своем главном свидетеле.

Заседание суда в это утро прошло быстро и гладко. Четырех запасных присяжных — троих мужчин и одну женщину — мы отобрали за тридцать минут. Судья привел их к присяге, а затем по просьбе защиты отложил заседание до 14 октября. Перед тем как распустить присяжных, он проинструктировал пх относительно того, что они не должны ни с кем разговаривать о деле, даже с членами своих семей.

— Если кто-либо попытается вовлечь вас в разговор об этом деле, пожалуйста, сообщите об этом факте суду. Я также надеюсь, что вы будете избегать чтения всяких комментариев, которые могут появиться. Ваш долг как присяжных по этому Делу состоит в том, чтобы сохранять свою объективность, и, ДЛЯ того чтобы должным образом его выполнять, я рекомендую вам принимать все необходимые меры предосторожности.

Обвинение представило три новых меморандума в связи с нашим ходатайством по поводу обыска и ареста, кажется, находившихся в противоречии с нашей версией того, что произошло 21 июня. В связи с этим мы попросили судью Байерса

назначить заседание для официального слушания этого вопроса. Судья предложил нам явиться к нему во вторник, когда он рассмотрит ситуацию, как она ему представляется, и тут же сухо добавил:

— Я не намерен рассматривать это как дополнительную причину для отсрочки процесса.

Воскресенье, 6 октября

Представители защиты собрались в полдень в нашем маленьком кабинете в здании Бруклинской ассоциации адвокатов на Ремзен-стрит. Все согласились, что моя вступительная речь перед присяжными должна быть краткой. Однако при обсуждении того, насколько конкретной ей следует быть в отношении показаний и доказательств, которые может представить обвинение, мнения разделились. Нужно было подождать предъявления доказательств, прежде чем составлять окончательное суждение.

Мы решили, что не будем вызывать каких-нибудь свидетелей со своей стороны. По нашему мнению, было бы бессмысленно вызывать свидетелей, чтобы они охарактеризовали нашего подзащитного, ибо они не знали полковника Абеля из КГБ, им был известен лишь бедный и добрый художник Эмиль Голдфус с Фултон-стрит в Бруклине. Ясно, что было бы нецелесообразно допрашивать Абеля в качестве свидетеля по его же делу, однако я сказал ему, что он должен сам решить этот вопрос. Я рекомендовал ему подождать, пока обвинение представит все доказательства, а затем сообщить мне о своем решении. Я сказал, что, как мне кажется, с его стороны было бы очень рискованным разрешить подвергнуть себя перекрестному допросу.

В результате обсуждения того, как нам распределить между собой роли в ходе процесса и как лучше действовать совместно, мы решили, что я произнесу вступительную и заключительную речи и проведу перекрестный допрос основных свидетелей, а мои помощники будут выдвигать возражения процедурного характера во время первичного изложения существа дела обвинением. Другими словами, я буду изучать свидетелей обвинения, изыскивать возможные направления перекрестного допроса, сличать свидетельские показания с информацией, предоставленной мне Абелем, а мои помощники будут внимательно следить за первоначальным опросом представителями прокуратуры выставленных ими свидетелей, вносить возражения против формулировок вопросов и так далее. Но нас беспокоило то, что судья Байерс может не допустить успешного проведения нами такой совместной кампании.

Вторник, 8, и среда, 9 октября

До начала процесса оставалось меньше недели, и во вторник утром мы явились в суд и добились, чтобы обвинение участвовало в слушании дела с нашими возражениями по поводу обыска и ареста. За два дня мы допросили четырех чиновников иммиграционного управления и агента ФБР, участвовавших в налете на гостиницу «Латам». Материалы по этому делу уже составляли четыреста тридцать семь страниц.

Мы внесли в протокол описание того, что газеты назвали «полномочной встречей и утренним свиданием» работников ФБР и иммиграционного управления. Наша цель состояла в том, чтобы показать, что, производя арест, чиновники иммиграционного управления действовали сообразно указаниям ФБР как пешки. Более того, мы пытались этим подтвердить тот факт, что и налет, и арест, произведенные без законно оформленных ордеров, ФБР предприняло для того, чтобы задержать Абеля и захватить его имущество и сохранить этот факт как можно дольше в секрете. В случае согласия Абеля на сотрудничество этот трюк стал бы блестящим ходом контрразведки. Однако, когда выяснилось, что этот дерзкий маневр не удался и намеченная цель не достигнута и министерству юстиции пришлось возбудить уголовное дело, его представители забыли — и хотели бы, чтобы и мы сделали то же самое, — что они уже нарушили предусмотренные конституцией права гражданина, если его следует судить за уголовное преступление в соответствии с нашими законами.

Из показаний пяти государственных служащих мы составили себе следующее представление.

В один из дней между 13 и 20 июня чиновник министерства юстиции по связи с ФБР и Управлением иммиграции и натурализации позвонил по телефону заместителю начальника иммиграционного управления Марио Т. Ното и, сообщив ему о нелегально проживающем в стране иностранце, добавил: «В связи с его шпионской деятельностью им интересуется ФБР».

Ното сказал, что по прошествии нескольких дней он снова Услышал об этом иностранце от сотрудника ФБР. Причем его информировали, будто он «имеет какое-то звание в советском разведывательном аппарате, что его подлинная личность установлена и что он не Эмиль Голдфус (как он себя называет), а Рудольф Абель».

Ното показал, что 20 июня Управление иммиграции и натурализации решило арестовать Абеля в Нью-Йорке, где, как узнало ФБР, он осуществлял свою деятельность, и возбудить против него дело о высылке. Приблизительно в три часа дня Ното

приказал иммиграционным чиновникам Роберту Э. Шенебергеру и Ленноксу Канцлеру отправиться из Вашингтона в Нью-Йорк и задержать Абеля.

В половине одиннадцатого вечера эти чиновники прибыли в аэропорт Ньюарка, имея при себе неподписанный ордер на арест и ордер ***«о*** представлении доказательств». Здесь их встретили два чиновника отделения Управления иммиграции и натурализации в Нью-Йорке. Все вместе они приехали в это отделение, где его начальник, Джон Марф, подписал административное распоряжение, уполномочивающее чиновников задержать Абеля. Отсюда все четверо поехали в нью-йоркское управление ФБР, где сразу же после полуночи они решили рано утром явиться в гостиницу «Латам» с шестью или восемью специальными агентами ФБР. Приняв такое решение, они легли спать здесь же, в управлении ФБР.

Мы еще раньше утверждали, что действиями иммиграционных чиновников фактически руководило ФБР. Давая показания, Шененбергер сообщил: «Мы попросили их (работников ФБР) показать нам, где находится подозреваемый… Они же попросили нас разрешить им первыми войти в контакт с подозреваемым… и допросить его прежде, чем мы арестуем его».

В половине седьмого утра обе группы чиновников отправились в отель «Лагам». Как выяснилось позднее, другие работники уже были размещены в гостинице неподалеку от номера, где, ничего не подозревал, спал советский полковник.

Следователь нью-йоркского отделения Управления иммиграции и натурализации Эдвард Дж. Фарли о встрече с работниками ФБР сообщил следующее.

Вопрос. Следовательно, вы встретили примерно шестерых работников ФБР?

Ответ. Я бы сказал, что приблизительно так, сэр.

Вопрос. Где вы их встретили?

Ответ. Я встретил их в холле и в коридоре на восьмом этаже, а также в комнате по соседству с той, в которой жил

Мартин Коллинз. Эта комната располагалась недалеко от холла.

Вопрос. Насколько мы понимаем, мистер Коллинз находился в номере 839, а вы встретились с этими работниками в коридоре и в комнате, примыкающей к номеру 839?

Ответ. Я полагаю, что это было в комнате № 841.

На этой стадии допроса Фарли решил немножко позабавиться, и, как мне кажется, за мой счет.

Вопрос. Это была свободная комната?

Ответ. Нет, сэр, она была занята.

Вопрос. Кем занята?
Ответ. ФБР.
Вопрос. Никаких жильцов в комнате не было?
Ответ. Нет, сэр. Мне об этом не известно.

Судья Байерс был явно раздражен тем, что слушание тянулось уже два дня, и начал проявлять неудовольствие по поводу излишней детальности наших расспросов. Он обратился к нам с вопросом, какую цель мы преследуем.

— С помощью этого опроса, — сказал я, — мы пытаемся разъяснить, что этот человек подозревался в двух преступлениях — в нелегальном въезде в Соединенные Штаты и в шпионаже… Обычная юридическая процедура, которой следовало бы придерживаться при проведении мероприятий по аресту лица, подозреваемого в совершении любого из этих двух преступлений, в данном случае не была соблюдена. Причем основной мотивировкой министерства юстиции было желание как можно дольше сохранить все это в секрете. Предъявленный человеку во время его ареста іраж-данский ордер является внутренним документом министерства юстиции, и отчет об его исполнении перед мировым или федеральным судьей не делается.

— Несмотря на тот факт, что речь шла о подозрении в совершении двух преступлений, — продолжал я, — эти необычные меры были приняты для выполнения министерством юстиции задачи в основном контрразведывательного характера… причем и административный ордер, и иммиграционные чиновники были использованы просто дня маскировки. Чтобы внести ясность в нашу позицию, мы должны заявить, ваша честь, что вовсе не считаем такие действия заслуживающими порицания. Мы лишь хотели бы указать, что, избрав такой метод, метод контрразведки, при котором вы должны действовать максимально скрытно, перенеся место действия на несколько недель в Техас и проиграв игру, вы уже не можете действовать в соответствии с другим методом, который был бы применим, если бы у вас был ордер по уголовному делу. Именно это и является нашей целью на сегодняшнем слушании, ибо мы верим, что эти действия были продиктованы не тем, что Верховный суд называет добросовестностью, а потому обыск и наложение ареста являются незаконными. Более того, если доказательства, полученные в гостинице «Латам», окажутся неприемлемыми, мы войдем с ходатайством об аннулировании обвинительного акта на том основании, что Большому жюри были представлены опороченные улики.

— Благодарю вас за объяснение мне вашей точки зрения, —

сказал судья. — Мне очень не хотелось бы указывать ФБР, как оно должно выполнять свои обязанности. Я полагаю, что задача ФБР и состоит в том, чтобы добывать информацию о нарушениях закона. Я полагаю, что не дело суда указывать ФБР, как оно должно осуществлять свои функции.

— Даже если мы докажем, что работники ФБР действовали в нарушение Конституции Соединенных Штатов? — спросил я.

— Я не принимаю решения по вашему ходатайству, — ответил судья Байерс. — Я только объявляю вам, что вы добьетесь того, что суд займет крайнюю позицию.

В процессе слушания полностью подтвердился рассказ Абеля о том, как он был арестован, подвергся обыску, доставлен в Техас, пять дней содержался без права переписки и общения с кем-либо, а после этого допрашивался еще в течение трех недель. Суть вопроса здесь заключалась в том, что полковник и его имущество на несколько дней просто исчезли с лица земли, а работники ФБР в это время, действуя как представители контрразведки, осуществляли свой план.

Наша величайшая трудность, бесспорно, состояла в том, что речь здесь шла не об обычном гражданине, арестованном у себя дома. Дело касалось полковника Рудольфа Ивановича Абеля из советской разведки. И все же правовой аспект был абсолютно одинаковым — по конституции Абель обладал точно такими же правами, что и я.

В конце второго дня слушания судья Байерс сказал: — Господа, я надеюсь принять решение по этому ходатайству завтра. Если вы пожелаете еще что-нибудь сообщить мне, это должно быть сделано в моей канцелярии завтра не позднее одиннадцати часов утра. Решение суда откладывается.

Четверг, 10 октября

В этот день обвинение информировало нас, что прокуратуре стало известно о дружбе одного из работников ФБР с семьей присяжного № 5 миссис Мактаг. Муж этой женщины работал врачом на военной базе. На основании сообщенной нам информации я обратился к судье Байерсу с письменной просьбой об отводе этого присяжного. Я пояснил, что, если бы эти факты были нам известны при отборе присяжных, мы заявили бы о ее отводе.

Затем мы представили, должно быть, наш последний меморандум по ходатайству об аннулировании доказательств, захваченных в гостинице «Латам». Наш меморандум основывался на статье в газете «Геральд трибюн», опубликованной еще до того, как мы начали участвовать в деле, но только сейчас попавшей в

наше поле зрения. В статье полностью подтверждалось все то, что мы постоянно говорили об аресте полковника Абеля, и приводилось следующее заявление начальника управления иммиграции: «При аресте нам было хорошо известно, что он (Абель) собой представляет. В то время наше намерение состояло в том, чтобы держать его как можно дольше… и, конечно, мы держали его, надеясь, что будут собраны материалы, достаточные для предания его суду».

Как отмечалось в статье, начальник управления иммиграции «показал», что Абель не был бы арестован, если бы об этом не попросила наша «контрразведка». Он был задержан, когда об этом попросило «несколько государственных учреждений».

В статье далее говорилось: «Возможно, что иммиграционные чиновники были привлечены к участию в аресте Абеля с целью как можно дольше сохранить факт ареста в секрете… Ведомства (вероятно, ФБР и ЦРУ) в течение года вели наблюдение за Абелем и, несомненно, знали, намеревается ли он бежать из США. Возможно, они хотели произвести у него тщательный обыск, не раскрывая своих намерений в отношении его».

Пятница, 11 октября

Судья Байерс отклонил наше ходатайство по поводу обыска и ареста. В своем решении, изложенном на двенадцати страницах, он заявил, что не видит серьезных причин, почему два государственных учреждения Соединенных Штатов не могли бы сотрудничать в подобном деле.

«Суду не ясно, что в этой процедуре такого, что следовало бы критиковать, — говорилось в этом решении. — Министерство юстиции обязано соблюдать прежде всего интересы Соединенных Штатов, и из его действий не следует, что конституционные права иностранца, нелегально проживающего в нашей стране, в какой-то степени нарушены».

Судья решил, что изъятые документы: фальшивые свидетельства о рождении, банковские книжки и другие бумаги — являются «средствами», которые Абель использовал для того, чтобы продолжать нелегально находиться в стране.

Это решение было, по крайней мере, простым и ясным, хотя мы и считали его неправильным с точки зрения существующих законов. Однако еще за неделю до этого я пришел к заключению — и именно так информировал Абеля, — что скорее всего с нашей интерпретацией того или иного правового вопроса согласится апелляционный суд, а не суд первой инстанции.

Суббота, 12 октября

Часа в четыре я приехал к Абелю и рассказал ему о складывающейся ситуации. Я сообщил ему о нашем меморандуме, с которым так быстро расправился судья Байерс, а также о присяжном-женщине, которого мы попросили отвести.

Мы и ранее информировали Рудольфа о всех шагах, которые собираемся предпринять. Он ценил это и, как и следовало ожидать, очень интересовался новыми обстоятельствами, выявлявшимися в ходе рассмотрения дела. Потом я спросил, не нуждается ли он в чем-нибудь, и он ответил, что смирился со своим настоящим положением, но временами ему хочется съесть хороший бифштекс. Я напомнил ему сирийскую поговорку, в которой говорится: «Я был опечален тем, что у меня не было башмаков, но потом встретил человека, у которого не было и ног».

Придя домой вечером, я прочитал письмо очень известного лондонского стряпчего, сэра Эдвина Герберта, речь в котором шла о моем назначении защитником Абеля. Еще раньше я отправил ему конфиденциальное письмо с просьбой проконсультировать меня относительно того, как подобное дело рассматривалось бы в Англии, у которой заимствовано наше общее право.

Сэр Эдвин ответил мне, что в Англии в мирное время агент-иностранец не может быть приговорен к смертной казни за шпионаж. До 1868 года шпионаж в Великобритании даже не считался преступлением. Он также информировал меня о том, что английские суды обычно выносят менее суровые приговоры иностранцам, обвиняемым в шпионаже в пользу своей страны, чем британским подданным, обвиняемым в измене родине.

Понедельник, 14 октября

Рано начавшийся день принес с собой чувство какой-то неудовлетворенности и незавершенности. У нас было так мало времени на подготовку! Подготовку к трудному испытанию — будь то судебный процесс, бега, соревнование по боксу, выступление в театре на Бродвее или смерть — ничем заменить нельзя. Полагаясь на свой опыт и несколько бравируя, можно сделать вид, что вы готовы. И все же, если вы не обрекали себя на изнурительный труд, готовясь к серьезному испытанию, вы понимаете, что в действительности-то не готовы к нему.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СУД ВОСТОЧНОГО ОКРУГА НЬЮ-ЙОРКА

Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля, он же Марк, он же Мартин Коллинз, он же Эмиль Р. Голдфус, и так далее

Уголовное дело № 45094

ПРОЦЕСС

Здание Федерального суда Восточного округа Нью-Йорка, Бруклин, Нью-Йорк

Понедельник, 14 октября 1957 года

Председательствующий: Мортимер У. Байерс, федеральный окружной судья

Стороны:

Обвинение: Уильям Ф. Томпкинс, помощник генерального прокурора, Вашингтон (Корнелиус У. Уикерсхэм мл. — федеральный прокурор Восточного округа Нью-Йорка; Кевин Т. Мароней, Энтони Р. Палермо, Джеймс Т. Фезерстоун

Защита: прокуроры министерства юстиции).

Джеймс Б. Донован, Бруклин, Нью-Йорк

(помощники: Арнольд Г. Фреймен, Нью-Йорк; Томас М., Дебевойс, Вудсток, штат Вермонт)

В течение четырех месяцев министерство юстиции тщательно готовилось к суду над Абелем. Это дело для министерства сейчас было наиболее важным. Каждый потенциальный свидетель много раз опрашивался, допрашивался и подвергался перекрестному допросу следователями, выявлявшими сильные и слабые места в том, что он может показать. Эксперты анализировали каждый документ. Была досконально продумана тактика, которой следовало бы придерживаться на суде. Составлялись соответствующие планы и заменялись лучшими. Как по существу дела, так и по процедурным вопросам готовились юридические меморандумы.

С процессуальной точки зрения мы могли оперировать теми же материалами, что и обвинение. Защиты как таковой быть не могло. Абель не мог давать показаний и быть подвергнут перекрестному допросу, а характер предъявленных ему обвинений лишал нас возможности вызывать свидетелей в помощь защите или предъявлять какие-нибудь документы. В то же время наши ходатайства о предъявлении документов судья Байерс либо полностью отклонял, либо разрешал предъявлять только в самом минимальном количестве. Проведенное нами самими расследование фактов в силу объективных обстоятельств было схематичным. Для тщательного подбора материалов по некоторым правовым вопросам, какой должна была бы провести любая уважающая себя адвокатская фирма, у нас просто не было времени.

Пока же, размышлял я, у нас в резерве есть в качестве основания для обжалования наши возражения по процедуре обыска и ареста. И это вовсе не было какой-то пустой формальностью. Это был вопрос, который озадачит любого

специалиста в области конституционного права. Мы должны были сделать все от нас зависящее. Я предвкушал добрую схватку

Когда я подошел к залу на третьем этаже, в котором обычно происходили судебные заседания под председательством судьи Байерса, у дверей толпились зрители, оставшиеся без мест.

У дверей зала заседаний и внутри его находилось значительное количество судебных исполнителей, наблюдавших за публикой. На лацканах их пиджаков были прикреплены значки, указывающие, что они являются вооруженными государственными служащими. Где-то в зале среди публики сидела группа сотрудников ФБР.

В зале чувствовалось напряжение. Вообще-то напряжение является принадлежностью каждого судебного процесса. Адвокат поневоле привыкает к нему, со временем приобретает навык контролировать его и заставлять работать на себя. Однако напряжение никогда не бывает одинаковым. Оно различно в восприятии двух людей и неодинаково при разборе различных дел. Напряжение существует и во время войны, и между раундами бокса, и в зале заседаний правления какой-нибудь фирмы, когда ее директора, собравшись вокруг стола, составляют план кампании с целью задушить конкурента. Было ясно, что напряжение во время суда над Абелем будет совсем иного рода, присущее именно этому случаю.

В зал ввели чисто выбритого и бодрого Абеля, похожего в своем костюме на банкира. Его провели на отведенное ему место — позади нас, за столом защиты. Потом появились присяжные. После этого, когда все было готово к спектаклю, вошел седой ветеран, судья Байерс. После зычного окрика секретаря суда все встали, и судья тихо проскользнул на свой обитый кожей трон с высокой спинкой. Двадцать восемь лет назад президент Гувер назначил Мортимера Байерса на пост федерального судьи, и этой службе он посвятил всю свою жизнь.

— Обе стороны готовы? — спросил судья, внимательно поглядев сквозь очки.

— Обвинение готово, — ответил помощник генерального прокурора Томпкинс.

— Защита готова, ваша честь.

И драма начала медленно разворачиваться.

— Есть маленький вопрос, который, по-моему, следует рассмотреть до выступления свидетелей и сторон, — произнес судья.

Он объяснил присяжным, что прокуратуре стало известно о дружеских отношениях между неким работником ФБР и дочерью присяжного № 5.

— Пожалуйста, поймите, — сказал он присяжному № 5, — что речь не идет о каком-то ограничении ваших прав вообще. Вы освобождаетесь от участия в рассмотрении дела, и ваше место займет запасной присяжный № 1.

— Большое спасибо, — сказал присяжный № 5.

Затем со вступительной речью выступил Томпкинс. Это был худощавый темноволосый человек. В свои сорок четыре года он уже пользовался достаточной известностью. В конце второй мировой войны он выступал в качестве военного прокурора на процессах военных преступников в Сингапуре, затем год работал федеральным прокурором в своем родном штате Нью-Джерси. Под его руководством Управление внутренней безопасности министерства юстиции участвовало в рассмотрении дел, по которым были вынесены сотни обвинительных приговоров.

— Господин судья, господа и дамы присяжные заседатели… наша обязанность заключается в представлении доказательств, собранных следственными учреждениями администрации США с целью подтверждения правильности обвинений, выдвинутых Большим жюри…

Мои коллеги и я осознаем нашу ответственность в деле представления здесь интересов администрации Соединенных Штатов и американского народа. Мы также осознаем свою обязанность защищать права отдельного подсудимого и права всех американских граждан путем тщательного расследования поступков всех тех, кто нарушил наши законы и кто своей деятельностью, возможно, причинил нашей стране неизмеримый вред.

Теперь я хотел бы прояснить одно обстоятельство. Интересы правительства заключаются не в том, чтобы выиграть это дело, а в том, чтобы добиться справедливости. Другими словами, невиновные не должны пострадать, а виновные избежать наказания. В соответствии с этим от своего имени и от имени моих коллег я обещаю вести себя так, чтобы подсудимому было обеспечено судебное разбирательство с соблюдением всех процессуальных гарантий.

Справа от судьи на вращающихся деревянных стульях с подлокотниками и круглыми спинками сидели присяжные и их заместители. Высоко над их головами висели часы, тихо отмечавшие бег времени и напоминавшие судье, когда следовало объявить перерыв.

Слева от судьи, напротив присяжных, спиной к окнам, сидели представители прессы. Здесь присутствовали похожие на присяжных, только гораздо более беспокойные корреспонденты нью-йоркских газет, радио и телевидения, а также с полдюжины

иностранных журналистов. Среди них были французский журналист, сотрудники немецкого журнала и одной лондонской газеты и даже работник знаменитого центрального уголовного суда в Лондоне.

Каждый из присутствующих мысленно задавал себе один и тот же вопрос: «Будет ли суд над Абелем справедливым судебным разбирательством?»

— Предъявленные обвинения носят необычный характер, — продолжал Томпкинс, — значение их возрастает, если учесть, что все это происходило в критический период нашей истории. Однако серьезность предъявленных обвинений не делает их трудными для понимания. Утвержденный Большим жюри обвинительный акт несложен, и я ознакомлю вас с ним за несколько минут. Но прежде всего я хочу предупредить, что, хотя этот акт содержит перечень обвинений, он сам по себе еще ничего не доказывает.

По пункту первому Большое жюри обвинило подсудимого в заговоре для осуществления шпионажа, а также в сговоре с другими соучастниками… с целью передачи информации, касающейся нашей национальной обороны…

Далее прокурор изложил содержание обвинительного акта, называя Абеля «подсудимый». Он ни разу не назвал его по имени. В своем резюме он упомянул о всем том шпионском снаряжении, перечень которого, разумеется, должен был произвести впечатление на присяжных: о коротковолновом радиоприемнике, пустотелых контейнерах, «тайниках» в городских парках, крупных денежных суммах, поддельных свидетельствах о рождении и о паспортах.

Затем прокурор сказал:

— Большое жюри предъявило также обвинение в том, что в случае войны между Соединенными Штатами и Россией заговорщики планировали установить тайные радиопередатчики и радиостанции для того, чтобы продолжать передачу информации в Россию.

Имея в виду такие действия, которые можно подтвердить свидетельскими показаниями и приведенные в обвинительном акте в подтверждение выдвинутых обвинений, Томпкинс заявил:

— Я скажу об этом в самых общих чертах, так как, по моему мнению, вы предпочтете услышать показания непосредственно свидетелей, а не через юристов. Как вам известно, только вы имеете право судить о правдивости показаний и давать оценку фактам и только судья может интерпретировать закон.

Показания и дополнительные свидетельства будут даны различными свидетелями. Это будут прямые доказательства.

Обвинение представит и косвенные доказательства. Один из свидетелей являлся участником этого заговора, соучастником подсудимого.

Основываясь на своем опыте, я с уверенностью могу сказать, что зашита будет оспаривать показания этого свидетеля.

И все же, как мне кажется, вам нужно помнить о том, что этот соучастник отказался от участия в заговоре. Он покончил со старыми грехами и говорит правду. Его показания будут соответствующим образом подтверждены другими свидетелями, документальными доказательствами и признаниями подсудимого. По мнению обвинения, эти доказательства нельзя опровергнуть, поскольку они правдивы и подтверждают бесспорную виновность подсудимого.

Мы докажем, что подсудимый — полковник службы безопасности Советского государства — совместно с другими высокопоставленными русскими чиновниками привел в действие чрезвычайно сложный механизм советской разведки, пытаясь получить доступ к нашим наиболее важным секретам — секретам величайшей важности как для нашей страны, так и ддя свободного мира в целом.

Прокурор сообщил, что Абель находится в Соединенных Штатах с 1948 года и «он умышленно скрывал свое присутствие». Позднее к нему присоединился его помощник, а «их нелегальная и секретная деятельность, проводимая с помощью русских дипломатических чиновников и русских из ООН, была направлена на получение доступа к нашим наиболее важным секретам». Однако в мае 1957 года, как объяснил Томпкинс, заговор был раскрыт.

— Один из заговорщиков перешел к нам и рассказал о своей деятельности американским должностным лицам за границей. ФБР весьма оперативно и эффективно провело расследование, которое позволило получить большое количество доказательств, подтверждающих виновность подсудимого.

В заключение позвольте сказать следующее: доказательства, которые обвинение представит присяжным, не оставят у вас никаких сомнений в виновности подсудимого. Другими словами, эти доказательства убедительно свидетельствуют, что возможен лишь единственный вердикт: виновен по всем пунктам обвинения, предъявленного Большим жюри.

Моя вступительная речь как защитника состояла примерно из девятисот слов и была рассчитана на двадцать минут. Вступительная речь прокурора заняла в два раза больше времени. Над составлением своей речи я работал в общей сложности десять часов.

— Господин судья, дамы и господа присяжные заседатели!

Перед нами дело, по которому вы, присяжные, выслушав показания и получив разъяснение от судьи, должны будете решить, доказана ли виновность подсудимого в совершении преступления, за которое он может быть приговорен к смертной казни.

Прокурор обрисовал вам характер обвинений и существо тех материалов, с помощью которых он намерен доказать обоснованность этих обвинений. В отношении трех пунктов обвинительного акта важно помнить, что только по пункту номер один — заговор с целью передачи информации России — подсудимый может быть приговорен к смертной казни.

Я являюсь защитником подсудимого. Для его защиты я назначен судом. В соответствии с нашей американской юридической системой моя обязанность на протяжении всего процесса будет состоять в том, чтобы во всех отношениях представлять интересы подсудимого. Это делается в соответствии с нашими законами и для того, чтобы вы узнали правду и вынесли справедливый вердикт.

Это дело не только экстраординарно, оно уникально. Впервые в американской истории человеку угрожает смертная казнь в случае признания его виновным по обвинению в шпионаже в пользу иностранного государства, с которым мы формально находимся в мире.

Подсудимый — человек по фамилии Абель. Очень важно, чтобы в течение всего предстоящего процесса вы прежде всего помнили, что это не дело против коммунизма, это не дело против Советской России. Свою точку зрения в отношении России мы высказывали и продолжаем регулярно высказывать в ООН и в различных других организациях. Однако при рассмотрении этого дела и при вынесении по нему своего вердикта вы должны ответить только на вопросы, доказана ли бесспорно виновность Абеля в совершении конкретных, вменяемых ему в вину преступлений.

Прокурор только что сообщил вам, что одним из основных свидетелей, который будет давать показания против подсудимого, является человек по фамилии Хэйханен. утверждающий, что он помогал подсудимому вести шпионаж против США. Очень скоро этот человек предстанет перед вами. Внимательно следите за его поведением. Помните, что, если утверждение прокурора соответствует действительности, то это значит, что в течение нескольких лет этот человек находился здесь, жил среди нас и занимался шпионажем в пользу Советской России. Это также означает, что, для того чтобы заниматься подобной

деятельностью, он, как это и указывается в обвинительном акте, приехал в Соединенные Штаты по фальшивым документам, лгал под присягой, когда их получал, и, проживая здесь, он каждый день лгал о своей подлинной личности, о своем прошлом, о каждом факте своей повседневной жизни. Более того, если утверждения обвинения соответствуют действительности, его деятельность оплачивалась Советской Россией. Мы можем также допустить, что если он прошел надлежащую подготовку, то он был проинструктирован относительно того, каким должно быть здесь его «прикрытие». Из всего этого вытекает, что он был обучен искусству обмана. Короче говоря, если допустить, что утверждения обвинения соответствуют действительности, то этот человек фактически является профессиональным лжецом.

Выслушивая его показания, не забывайте об этом. Помните также, что, если утверждения обвинителя соответствуют действительности, это означает, что Хэйханен совершил много деяний, в результате которых были нарушены наши законы, включая и преступление из числа караемых смертной казнью — заговор с целью передачи информации России. Пока еще ни за одно из этих преступлений он не привлечен к уголовной ответственности. Вы также должны иметь в виду, что, по-видимому, называя возможно большее число лиц и утверждая, что информация, которую он, по его словам, хочет передать руководству нашей страны, представляет большую ценность, Хэйханен тем самым надеется заслужить снисходительное отношение суда.

Помните обо всем этом. Внимательно наблюдайте за поведением всех свидетелей. Имейте в виду, что единственным видом доказательств, которые могут учитываться при рассмотрении этого дела, являются свидетельские показания. Обвинительный акт не доказательство. Утверждения прокурора или мои собственные — тоже не доказательство.

Я взглянул на присяжных и увидел перед собой представителей всех слоев населения Бруклина. Тут были клерк, счетовод, два старших чиновника страховых компаний, владелец бензозаправочной станции, две домашние хозяйки, женщина — инспектор культурно-бытового отдела муниципалитета, вольнонаемный служащий военно-морского флота, почтовый служащий, коммунальный служащий — причем их старшиной был инженер городской канализации, — то есть крупные и мелкие бизнесмены, служащие муниципалитета и частные предприниматели. Как мне казалось, все это были рассудительные, честные люди, готовые с большим рвением выполнять свои обязанности. По-видимому, они впервые в своей

жизни были назначены присяжными. Я подошел к ним поближе.

— Ни на минуту не забывайте, что от того, как вы будете выполнять свои обязанности, зависит жизнь человека. Во время процесса вы будете слышать, что и мы, и судья, имея в виду обвинение, будем говорить «правительство». Это совершенно точно. Однако помните, что в более широком смысле слова его честь судья, обе стороны и особенно вы и представляем собой администрацию Соединенных Штатов. У всех нас одна цель — справедливый вердикт в соответствии с законом. Я верю, что присяжные будут добросовестно выполнять свой долг в соответствии с традициями американского судебного разбирательства и с соблюдением всех процессуальных гарантий вынесут справедливый вердикт.

Когда я садился на свое место, в зале воцарилась тишина. Только с улицы доносился шум. Все окна с правой стороны зала были распахнуты.

— Правительство, — громко провозгласил Томпкинс, — вызывает Рейно Хэйханена, ваша честь.

В дверном проеме в задней части зала появился дородный свидетель, одетый в светлый костюм, и быстро прошел вперед. Зал заседаний был футов шестидесяти длиной. Пока свидетель шел, все присутствующие, за исключением подсудимого, не сводили с него глаз. Он был приведен к присяге, а затем по двум ступенькам поднялся на покрытое ковром возвышение — место для свидетелей. Позади него находился американский флаг — самый яркий предмет в этом казенном помещении.

Мы с Дебевойсом заметили, что полковник как-то напрягся. Он, как и большинство в этом зале, и понятия не имел, что скажет Хэйханен и насколько далеко он пойдет. Абель приготовился делать заметки в своем блокноте.

Томпкинс приступил к опросу своего основного свидетеля.

Вопрос. Ваш последний постоянный адрес в Соединенных Штатах?

Ответ. Пикскилл, штат Нью-Йорк.

Вопрос. Вы гражданин России, не так ли?

Ответ. Да.

Вопрос. И примерно с 1939 по 1957 год вы находились на службе у Советского Союза?

В этот момент Фреймен вскочил с возражением. И сейчас же для нас начались неприятности.

Фреймен сказал:

— Если ваша честь позволит, на данном этапе я хотел бы возразить против того, что мистер Томпкинс направляет

показания свидетеля.

Судья Байерс. Я хотел бы знать, кто со стороны защиты будет вести дело?

Томпкинс. И я тоже хотел бы это знать.

Судья Байерс. Насколько я понимаю, главным защитником является мистер Донован.

Фреймен. Да.

Судья Байерс. Вы намерены вести дело, мистер Донован?

Донован. Да, намерен, но вместе с тем мистер Фреймен был тоже назначен…

Судья Байерс. Вы выдвигаете возражение. В чем оно заключается?

Фреймен. Возражение заключается в…

Судья Байерс. Вы, может быть, позволите мистеру Доновану сказать?

Донован. Я полагаю, ваша честь, что мистер Фреймен возражал против наводящих вопросов мистера Томпкинса свидетелю.

Судья Байерс. Ну, а вы против чего возражаете?

Донован. Против того же.

Судья Байерс. Пока что в этих вопросах я не вижу ничего вредного для подсудимого. Возражение отклоняется.

Наша тщательно разработанная стратегия, согласно которой Фреймен и Дебевойс должны были выдвигать процедурные возражения, сразу же потерпела крах. Томпкинс вновь задал свой вопрос Хэйханену, а затем принялся развивать свою мысль.

Вопрос. Я хочу узнать, в каком государственном учреждении Советского Союза вы работали?

Ответ. Последнее время я работал в КГБ и занимался разведывательной деятельностью. КГБ — это Комитет государственной безопасности.

Вопрос. Мистер Хэйханен, когда вы впервые приехали в Соединенные Штаты?

Ответ. В октябре 1952 года.

Вопрос. У вас был паспорт?

Ответ. Да, был.

Вопрос. На какое имя?

Ответ. Юджин Никола Маки.

Обвинение предъявило этот паспорт. Хэйханен опознал его, после чего паспорт был приобщен к делу в качестве вещественного доказательства № 1. Хэйханен сказал:

— Это мой первый паспорт, полученный в Финляндии для использования с целью приезда в США.

Вопрос. Ваш приезд в Соединенные Штаты в 1952 году был

связан с вашей работой для правительства СССР?

Ответ. Да.

Вопрос. Какие задачи были перед вами поставлены?

Ответ. Я был послан сюда в качестве помощника резидента.

Мы готовились к очной ставке, и зрители это почувствовали. На местах для представителей печати журналисты пересаживались на более удобные места. Абель только что сделал у себя в блокноте заметку: «Вещественное доказательство № 1 — паспорт, который он получил в Хельсинки, в Финляндии, и использовал для приезда в США».

Хэйханен не упоминал про Хельсинки, а лишь назвал Финляндию. Очевидно, Абель знал все это достаточно хорошо.

Вопрос. Вам известно имя резидента?

Ответ. Я знаю его только под псевдонимом «Марк».

Вопрос. Вы знаете его под каким-либо другим именем?

Ответ. Нет, не знаю. Я не знал его ни под каким другим именем. По соображениям конспирации мне сообщена только его кличка.

Вопрос. Вы его видите здесь?

Ответ. Да, вижу.

Вопрос. Вы можете на него показать?

Ответ. Да. Он сидит вон там, в конце стола.

Вопрос. В конце стола?

Ответ. Да, правильно.

Они находились друг от друга футах в двадцати и ближе этого никогда больше находиться не будут. Хэйханен держался удивительно спокойно и самоуверенно. Возможно, конечно, что он пришел в такое состояние с помощью каких-нибудь успокаивающих наркотиков.

Томпкинс. Подсудимый, вы можете встать.

Вопрос. Вы говорили вот об этом господине? ***(Томпкинс показывает на Абеля.)***

Ответ. Да.

Оба эти человека, игравшие сейчас главные роли, внешне резко отличались друг от друга. Абель, с достойным видом глядевший на своего обвинителя, имел вид худого и даже анемичного профессора. Хэйханен был тучен, и его лицо имело багровый цвет. Пиджак туго обтягивал его толстый живот. Они словно поменялись ролями, которые играли в жизни. Хэйханен теперь мог изображать перед обеспокоенным и молчаливым Абелем воинственного надсмотрщика.

Описывая эту драматичную сцену, Абель записал в своем блокноте только: «Послан помощником к резиденту по имени Марк, знал его только под этим именем».

— Вам известно, какая у него профессия? — продолжал Томпкинс.

Ответ. Он рассказывал мне, что работает фотографом и что у него где-то есть фотостудия.

Вопрос. Вы знаете, что он находился на службе у Советского правительства?

Ответ. Да, по крайней мере, до настоящего времени.

Вопрос. А скажите, вам известно, в каком учреждении этого правительства он работал?

Ответ. Да, известно. Он работал в КГБ.

Вопрос. Имел ли он какое-нибудь звание?

Ответ. Да, он имел звание полковника.

Вопрос. Когда вы впервые встретили Марка?

Ответ. Впервые я встретился с ним в 1954 году.

Вопрос. И вы встречались с ним потом?

Ответ. Да, потом я встречался с ним в среднем раз или два в неделю.

Вопрос. А когда вы его видели в последний раз, не считая сегодняшнего дня?

Ответ. В последний раз я видел его в феврале этого года, точнее, в середине февраля.

— Ну, а теперь, мистер Хэйханен, я хочу попросить вас более детально ответить на некоторые конкретные вопросы, — сказал Томпкинс.

После этого прокурор задал несколько вопросов о фактах его, казалось бы, ничем не примечательной биографии. По словам Хэйханена, он родился 14 мая 1920 г. ***в*** деревне Каскисаари, милях в двадцати пяти от Ленинграда. После окончания школы учился в педагогическом техникуме, который окончил в девятнадцать лет. После трех месяцев работы в качестве школьного учителя Хэйханен был призван в НКВД.

Вопрос. Был ли НКВД в то время учреждением, входившим в армию?

Ответ. Нет, это было нечто вроде тайной полиции…

Вопрос. После зачисления в ноябре 1939 года к какому отделу НКВД вы были прикомандированы?

Ответ. В качестве переводчика я был прикомандирован к оперативной группе, которая действовала на финской

территории, оккупированной русскими войсками после финско-русской войны…

Вопрос. Вы говорите по-фински?

Ответ. Да, говорю.

Хэйханен пояснил, что после зачисления в НКВД он прослушал десятидневные курсы, на которых читались лекции о том, как допрашивать военнопленных и «как выявлять антисоветски настроенных лиц или шпионов, заброшенных некоторыми государствами в Россию».

После окончания войны ***(русско-финский мирный договор был подписан в Москве 12 марта 1940 г.)*** Хэйханен был направлен в Карелию, где продолжал служить в качестве переводчика, а также «работал сотрудником НКВД». В мае 1943 года по истечении годичного кандидатского стажа он стал членом коммунистической партии, а спустя пять лет был вызван в Москву для получения нового назначения. За это время в органах госбезопасности произошла реорганизация, и Хэйханен теперь уже стал сотрудником КГБ в звании лейтенанта.

— В Москве, — продолжал Хэйханен, — мои шефы объяснили мне, что я теперь им нужен не для контрразведки, а для разведки.

Давая показания, Хэйханен настойчиво ссылался на своих «шефов». Эта неуклюжая ссылка поразила меня, когда позднее я перечитывал протоколы судебных заседаний. Я представлял себе, как реагировали бы на это офицеры КГБ в Москве, читая эти протоколы, и не сомневался, что, если бы процесс происходил в Москве, а не в Нью-Йорке, какой-нибудь свидетель говорил бы «мои вашингтонские шефы».

Хэйханен сообщил, что в 1948 году провел два с половиной дня в Москве, встретился там с некоторыми офицерами советской разведки и узнал, что его должны перевести в Эстонию. После годичного пребывания в Эстонии, во время которого он проходил профессиональную подготовку, включавшую обучение фотографированию, английскому языку, вождению и ремонту автомашин, Хэйханена произвели в майоры И сообщили, что он будет направлен в Соединенные Штаты.

Для подготовки к этой поездке Хэйханен был вновь вызван в Москву, где получил имя Юджин Никола Маки, под которым ему предстояло работать.

Затем «шефы» Хэйханена направили его в Финляндию для закрепления его «легенды» — иными словами, его новой личности. Хэйханен показал, что он был доставлен к русско-финской границе и переправлен через нее нелегально. Его перевезли в багажнике автомобиля, которым управляли советские

чиновники, аккредитованные в Финляндии. Один из них был офицером разведки и работал в представительстве советского телеграфного агентства — ТАСС.

В соответствии с полученным заданием Хэйханен должен был обосноваться в Финляндии как Юджин Маки, проживающий здесь с 1943 года. На это требовались средства. В Лапландии, где он жил и работал три месяца у кузнеца («просто для того, чтобы при случае доказать, что я действительно работал в Лапландии»), Хэйханен нашел двух лжесвидетелей. Одному из них он уплатил пятнадцать тысяч финских марок, а другому — двадцать тысяч.

Томпкинс. Это были ваши собственные деньги?
Ответ. Нет.
Вопрос. А чьи?
Ответ. Я получил эти деньги из Москвы.

В 1950 году Хэйханен переехал на юг Финляндии и как Юджин Маки жил в течение следующих двух с половиной лет в городах Тампере и Турку. В Тампере он работал на заводе по изготовлению сейфов и ремонту автомобилей. 3 июля 1951 г. он обратился в посольство США в Хельсинки с ходатайством о выдаче ему паспорта как коренному американцу для поездки в США.

Представителям американского посольства Хэйханен сообщил. что он родился 30 мая 1919 г. в Энавилле (штат Айдахо), и предъявил свидетельство о рождении. В своем ходатайстве он написал, что его мать, Лилиан Луома Маки, была американкой (родилась в Нью-Йорке), а оіец, Август, натурализованный американец, родился в Оулу в Финляндии. В отдельном документе, где требовалось объяснить причины любого «длительного пребывания за границей». Хэйханен указал, что в восьмилетием зозрасте он вместе со своим братом Алленом Августом и матерью приехал в Валгу, в Южной Эстонии, и жил здесь до 1941 года, до смерти матери. Он также указал, что его отец умер в марте 1933 года.

В ноябре 1951 года Хэйханен, дабы еще более закрепить свою легенду, будто он Юджин Маки, женился на двадцатисемилетней финской девушке из Силинярви. Это, конечно, и была красивая блондинка Анна. Затем, получив 28 июля 1952 г. американский паспорт, Хэйханен возвратился в Москву. Через границу он снова перебрался в багажнике автомобиля. На этот раз он провел в Москве три недели в какой-то частной квартире. ***(«Это была какая-то частная квартира, но ее адрес мне не известен».)*** Он получил дополнительный инструктаж по работе с кодами, по

зашифровке и расшифровке секретных сообщений, по более сложной технике фотографирования, которой должен владеть разведчик, а именно по уменьшению текста до микроточки размером с булавочную головку, по особой обработке пленки, чтобы она становилась мягкой, сгибалась и вкладывалась в такие контейнеры, как полая монета или полый карандаш.

Вопрос. Итак, вы поехали в Эстонию по распоряжению КГБ?

Ответ. Да, из Москвы.

Донован. Ваша честь, не настал ли тот момент, когда обвинению следует разъяснить, что нельзя задавать наводящие вопросы свидетелю?

Судья Байерс. Я не думаю, чтобы такие вопросы были вредными. Они задаются просто для экономии времени.

Томпкинс. Речь идет не более чем о выяснении фона.

Наше первичное возражение против наводящих вопросов прокурора была отклонено на том основании, что в них не было ничего «вредного». Теперь нам было заявлено, что прокурор экономит время и лишь выясняет фон. Несмотря на такие заверения Томпкинса, обвинению уже удалось сделать первый шаг в деле доказательства факта наличия заговора, нити которого тянулись к Кремлю. Это было существенной частью того, что прокуратура стремилась установить, и вряд ли это можно было назвать «фоном». Из дальнейшего легко было понять, что допрашивающий своими наводящими вопросами направлял показания свидетеля.

Томпкинс. Перед переводом в Эстонию вы встречались с полковником Коротковым?

Ответ. Да, встречался.

Вопрос. Вы можете рассказать об обстоятельствах? Ответ. Коротков был заместителем начальника ПГУ. Хэйханен показал, что ПГУ — это разведывательное управление Министерства государственной безопасности. Это, казалось бы, случайное, но на самом деле обдуманное и осторожно вытянутое сообщение о полковнике Александре Михайловиче Короткове так и осталось на протяжении всего процесса единственным. Больше его фамилия не упоминалась, хотя он и был одним из четырех проходивших по делу обвиняемых.

Свидетель рассказал, как он получил новый псевдоним — Вик, как встретился со своими шефами и получил новые, письменные инструкции о том, что ему предстояло делать в Соединенных Штатах.

По его словам, ему сообщили о том, что он станет помощником резидента в Нью-Йорке, и от него ожидают, что он будет вербовать секретных агентов, с тем чтобы «получать от них разведывательную информацию».

После этого Томпкинс поинтересовался у Хэйханена, какое жалованье он получал как шпион.

Вопрос. В ваших инструкциях говорилось что-нибудь относительно денег?

Ответ. Простите?..

Вопрос. Относительно денег.

Ответ. Да. В тех же инструкциях говорилось, что я получу пять тысяч долларов для работы по созданию «прикрытия» и что мое жалованье будет составлять четыреста долларов в месяц плюс сто долларов на расходы. Такое жалованье я должен был получать в Соединенных Штатах. Другое жалованье — в рублях — я оставил своим родственникам.

Вопрос. В ваших инструкциях говорилось что-нибудь относительно форм связи и кодов?

Это был явно наводящий вопрос, и я, хотя и помнил о предыдущих разъяснениях судьи относительно экономии времени, все же встал, чтобы заявить о своем возражении.

Донован. Ваша честь, учитывая ваши предыдущие решения относительно постановки перед свидетелем наводящих вопросов, когда мне можно будет выступить с возражением?

Судья Байерс. Если вы возражаете против постановки этого вопроса как наводящего, я с вами согласен.

Донован. Благодарю вас.

Прокурор сформулировал свой вопрос иначе и спросил у свидетеля, имелось ли в его письменных инструкциях что-нибудь, о чем он еще нам не рассказал.

Хэйханен. Позвольте… о письменных инструкциях я вам рассказал. Я рассказывал как раз о письменных инструкциях.

Вопрос. И это все, что вы помните о письменных инструкциях?

Ответ. Да.

Мое возражение и последовавшая в связи с этим некоторая заминка, видимо, выбили Хэйханена из колеи, и он забыл, что намеревался сообщить относительно кодов и методов связи.

Начало процесса походит на спектакль. Поднимается занавес, и при идеальных условиях начинает разворачиваться драма, которую судья и присяжные смотрят впервые. Рассказ повторяется неоднократно, подкрепляется, подтверждается и опровергается. Подробно, деталь за деталью, выясняется суть дела. Вначале это

делает одна сторона, а затем другая. Каждый свидетель, появляясь на сцене, представляет собой нового актера.

Хэйханен давал показания более часа. Он ответил на двести двенадцать вопросов. Все теперь уже привыкли к его балтийскому акценту и к его не совсем складной речи. Судья и присяжные, которые старались не проявлять своих эмоций, видимо, примирились с этими неудобствами. Вероятно, эти штрихи лишь дополняли портрет иностранца — сотрудника разведки. Заслуживали ли бы показания Хэйханена большего доверия, если бы он говорил по-английски хорошо и отчетливо? Сомневаюсь. И все же казалось, что даже прокурора, а временами и судью этот свидетель раздражает.

Вопрос. Ну а теперь позвольте мне спросить вас прямо: какого характера информацию вы стремились получить?

Ответ. Разведывательную информацию.

Вопрос. Вы могли бы охарактеризовать, что вы понимаете под выражением «разведывательная информация».

Ответ. Разведывательной информацией я называю всякую информацию, которую можно получить путем просмотра газет или официальным путем, запросив ее, например, в каком-нибудь учреждении. Разведывательной информацией я называю и такую информацию, которую нужно получить нелегально. То есть это секретные сведения…

В допрос вмешался судья и прервал Хэйханена на половине фразы.

Судья Байерс. О чем? Информация какого рода?

Хэйханен. Относительно национальной безопасности или…

Судья Байерс (***нетерпеливо***). Что вы хотите этим сказать?

Свидетель ***(заикаясь).*** В этом случае — Соединенных Штатов Америки.

Судья Байерс ***{примирительным тоном).*** Что вы понимаете под выражением «национальная безопасность»?

Хэйханен. Я имею в виду определенную военную информацию или секретную информацию об атомном оружии.

Фактически этот ответ содержал в себе юридическое определение шпионажа как преступления, наказуемого смертной казнью. Удовлетворенный тем, что это внесено в протокол, судья возвратил свидетеля прокурору. Однако Хэйханен заявил, что он больше ничего не помнит о содержании данных ему инструкций. Томпкинс быстро изменил направление допроса. Он попытался перевести разговор на Нью-Йорк.

Вопрос. В то время или когда-либо позднее вы получали какие-нибудь указания о методах связи с людьми после приезда в Соединенные Штаты?

Донован. Возражаю против этого вопроса как наводящего.

Судья Байерс. Полагаю, мистер Томпкинс, что вопрос действительно наводящий. Спросите его, был ли этот вопрос затронут и что было сказано.

Томпкинс. Я могу сказать вот что, ваша честь. Я задал такой вопрос совсем не для того, чтобы подсказать содержание ответа, а для того, чтобы только выяснить тему. Мы имеем дело со свидетелем, который не так свободно владеет английским языком, как все мы.

Тем не менее прокурор снял этот вопрос и спросил свидетеля, что он должен был делать после приезда в Соединенные Штаты. Хэйханен ответил, что вначале он должен был найти себе квартиру, а затем, убедившись, что за ним не следят, доложить о готовности приступить к выполнению задания.

Хэйханен. Убедившись, что за мной нет слежки, я направился в Центральный парк к тому месту, где проходит дорожка для верховой езды, недалеко от ресторана «Тэверн», и воткнул в объявление «Осторожно! Верховая езда!» белую кнопку. Это означало, что за мной нет слежки и я не чувствую какой-либо опасности.

Оставшаяся часть дня была занята временами прерывавшимся, но тем не менее захватывающим рассказом Хэйханена о той сложной жизни, какую он вел в Нью-Йорке в качестве советского шпиона. Он рассказал о тайниках, местах, где ставятся сигналы, о зрительных контактах, о мягкой пленке, магнитных контейнерах, секретных посланиях в пустых сухих батарейках.

Журналисты набросились на эти детали, с тем чтобы использовать их в своих репортажах. Одна бульварная газета на первой странице поместила заголовок: «Разоблачение деятельности красного шпиона на процессе Абеля». Более крупный и жирный заголовок другой бульварной газеты гласил: «Абель разоблачен как советский шпион». Одно броское резюме показаний Хэйханена начиналось так: «Жизнь и времяпрепровождение русского шпиона в Соединенных Штатах — сигналы мелом в Центральном парке, закладка разных сообщений в полые монеты, получение трех тысяч долларов через тайник в фонарном столбе, пребывание на станции метро в галстуке в красную полоску — были описаны им самим в показаниях, данных Федеральному суду в Бруклине. История со шпионскими трюками, как в приключенческом боевике Голливуда…»

Хэйханен показал, что его московские руководители дали ему описание трех тайников, через которые он должен был

отправлять сообщения и получать задания. ***(«Под «тайником» я имею в виду секретное место, известное только вам и еще нескольким лицам, где вы можете оставить какой-нибудь контейнер… выемку которого произведет другой человек…»)*** Один из этих тайников находился в Центральном парке, другой — в основании фонарного столба в Форт-Трайон-парке, расположенном в верхней части Манхэттена. Третий представлял собою углубление между тротуаром и стеной на Джером-авеню, в Бронксе, между 165-й и 167-й улицами.

Хэйханен сообщил, что кроме этого ему были указаны два места для постановки сигналов: на фонаре в Бруклине и в районе вокзала в Ньюарке, штат Нью-Джерси. В этих местах он должен был определенным образом делать пометки мелом. Горизонтальная линия означала, что у него есть сообщение для одного из его руководителей, а вертикальной он сигнализировал, что сам получил какое-то сообщение через один из тайников.

С помощью этих показаний, в основном представлявших собой описание повседневной профессиональной деятельности Хэйханена, обвинение не только разоблачило факт существования в нашей стране шпионской организации, но и дало понять, что если Хэйханен занимался подобными делами, то деятельность резидента Абеля была, несомненно, куда более опасной для национальной безопасности США.

Лишь в одном месте своих показаний свидетель указал на Абеля (Марка) как на фактического партнера в подобных делах. Он сообщил о том, как однажды прятал магнитный контейнер в тайник (в фонарный столб около автобусной остановки в конце Седьмой авеню), а Абель находился здесь же и наблюдал за обстановкой.

Хэйханен. Я вложил магнитный контейнер в тот тайник. Марк находился поблизости и, конечно, следил, чтобы никто этого не заметил.

Вопрос. Под именем Марк вы имеете в виду подсудимого?

Ответ. Да, я имею в виду подсудимого.

Наша позиция заключалась в том, чтобы, не вступая с Хэйханеном в спор там, где возможно, требовать от него конкретности, дабы потом уточнить его объяснения в процессе перекрестного допроса. Очень многие из его утверждений были расплывчаты и не подкреплялись твердо установленными фактическими данными — датами, указанием времени, точного местонахождения и конкретных лиц.

Например, Хэйханен показал, что вскоре после приезда в Соединенные Штаты он доложил о готовности приступить к организации своего «прикрытия» и попросил передать ему деньги.

Ему ответили, что еще рано обсуждать «подобные дела». ***(Позднее Хэйханен получил три тысячи долларов через тайник в Форт-Трайон-парке.)***

Донован. Ваша честь, не можем ли мы услышать от него более точные показания: когда он получил такой ответ, каким образом и прочее — вместо того чтобы оставлять в протоколе это заявление в его теперешней форме?

Судья Байерс. А вы не думаете, что нам с вами следовало бы быть более терпеливыми и позволить мистеру Томпкинсу продолжать допрос? Я уверен, что он будет терпелив и не станет мешать, когда вы будете проводить перекрестный допрос.

Донован. Я пытаюсь быть очень терпеливым, ваша честь.

Томпкинс. Не могли бы вы напрячь свою память и точнее припомнить дату отправки вами этого сообщения?

Ответ. Я отправил это сообщение в конце ноября или в первой половине декабря 1952 года.

Вопрос. Это было сделано через тайник в Форт-Трайон-парке или через тайник на Джером-авеню?

Ответ. Насколько я помню — через тайник в Форт-Трай-он-парке.

Томпкинс. Насколько я помню, вы сказали, что Джером… что тайник номер три находился на Джером-авеню. Но ведь на самом деле тайник номер три находился в Форт-Трай-он-парке, не так ли?

Хэйханен. Да, тайник номер три находился в Форт-Трайон-парке, а не на Джером-авеню.

Томпкинс. На Джером-авеню находился тайник номер один?

Судья Байерс (***перебивая***). Через какой тайник вы отправили это первое сообщение? По-моему, вы уже давали показания на сей счет.

Хэйханен. Разрешите мне подумать, ваша честь.

Донован. Он уже показывал и так, и эдак, ваша честь…

Хэйханен. Я могу…

Томпкинс. Одну минуту…

Судья Байерс. Трудно слушать более двух лиц одновременно.

Хэйханен. В конце-то концов, ведь прошло пять лет, почти пять лет, и я не могу помнить точно, в какой тайник я закладывал то или иное сообщение. Это мог быть тайник номер один на Джером-авеню или тайник номер три в Форт-Трайон-парке. Я не помню точно, через какой именно тайник я послал то сообщение. Суть в том, что оно было отправлено через один из тайников.

Донован. Я возражаю, ваша честь, против этих показаний, если свидетель не назовет точно, в каком именно тайнике он его оставил.

(Как раз в это время под окнами здания бруклинского суда прогрохотал городской автобус.)

Судья Байерс. А вы знаете, мистер Донован, этот автобус немного громче вас. Я вас не слышал.

Донован. Я сказал, ваша честь, что возражаю против внесения в протокол сведений о содержании любого такого сообщения во всех случаях, когда свидетель не может точно сказать, куда оно было им помещено.

Судья Байерс. Свидетель показал, что это был или тот, или другой тайник. Присяжные будут знать, как им относиться к этим показаниями. Если вы внесете такое возражение, я его отклоню.

Давая показания, Хэйханен неоднократно заявлял, что он встречался с «советскими должностными лицами», что он поддерживал связь с этими «должностными лицами». Когда выяснилось, что прежними тайниками больше не следует пользоваться, описание новых тайников ему дали «советские должностные лица». После того как я высказал предположение, что мы имеем право знать, кто эти лица, судья вновь посоветовал мне набраться терпения, так как обвинение «подойдет к этим фактам».

Судья Байерс. Лучше не будем мешать мистеру Томпкинсу. Он может задать этот вопрос. Я говорю лишь о том, что, если вы дадите мистеру Томпкинсу возможность, не исключено, что он воспользуется ею.

Обвинение приняло этот намек.

Вопрос. Мистер Хэйханен, может быть, вы скажете, кто были эти советские должностные лица, на которых вы ссылались в своих показаниях?

Ответ. Я знаю одно советское должностное лицо, с которым был связан и которое разговаривало… несколько раз разговаривало со мной о разведывательной работе.

Судья. Кого именно вы знаете? Как его фамилия?

Хэйханен. Свирин.

Прокурор, не удовлетворенный тем, что была упомянута фамилия только одного должностного лица, продолжал спрашивать.

Вопрос. Когда вы говорите о связи с советскими должностными лицами, о получении и отправке сообщений через тайники, кого именно вы имеете в виду? Полагаю, вы назвали их советскими должностными лицами?

Ответ. Да.

Вопрос. Кого вы так называете?

Ответ. Я уже объяснил, что имею в виду лиц, приезжающих сюда с советскими паспортами, советских граждан.

Донован. Ваша честь, я почтительно возражаю. Он должен не просто определить, «кого он так называет», а назвать конкретных советских должностных лиц.

Судья Байерс. Он сообщил нам, что знал только одного.

Донован. Ваша честь, из его показаний я понял, что он имел дело с советскими должностными лицами и в то же время, очевидно, не может уточнить, с кем именно.

Томпкинс. Ваша честь, в Москве ему были даны указания, с кем поддерживать связь.

Судья Байерс. Знаете, ваши аргументы интересны, но они мешают делу. Если у вас есть возражение, мистер Донован, сформулируйте его, и я попытаюсь принять по нему решение.

Донован. Я возражаю, ваша честь, против последнею вопроса и прошу, чтобы ответ на него был изъят из протокола.

Судья попросил секретаря суда прочесть ему этот вопрос, а затем велел прокурору задать свидетелю не этот, а другой вопрос — встречался ли свидетель с кем-либо из лиц, о которых говорил.

Томпкинс. Конечно, я так и сделаю, если мне будет позволено.

Судья Байерс. Хорошо. Делайте так, как находите нужным.

Вопрос. Насколько я понял из ваших показаний, о местонахождении трех тайников вы узнали в Москве из данных вам инструкций?

Ответ. Да, правильно.

Вопрос. А местонахождение тайников было сообщено вам, чтобы вы поддерживали связь с советскими должностными лицами, ведь так?

Ответ. Да, правильно.

Вопрос. Вы когда-нибудь встречались с кем-либо из этих советских должностных лиц?

Ответ. Я встречался, как уже упоминал, только со Свириным. Как я уже говорил, под определением «советские должностные лица» я имею в виду советских людей…

Донован. Ваша честь, я почтительно заявляю, что вся эта часть показаний чревата существенным ущербом для обвиняемого и является крайне нежелательной.

Судья Байерс. Не думаю, чтобы показания наносили ущерб кому-либо. Я согласен, что они довольно расплывчаты и неопределенны, но вредными их не нахожу. По-моему, он конкретно показал, что помещал в тайники информацию, предназначенную для определенных лиц, с которыми он никогда не встречался, не так ли?

Хэйханен. Да, правильно.

Томпкинс. В соответствии с инструкциями, полученными им

в Москве.

Судья Байерс. Да. Я полагаю, более конкретно он показать не сможет, за исключением разве того, что имел дело є этим Свириным.

Хэйханен далее показал, что двадцать первого числа каждого месяца для осуществления того, что он назвал «зрительным контактом», ему предписывалось стоять около станции метро «Проспект-парк» при выходе на Линкольн-роуд. Чтобы его можно было опознать, на нем должен был быть цветной галстук и ему следовало курить трубку. Его показания по этому вопросу доставили присутствовавшим несколько веселых минут.

Вопрос. А вы помните, как вы были одеты в таких случаях?

Ответ. Я должен был надевать голубой галстук в красную полоску и курить трубку.

Судья Байерс. Голубой галстук с красным… чем?

Хэйханен. В красную полоску или с красными полосками, как правильно?

Томпкинс. В полоску.

Судья Байерс. В полоску?

Хэйханен. Да, в красную полоску.

Судья Байерс. И вы говорите, что должны были курить трубку?

Хэйханен. Да. Вообще-то я не курю, но в этом случае должен был курить.

Именно так Хэйханен встретился со Свириным. Сотрудник советского представительства в ООН передал ему пакет со сфотографированными на пленку письмами от его семьи, находящейся в России, а также послание, которое Хэйханен назвал первомайским поздравлением. Здесь же была записка, в которой сообщалось, что его семья здорова и «желает успехов». Таких встреч было две.

Хэйханен. Насколько мне помнится, я встречался с ним по меньшей мере дважды. Дело было осенью, так как шел дождь… полагаю, это было осенью. В тот вечер шел дождь, и, я думаю, это происходило осенью 1953 года. А может быть, это происходило в… возможно, это было весной 1954 года, потому что весной тоже идет дождь. Единственное, что я помню об этом вечере, так это то. что шел дождь.

Вопрос. Можете ли вы постараться сказать точнее, через сколько месяцев после первой встречи произошла эта встреча? Вы сказали, первая встреча произошла весной 1953 года. Так через сколько месяцев после той встречи вы во второй раз встретились со Свириным.

Ответ. Несмотря на все усилия, я этого вспомнить не могу.

Прокурор перестал спрашивать о Свирине и перешел к вопросу о финском моряке ***(псевдоним Аско),*** который выполнял функции курьера между Москвой и Нью-Йорком. Между Хэйханеном и моряком существовала договоренность о тайниках и местах для постановки сигналов. Одним из их тайников была телефонная будка в одном из баров Манхэттена.

В этом месте допроса судья зашевелился и без десяти четыре сделал знак Томпкинсу.

— Давайте сделаем перерыв, мистер Томпкинс, до завтра, до половины одиннадцатого утра.

Вторник, 15 октября

Обстановка и действующие лица были те же, однако дни не походили один на другой. Все заняли те же места, что и вчера. Через какое-то мгновение на месте свидетеля появится уже знакомая фигура.

— Соединенные Штаты против Абеля, — объявил клерк.

Томпкинс. Вызовите, пожалуйста, свидетеля.

Быстро пройдя по пыльному паркету, Рейно Хэйханен предстал перед судом, чтобы второй день давать показания. Вне суда Хэйханен носил большие темные очки. Эти очки, а также густые усы и, пожалуй, некоторая важность походки стали частью его маскировки. Он должен был начать новую жизнь в Соединенных Штатах и уже пытался создать свой новый облик — а может быть, просто так казалось.

Обвинитель начал с краткого повторения завершающих моментов предыдущего заседания.

Томпкинс. Мистер Хэйханен, в конце вчерашнего заседания я начал спрашивать вас об Аско. Насколько мне помнится, вы сказали, что знали его. Полагаю, вы дали мне также показания насчет тайников для связи с Аско…

Хэйханен стал рассказывать о тайниках, которыми пользовались он и Аско, а затем, что прозвучало довольно странно, сообщил, будто Марк приказал ему проверить благонадежность Аско.

Прошло всего пять минут с начала заседания, но я уже был преисполнен решимости не дать обвинению направлять, как вчера, показания свидетеля. Я медленно поднялся.

Донован. Ваша честь, прошу вычеркнуть этот вопрос из Протокола, если только не будут даны разъяснения, где и когда состоялся этот разговор.

Томпкинс ***(явно раздраженный).*** Если бы я разбирал свое собственное дело, ваша честь, я дал бы нужные показания. Полагаю, что имею право вести дело по-своему, а не так, как

этого хочет мистер Донован.

Донован. Ваша честь, я проявил большое терпение, подчиняясь вашей вчерашней просьбе. Он не только разбирает свое собственное дело, но и является сам себе свидетелем.

Томпкинс ***(резко).*** Это смешно.

Донован. Я не возражаю против формы вопросов, я возражаю только против наводящих вопросов — и делаю это очень осторожно. С другой стороны, что касается неясных показаний, в данном случае относительно того, был ли этот разговор. Мы не знаем, когда он состоялся и где он происходил. Я просто хочу, чтобы в протоколе было бы об этом записано.

Судья Байерс. Ваше возражение записано. Полагаю, что его разговор с Марком можно принять за доказательство.

Повторяющиеся возражения защиты стали частью второго дня процесса. Мы, естественно, рисковали настроить присяжных против себя, но были убеждены, что этот риск необходим, чтобы протоколы суда не оказались заполненными не относящимися к делу неподтвержденными фактами и предвзятыми свидетельскими показаниями.

Абель полностью поддержал нашу тактику. Я слышал его высказывания на этот счет накануне вечером, после того как был объявлен перерыв и мне напомнили о том, что он сказал судье Абруццо в августе, когда впервые обратился с просьбой о защитнике. Он сказал, что хотел бы иметь адвоката, который дрался бы за него, а не стремился превратить суд в публичный спектакль. Полковник проявил удивительную осведомленность относительно последних американских процессов, особенно процессов над американскими коммунистами. Некоторые из них он назвал «интермедиями» и высказал ряд критических замечаний в адрес адвокатов.

Стоило мне только встать, чтобы от имени Абеля заявить протест, как сразу же почти у всех присутствующих возникало по отношению ко мне чувство враждебности. Они полагали, что я стремлюсь помешать «правительству» установить правду о русском шпионаже. Как цепная реакция, эта ненависть давала себя знать при малейшем моем движении. Пока я сидел спокойно, все было в порядке. Но как только я поднимался, она сразу же вырывалась наружу.

Много времени спустя после суда у меня была возможность спокойно посидеть и поговорить с одним из работников ФБР, который принимал участие в этом деле и присутствовал в качестве наблюдателя на всех заседаниях суда.

«Сидя тогда в зале, — сказал он, — мы видели в вас своего

врага. Сначала мы ненавидели вас, представляя себе, каково было бы стоять на кафедре против вас. Но потом нам даже понравилось, как вы сражались за своего подзащитного. Некоторые из нас даже почувствовали к вам некоторую симпатию».

Томпкинс снова принялся задавать вопросы о первой встрече Хэйханена с Абелем. Свидетель рассказал, как они встретились в курительной комнате кинотеатра на Флашинге.

Вопрос. Говорил ли вам Марк во время этой первой встречи о том, где он живет?

Ответ. Нет.

Вопрос. Рассказывал ли он вам о том, где он… Работал он или нет?

Ответ. Не в первую встречу. Потом, позднее, во время других встреч, он говорил, что у него есть небольшое ателье где-то в Бруклине.

Донован. Возражаю.

Судья Байерс. Говорил ли он вам, что это за ателье?

Хэйханен. Он сказал, что это маленькое ателье, но подробно не рассказывал. Потом он как-то сообщил мне, что у него в Бруклине есть кладовая, где он хранит свое оборудование, рассказал, какое именно оборудование у него было и кое-что еще.

Донован. Можно ли отсюда сделать вывод, что все это было рассказано в эту встречу? В эту первую встречу?

Судья Байерс. Нет. Он же сказал, что это было в одну из других встреч, мистер Донован.

Донован. Он ни разу не упомянул о времени или месте этих встреч.

Судья Байерс. Вы знаете, что такое перекрестный допрос, не правда ли? Вы ведь опытный юрист.

Донован. Ваша честь, я знаю также, когда следует отклонять показания, которые суд не должен принимать.

Судья Байерс. Хорошо. Ваше возражение учтено и отклоняется.

Сегодня по сравнению со вчерашним днем наметилась новая тактика ведения процесса. Если накануне обвинение стремилось доказать, что Хэйханен был советским агентом, и вытягивало из него сведения о его повседневной работе, то теперь оно звено за звеном пыталось выковать цепь, связывавшую Хэйханена и Абеля. Обвинение намеревалось продемонстрировать власть Абеля над свидетелем.

«Это было в мае 1955 года, — сказал Хэйханен, — Марк сообщил мне о своей кладовой на Фултон-стрит».

Вопрос. Были ли вы когда-нибудь в этой кладовой?

Ответ. Да. Однажды я был там… Как-то вечером Марк сказал, что хочет передать мне кое-какое фотооборудование и что нам нужно пройти и взять его из кладовой. Мы пришли в дом № 252 на Фултон-стрит, где на четвертом или пятом этаже находилась его кладовая, Марк вынес кое-что из принадлежностей, и я отвез их в Ньюарк, штат Нью-Джерси.

Присяжные, пожалуй, еще не осознали полностью того, что они только что услышали. Если бы Абель не совершил этой непростительной ошибки, позволив своему подчиненному Хэйханену узнать, где находится его студия, то все могло бы обернуться иначе. Именно эта ошибка привела к аресту Абеля и затем к судебному процессу, в ходе которого на карту была поставлена его жизнь.

Томпкинс продолжал:

— А кроме фотографических принадлежностей, которые, как вы сказали, вы взяли, получили ли вы еще что-нибудь от Марка на Фултон-стрит, 252?

Ответ. Да, я взял также радиоприемник.

Вопрос. Что это был за радиоприемник?

Ответ. Коротковолновый радиоприемник.

Как сказал Хэйханен, они с Абелем отправились на машине в графство Уэст-Честер и там испытали этот радиоприемник возле водохранилища Кротон. Абель объяснил, что ему нужно было найти место, где он мог бы без помех принимать радиопередачи. Однако радиоприемник оказался неисправным ***(«может быть, перегорел предохранитель или еще что-нибудь случилось»),*** поэтому Абель отдал его Хэйханену, сказав, что у него есть еще один в Бруклине.

Уточняя время этого события, Хэйханен сказал, что оно произошло во второй половине мая или в начале июня 1955 года, «до отъезда Марка в Москву». В течение дня он неоднократно датировал разговоры, встречи, сообщения, как случившиеся либо до, либо после «отъезда Марка в Москву». Ровно столько же раз я заявлял протест. В протоколах нет ничего, настаивал я, что говорило бы о том, что Абель когда-либо ездил в Москву.

Томпкинс. Мистер Хэйханен, в ваших показаниях вы, пытаясь уточнить дату, несколько раз ссылались… использовали фразу «до отъезда Марка в Москву». Уверены ли вы в том, что Марк действительно ездил в Москву? Говорили ли вы когда-нибудь с ним об этом? Давайте поставим вопрос таким образом.

Ответ. Да. Мы несколько раз говорили с ним о его поездке в Москву, и он уехал в Москву, насколько я помню, 10 июня 1955 года.

Вопрос. Знаете ли вы, каким образом он уехал в Москву? Пароходом, поездом или еще как-нибудь?

Донован. Возражаю.

Судья Байерс. Ну, если свидетель видел, как Марк уехал, он может сказать, что он видел, как тот отправился таким-то путем. Я думаю, он может так сказать.

Донован. Только если он видел, как Марк совершил беспосадочный полет до Москвы, только в этом случае он мог бы засвидетельствовать, что Марк отправился в Москву.

Томпкинс. Я снимаю свой вопрос.

Вопрос. Говорил ли вам Марк о том, что он едет в Москву?

Ответ. Да, говорил. Он сказал мне, что должен ехать через Австрию, а когда вернулся из Москвы и мы встретились, объяснил, что сначала он летел самолетом до Парижа, затем из Парижа выехал поездом в Австрию, а из Австрии… я уж не помню точно, как он отправился из Австрии.

Но на этом туманные вопросы и неопределенные ответы не закончились. Они возникали снова и снова.

Донован. Извините меня, ваша честь, не могли бы мы датировать события по нормальному календарю, указывая годы и месяцы, вместо того чтобы без конца повторять такую ссылку, как «поездка в Москву», которую нельзя доказать?

Судья Байерс. Какая вам разница, к чему мы будем это относить: к июню 1955 года или к поездке в Москву? Составит ли это для вас какую-нибудь разницу?

Томпкинс. Я не вижу никакой разницы.

Донован. Для меня это большая разница.

Томпкинс. Если мистер Донован объяснит мне, в чем разница, я с удовольствием сделаю то, что он хочет.

Судья Байерс. Я не могу согласиться на это, так как боюсь, что это будет целая речь.

Томпкинс. Хорошо.

Мои протесты все реже достигали цели. На этот раз я не сам сел на место, а меня посадили. Обвинение обратилось теперь к ранним встречам Абеля и Хэйханена. Томпкинс спросил, знал ли он местонахождение тайников Абеля, и Хэйханен ответил, что он может рассказать о тайниках под номерами 2, 4, 6 и 7.

В отличие от вчерашнего дня, их глаза ни разу не встретились. В течение всего этого второго дня, стоя на месте свидетеля перед судом, Хэйханен ни разу не посмотрел на Абеля. В свою очередь, и полковник редко отрывал глаза от своих записей. Он сознавал, что был главной фигурой драмы, разворачивающейся в зале суда.

У репортеров и всех остальных, кто день за днем сидел в

зале, наблюдая за тем, как Абель делает заметки, что-то рисует и непринужденно разговаривает со своим защитником во время перерывов, невольно сложилось впечатление, что он холодный человек, бесстрастный наблюдатель, не заинтересованный в исходе процесса. Они не могли бы впасть в большую ошибку. Только железная самодисциплина позволяла ему сидеть молча и спокойно, никак не проявляя своих чувств. А ведь он переживал колоссальную физическую и эмоциональную пытку. Никто из нас не знал и того, что физически он был не очень-то здоровым человеком. У него было серьезное заболевание желудка, но никто никогда не слышал от него жалоб на состояние здоровья. Один правительственный чиновник рассказал мне позднее, что жена Абеля очень волновалась за его здоровье. Однажды она написала ему такое письмо в исправительную тюрьму в Атланте:

«Я уверена, что ты сможешь приспособиться к любым условиям, но все-таки сильно волнуюсь за твое здоровье. Я где-то прочитала в газетах, как кто-то сказал, что из-за слишком скромного образа жизни у тебя заболел желудок. Что это за болезнь, дорогой? Похоже ли это па то, что было у тебя, когда мы были вместе, неужели тебя опять мучает эта болезнь? Помнишь, какие ты тогда испытывал боли? Ты не мог глотать даже жидкую пищу. Если это опять то же самое заболевание, то как это ужасно! Я знаю, ты никогда не скажешь, что у тебя плохое здоровье, разве только тогда, когда будет уже очевидно, что дело действительно плохо, но, пожалуйста, сообщи мне правду».

После вопроса о тайниках Абеля и местах, где он ставил знаки, Томпкинс перешел к вопросу о шпионских заданиях, которые давал Хэйханену Абель.

В ходе подробного допроса Хэйханен рассказал о пяти таких поручениях. Они были незначительными и в основном безуспешными. В одном случае он отправился в штат Массачусетс ***(он не мог вспомнить город, помнил только, что он находился около Бостона),*** чтобы определить местожительство одного шведского инженера-судостроителя по имени Олаф Карлсон. Он предполагал, что нашел нужного человека, но все же не был уверен, так как в его задание входило только определить его местонахождение, а не говорить с ним.

Хэйханен показал также, что он и Абель ездили по штатам Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания ***(«просто для… мы сделали несколько фотографий»),*** и затем описал две поездки за город в поисках хорошего места для передачи радиосообщений. Первую из них они совершили в штат Нью-Йорк, вторую — в один из населенных пунктов штата Нью-Джерси. Абель отказался от покупки помещения в Нью-Джерси из-за его дороговизны —

пятнадцать тысяч долларов. Он не стал нанимать и помещение в Хопуэлл-Джанкшен, но не объяснил Хэйханену почему.

Томпкинс спросил свидетеля, обсуждал ли он с Абелем причины этих двух последних поездок.

Хэйханен. Да, он объяснил мне, что эта секретная радиостанция должна передавать сообщения в Москву для руководства.

Вопрос. Говорил ли вам когда-либо Марк, что он осуществлял радиопередачи?

Ответ. Он говорил только о передаче сообщений через тайники, а не с помощью радио. Но он мне говорил, что получает радиосообщения.

Вопрос. Рассказывал ли он вам, как он получает эти радиосообщения? Каким образом?

Ответ. Да, рассказывал… Он говорил, что записывал радиосообщения на магнитофон, а затем с магнитофонной ленты переносил их на бумагу и расшифровывал.

Вопрос. Можете ли вы сказать, была ли у подсудимого какая-либо радиопередающая аппаратура?

Ответ. Раза два он упоминал об азбуке Морзе.

С точки зрения обвинения, наиболее важным заданием Хэйханена было определение местонахождения Роя Роудса ***(кличка Квебек)***. В соответствии с полученными из Москвы Указаниями он должен был направиться в Ред-Банк, штат Нью-Джерси, где семья агента, как предполагали, владела тремя гаражами. Однако, прежде чем Хэйханен начал свой рассказ, произошло состязание в остроумии. Такие турниры были типичны для всего процесса. Совершенно неожиданно его начал я.

Донован. Не могли бы мы узнать, ваша честь, когда он получил эти указания?

Судья Байерс. Вы полагаете, что мы должны узнать это сейчас или мы можем это узнать, когда вы начнете перекрестный допрос?

Донован. Полагаю, нам нужно знать это сейчас, ваша честь, чтобы мы могли…

Томпкинс. Ваша честь, я задал вопрос свидетелю, получил ли он это задание или нет, и, как только он начинает мне рассказывать об этом задании, я тут же слышу возражения относительно даты.

Судья Байерс. Да. Вы знаете, каковы адвокаты, мистер Томпкинс.

Донован. Ваша честь, вчера он показывал, будто это было

весной, ибо шел дождь, а потом он заявил, что это могло быть и осенью, ибо осенью тоже идут дожди.

Томпкинс. Мистер Донован, как видно, ведет учет?

Судья Байерс. Нет, это немного не по существу, вот и все.

Рой Роудс был американским солдатом, оказавшимся связанным с русскими, после того как скомпрометировал себя во время военной службы, которую он проходил в нашем посольстве в Москве. Хэйханен объяснил, что ни он, ни Марк не смогли разыскать Роудса и его семью в Ред-Банк и что по указанию Марка он запросил дополнительную информацию. Из Москвы сообщили, что у Квебека были родственники в штате Колорадо. На этот раз Хэйханен поехал туда один. Из Салиды (Колорадо) он позвонил по телефону семье Роудса в расположенный неподалеку населенный пункт Говард и узнан от его сестры, что солдат в то время находился в Таксоне (Аризона).

Вопрос. Насколько я понимаю, по возвращении вы доложили Марку, что нашли Роудса в Таксоне, штат Аризона?

Ответ. Да, это так.

Вопрос. Обсуждался ли еще вопрос о Квебеке?

Ответ. Да, Марк говорил, что, поскольку у него есть еще несколько агентов, он не может предпринять такую дальнюю поездку и что мне придется самому отыскать Квебека.

(Это единственная за весь процесс ссылка на «других агентов», которые так и не были названы.)

Вопрос. Говорил ли вам Марк когда-либо, зачем нужно было разыскивать Квебека?

Ответ. Да. Тогда, еще до этой поездки в Колорадо, он передал мне послание на пленке, в котором содержалась дополнительная информация о Квебеке. Там были указаны его кличка, его настоящее имя, место рождения и работы, сведения о его родителях и родственниках.

Вопрос. Какого рода была эта пленка?

Ответ. Это была обычная тридцатипятимиллиметровая пленка, но позднее я сделал из нее мягкую пленку.

Вопрос. Что говорил вам Марк по этому поводу?

Ответ. Он сказал, что Квебек может быть хорошим агентом, потому что он… некоторые из его родственников и он работают на военных предприятиях. Он имел в виду брата Квебека, который работал на каком-то атомном заводе.

Хэйханен затем опознал копию пленки, которую он прятал в пустотелом болте в своем доме в Пикскилле. Обвинение не представило ее в качестве вещественного доказательства. Возможно, оно решило попридержать ее для более серьезного момента.

Свидетель закончил свои показания о Роудсе сообщением о том, что Абель позднее попросил его не беспокоиться о Квебеке, сказав, что по пути в Москву он сам попытается связаться с ним. Москва, очевидно, изменила его намерения. Вернувшись, Абель заявил, что не виделся с Роудсом и не разговаривал с ним. Это было все.

Когда Томпкинс спросил Хэйханена о его поездках с Абелем за пределы города, допрос принял нозое направление.

Вопрос. Не посещали ли вы Бэр-Маунтин-парк во время одной из этих поездок?

Ответ. Да, посещали.

Вопрос. И какова была цель этого посещения?

Донован. Возражаю.

Судья Байерс. Разговаривали ли вы с Марком относительно поездки в Бэр-Маунтин-парк?

Ответ. Да.

Судья Байерс. Что он сказал?

Ответ. Он сказал, что нам нужно найти одно или два места, чтобы спрятать деньги.

Томпкинс. Сколько денег?

Ответ. Пять тысяч долларов.

Вопрос. А теперь не расскажете ли вы нам, что он еще сказал?

Ответ. Он сказал, что эти пять тысяч долларов мы должны будем отдать жене агента Стоуна.

Вопрос. Жене агента Стоуна?

Ответ. Да.

Вопрос. Стоун — это кличка?

Ответ. Да. Кличка.

Вопрос. Не скажете ли вы нам имя жены Стоуна?

Ответ. Его жену зовут Элен Собел.

Томпкинс (***медленно, произнося по буквам).*** С-о-б-е-л?

Ответ. Правильно.

Это произошло быстро и неожиданно. Это было сказано и записано в протокол. Абель был связан с супругами Розенбергами, потому что Мортон Собел проходил по делу Розенбергов. Юлиус и Этель Розенберга были осуждены за передачу русским во время второй мировой войны жизненно важной информации об атомном оружии Соединенных Штатов. Они были казнены в 1953 году.

Вопрос. Что вы должны были сделать с деньгами, спрятанными в Бэр-Маунтин-парке?

Ответ. Марк сказал, что мы должны будем разыскать жену Стоуна и попросить ее приехать в Бэр-Маунтин-парк, где мы могли бы поговорить и передать ей деньга.

Вопрос. А вы действительно спрятали деньги в Бэр-Маунтин-парке?

Ответ. Да, мы спрятали.

Вопрос. Хорошо. Приводили ли вы когда-либо в последующее время Элен Собел в Бэр-Маунтин-парк?

Ответ. Нет, не приводили.

Вопрос. А что вы сделали после того, как спрятали деньги? Покинули Бэр-Маунтин-парк?

Ответ. Да, покинули… Марк сказал мне, будто имеется указание о том, чтобы я передал эти деньги Элен Собел.

Вопрос. Не сказал ли он вам, от кого он получил эти указания?

Ответ. Из Москвы.

Хэйханен сообщил, что это было в июне 1955 года. Поскольку Абель готовился к поездке в Москву, задание по передаче денег миссис Собел выпало на его долю. Абель сказал, что он несколько раз пытался установить контакт с этой женщиной, но ему всегда мешал полицейский, стоявший на посту недалеко от ее квартиры в Манхэттене. Хэйханен пояснил, что он должен был подтвердить свою личность с помощью письма, переданного Абелю человеком, который завербовал Стоуна.

Вопрос. Как вы спрятали деньги? Все вместе или как?

Ответ. Нет, в двух разных местах: три тысячи и две тысячи долларов.

Судья Байерс. Почему бы вам не удовлетворить наше любопытство? Были ли банкноты в коробке или в чем-либо еще? Они не были завернуты во что-нибудь?

Хэйханен. Да, они были завернуты в целлофановый мешок и газету.

Судья Байерс. Кто их завертывал?

Хэйханен. Марк.

Судья Байерс. Видели ли вы, как он это делал?

Хэйханен. Нет, я не видел, как он это делал, но видел эти два пакета.

Судья Байерс. У него?

Хэйханен. Да. А затем мы спрятали их вместе в Бэр-Маунтин-парке.

Томпкинс. Выполнили ли вы указания Марка — передали ли

миссис Собел эти пять тысяч долларов?

Хэйханен. Нет, не выполнил.

Вопрос. Доложили ли вы о том, что вы сделали?

Ответ. Да, доложил.

Вопрос. И что вы сообщили о своих действиях?

Ответ. Я сообщил, что нашел Элен Собел и вручил ей деньги, попросив ее расходовать их осторожно.

Сидевший за столом защиты Абель написал в своем блокноте «Х. сообщил позднее, что он нашел Собел и передал ей деньги, сказав, чтобы она соблюдала осторожность, расходуя их». Затем он подчеркнул эту фразу. Это был единственный случай, когда он таким образом обратил внимание на какую-то часть показаний кого-либо из свидетелей. Однако профессорское выражение его лица ни разу не изменилось.

По словам Хэйханена, он послал доклад в Москву через тайник. В ответном сообщении ему снова предлагалось пойти к миссис Собел, поговорить с ней и выяснить, нельзя ли использовать ее в качестве агента. Обвинитель Томпкинс спросил, не знает ли он, была ли прежде миссис Собел советским агентом.

Хэйханен. Когда Марк сказал мне, что деньги должны быть переданы жене Стоуна, он пояснил, что для советской разведывательной практики обычна одновременная вербовка и мужа и жены.

Вопрос. Таким образом, вы поняли из объяснений Марка, что оба — и муж и жена — были агентами Советского Союза?

Ответ. Да.

Последующие события, сказал Хэйханен, произошли по возвращении Абеля из Москвы. Абель сообщит, что ему поручили уплатить миссис Собел еще пять тысяч долларов. В связи с этим он приказал Хэйханену организовать встречу с этой женщиной.

Вопрос. Встречались ли вы с Элен Собел?

Ответ. Нет.

Вопрос. Поддерживали ли вы связь с ней?

Ответ. Нет, но Марк сказал мне, что эти пять тысяч долларов он получил в банке.

Вопрос. Это не те пять тысяч долларов, которые вы спрятали?

Ответ. Нет.

Вопрос. Были ли у вас после этого разговоры с подсудимым Марком об Элен Собел?

Ответ. Нет.

Затем обвинитель обратился к суду с просьбой сделать перерыв.

Без лишних слов судья Байерс объявил перерыв до двух

часов.

Выйдя из здания суда, мы перешли через площадь, направляясь а ресторан «Джо» на Фултон-стрит. Во время судебного заседания мы не услошшвались, где будем завтракать, но по местному обычаю ходили в самый популярный ресторан, представлявший собой своего рода кусочек старого Бруклина. Ресторан был большой, всегда переполненный, шумный, с усыпанным опилками полом. Обслуживание и пища, особенно бобовый суп, были неизменно хороши.

По окончании перерыва мы пошли обратно в суд, останавливаясь по дороге у газетных киосков, чтобы взглянуть на заголовки свежих газет. Наш судебный процесс все еще занимал первые полосы газет. Самый последний заголовок гласил: «Связь Абеля с Розенбергами». Между тем в Манхэттене миссис Собел отрицала, что она и ее муж когда-либо занимались шпионажем. Она сказала, что «не имеющие никакого смысла показания Хэйханена были сделаны просто с целью замарать меня… Все, о чем она просила, — это только право на свидание с мужем».

Сидевший на своем обычном месте Хэйханен походил на печального клоуна. Судя по его собственным показаниям, он был настолько неуклюжим и малополезным работником, что становилось все труднее воспринимать его как вражеского агента, представлявшего какую-нибудь опасность для нашего государства.

Обвинитель хотел выяснить, где и когда Хэйханен встретился с Абелем после возвращения полковника. Где состоялась встреча? Они не встречались с июня 1955 года по июль следующего года.

Хэйханен. Произошло недоразумение. Когда я получил сообщение, в нем было сказано: «Я хотел бы встретиться с вами на прежнем месте».

В последний раз Абель и Хэйханен встречались в Симфоническом театре на Бродвее. Абель же, пославший записку, имел в виду театр на Флашинге, место их первой встречи.

Когда они в конце концов встретились, Абель сообщил Хэйханену, что его работа признана неудовлетворительной и ему надлежит вернуться домой, навестить свою семью.

Вопрос. Скажите теперь, Марк был недоволен тем, что вам не удалось открыть фотоателье в Ньюарке?

Ответ. Да.

Вопрос. И он предложил, чтобы вы отправились домой в отпуск. Правильно?

Ответ. Да, правильно… Марк объяснил, что он послал сообщение в Москву, в котором говорилось, что, поскольку я не открыл фотоателье, я могу уехать. От этого, мол, ничто не

пострадает, и мне пора побывать в отпуске.

Вопрос. Получили ли вы какое-нибудь сообщение, в котором вам разрешалось отправиться в отпуск?

Ответ. Да, я получил сообщение из Москвы, в котором говорилось, что мне разрешен отпуск и что я должен как можно скорее обратиться за американским паспортом и отправляться в качестве туриста в Европу. ***(В этом же сообщении говорилось, что Хэйханен произведен в полковники.)***

24 апреля 1957 г. Хэйханен отправился в Гавр на французском лайнере. В Париже, следуя указаниям Абеля, он позвонил по специальному номеру и спросил: «Не могу ли я переслать через ваше учреждение две посылки в СССР?»

Томпкинс. И вы получили ответ?

Хэйханен. Да, получил.

Вопрос. Что вы сделали, получив ответ?

Ответ. Я пошел на условленное место и встретил там одного русского чиновника. На мне был тот же голубой галстук и, кроме того, я курил трубку… Мы прошли несколько кварталов, потом зашли в бар, где пили коньяк и кофе.

Вопрос. Как развивались события дальше?

Ответ. Затем он дал мне денег во французских франках и американских долларах.

На следующий вечер Хэйханен и советский сотрудник имели визуальную встречу. Ни один из них не проронил ни слова. По предварительной договоренности Хэйханен был без шляпы и держал в руках газету. Это означало, что на следующий день он отправляется в Западный Берлин, а оттуда в Москву.

Вопрос. И куда вы направились на следующий день?

Ответ. На следующий день я пошел в американское представительство в Париже.

Вопрос. Что вы сделали, придя в посольство?

Ответ. Я объяснил, что я офицер советской разведывательной службы в чине подполковника и что я располагаю информацией, которую хотел бы передать американским должностным лицам, чтобы помочь им.

Больше Хэйханен ничего не объяснил. Он ничего не сказал о причинах, побудивших его изменить, и ни разу не произнес слова «измена». Как предполагают, работникам ФБР он заявил, что «сыт по горло» всеми этими делами и что был разочарован, когда ему не дали пост по легальной линии при посольстве.

Вопрос. Во время посещения американского посольства и беседы с сотрудниками посольства не передавали ли вы им чего-нибудь?

Ответ. Да, в качестве доказательства я вручил им финскую

пятимарковую монету, которая, как я объяснил, была сделана из двух монет и служила контейнером.

После этого обвинение представило в качестве вещественного доказательства эту монету, которую, как показал Хэйханен, он передал в американское посольство в Париже. Хэйханен объяснил, что в ней имелась небольшая дырочка: «Вставив в нее иголку, вы можете открыть этот контейнер». Затем он продемонстрировал эту операцию присяжным.

Я заявил протест в связи с представлением монеты на том основании, что, как только Хэйханен вошел в посольство, он выбыл из заговора ***(«если только он состоял когда-либо в каком-нибудь заговоре»),*** и поэтому показания относительно того, что случилось после этого, не могли касаться подсудимого. Я добавил также и еще одно возражение, касающееся этой монеты.

Донован. Ваша честь, не согласится ли обвинение с тем, что подобные приспособления легко раздобыть в магазинах, торгующих принадлежностями для демонстрации фокусов, и в других подобных магазинах?

Томпкинс. Ваша честь, я не видел ничего подобного ни разу в жизни.

Донован. Это не то, о чем я просил, ваша честь.

Томпкинс. Я действительно не… я не думаю, что их можно приобрести где угодно.

Судья Байерс. По моему мнению, просьба мистера Донована не имеет отношения к этому этапу расследования. Вы просили, чтобы свидетель продемонстрировал, как этот предмет открывается, и он сделал это. Теперь я предлагаю, чтобы вы собрали его и дали посмотреть присяжным. Возможно, кому-нибудь из них захочется поэкспериментировать над ним. Тем временем вы выясните, правильно ли информирован мистер Донован относительно возможностей приобретения этих предметов. Я не думаю, что это сколько-нибудь существенно.

Было десять минут четвертого. В зале суда было тесно и жарко. Обвинение представило суду еще одно вещественное доказательстве — записки, которые Абель передал Хэйханену. Мы поспорили по второстепенному пункту: был ли Хэйханен достаточно компетентен, чтобы узнагь почерк Абеля?

Судья взглянул на присяжных. Они передавали по ряду разъятую на части монету.

Судья Байерс. Осталось три минуты до закрытия заседания, мистер Томпкинс. Вы намерены употребить эти три минуты на переливание из пустого в порожнее?

Томпкинс. Нет. Я полагаю, поскольку конец работы так близок, сэр, и предстоит обсуждение нового вопроса, на этом Мы наш прямой допрос закончим.

Обратившись к присяжным с хорошо знакомым и надоевшим предупреждением ***(«Господа присяжные, я повторяю и делаю это не потому, что это мне нравится, вы не должны…»)*** о том, что они не должны обсуждать разбирающееся дело или разговаривать с кем-либо о нем, судья отпустил присяжных. Мы направились к выходу. Хэйханен уже почти выдохся, а предстоял еще перекрестный допрос.

Среда, 16 октября

«Правительство желает, чтобы процесс продолжался долго — три недели, а может, и месяц. Оно намерено показать раз и навсегда, как русские шпионят за свободным миром».

Так говорили. Я слышал об этом перед процессом, читал в одной из газет, и даже теперь об этом шли разговоры в коридорах суда. Обвинение заверяло нас, что это только болтовня. Хотелось верить, что так оно и есть.

Когда начался третий день судебного разбирательства, у меня было такое чувство, будто я нахожусь в зале суда, слушая Хэйханена, уже много дней подряд. Казалось, что все мы находимся здесь постоянно и не покидали этого зала ни в понедельник, ни во вторник. Все уже приелось: и душный зал, и участники процесса, и особенно огромный и неуклюжий свидетель.

В течение восьми с половиной часов Хэйханен сидел перед нами. И каждый вечер мы усердно штудировали всякую информацию, какая к нам попадала, о нем и о его фантастической карьере. В прошлый вечер мы метались по Манхэттену в поисках пустотелых монет и урывками в такси читали отпечатанную стенограмму показаний, данных накануне.

В этой атмосфере поединок по поводу монет оказался для нас неплохим развлечением. Несмотря на слова судьи о том, что он не придает этому значения, мы включились в этот второстепенный спор так горячо, словно исход процесса зависел от этой одной-единственной финской пятимарковой монеты.

Монета была пуста, и так же пуст был наш спор, однако ни та ни другая сторона в тот момент не хотела признать этого.

Томпкинс. Если ваша честь разрешит… в конце вчерашнего заседания или почти в конце, как мне помнится, вы спросили мистера Донована и меня, не пожелаем ли мы проверить, легко ли можно раздобыть предметы, похожие на эту монету. Я могу сообщить суду только сведения об одном типе монеты,

устроенной таким же образом. В данном случае речь идет о пятицентовой монете. В ходе розысков мы демонстрировали монету, и владелец одного магазина занимательных новинок, торгующий принадлежностями для фокусов в течение двадцати восьми лет и хорошо знакомый, по его словам, со всеми известными видами монет для фокусов, заявил, исследовав ее, что, по его мнению, эта монета сделана не для фокусов.

Другими словами, он сказал, что эту монету нельзя было использовать вместо какой-либо другой и что он никогда еще не видел, чтобы отверстие делалось в верхней части монеты.

Донован. Ваша честь, ни одно из этих утверждений не основано на показаниях экспертизы. Поэтому неправильно было бы считать их доказательством.

Томпкинс. Это только ответ на утверждение мистера Донована о том, будто такие монеты можно легко найти, сэр.

Судья Байерс. Вы ведь не утверждаете, что это доказательство?

Томпкинс. Нет, это не доказательство, сэр.

Судья Байерс. Вы отвечаете на реплику мистера Донована относительно того, что такие предметы в настоящее время продаются в магазинах принадлежностей для жонглеров…

Томпкинс. Фокусников.

Судья Байерс…жонглеров и прочих фокусников, и вы просто отвечаете на эту реплику.

Томпкинс. Совершенно правильно.

Судья Байерс. И сказанное мистером Донованом не является доказательством, и сказанное вами не является доказательством.

Томпкинс. Правильно, сэр.

Донован. Ваша честь, хотя я очень уважаю владельца лавки занимательных поделок, но я должен сообщить, что вчера вечером видел несколько полых американских пенни. Я готов продемонстрировать несколько иностранных пустотелых монет, которые по моей просьбе будут мне доставлены, и я готов также, несмотря на очень небольшую практику (я занимался этим только вчерашний вечер), если понадобится, исполнить несколько фокусов с монетами, основанных на Принципе пустотелой монеты. У меня даже есть с собой все необходимое для этих фокусов. Я предлагаю, пока я не получил пустотелые…

Судья Байерс. А что это докажет?

Донован. Я уверен, ваша честь, что смогу доказать, что пустотелые монеты не только были известны в течение многих лет, но и свободно продавались в среде фокусников. Я видел одну вчера вечером, ваша честь.

Судья Байерс. Заявление защиты внесено в протокол, и я

повторяю, что это не доказательство для присяжных.

Томпкинс. Ваша честь, можно задать мистеру Доновану один вопрос? Есть ли в имеющейся у него полой монете отверстие, в которое можно вставить иголку?

Донован. Да, у меня есть монета с отверстием, в которую можно вставить иголку. Она даже лежит у меня в кармане.

На этом спор закончился, и мне так и не представилась возможность продемонстрировать мои пустотелые монеты перед присяжными. Позже я отдал их своим детям.

Томпкинс приступил к выяснению отдельных незначительных моментов, оставшихся невыясненными вчера. Наиболее важным пунктом повестки дня был вопрос о пяти тысячах долларов, спрятанных в Бэр-Маунтин-парке. Кое для кого, включая и одну из газет, сообщивших о том, что правительство Соединенных Штатов нашло эти деньги, оставалось неясным, что сделал Хэйханен с этими пятью тысячами долларов.

Вопрос. Мистер Хэйханен, вчера вы сообщили, что вы и подсудимый спрятали пять тысяч долларов в Бэр-Маунтин-парке с целью передачи этих пяти тысяч долларов миссис Собел. Правильно ли это?

Ответ. Да, правильно.

Вопрос. И вы также показали, что вы не передали ей этих денег. Это правильно?

Ответ. Да, это мои слова.

Вопрос. Не расскажете ли, что вы с ними сделали?

Ответ. Я оставил их у себя.

Вопрос. Скажите теперь, после возвращения подсудимого из Москвы…

Судья Байерс прервал обвинителя, чтобы задать вопрос.

Вопрос. Позвольте, не говорил ли он о том, что спрятал их?

Томпкинс. Они спрятали их вместе, ваша честь.

Судья Байерс. Так. Как же он мог одновременно и оставить их у себя, и спрятать?

Томпкинс. Насколько я помню, он получил от подсу-

димого указание передать деньги миссис Собел, когда подсудимый уезжал из этой страны.

Судья Байерс. Да.

Томпкинс. А свидетель говорит, что он не сделал этого. Вопрос. Вы выкопали деньги?

Ответ. Да, я выкопал их и оставил у себя.

Темно-красные стены Кремля находились на расстоянии более чем 4600 миль от бруклинского зала суда. Это придало Хэйханену храбрости. Спокойно и обдуманно он давал показания

— во второй раз, — как он обманул КГБ и украл пять тысяч долларов. Также спокойно он объяснял нам, что лгал Абелю, рассказывая ему о том, как его преследовали три человека. Он придумал это, чтобы не уезжать из Соединенных Штатов, когда Абель приказал ему уехать.

Вопрос. Скажите теперь, это было правдой или нет? Преследовали ли вас?

Ответ. Нет, это неправда.

Томпкинс пожелал затем узнать, как Хэйханен передавал секретные послания в виде микроточек. Хэйханен заявил, что в ноябре или декабре 1954 года Абель передал ему письменную инструкцию по изготовлению микроточек и велел практиковаться в этом.

Вопрос. Передавали ли вы сами по какому-нибудь поводу сообщения в виде микроточек?

Ответ. Я получил указание от Марка практиковаться в изготовлении микроточек таким методом, который он мне показал, и я практиковался зимой 1954/55 года.

Вопрос. Показывали ли вы ему когда-либо результаты своих практических занятий?

Ответ. Да, показывал… Он заявил, что мои результаты недостаточно хороши и что у него микроточки получаются лучше и контрастнее. Поэтому позднее я стал практиковаться больше.

Вопрос. Не знаете ли вы, передавал ли подсудимый микроточечные послания?

Ответ. Да, передавал.

Вопрос. Не знаете ли вы, посылал ли он какие-нибудь из этих посланий почтой?

Ответ. Да, я знаю об этом с его собственных слов.

Вопрос. Что он говорил вам?

Ответ. Он рассказывал, что посылает микроточки почтой в Париж, во Францию.

Вопрос. Он посылал их письмом?

Ответ. Нет, он посылал их внутри журналов.

Вопрос. Не объясните ли вы с его слов, как он их посылал — если вы знаете?

Ответ. Без журнала мне трудно это объяснить. Он вкладывал эти микроточки, приклеивал их внутри, там, где журнал… как это называется…

Вопрос. Скрепляется?

Ответ. Скрепляется, да. Он помещал ее там, где была скрепка, затем ставил скрепку на место, и никто не мог об этом догадаться, потому что никто не заглядывает под скрепки.

Вопрос. А вы знаете, какие журналы он использовал для этого?

Ответ. Он пользовался журналами «Беттер хоумз энд гарденз» и «Американ хоум». Он упоминал эти журналы.

Томпкинс сел, а помощник обвинителя Кевин Мароней стал расспрашивать Хэйханена о полученных им посланиях и о шифре, с помощью которого эти послания были написаны. Свидетель рассказал, что за четыре с половиной года пребывания в качестве помощника резидента направил около двадцати пяти сообщений и получил тридцать. Все эти сообщения были зашифрованы с помощью его индивидуального шифра.

Вопрос. Иными словами, ни у кого из других сотрудников не было такого шифра, правильно ли это?

Ответ. Да, это так!

Обвинение представило гипотетическое послание, как оно его назвало, написанное по-русски с помощью личного шифра Хэйханена. Он стал давать подробные объяснения, как применяется этот код, расшифровывая представленное обвинением послание.

Я возразил на том основании, что послание, расшифрованное Хэйханеном, было совершенно непонятно, бессмысленно как вещественное доказательство и потому не относилось к делу. Судья Байерс не согласился с возражением, заметив едко, что, «может быть, присяжные поймут то, что непонятно вам и мне».

Пока Хэйханен давал пространные объяснения о применении шифра, которые я все еще считаю недоступными пониманию, многие вышли из зала покурить, а один из присяжных поглядывал на свои часы.

Когда свидетель кончил говорить, Мароней спросил его, аналогичный ли шифр был у Абеля.

Хэйханен. Марк рассказывал мне, что у него был шифр, но что он пользовался… что он шифровал и расшифровывал другим способом; что он пользовался специальными небольшими книжками, с помощью которых зашифровывать было значительно легче, чем с помощью этого метода.

После двух с половиной дней — иногда казалось, что прошло два с половиной световых года, — прямой допрос закончился. Даже судья был настроен скептически.

Судья Байерс. Означает ли это, что прямой допрос закончен?

Мароней. Да, сэр.

Мы немедленно выступили с ходатайством, чтобы обвинение

передало нам все заявления, сделанные Хэйханеном ФБР, включая «в основном стенографические» заметки, сделанные агентами во время допросов. По новому правилу Федерального суда, появившемуся в результате знаменитого решения Верховного суда по делу Дженкса, защита имеет право ознакомиться с некоторыми заявлениями, сделанными свидетелями обвинения Федеральному бюро расследований. Верховный суд постановил, что эти заявления «имеют отношение к проверке путем перекрестного допроса, насколько можно верить показаниям свидетеля в суде».

По нашему настоянию и только после значительных усилий с нашей стороны судья Байерс согласился посмотреть досье ФБР по делу Абеля и решить, что можно рассматривать как «заметки» и к каким материалам мы можем быть допущены. Без всякого сомнения, мы должны были получить все заявления, подписанные Хэйханеном. Три из них вместе с нарисованной им диаграммой были немедленно переданы обвинением. Судья объявил, что он начнет просмотр бумаг в два часа, и затем поинтересовался, могу ли я приступить к перекрестному допросу.

Судья Байерс. Не могли ли бы вы начать перекрестный допрос сейчас? Затем вы получите отчеты, изучите заметки и продолжите перекрестный допрос.

Донован. Нет, ваша честь. Этот человек дает показания уже два с половиной дня. Уверяю вас, при чтении стенограмм иногда, думая, что нахожусь в 1951 году в Москве, я встречаю его в Бруклине. Просто на это потребуется время. Мы работали всю прошлую ночь, стараясь тщательно подготовиться. Поскольку ваша честь в самом начале слушания дела обещал предоставить нам достаточно времени для подготовки к перекрестному допросу, я прошу дать мне время до завтрашнего утра, чтобы просмотреть записи показаний этого человека, которые он делал два с половиной дня.

Томпкинс сказал, что у него нет возражений против отсрочки, пояснив, что он не хотел бы «ограничивать мистера Донована временем». Судья взглянул на присяжных.

— Господа присяжные, нам, очевидно, придется сделать перерыв до завтрашнего дня, скажем, до десяти часов сорока минут утра…

Мы сразу же начали составлять планы. У нас было триста двадцать пять страниц показаний Хэйханена. Позднее мы должны были получить стенограмму утреннего заседания да еще и заметки ФБР, которые судья Байерс разрешил нам просмотреть. Мы должны были побеседовать с Абелем. Дебевойс предложил

повидаться с ним немедленно — внизу, в арестантской.

Том позже сообщил, что Абель, по-видимому, чувствует облегчение оттого, что эта часть суда осталась позади.

Четверг, 17 октября

В этот день защита в первый раз возьмет дело в свои руки. Это будет наше представление. И снова все было, как в день открытия процесса: переполненный зал, возбуждение, напряженность, разговоры в вестибюле, в лифтах, в коридорах.

Я чувствовал, что нам не следует перегибать палку. В уголовном деле каждый защитник рискует потерять расположение судьи и присяжных, переходя в наступление. Если он атакует вслепую, беспорядочно и немотивированно, задавая вопросы, не зная наверняка, какой последует ответ, он будет выглядеть как законченный глупец. Но для молодого защитника здесь всегда есть большой соблазн.

Сегодня Хэйханен занял свое место как-то механически, и судья, готовый приступить к делу, сказал только:

— Перекрестный допрос.

Донован. Мистер Хэйханен, подвергались ли вы когда-либо судебному преследованию в Соединенных Штатах?

Ответ. Я не понимаю вашего вопроса.

Томпкинс ***(сразу же заявляя протест).*** Ваша честь, если зашита может указать, что он был за что-либо осужден, у меня нет возражений, но судебное преследование…

Судья Байерс. Я не уверен, что вопрос о том, подвергался ли он судебному преследованию, правомерен. Как вы знаете, предполагается, что каждый человек невиновен.

Донован. Ваша честь, он был назван в обвинительном акте заговорщиком. В течение трех дней он давал показания о совершенных им самых разнообразных преступлениях против Соединенных Штатов.

Томпкинс. Ваша честь, мне представляется, что это предвзятое и наносящее ущерб мнение.

Донован. У этого мнения есть одно неоспоримое преимущество, а именно то, что оно правильно, ваша честь.

Томпкинс. Что касается того, что он был назван соучастником, я с этим согласен.

Судья Байерс. Я против того, что вы перебиваете. Дайте мистеру Донована закончить.

Донован. Смею заметить, ваша честь, что очень уместно и правомерно спросить свидетеля, не подвергался ли он до сего времени судебному преследованию в связи с одним из упомянутых дел или не был ли он обвинен какими-либо

федеральными чиновниками в совершении этих преступлений.

Судья Байерс. Я не понял, что вы спрашивали об этом.

Донован. Это единственное, о чем я хотел спросить, ваша честь.

Судья Байерс. Если ваш вопрос можно сформулировать так: «Не подвергались ли вы судебному преследованию за что-либо, о чем вы давали показания на этом процессе?», то я разрешаю задать такой вопрос.

Донован ***(глядя на свидетеля).*** Насколько вам известно, мистер Хэйханен, не подвергались ли вы судебному преследованию за что-либо, о чем вы давали показания на этом процессе? То есть, иными словами, не предъявлялось ли вам формальное обвинение в совершении преступлений в связи с тем, о чем вы давали показания?

Ответ. Насколько я знаю, нет.

Вопрос. Не скажете ли вы теперь, не было ли у вас Когда-нибудь до 6 мая 1957 г. разговора с каким-либо официальным лицом, работником полиции или еще с кем-нибудь о вашей деятельности в Соединенных Штатах или России? Ответ. Нет.

Затем я представил для опознания в качестве вещественного доказательства «А» написанное рукой Хэйханена заявление на тридцати семи страницах, которое он сделал для ФБР в мае и июне и которое мы впервые прочли вчера вечером. Оно было на русском языке, и к нему прилагался перевод на английский, который стал вещественным доказательством «Б». Свидетель так объяснил появление этой бумаги:

— Агенты ФБР просили меня описать мою жизнь, что я и сделал. Я писал это в своем номере в отеле. Я не успел написать это в один день, так как агенты ФБР допрашивали меня, и писал урывками, когда было время.

Судья, а за ним и Томпкинс, как только он сообразил это сделать, попросили меня назвать имя переводчика заявления, написанного Хэйханеном по-русски. Мне очень не хотелось это делать. Переводчиком был, конечно, подсудимый Абель, которого мы использовали для этого вчера поздно вечером.

Томпкинс. Прошу прощения, не скажет ли защита об этом свидетелю? Почему нельзя сказать свидетелю, кто перевел этот документ.

Донован. Ваша честь, я думаю, свидетель может ответить на мой вопрос: «Правилен ли перевод?»

Судья Байерс. Мистер Донован не хочет этого делать. Поэтому давайте уступим его желанию.

Донован. Могу заверить вас, что это сделал не я.

Затем я представил еще два дополнительных вещественных доказательства, под которыми стояла подпись «Юджин Никола Маки». Одним из них было заявление на получение паспорта, присланное из Хельсинки, а другим — документ об аренде магазина в доме № Ь'06 по Берген-стрит в Ньюарке. Хэйханен признал, что обе подписи принадлежат ему.

Вопрос. Насколько я понимаю, мистер Хэйханен, вы дали показания о том, что в феврале 1953 года ваша жена приехала к вам в Соединенные Штаты. Правильно ли это?

Ответ. Правильно.

Вопрос. И полагаю, вы дали также показания, что вы поженились в 1951 году? ***(Это было указано в заявлении на получение паспорта.)***

Ответ. Правильно.

Вопрос. Не согласитесь ли вы также с тем фактом, что, в то время как вы заявили, что поженились в 1951 году, у вас уже были жена и ребенок?

Ответ. Согласен.

Вопрос. Это правда?

Ответ. Да.

Донован. Разрешите прочесть вам ***(из его же рассказа о своей жизни на тридцати семи страницах***) следующее, что является вашим собственным заявлением, сделанным ФБР:

«Летом 1948 года я был вызван в Москву… для личной беседы с некоторыми коллегами и начальниками ПГУ ***(разведка).*** Я пробыл в Москве несколько дней… Со мной беседовал прежний начальник оперативного отдела, генерал-майор, занимавший должность начальника отдела ПГУ ***(Хэйханен назвал его Барышниковым)…*** Позже я дал официальное согласие вести разведывательную работу при условии, что смогу взять с собой жену и сына».

Вопрос. Это правильно?

Ответ. Да, и перевод тоже правилен.

Вопрос. Таким образом, как я понимаю из ваших показаний, вы свидетельствуете о том, что вы двоеженец.

Томпкинс ***(вскочив).*** Прошу, ваша честь!.. По моему мнению, его показания говорят сами за себя.

Судья Байерс ***(спокойно).*** Не думаю, что ему следовало бы комментировать юридический факт, вытекающий из его показаний.

Томпкинс. Мистер Донован цитирует из документа, относящегося к 1948 году?

Судья Байерс. Да.

Хэйханен. Я женился в 1951 году.

Донован. Он уже давал показания, что в 1951 году…

Судья Байерс. Я поддерживаю возражение, мистер Донован.

Я отступил, сделал паузу, затем снова подступил к Хэйха-Нену — с другой стороны.

Вопрос. Разрешается ли по закону в России иметь двух Жен сразу?

Томпкинс, едва успевший сесть на место, снова вскочил: — Я возражаю против этого.

Донован. Я думаю, он знает об этом, ваша честь.

Судья Байерс. Может быть, он и знает, но, пожалуй, для присяжных это не интересно. Я поддерживаю возражение.

Я взглянул на присяжных.

Донован. По моему мнению, для присяжных это будет очень интересно.

Томпкинс. Ну, тогда…

Ни один обвинитель не может позволить себе стать в споре на сторону, которая защищает полигамию или относится к ней безразлично! Тем более этого нельзя делать в Бруклине, в районе, где много церквей.

Судья Байерс. Может быть, я неправильно понял их отношения. Я могу ошибиться.

Донован. И касаясь, мистер Хэйханен, вещественного доказательства «В», которое представляет собой заверенные копии документов на получение паспорта, нельзя ли назвать фактом то, что в заявлении на получение паспорта, подписанном вами, в ответ на вопрос о нынешней законной супруге вы написали «Ханна Маки» и указали дату вашей женитьбы — 25 ноября 1951 г.?

Ответ. Да, это так.

Вопрос. И все же вы утверждаете, что 25 ноября 1951 года у вас уже были жена и сын в России. Это правильно?

Хэйханен (***видимо, страдая)***. Это было частью моей «легенды», потому что… поэтому я написал… я отвечал таким образом на вопросы.

Вопрос. Я задал вам простой вопрос. Не является ли фактом то, что 25 ноября 1951 года у вас уже были жена и сын в России?

Ответ. Да, это факт.

Вопрос. А вам известно, есть ли у вас еще жена и сын в России?

Ответ. Я не знаю.

Вопрос. Теперь, в связи с вашими показаниями о том, что в 1953 году к вам приехала женщина, я хочу выяснить, кто была эта

приехавшая к вам женщина?

Снова обвинитель возразил. Судья указал мне, чтобы я спросил только: «Кто присоединился к вам в Соединенных Штатах в 1953 году?»

Хэйханен. Моя жена по церковному браку.

Вопрос. Как ее имя?

Ответ. Ханна Маки.

Вопрос. Не эта ли миссис Маки подписала вместе с вами договор об аренде помещения на Берген-стрит?

Ответ. Да, она.

Вопрос. Теперь, как я понимаю из ваших показаний, вы арендовали помещение на Берген-стрит для прикрытия своей разведывательной деятельности. Это правильно?

Ответ. Это… Я предполагал открыть ателье и одновременно продавать фотопринадлежности: фотопленку, фотобумагу и фотоаппараты.

Вопрос. И это должно было быть вашим «прикрытием»?

Ответ. Да.

Вопрос. Открыли ли вы в конце концов ваше ателье?

Ответ. Нет.

Вопрос. Не является ли также фактом то, что вы заделали передние окна своей квартиры так, чтобы через них совершенно не проникал свет?

Ответ. Я не заделывал их.

Вопрос. А что вы сделали с передними окнами?

Ответ. Я покрыл передние окна мастикой для мытья стекол, потому что они были очень грязными, и решил оставить эту мастику до тех пор, пока не открою свое дело. А поскольку я его так и не открыл, то и не смыл этот раствор.

Вопрос. Как долго вы там жили?

Ответ. Около года.

Вопрос. Все время, пока у вас было это «прикрытие» для шпионской работы, вы являлись владельцем фотоателье, которое так и не открылось и оставалось с замазанными передними окнами. Это правильно?

Ответ. Правильно.

Вопрос. Теперь я хочу, чтобы вы хорошо подумали, мистер Хэйханен. Пока вы жили по этому адресу с вашей женой номер два…

Обвинитель ***(нетерпеливо).*** Ох, ваша честь, пожалуйста… я не думаю, что допустимо давать характеристику.

Судья Байерс ***(спокойно).*** Кажется, в отношении цифр он прав? Не правда ли?

Ответа не последовало. Таким образом, возражение

отклонено. Обвинитель садится на свое место.

Вопрос. Я хочу, чтобы вы хорошенько подумали. Обратитесь к своей памяти. Пока вы жили там, для вас когда-нибудь вызывали «скорую помощь»?

Ответ. Да.

Вопрос. Эту «скорую помощь» вызывала полиция?

Ответ. Нет.

Вопрос. Не будете ли вы добры объяснить, как все-таки была вызвана «скорая помощь»?

Вчера поздно вечером наш частный сыщик позвонил нам из Ньюарка. Он нашел наконец владельца дома на Берген-стрит и расспросил его. Этот человек заявил, что он не хотел бы быть «причастным», потому что у него в России есть родственники, и просил не привлекать его в качестве свидетеля. Однако он подтвердил все, что мы узнали раньше о Хэйха-нене. Он рассказал, что зашел однажды к Маки с целью получить деньги за квартиру, которые тот ему задолжал, и вызвал «скорую помощь», увидев, что Хэйханен был весь в крови и кровь разбрызгана по всем комнатам.

Ответ. Владелец дома зашел к нам, и он вызвал «скорую помощь».

Вопрос. Почему, если вам известно?

Томпкинс. Прошу, ваша честь, одну минуту. Я хотел бы знать, какое отношение этот вопрос имеет к делу, ваша честь.

Донован. Этот вопрос, ваша честь, важен потому, что если вам нужно…

Судья Байерс. Вам не обязательно произносить речь, когда мистер Томпкинс говорит, что он хотел бы что-нибудь знать. Мы все хотели бы знать. Мы будем успешно двигаться вперед, если вы продолжите ваш допрос.

Вопрос. Знаете ли вы, почему была вызвана «скорая помощь»?

Ответ. Да, знаю.

Вопрос. Так скажите нам.

Ответ. Мы упаковывали веши, собираясь съехать с этой квартиры. И когда я перерезал веревку на одном из тюков, моя рука соскользнула и я порезал ногу.

Вопрос. Насколько серьезна была эта рана?

Ответ. Она была, может быть, с полтора дюйма.

Вопрос ***(он был задан быстрее и повышенным тоном).*** Значит, это факт, что владелец дома вызвал «скорую помощь» потому, что кровь была разбрызгана по всему помещению?

Хэйханен ***(отпрянув).*** Да. Не по всему помещению, а в двух комнатах.

Донован (с ***ударением на слове «да»).*** Да. А не факт ли то, я

спрашиваю вас, что ваша жена номер два ранила вас в пьяной драке? Не так ли?

Ответ. Нет, это неправда. Я могу дать более подробный ответ, если вы пожелаете, о том, что случилось.

Вопрос. Если вы отрицаете, что она ударила вас ножом, я больше ничего не могу поделать.

Ответ. Она не ударяла. Она не ударяла.

Вопрос. Не правда ли, что полиция по разным причинам посещала вашу квартиру?

Ответ. По разным причинам? Нет.

Вопрос. Несколько раз?

Ответ. Только однажды.

Вопрос. Не расскажете ли об обстоятельствах?

Ответ. Как я уже объяснил, это случилось, когда была вызвана «скорая помощь». С ней приехала полиция.

Вопрос. Я не говорю об этом случае. Я спрашиваю, приезжала ли ньюаркская полиция к вам в другое время, пока вы жили там.

Ответ. Она никогда не бывала в нашем помещении, пока мы жили там.

Вопрос. Не пыталась ли она проникнуть туда в одну из ночей?

Ответ. Не знаю, но… я думаю, никто не пытался, иначе я открыл бы дверь и спросил, кто там, если бы я находился внутри.

Это было все равно, что держать зеркало перед Хэйхане-ном и спрашивать, что он там видит. Этим зеркалом был, конечно, доклад нашего частного сыщика. То, что якобы видел Хэйханен, было преднамеренно им извращено. Безусловно, он не знал, как много мы знали о нем, и поэтому его ответы представляли собой тяжелую смесь лжи, полуправды, хитрости — и все это было плохо переведено его медлительным балтийским мозгом на английский язык.

Вопрос. Правда ли, что в один из этих случаев вы били свою жену?

Ответ. Нет, неправда.

Судья Байерс. Одну минуту. Вам придется иначе сформулировать свой вопрос. Я не понимаю, что вы имеете в виду под словами «один из этих случаев». Он сказал, что полиция была там только один раз, насколько ему известно. Поэтому, пожалуйста, измените форму вопроса. Была ли полиция там больше, чем один раз?

Хэйханен. Нет, только один раз, со «скорой помощью», как я уже объяснил.

Я снова отступил и сделал паузу, позволив присяжным

поразмыслить над последним вопросом, и затем начал наступление с другого конца, не теряя из виду цели.

Вопрос. Помните ли вы булочную рядом с домом № 806 по Берген-стрит?

Ответ. Да, помню.

Вопрос. Правда ли, что однажды вы вошли в эту булочную со своей женой, купили буханку хлеба, затем бросили ее на пол и приказали жене поднять ее? Правда это или нет?

Мне нужен был простой ответ из одного слова. Вместо этого был заявлен протест.

Томпкинс. Я не вижу, какое отношение…

Хэйханен ***(прерывая).*** Когда?

Томпкинс ***(продолжая).***…имеет бросание хлеба на пол к этому делу о шпионаже?

Донован. Ваша честь, по-моему, он ответил.

Хэйханен. Нет, я задал вам вопрос, когда это было. Я не могу вспомнить этого сейчас.

После трехдневного пребывания на месте для свидетеля даже такой тупица, как Хэйханен, приобретает навыки в зашите. Он заучил несколько словесных штампов, используемых в суде, и теперь попытался применить их, добавляя: «Насколько мне помнится».

Донован ***(недоверчиво).*** Вы считаете это таким обычным инцидентом, что даже не можете вспомнить его?

Хэйханен. Это не обычный случай, нет. Но именно потому, что он необычный, мне кажется, что его не было. Может быть, вы напомните, когда он произошел?

Вопрос. Вы отрицаете, что он когда-либо имел место?

Ответ. Я только спросил, не сможете ли вы подсказать мне, когда он произошел.

Вопрос. Если вы даже не можете вспомнить такой инцидент…

Ответ. Нет, может быть, я вспомню, что в то время я был даже в другом городе. Вот поэтому я и хотел бы знать.

Мы три раза возвращались к этому, и он не отрицал, что этот эпизод имел место. Это было уже хорошо. Теперь нужно было закрутить тиски сильнее.

Вопрос. Когда вы жили на Берген-стрит, вы выпивали?

Ответ ***(откровенно).*** Да, выпивал.

Вопрос. Как много?

Ответ ***(хитро).*** В разное время по-разному и разное количество.

Вопрос. Какое наибольшее количество спиртного вы выпивали за один вечер, пока жили по этому адресу?

Ответ. Около пинты.

Вопрос. Одну пинту?

Ответ. Да.

Судья Байерс ***(проявляя интерес).*** Чего?

Хэйханен. Пинту водки.

Вопрос. Не признаете ли вы, что, пока вы жили там, на Берген-стрит, вы, как правило, выбрасывали большое число бутылок из-под вина? Это правда?

Томпкинс. Что… Я хотел бы знать, что мистер Донован называет большим числом бутылок из-под вина.

Донован. Для меня пинта водки была бы большим, но я просто задаю вопрос, ваша честь.

Томпкинс. Что является большим количеством для мистера Донована? Пинта?

Судья Байерс. Мне представляется, что свидетель может рассчитывать на более точный вопрос. Большое число бутылок за большой промежуток времени — это одно! Большое число бутылок за день или два — это совсем другое дело. Поэтому он имеет право знать, о чем вы его спрашиваете.

Вопрос. Не выбрасывали ли вы в мусорный ящик, по крайней мере раз в неделю, четыре или пять бутылок из-под виски или из-под других спиртных напитков?

Ответ. Иногда я выбрасывал их раз в неделю. Иногда раз в три недели. У меня было четыре комнаты и большая кладовая, и поэтому было достаточно места, где я мог держать пустые бутылки.

Вопрос. Все время, насколько можно понять из ваших показаний, пока вы жили там, за замазанными окнами, и выбрасывали эти бутылки из-под вина и…

Судья Байерс ***{резко***). Не было никаких показаний относительно того, что его окна были замазаны или что он выбрасывал что-либо. Если вы его цитируете, делайте это, пожалуйста, точно. Он заявил, что его окна были покрыты полосами мастики. Это первое. Он не давал показания, что выбрасывал большое число бутылок из-под вина. Это второе. Поэтому прошу начать снова и выражаться более точно.

Хэйханен покрыл передние окна мастикой для мытья стекол и дал также показания о том, что он выбрасывал накапливавшиеся у него бутылки из-под вина раз в неделю или раз в три недели. Я чувствовал, что судья ошибается, однако я должен был заниматься свидетелем. У него была слабая позиция, и я хотел, чтобы он продолжал оставаться в таком положении.

Вопрос ***(игнорирующий замечание судьи).*** И когда к вам вызвали «скорую помощь» в сопровождении полиции из-за раны

на вашей ноге, вы, как мы понимаем, были подполковником советской разведки и вам поручено было осуществлять секретную операцию по прикрытию шпионажа. Правильно ли это?

Томпкинс. Одну минуту. Имеются ли доказательства, что «скорую помощь» сопровождал полицейский?

Донован. Да, насколько я понимаю, он так об этом сказал.

Судья Байерс. По-моему, он не говорил о том, что «скорую помощь» сопровождала полиция. Мне помнится, он сказал, что полиция была послана со «скорой помощью».

Донован. Нет, ваша честь, владелец дома вызвал «скорую помощь», и в связи с характером ранения присутствовал полицейский.

Вопрос ***(Хэйханену).*** Это правда?

Томпкинс. Одну минуту. Я считаю, что этот вопрос спорный.

Судья Байерс. Он действительно спорный и вызвал многословные рассуждения. Если бы он ответил на простой вопрос, каково было его положение в 1953 году, это сэкономило бы время и предотвратило недоразумение. Вы хотели бы задать такой вопрос?

Донован. Нет, ваша честь. ***(Меняя направление удара.)*** Теперь, возвращаясь к вопросу о выпивке, я хочу спросить, мистер Хэйханен, вы все еще пьете?

Ответ. Да.

Вопрос. Сколько вы выпили вчера?

Ответ. За весь день?

Снова хорошо для нас! Хэйханен мыслит как алкоголик. Он с готовностью и быстро начинает рассуждать. Я могу представить его рассказывающим одному из Великих Братьев в Ассоциации анонимных алкоголиков: «Я прикладывался десять или двенадцать раз — но за весь день. Мы начали немного рано…»

Вопрос. В течение всего дня и вечера.

Ответ. Около четырех стопок, какие подают в баре.

Вопрос. Пили ли вы что-нибудь сегодня утром?

Ответ (***простодушно***). Я пил сегодня утром кофе и завтракал.

Вопрос. ***(Здесь я ничего не терял.)*** И ничего спиртного?

Ответ. Нет.

Томпкинс. Я все еще, ваша честь, не понимаю, какое отношение такого рода вопросы имеют к заговору с целью шпионажа?

Судья Байерс. Это может помочь разобраться в том, насколько можно верить свидетелю.

Это был финал.

Теперь я стал заканчивать перекрестный допрос. Взяв письменные показания Хэйханена на тридцати семи страницах,

сделанные им для ФБР, я представил их в качестве вещественного доказательства и затем медленно прочел присяжным отрывок из них, напомнив, что свидетель написал это своею собственной рукой:

«Я жил и работал в Финляндии с июля 1949 по октябрь 1952 года. Там я получил американский паспорт и прибыл в Нью-Йорк в октябре 1952 года. Я не занимался шпионажем и не получал от кого-либо шпионских или секретных сведений за время пребывания за границей — ни в Финляндии, ни в Соединенных Штатах Америки».

Донован. Вопросов больше нет, ваша честь.

Томпкинс ни разу не затронул это любопытное и противоречивое признание Хэйханена. По этому поводу он задал вскользь только один-единственный за все время перекрестного допроса вопрос.

Вопрос. Мистер Хэйханен, зачем вас послали в Соединенные Штаты?

Ответ. Я был послан в Соединенные Штаты в качестве помощника Марка для ведения разведывательной работы.

Хэйханен покинул место свидетеля. Спустя четыре года он будет мертв — погибнет в автомобильной катастрофе на Пенсильванском шоссе.

Дело перешло к обвинению. Остаток утра и после обеда обвинение продолжало укреплять свою цепь доказательств, добавляя детали и вскрывая подоплеку того, что уже было записано в протокол. Место свидетеля заняли пять второстепенных свидетелей: четыре агента ФБР и миссис Эрлен Браун из Радиума (Колорадо), сестра сержанта Роя Роудса. Миссис Браун сообщила, что весной 1955 года ей позвонил какой-то человек — «у него был очень сильный акцент» — и спросил про ее брата Роя.

В конце этого дня, как раз перед самым перерывом, было получено еще одно показание об этой загадочной фигуре, Роудсе. Это было «неожиданное» свидетельство, приблизившее этого американского солдата к залу суда и выдвинувшее его имя в газетные заголовки, информирующие о процессе, в котором он скоро должен был стать главной фигурой. За два дня до этого Хэйханен рассказал о своих поисках Роудса и сообщил, что Москва направила заснятое на микропленку послание со справкой на этого Джи Ай[7]. Работники ФБР, сменявшие один другого в качестве свидетелей, своим лаконичным и точным языком описали, как эта микропленка была найдена в болте, завернутом в обертку из-под хлеба фирмы «Дюган Бразерс» в

доме Хэйханена в Пикскилле. Из вашингтонской лаборатории ФБР прибыл специальный агент Фредерик Е. Уэбб, эксперт по почеркам и оттискам с пишущих машинок, для того чтобы продемонстрировать присяжным увеличенные снимки этого болта и огласить сообщение о Роудсе, полученное, как предполагают, Абелем и переданное затем Хэйханену.

«Квебек. Рой А. Роудс, родился в 1917 году в Ойлтоне (Оклахома). Старший сержант военного министерства США. Ранее работал сотрудником американского военного атташе в нашей стране. Заведовал гаражом посольства.

Завербован в январе 1952 года в нашей стране, из которой он выехал в июне 1953 года. Завербован на основе компрометирующих материалов, но связан с нами также своими расписками и собственноручно написанной информацией, которую он нам передал.

Прошел в министерстве подготовку для работы шифровальщиком, перед тем как получил назначение на работу и посольстве. Однако в посольстве к шифровальной работе не привлекался.

После отъезда из нашей страны должен был быть направлен в школу связи армейской разведывательной службы, размещавшейся в городе Сан-Луис (Калифорния). Там он должен был пройти подготовку для работы механиком по шифровальным машинам. Изъявил согласие продолжать сотрудничать с нами в США или в любой другой стране. Была достигнута договоренность о том, что он направит в наше посольство специальные письма. Однако в течение всего прошлого года не получено ни одного письма. Недавно стало известно, что Квебек живет в Ред-Банк (Нью-Джерси), где владеет тремя гаражами. Ими распоряжается его жена. Его собственное положение в настоящее время неизвестно. Его отец, м-р У. А. Роудс, проживает в США. Его брат также находится в Соединенных Штатах, работает инженером на атомном заводе где-то в штате Джорджия вместе с шурином и его отцом».

Судья сообщил Томпкинсу и мне, что из-за ранее назначенных дел он не сможет присутствовать завтра утром. Поэтому мы договорились сделать перерыв до утра понедельника, и об этом решении он объявил присяжным.

Мы уходили из зала суда, имея и плюсы и минусы. Судья Байерс открыл утром заседание, отказав нам в свободном доступе к заметкам ФБР. Тем не менее мы полагали, что защита в значительной степени дискредитировала Хэйханена как свидетеля, которому можно верить.

В одном газетном отчете говорилось: «Перекрестный допрос,

проведенный м-ром Донованом, показал, что, каковы бы ни были причины для его (***Хэйханена)*** нелегального приезда в эту страну в 1952 году, советское правительство не получило от него никакой пользы».

Нам теперь нужно было подготовиться к встрече с мастером-сержантом армии США Роем Роудсом, который должен был выступать в качестве свидетеля. Вне суда обвинение объявило, что «в начале следующей недели» сержант будет давать показания. А между тем, нагнетая таинственность, которой был окружен этот человек, ходили слухи, будто он был американским контрразведчиком.

«Хотя нет никаких данных, которые подтверждали бы это, — сообщалось в одной из газетных заметок, — по общему мнению обозревателей, присутствующих на судебном процессе, сержант Роудс будет представлен как контрразведчик, преднамеренно завлекший русских в ловушку».

Понедельник, 21 октября

Пятый день, вторая неделя.

По словам представителей обвинения, у него было припасено для дачи показаний более пятидесяти свидетелей.

И если целых четыре дня изо дня в день мы лицезрели только одного свидетеля, то теперь перед нами промелькнули целых четырнадцать свидетелей, оставивших после себя след лишь в виде ста пятидесяти восьми страниц протокола показаний.

Первым свидетелем в понедельник выступил Берт Силвермен, художник, бывший другом «Эмиля Голдфуса из Бруклина».

Представителем обвинения был теперь помощник обвинителя Мароней.

Вопрос. Знаете ли вы некоего Эмиля Голдфуса?

Ответ. Да.

Вопрос. Видите ли вы его в зале суда?

Ответ. Да.

Вопрос. Не укажете ли вы, где именно вы его видите?

Свидетель указал на Абеля. Теперь Абель был положительно изобличен как обманщик. Однако обвинение вызвало Силвермена не для того, чтобы опознать Голдфуса-Абеля, человека со многими лицами, а чтобы опознать его пишущую машинку, найденную сотрудниками ФБР в его студии на Фултон-стрит.

— Это, по всей вероятности, та машинка, которую я брал на время у мистера Голдфуса. Мне помнится, это было в конце апреля или около того.

После того как Мароней представил эту пишущую машинку

(портативную машинку «Ремингтон», серийный номер 1128064) в качестве вещественного доказательства, Силвермен ему больше не был нужен. Мы устроили краткий перекрестный допрос, а затем полностью завладели свидетелем.

Вопрос. За время вашего знакомства с обвиняемым заходили ли вы к нему по каким-либо поводам?

Ответ. Да.

Вопрос. Часто вы с ним разговаривали?

Ответ. Да.

Вопрос. И вы были друзьями с обвиняемым? Вы и ваша жена были в дружеских отношениях с обвиняемым в течение всего этого периода, не правда ли?

Ответ. Да.

Вопрос. А какова была репутация обвиняемого среди жителей вашего района в отношении его честности и прямоты?

Было внесено возражение, и судья выступил на авансцену.

Судья Байерс. О, я думаю, что разрешу этот вопрос. Обсуждали ли вы когда-либо его репутацию с другими людьми?

Силвермен. Да, совершенно определенно.

Судья Байерс. В отношении его правдивости?

Силвермен. Да. Она была безупречна.

Вопрос ***{повторяя)***. Безупречна?

Ответ. Да.

Вопрос. Не слышали ли вы когда-либо что-нибудь плохое о подсудимом?

Ответ. Нет.

Судья Байерс. И эти разговоры относились к человеку по имени Голдфус?

Силвермен. Да.

Затем появился Гарри Макмюллен, бывший в течение двенадцати лет управляющим студиями в доме № 252 по Фултон-стрит. Перейдя через улицу, ведущую к суду, он стал свидетелем. Он указал на Абеля как на съемщика студии № 505, а также кладовой в № 509, в конце холла.

Вопрос. Знаете ли вы, занимался ли он каким-либо делом?

Ответ. Нет, я никогда никого там не видел.

Вопрос. Вы никогда никого там не видели? Что вы имеете в виду?

Ответ. Он только рисовал.

В задачу Макмюллена как свидетеля обвинения входило рассказать присяжным, как в середине 1955 года Абель уехал в отпуск и отсутствовал пять или шесть месяцев. Затем, в апреле 1957 года, он внес наличными плату за май и июнь, объяснив, что

у него воспаление пазух и что он собирается уехать из города в отпуск.

— С тех пор я его больше не видел, — сказал управляющий в завершение прямого допроса.

Пришел наш черед вести перекрестный допрос.

Вопрос. Обсуждали ли вы репутацию подсудимого с кем-либо из этих людей (находящихся в зале)?

Ответ. Вы имеете в виду в последнее время?

Вопрос. В любое время.

Ответ. Нет, насколько я знаю. Я имею в виду, что он был квартиросъемщиком, аккуратным квартиросъемщиком.

Вопрос. Он был хорошим жильцом?

Ответ. Да.

Быстро сменяя друг друга, дали показания и затем ушли четыре свидетеля. Каждый из них рассказал о той роли, которую они сыграли в обнаружении и опознании четыре года назад таинственной пятицентовой монеты, которая развалилась на части, вследствие чего внутри нее было обнаружено зашифрованное советское послание.

Все началось с того, что тринадцатилетний газетчик Джеймс Бозарт нашел эту монету однажды летом 1953 года, разнося газеты.

Мелкие деньги выпали у него из рук и рассыпались по ступенькам лестницы. Когда он поднимал их, одна пятицентовая монета распалась на две части. Внутри одной половинки оказался кусочек микропленки.

Монета и пленка были переданы в местный полицейский участок, откуда позвонили в ФБР. Нью-йоркская полиция переслала все это в вашингтонскую лабораторию, где микропленка пролежала нерасшифрованной четыре года — до тех пор, пока Хэйханен не раскрыл свой личный шифр. Лишь после этого послание было расшифровано и переведено. Теперь оно было прочитано суду:

«Поздравляем вас с благополучным прибытием. Подтверждаем получение вашего письма по адресу «V», повторяем «V» и прочтение письма номер 1.

Для организации «прикрытия» мы отдали распоряжение о переводе вам трех тысяч в местной (валюте). Проконсультируйтесь с нами, прежде чем вкладывать деньги в какое-нибудь дело. Сообщите о характере этого дела.

По вашей просьбе мы передадим способ приготовления мягкой пленки и отдельно новости — вместе с письмом (вашей) матери.

Слишком рано посылать вам Гаммы…

(ФБР так и не выяснило, что означало последнее. Переводчик написал на полях: «Значение неясно, буквально означает музыкальные упражнения».)

Короткие послания зашифровывайте, а длинные делайте со вставками. Данные о вас, о месте работы, адрес и так далее не должны передаваться в одном зашифрованном послании. Передавайте вставки отдельно.

Посылки были вручены лично вашей жене. У вас в семье все в порядке. Желаем вам успеха. Поздравления от товарищей. Номер 1, 3 декабря».

Это послание — «Номер 1» — было, несомненно, первым, направленным Хэйханену. Пятицентовая монета была, вероятно, обронена или истрачена часто пьяным рассеянным сотрудником.

В равной степени увлекательной и иронической (так же, как и дело с попавшей не по адресу шпионской монетой) была история, с которой теперь познакомило суд обвинение. И снова начало ей положили измена Хэйханена и раскрытие им ФБР тайника в Проспект-парке в виде отверстия в цементных ступенях, которое было заделано во время ремонта. Очевидно, эти работы были обычным делом для добросовестно относящегося к своим обязанностям персонала парка. ФБР вскрыло цементную ступеньку и обнаружило там пустотелый болт со спрятанным в нем посланием. Свидетель, агент ФБР Уэбб, вызванный давать показания, огласил это послание.

«Никто не пришел на встречу ни восьмого, ни девятого у 203.2030, как, судя по переданному мне сообщению, было установлено. Почему? Внутри или снаружи он должен быть? Правильно ли время? Место, кажется, правильное. Пожалуйста, проверьте».

Уэбб далее показал, что это послание было напечатано на пишущей машинке Абеля, найденной в студии на Фултон-стрит, и объяснил, чем именно эта записка походила на другие образцы, отпечатанные на той же машинке. В целях демонстрации он использовал письмо Эмиля Голдфуса владельцу дома и две брошюры, переданные Абелем Хэйханену: «Применение вакуума для изготовления матриц» и «Цветная фотография, цветоделенные негативы».

Мы сделали перерыв на ленч, а в два часа вернулись, чтобы снова слушать показания о пишущей машинке, «вещественном доказательстве № 52». Как большинство показаний специалистов, оно представлялось бесконечным, повторяющимся, а по временам и ненужным: «Маленькая буква «м», которая видна также в

верхней строке, правая засечка — в правой засечке частично отсутствует ее внешняя часть, что можно наблюдать также… Буква «s» сильно уходит вправо… Верх буквы «р» наклонен в правую сторону, что уже отмечалось ранее».

После этого обвинение вызвало врача. Сзади нас раздался шум, и некоторые скамейки опустели. Присутствующие потянулись к выходу — покурить или подышать свежим воздухом в длинных, широких коридорах с высокими потолками. Репортеры бросились к телефонам в комнате для прессы, чтобы связаться со своими редакциями.

Томпкинс сказал:

— С вашего разрешения, ваша честь, мы представляем доктора Групмана. Его вызов сюда не был предусмотрен, но, ввиду того что он врач, его показания могут быть нам полезны. Это не займет много времени.

Доктор Сэмюэль Ф. Групман сообщил, что его контора находится в отеле «Латам» и что 21 мая 1957 г. обвиняемый (назвавший себя Мартином Коллинзом) пришел к нему сделать прививку.

Вопрос. Сделали вы ему прививку, д-р Групман?

Ответ. Да, сделал.

Вопрос. Вы разговаривали с обвиняемым о поездке за границу?

Ответ. Да, сэр. Я спросил его, куда он собирается ехать.

Вопрос. И что он ответил?

Ответ. Он сказал, что уезжает в северные страны писать картины.

За доктором дали показания два второстепенных свидетеля. Сотрудник ФБР рассказал, как он зашел в бар на 58-й улице в Бруклине и нашел кнопку, которую предполагаемый курьер (Аско) оставил для Хэйханена. Местом, где два агента оставляли сигналы друг для друга, служила туалетная комната в баре. Затем начальник отдела регистрации государственного департамента дал показания, что Абель никогда не регистрировался в качестве агента иностранного государства. Это показание требовалось сделать по формальным причинам, но в данных обстоятельствах оно выглядело нелепым. Чиновник государственного департамента был тринадцатым свидетелем обвинения.

Затем Томпкинс встал с торжественным видом и объявил:

— Обвинение просит вызвать Роя А. Роудса, ваша честь, сержанта Роудса.

Вошел высокий и худой мужчина с большими ушами. Он был похож на Гарри Купера, но вид у него был неряшливый. Он легко

мог бы сыграть роль заместителя начальника полицейского участка в ковбойских пьесах. На нем было штатское платье: костюм, слишком большой для него, широкий цветной галстук, белая рубашка с широким мягким воротником.

К тому времени, как он занял свое место и дал присягу, зал снова наполнился. Томпкинс, допросивший только одного свидетеля за весь день, встал напротив свидетеля, и допрос начался.

Вопрос. Сержант, ваше полное имя Рой А. Роудс? Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Вы служите в вооруженных силах Соединенных Штатов?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. В каком роде войск?

Ответ. В войсках связи, сэр.

Вопрос. Какой у вас ранг?

Ответ. Мастер-сержант, сэр.

Вопрос. И как долго вы служите в вооруженных силах? Ответ. Немногим более пятнадцати лет.

После этого Томпкинс вытянул из свидетеля ряд ответов, подтвердивших, что он тот человек, кого Москва называла «Квебек» и о ком говорилось в послании на микропленке, направленном Абелю и оглашенном в суде в прошлый четверг. Роудс рассказал, что он родился 11 марта 1917 г. в городе Ройалтоне (Оклахома); фамилия его отца — У. А. Роудс, и в 1955 году он жил в Говарде (Колорадо), поблизости от Сали-ды. Он добавил, что у него три сестры и одна из них — миссис Эрлен Браун из Радиума (Колорадо), проживавшая ранее в Говарде. Его брат — Франклин С. Роудс.

Сержант регулярной армии показал, что он служил в Форт-Монмуте, Нью-Джерси (почтовый адрес — Итонтаун: рядом с Ред-Банк) и что его постоянным местом службы был Форт-Уачука (Аризона). Проходя там службу, он жил в Таксоне.

Вопрос. За время вашей военной службы, сержант, направлялись ли вы в Советский Союз?

Ответ. Да, направлялся.

Вопрос. Когда вы приехали в Советский Союз?

Ответ. 22 мая 1951 года.

Обвинитель вел допрос неторопливо, дабы все факты были записаны в протокол. Роудс продемонстрировал, что кадровый военнослужащий почти никогда не забывает даты перемены места службы и почти всегда говорит «сэр». В Москве он находился до

июня 1953 года и в течение этих двух лет служил автомехаником при американском посольстве, имея под своим началом автопарк посольства, который размещался в гараже на расстоянии полутора миль.

Он сказал, что женат, что он отец восьмилетней дочери и что его семья приехала к нему в Москву в феврале 1952 года, десять месяцев спустя после того, как он сам прибыл туда. Он запомнил, что его просьба разрешить приезд жены и дочери в Россию была удовлетворена в декабре 1951 года.

Вопрос. Теперь, сержант, я хочу обратить ваше внимание на день в канун рождества, когда вам сообщили, что вашей семье разрешено приехать к вам. Не расскажете ли вы нам кратко, что случилось в тот день? Где вы получили это известие?

Ответ. В тот день, как я припоминаю, я утром работал в гараже и пришел в посольство на обед. В посольстве мне передали сообщение из государственного департамента о том, что русское Министерство иностранных дел выдало визу на въезд для моей жены и что она вскоре приедет ко мне.

Вопрос. Вы пообедали?

Ответ. Да, пообедал.

Вопрос. А что вы делали после обеда?

Ответ. Ну, во время обеда я немного выпил. Вы хотите чтобы я рассказал об этом?

Длинные, глубокие морщины шли по обеим сторонам его широкого рта. Когда он плотно сжимал свои тонкие губы, его лицо приобретало твердое и холодное выражение и выглядел он много старше своих сорока лет. Однако, как ни странно, по лицу его иногда проскальзывала почти глупая ухмылка, как будто все происходящее было частью игры для сержанта кадровой армии.

Томпкинс. Обо всем, что случилось.

Судья Байерс. Мне кажется, он оставляет это на ваше усмотрение.

Роудс. Хорошо, сэр.

Вопрос. Обо всем, что случилось после обеда.

Ответ. Ну, во время обеда… я подошел к морякам. Мы немного выпили. Точнее говоря, мы приложились несколько раз, прежде чем я собрался уходить в гараж. Когда я пришел в гараж, два русских механика, которые работали под моим началом в гараже (их звали Василий и Иван, сказал он) захотели выпить со мной. Мы выпили раз, другой, и затем это продолжалось всю вторую половину дня. В три тридцать или в четыре часа дня, как мне помнится, или что-то около этого в гараж приехала девушка, знакомая молодого механика, у которого она брала на этот день автомобиль. У нас оставалось еще немного водки, поэтому я

сказал: «Почему бы вам не позвать сюда вашу девушку и не угостить ее?» А когда она пришла, с ней оказалась еще одна девушка, которую я никогда раньше не видел.

Мы допили оставшуюся водку, и кто-то, не помню кто именно, сказал, что хорошо было бы нам собраться вечером. Возможно, что это сделал я. Я просто не помню точно, как все это началось, но мы уехали из гаража на автомашине механика с этими двумя девушками. Я помню, мы поехали к нему домой… думаю, что это было так. Я не заходил в его квартиру и не знаю, что находится внутри того дома. Так или иначе, он пробыл там пятнадцать или двадцать минут, привел себя в порядок, переоделся и вернулся к нам. Вчетвером мы отправились в одну из московских гостиниц, и наша вечеринка продолжалась всю ночь. Я помню, что я танцевал, пил и ел с этими людьми, но не помню, в каком виде и как я покинул гостиницу. Не знаю, возможно, я напился до потери сознания и им пришлось меня тащить. Помню только, что я проснулся на следующее утро в кровати вместе с одной из девушек, должно быть, в ее комнате.

Как только он прервался, я встал.

Донован. Защита почтительно просит, ваша честь, вычеркнуть из протокола весь этот рассказ по той причине, что он не имеет никакого отношения к подсудимому.

Судья Байерс. В настоящее время — нет. Я, однако, не знаю, что из этого получится. В настоящий момент не могу этого сказать.

Роудс показал затем, что пять или семь недель спустя после вечеринки девушка, с которой он провел ночь, позвонила ему по телефону.

Вопрос. Сразу же после этого телефонного звонка или позднее вы виделись с этой девушкой?

Ответ. Да, виделся. Мы условились о встрече, и она состоялась.

Вопрос. Она была одна или с ней был еще кто-нибудь?

Ответ. В тот момент, когда я ее увидел, она была одна.

Вопрос. Хорошо. Что было дальше?

Ответ. Я поехал на метро к назначенному месту. Мы гуляли по улицам, и она рассказала мне, что у нее беда…

Донован. Я возражаю.

Судья Байерс. Не рассказывайте, что она вам сообщила.

Роудс. Хорошо. Мы шли по улице, и к нам подошли двое мужчин, двое русских. Я принял их за русских.

Вопрос. Говорил ли хотя бы один из них по-английски?

Ответ. Один из них говорил по-английски.

Вопрос. Знаете ли вы, как зовут кого-либо из этих мужчин?

Ответ. Один из них был представлен как брат девушки. Я не знаю, как его зовут. Другой был представлен… девушка представила его, назвав, как мне помнится, каким-то русским именем, но он сказал: «Зовите меня просто Боб Дей».

Вопрос. Боб Дей?

Ответ. Боб Смит или Боб Дей. Я не помню точно, какое это было имя, но мне кажется, что Боб Дей.

Вопрос. Хорошо. А потом, после того как вы встретили этих двух мужчин, что вы делали? Не рассказывайте нам, о чем вы говорили. Просто расскажите, что вы делали.

Ответ. Мы пришли в ту комнату, где я, как мне показалось, проснулся в тот раз после вечеринки.

Вопрос. Вы все трое вошли в эту комнату?

Ответ. Двое мужчин и я, да, сэр. Девушка не входила.

Вопрос. А где была девушка, вы знаете?

Ответ. Когда мы поднялись наверх, она осталась внизу в холле.

Вопрос. Видели ли вы ее когда-нибудь потом?

Ответ. Больше никогда не видел.

Казалось просто невероятным, что Роудс, прослужив в армии пятнадцать лет, будучи мастером-сержантом, мог попасть в ловушку в результате такого избитого и простого приема.

Вопрос. Таким образом, Боб Смит, или человек, которого, как вы полагаете, зовут Боб Смит, и другой человек, и вы оказались в комнате. Можете ли вы рассказать, что случилось дальше. Был ли у вас разговор?

Ответ. Да, у нас был разговор.

Вопрос. Как долго он продолжался?

Ответ. Приблизительно два часа, насколько я могу припомнить, может, немного дольше.

Вопрос. После этого вы уехали?

Ответ. Да, уехал.

Вопрос. И куда вы направились?

Ответ. Не знаю, но мне помнится, в тот вечер я пошел обратно в посольство.

Для нас, сидящих за столом защиты, было совершенно ясно, что м-р Обвинитель и м-р Свидетель играют в кошки-мышки. По моему глубокому убеждению, оставшееся недоговоренным нанесло бы Роудсу еще больший ущерб, чем то, в чем ему предложили сознаться.

Вопрос. Расскажите нам, видели ли вы потом кого-либо из этих двух человек?

Ответ. Да, видел. Один из них, которого я называл Боб Дей, встретил меня через три дня — около трех дней спустя.

Вопрос. Можете ли вы сказать нам, что вы делали с Бобом Деем?

Ответ. Во время этой встречи? Я не помню. В эту встречу я ел, пил, напился, если говорить откровенно, что было в эту встречу. Я на самом деле не помню.

Вопрос. Помните, где это случилось?

Ответ. Это было в гостинице. Я не помню ее названия.

Вопрос. Когда вы еще видели Боба Смита, или Боба Дея?

Ответ. Два или три месяца спустя.

Вопрос. И где вы встретили его?

Ответ. Это было в квартире.

Вопрос. Вы видели его одного?

Ответ. Нет. На этой встрече было, как мне кажется, еще пять русских. Я принял их за русских. Двое из них были в гражданском платье и трое в военной форме.

Вопрос. Вы сказали, что они были в военной форме. В военной форме какого государства?

Ответ. России.

Вопрос. Хорошо. Продолжайте. Расскажите, что случилось в этой комнате.

Ответ. Мы встретились. Я плохо помню. Очевидно, я был немножко пьян. Там была еда, и я мог бы поесть, если бы захотел.

Вопрос. Сколько времени продолжалась встреча?

Ответ. Примерно столько же, сколько предыдущая. От полутора до двух часов.

Роудс сообщил, что всего он присутствовал на пятнадцати встречах. Почти все они происходили с участием Боба Дея. Русские в военной форме присутствовали только на двух или трех встречах. Каждый месяц происходила примерно одна встреча.

Вопрос. Скажите, во время этих встреч вы передавали какую-

нибудь информацию?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Получали ли вы когда-нибудь деньги от этих людей?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Не скажете ли, какую сумму вы получили за все время, что находились в Москве?

Ответ. Две с половиной или три тысячи долларов.

Вопрос. Не вспомните ли, сколько раз вы получали деньги?

Ответ. Думаю, пять или шесть раз.

Вопрос. Не вспомните ли, каким образом была передана вам первая плата, или, прошу прощения, первая сумма?

Ответ. Помню. Первые деньги, которые я получил от них, я обнаружил в своей одежде…

На следующий день после первой встречи с Бобом Деем Роудс отправился в Германию, чтобы встретить жену и дочь, которые направлялись к нему в Москву. Он отсутствовал двенадцать или пятнадцать дней, а когда вернулся, то неожиданно обнаружил две тысячи рублей, происхождение которых не мог объяснить.

Вопрос. Что такое две тысячи рублей в американских деньгах?

Ответ. Пятьсот долларов.

Вопрос. Затем, согласно вашим показаниям, вы получали от русских деньги пять или шесть раз?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Теперь, сержант, скажите, давали ли вы расписки в получении этих денег?

Ответ. Давал.

Вопрос. Эти расписки были подписаны вами?

Ответ. Да, мною.

Вопрос. Не вспомните ли вы, сержант, давали ли вы этим людям какие-либо подписанные вами заявления? Ответ. Я не знаю, сэр. Просто не знаю.

Юридически Роудс не был заключенным, но находился теперь под казарменным арестом, и ему было приказано являться в суд в штатском платье. Армия ждала своей очереди. Военный трибунал был только делом времени.

Томпкинс. Вы сообщили о том, что передавали информацию этим людям?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. То, что вы передавали, было правдой или неправдой?

Ответ. И то и другое.

Вопрос. Передали ли вы им сведения о вашей работе в

посольстве?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Сообщили ли вы им, что вы прошли подготовку для работы шифровальщиком?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Не вспомните ли вы теперь, не передавали ли вы сведения, касающиеся поведения и привычек военного персонала посольства?

Ответ. Передавал, сэр.

Вопрос. И о поведении сотрудников государственного департамента?

Ответ. Да, сэр.

Роудс показал, что за время пребывания в армии он служил в Абердине (Мэриленд), в Форт-Бельвуар (Вирджиния) и в Пентагоне, где и получил подготовку для работы в шифровальных отделах. Кадровый военный признался в том, что передавал русским сведения обо всех своих должностях и обязанностях.

Вопрос. Сержант, после вашего возвращения в Соединенные Штаты располагали ли вы каким-либо методом связи? Под этим я понимаю вступление в контакт с русским посольством в Соединенных Штатах.

Ответ. Да, располагал, сэр.

В течение трех недель подряд он должен был посылать статьи, вырезанные из газеты «Нью-Йорк тайме», в которых содержались критические замечания в адрес России. На вырезках с этими статьями должна была быть пометка в виде красного вопросительного знака. На четвертый раз, в тот же день, когда вырезка должна была быть направлена в русское посольство в Вашингтоне, Роудс должен был находиться перед театром в Мехико. Там его должен был встретить русский агент.

Вопрос. Была ли какая-нибудь специальная договоренность о том, как вам следует одеться?

Ответ. Об одежде специальной договоренности не было, но я должен был держать в руке или курить трубку, которую они мне дали.

Вопрос. Теперь, возвращаясь на минуту к полученным вами инструкциям, мы хотели бы узнать, пытались ли вы вступить в контакт с русским посольством, после того как вернулись в Соединенные Штаты?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Пытались ли вы вступить в связь с кем-нибудь в нашей стране?

Ответ. Нет, сэр.

На этом закончился допрос Роудса обвинением.

Донован. Я прошу вычеркнуть все эти показания и прошу, чтобы присяжным было указано не принимать их во внимание как несущественные и не имеющие отношения к обвиняемому.

Было уже около четырех часов, и судья Байерс отпустил присяжных. Защита же продолжала доказывать, почему, по нашему мнению, показания Роудса не имели отношения к делу.

Донован. Ваша честь, девяносто девять процентов показаний, сделанных сегодня этим человеком, относятся к заговору, если таковой имел место, который совершенно не связан с заговором, упомянутым в обвинительном акте. Ваша честь, в этих показаниях нет утверждения того, что этот человек когда-либо знал обвиняемого, а также того, что этот человек когда-либо знал Хэйханена. В них нет также утверждения того, что он когда-либо знал кого-нибудь из тех, кто назван сообщниками в обвинительном акте.

Судья Байерс. Нет ничего удивительного, мистер Донован, что в такого рода заговоре несколько его участников не знают других. Это совсем не какой-нибудь ничтожный сговор с целью поджечь дом. Это заговор крупный, со множеством ветвей и ответвлений.

Донован. Ваша честь, предполагается, что этот заговор инспирирован советской военной разведкой. Другой заговор, о котором мы слышали сегодня днем, по-видимому, представляет собой злоключения человека, напившегося допьяна и совершившего в Москве различные проступки. Я обращаю ваше внимание на то, что здесь нет никакой связи, которая делала бы эти показания относящимися к данному случаю.

Судья Байерс. Ну, я не готов сказать «да» и не готов сказать «нет». Я хотел бы зарезервировать свое решение по вашей реплике.

Донован. Благодарю вас.

Вторник, 22 октября

Трудно было вспомнить, когда на смену понедельнику пришел вторник. Большую часть вечера в понедельник мы готовились к встрече с Роем Роудсом и засиделись допоздна. Обвинение пошло навстречу нашим просьбам относительно заявлений, сделанных Роудсом нескольким следственным органам. Мы прочли все заявления и прослушали записанные на магнитофон допросы, проведенные работниками армейской контрразведки. По мере того как ленты одна за другой раскручивались с магнитофонных кассет, я понял, что Роудс передал русским информацию, касающуюся вопросов

национальной безопасности. Поэтому обвинение не могло настаивать на том, чтобы он рассказал в открытом судебном процессе о секретах, проданных им русским. Если бы Роудс рассказал все, его показания нанесли бы ущерб американским дипломатическим представительствам в Москве и в других столицах иностранных государств.

Проблема еще больше осложнилась, когда мы узнали из магнитофонных записей, что он давал противоречивые показания по важнейшим вопросам, говоря одно ФБР и совсем другое армейским следователям. Нужно было информировать присяжных о его двуличности, но как мы могли поставить под сомнение показания Роудса, не разглашая секретные военные сведения?

Только в три часа ночи я лег спать. Я спал до девяти. Быстро побрившись, принял душ и проглядел заголовки утренних газет за завтраком, состоявшим из черного кофе, воды со льдом и сигареты. «Джи Ай говорит: женщины и водка привели его к измене», «Джи Ай рассказал о продаже секретов Советам», «Джи Ай признается, что сотрудничал с русскими во время службы в Москве». На фотографии в одной из газет ухмыляющийся Рой Роудс покидает зал суда.

Судья Байерс начал заседание коротким заявлением. Он отверг наше предложение об изъятии из протоколов показаний Роудса, сделанных им во время прямого допроса. Затем Томпкинс и я подошли к судейскому столу, и, так чтобы не слышали присяжные, я объяснил, в чем состоит противоречивость показаний, сделанных сержантом Роудсом вне суда.

Судья согласился на мою просьбу провести совещание в его кабинете и отпустил присяжных, сказав:

— Мы сделаем перерыв на тридцать минут, господа присяжные. Я полагаю, что вам лучше подождать в комнате для присяжных.

На нашем совещании присутствовали специальный помощник начальника отдела юридической службы армии и полковник военно-воздушных сил. Я начал с того, что сказал судье Байерсу, что некоторые признания, сделанные Роудсом военным, все еще имели секретный характер и раскрытие их нанесло бы ущерб национальным интересам Соединенных Штатов.

— Эти показания касаются деятельности этого человека в Москве, — сказал я, — и, в частности, говорят о том, что он передавал сведения и о наших попытках добыть там разведывательные данные. Обнародование этого факта означало бы публичное признание разведывательной деятельности наших атташе при посольстве в Москве.

— Роудс, — продолжал я, — был вызван в качестве свидетеля по выбору обвинения. Теперь мне приходится вести его перекрестный допрос. Обвинение, — сказал я, — поставило меня в чрезвычайно затруднительное положение. Как назначенный судом защитник, я обязан сделать для своего клиента все от меня зависящее. Но я также гражданин Соединенных Штатов и все еще имею звание офицера военно-морской разведки. Три года во время второй мировой войны я работал в Управлении стратегических служб, помогая создавать постоянную центральную разведывательную систему в нашей стране. Меньше всего на свете я хотел бы, чтобы нашему разведывательному сообществу был нанесен ущерб, — добавил я. — Однако, выполняя свои обязанности защитника Абеля, я должен познакомить присяжных с противоречивыми заявлениями Роудса. По этим причинам, — утверждал я, — так же как и по изложенным мною накануне, все показания Роудса должны быть целиком вычеркнуты из протоколов.

Судья внимательно выслушал меня, затем согласился с тем, что присяжные, решая, насколько они могут верить сказанному Роудсом в суде, должны знать о том, что он давал более чем один вариант показаний о своей деятельности в Москве.

— Меня беспокоит также, — сказал я, — что заявления этого человека в совокупности со стенограммами, повествующими о его жизни в Москве, производят сильное впечатление. Я совершенно уверен, что присяжные могли прийти к выводу, что этот человек напился пьяным, желая отпраздновать приезд своей семьи, и сел из-за этого в лужу. Но я твердо заявляю, что из внимательного прочтения этих стенограмм следует, что этот человек вел себя там, словно он на черном рынке, и все это было для него главным образом денежной сделкой. Я убежден, что представление, сложившееся у присяжных об этом человеке как о любящем муже и отце, который всего-навсего оступился, абсурдно, и, думаю, у меня есть все основания для того, чтобы разрушить такое представление и доказать, что он вполне обдуманно занимался передачей сведений, за которые русские ему хорошо платили.

Я настаивал на том, что, поскольку свидетель был связан с делом против Абеля столь тонкой нитью, наилучшим решением было бы вычеркнуть показания Роудса из протоколов.

Судья не согласился удовлетворить мою просьбу. Самое большее, чего я смог добиться, было решение (уникальное, насколько я знаю, для уголовного суда) о том, что его честь сделает по этому поводу специальное заявление перед присяжными. Присяжные, несколько озадаченные перерывом, которым они воспользовались, чтобы заказать кофе, заняли свои

места, судья Байерс обратился к ним и зачитал свои записи.

Судья Байерс. Господа присяжные, как вы, вероятно, догадываетесь, мы сделали перерыв, чтобы обсудить некоторые вопросы. В результате этого совещания выяснилось, что свидетель Роудс сделал определенные заявления армии и ФБР в июле 1957 года. Эти заявления и были предметом нашего обсуждения. К концу совещания, которое было неофициальным, я как представитель Соединенных Штатов согласился с тем, что в отношении одного пункта в этих заявлениях свидетель дал противоречащие друг другу показания.

Вопрос, о котором идет речь, не был затрону! при прямом допросе свидетеля, потому что, по мнению правительства, в него не следует вникать из соображений национальной безопасности. Противоречие относится к его версии о его деятельности в Москве и о том важном инциденте, который там произошел. Как зашита, так и обвинение согласились с тем, что поскольку свидетель сделал противоречивые заявления, то можно считать, что в этой части свидетель дискредитирован. Такова цель перекрестного допроса.

Обе стороны согласились с тем, что дальнейшее расследование этого вопроса не принесет никакой пользы.

Мастер-сержант армии Соединенных Штатов Рой А. Роудс был одет в те же дешевые брюки и застегивающийся на две пуговицы пиджак, на нем были тот же яркий галстук и рубашка с мягким воротником. Но сегодня он не ухмылялся, и его угловатое лицо было неподвижно и сурово.

Я подошел поближе к свидетельскому месту, быстро взглянул на Роудса и повернулся вполоборота.

Донован. С разрешения суда — не встанет ли обвиняемый? ***(Абель встал.)***

Вопрос. Сержант Роудс, видели ли вы когда-нибудь прежде этого человека?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Признаете ли вы его за человека, которого вы знали бы под каким-либо именем?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Знаете ли вы человека по имени Рудольф Абель?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Знаете ли вы человека по имени Эмиль Голдфус?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Знаете ли вы человека по имени Мартин Коллинз?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Знаете ли вы кого-либо по имени Рейно Хэйханен, известного также как Вик?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Знаете ли вы человека, которого зовут Михаил Свирин?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Знаком ли вам человек по имени Виталий Павлов?

Ответ. Не думаю. Нет, сэр.

Вопрос. Знаете ли вы человека, которого зовут Александр Коротков?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Бьш ли какой-нибудь представитель Советской России связан лично с вами в Соединенных Штатах?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Передавали ли вы кому-нибудь из русских, находящихся в США, сведения о национальной обороне Соединенных Штатов.

Ответ. Нет, сэр.

Донован. Ваша честь, я осмеливаюсь возобновить мою просьбу о том, чтобы исключить все показания этого человека.

Судья Байерс. Решение остается в силе.

Тринадцать вопросов, заданных с единственной целью, и один и тот же ожидаемый ответ. Несмотря на постановление судьи (которое было заранее известно), наше замечание о том, что показания Роудса не имеют к этому делу отношения, было доведено до присяжных и записано в протокол на случай пересмотра дела апелляционным судом.

Вопрос. Итак, сержант, вы показали вчера, что передавали сведения русским официальным лицам, когда находились на службе в Москве. Это правильно?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Докладывали ли вы в то время об этой своей деятельности своим начальникам? Вышестоящим начальникам?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Сообщали ли вы об этой деятельности какому-нибудь ответственному американскому чиновнику?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Когда вы признались в первый раз в этой деятельности официальным лицам Соединенных Штатов?

Ответ. Представителям ФБР, кажется, в конце июня этого года.

Когда имя Роудса было впервые произнесено неделю назад, его жена отрицала, что он поддерживал связь с русскими. Но стенограммы военных следователей говорили о том, что миссис Роудс совершенно точно знала, как ее муж проводил ночи в Москве.

Вопрос. Вчера вы дали показание, сержант, что ваша первая встреча с той русской асвушкой произошла после того, как вы отпраздновали ожидаемый приезд вашей жены и дочери в Россию. Правильно?

Ответ. Так мне помнится. Да, сэр.

Вопрос. А не правда ли то, что много времени спустя после приезда вашей семьи в Москву вы участвовали в вечеринке в московской гостинице, на которой присутствовали русские в военной форме?

Ответ. Да, это так, сэр.

Вопрос. Не является ли также фактом то, что после той вечеринки вы оказались в постели с девушкой?

Роудс ***(уходя от ответа). Я*** оказался наедине с ней, да,

сэр, но я не помню, чтобы я оказался в кровати с ней, нет, сэр.

Донован ***(держа бумагу в руках).*** Чтобы освежить вашу память, я прочту заявление, подписанное вами 2 июля 1957 г. и переданное ФБР, в котором, в частности, говорится: «На этой вечеринке в номере гостиницы мы также ели и пили, и я все больше и больше пьянел. Я помню, что кто-то из присутствующих привел с собой девушку и что я с ней разговаривал. Я очень смутно помню, что произошло дальше, но вспоминаю, что в какой-то момент все, по-видимому, ушли из комнаты, и я оказался в постели один с этой девушкой».

Ответ. По-моему, правильно.

Вопрос. Так. Это случилось после того, как ваша жена…

Ответ. Так точно.

Вопрос…и дочь приехали в Москву?

Ответ. Так точно.

Судья Байерс. Минутку. Правильно ли будет утверждать, что мистер Донован читал отрывок из доклада, переданного ему прокурором Соединенных Штатов?

Томпкинс. Правильно, ваша честь. Этот доклад мы передали мистеру Доновану вчера, по его просьбе.

Вопрос. Пока вы находились в Москве на службе в американском посольстве, употребляли ли вы алкогольные напитки?

Ответ. Да, употреблял, да, сэр.

Вопрос. Какие напитки?

Ответ. Виски, водку и некоторые другие.

Судья Байерс. Вы имеете в виду все, что только могли достать?

Роудс. Да, сэр.

В его признании звучала знакомая нотка. Снова повторялась

история Рейно Хэйханена. Даже реплики судьи были одинаковые.

Донован. В каких количествах вы потребляли эти напитки?

Ответ (***прямолинейно***). В неумеренных.

Вопрос, (***строго).*** Сержант, не правда ли, что в то время, когда вы находились в американском посольстве в Москве…

Судья Байерс. Минуточку. Вы имеете в виду не это.

Вопрос. Правда ли, что когда вы служили в американском посольстве в Москве, то в течение двух последних месяцев вашего пребывания там вы были пьяны каждый день?

Ответ ***(спокойно).*** Пожалуй, что это так, да, сэр.

Вопрос. Вчера вы показали, сержант, что за то время, когда вы передавали информацию русским, вы получили за это от двух с половиной до трех тысяч долларов.

Ответ. Насколько я могу припомнить, сумма была примерно такой.

Вопрос. Правда ли, что за то же самое время вы положили на свой личный счет в банке примерно девятнадцать тысяч долларов?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Припомните, сколько же вы положили в банк.

Ответ. Это… я… могу я дать объяснение по этому поводу?

Вопрос. Нет. Я хочу получить ответ на вопрос. Я хочу знать, сколько вы положили в банк за время, пока находились в Москве.

Ответ. Хорошо…

Судья Байерс. Вы сейчас имеете в виду весь период?

Донован. Я имел в виду, ваша честь, тот период, в течение которого, как он говорит, он получил только две с половиной — три тысячи долларов от русских.

Роудс. Это правильно. Но всю мою зарплату я отправлял домой.

Вопрос. Я снова спрашиваю, правда ли, что за последние полтора года пребывания в Москве вы внесли на свой счет в банке около девятнадцати тысяч долларов?

Ответ. Нет, сэр. Я работал в Москве более двух лет и всю зарплату отправлял домой. Всего это составило примерно пятнадцать тысяч долларов, может быть, больше — точно не знаю. Я не подсчитывал. Заработная плата и надбавки составляли там восемьсот — девятьсот долларов в месяц.

Вопрос. Заявляете ли вы под присягой, что не вносили такие суммы на свой банковский счет?

Ответ. Нет. Я сказал, что отправлял зарплату домой.

Вопрос. Не хотите ли вы сказать, что все эти деньги составляли вашу сержантскую зарплату?

Ответ. Да, это так.

Вопрос. Отрицаете ли вы, что давали показания армейским офицерам, в которых не только признали, что девятнадцать тысяч долларов являются примерно правильной суммой, но и пытались объяснить наличие у вас этих денег тем, что вы спекулировали на черном рынке русской валютой?

Ответ. Нет.

Вопрос. Вы не помните, что сделали подобное заявление?

Ответ. Конечно, я делал такое заявление.

Вопрос. Например, в октябре 1952 года не выписали ли вы чек на сумму тысяча сто долларов некоему доктору Бак-керхоку?

Ответ. Да, выписал.

Вопрос. Почему вы выписали ему этот чек?

Ответ. Я… не могу припомнить почему.

Вопрос (***нетерпеливо***). Вы армейский сержант. Неужели вы хотите сказать, что так часто выписываете чеки на тысячу сто долларов, что не можете припомнить, за что выписали такой чек русскому доктору?

Ответ. Я не имел представления, что это русский доктор. Чек был выписан раньше.

Вопрос. Вы просто выписываете чеки кому попало?

Ответ. По крайней мере, так можно объяснить этот, поскольку я ничего не помню о нем.

Сержант Роудс явно считал себя исполнительным солда-том-служакой. Все металлические детали обмундирования у него всегда были начищены, ботинки отполированы до блеска, форма отглажена. Солдаты времен второй мировой войны придумали выражение, с которым обращались к служакам типа Роя Роудса. Они цинично говорили им: «Парень, ты нашел свой дом в армии». Но Рой Роудс изменил той форме, о которой он так заботился, и продал армию, которая служила ему домом.

Вопрос. Вы все еще служите в звании мастера-сержанта в армии США?

Ответ. Да, я все еще являюсь мастером-сержантом армии США.

Вопрос. Вы все еще получаете жалованье?

Ответ. Да, я все еще регулярно получаю жалованье.

Вопрос. Каков размер вашего жалованья?

Ответ. Жалованье и надбавки составляют в общем около трехсот пятидесяти долларов в месяц.

Вопрос. Вы все еще регулярно получаете эту сумму?

Ответ. Точно так, да, сэр.

Вопрос. Теперь в отношении измены, в которой вы признались…

Судья Байерс. Я полагаю, вам следует сформулировать вопрос

следующим образом: «В отношении деятельности, которой вы, по вашим словам, занимались в Москве». Я думаю, что вам не следует характеризовать ее таким образом. Измена возможна только во время войны.

Донован. Будет ли суд удовлетворен, если я сформулирую вопрос так: предал ли он свою страну?

Эта фраза вызвала первое возражение со стороны обвинителя.

Томпкинс. С разрешения вашей чести, я полагаю, что только факты говорят сами за себя. Нам нет необходимости давать им характеристику.

Судья Байерс. Я полагаю, мистер Донован, что, сформулировав свой вопрос таким образом, чтобы было ясно, что вы имеете в виду деятельность, которой он, по его словам, занимался в Москве и за которую ему платили, вы достигнете своей цели.

Вопрос. В связи с вашей деятельностью в Москве вместе с этими русскими, за которую вы получали деньги от них, судили ли вас военно-полевым судом в…

Ответ. Нет.

Вопрос. …в связи с этой деятельностью?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Подвергались ли вы аресту?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Предъявлялось ли вам обвинение?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. И вы по-прежнему находитесь на службе и получаете жалованье?

Ответ. Насколько я знаю, да, сэр.

К этому моменту действительный облик Роя Роудса, мастера-сержанта армии США, был всем ясен, и трудно было скрыть к нему отвращение.

Вопрос. Сержант, я полагаю, что вы дали показание о том, что являетесь коренным американцем?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Вы получили образование в нашей стране?

Ответ. Да.

Вопрос. Слышали ли вы когда-нибудь о человеке по имени Бенедикт Арнольд[8]?

Ответ. Да, сэр.

Вопрос. Как вы расцениваете его в качестве известной личности в истории Америки?

Ответ. Не очень хорошо.

Вопрос. Я не расслышал вашего ответа.

Ответ. Я сказал, не очень хорошо.

Вопрос. Я спрашиваю вас, что вы думаете о нем?

Ответ. Я ответил на этот вопрос. Я сказал: не очень хорошо.

Вопрос. Почему?

Ответ. Я…

Вопрос. Не потому ли, что он предал свою страну?

Ответ. Думаю, что так.

Вопрос. Знакомы ли вы с историей в такой степени, чтобы знать, что даже Бенедикт Арнольд совершил этот поступок не за деньги?

Ответ. Я знаю это.

Донован. Сержант, Бенедикт Арнольд, возможно, был самым большим предателем в военной истории Америки, но лишь до сегодняшнего дня.

Я повернулся спиной к месту, где давались свидетельские показания, и отошел к столу защиты. В зале суда стояла тишина. Затем заговорил судья.

Судья Байерс. Это был вопрос?

Донован. Это была попытка констатировать факт.

Томпкинс задал два вопроса, пользуясь правом опроса своего свидетеля после перекрестного допроса.

Вопрос. Сержант, вы находитесь под казарменным арестом, не правда ли?

Ответ. Это так. Да, сэр.

Вопрос. Еще один вопрос. Что вы имеете в виду, когда говорите, что находитесь под казарменным арестом?

Ответ. Я имею в виду, что не могу покидать территорию расположения части.

Далее обвинитель предложил вычеркнуть из протокола мое последнее заявление в ходе перекрестного допроса, сказав: «Это был не вопрос. Я полагаю, мистер Донован сделал заявление».

Донован. Я не хотел, чтобы это заявление было занесено в протокол, ваша честь. Я просто хотел сделать его.

Судья Байерс. Вы удовлетворены, сделав заявление? Теперь вы не возражаете, чтобы оно было вычеркнуто из протокола?

Донован. Очень хорошо.

Свидетеля мастера-сержанта Роя Роудса отпустили.

Остальная часть судебного заседания в этот день была посвящена истории ареста Абеля. Все эти обстоятельства были рассмотрены раньше, в ходе предварительного слушания дела, за одним лишь исключением — слежки, организованной ФБР, которая и привела сотрудников ФБР к отелю «Латам».

Среда, 23 октября

В этот день все, о чем говорилось, имело меньшее значение,

чем то, о чем не говорилось. Важные новости появились вне зала судебного заседания, и газетные заголовки поведали о невероятной истории. Днем я встретился с представителями печати в коридоре и сделал следующее заявление:

«Мы рассмотрели с мистером Абелем все доказательства, представленные обвинением, и указали ему на плюсы и минусы его выступления в качестве свидетеля по своему делу. Он вполне согласен, чтобы дело было передано присяжным с теми обоснованиями и доказательствами, которые были представлены обвинением. Его собственное решение, принятое после тщательного изучения всех показаний, сводится к тому, что было бы не в его интересах выступать в качестве свидетеля.

Мы не будем вызывать мистера Абеля в качестве свидетеля и не намереваемся вызывать каких-либо других свидетелей».

В течение утреннего заседания, по мере того как суд занимался рассмотрением необходимых, но скучных деталей, процесс медленно продвигался вперед. Агент ФБР рассказал, как он производил обыск в номере Абеля после ареста. Дейв Левайн опознал инструменты и различные вещи Абеля из кладовой, которой они пользовались вместе. Во время перекрестного допроса он сказал: «Мы все считали его честным человеком».

Эксперт из лаборатории ФБР Уэбб третий раз занял место для дачи свидетельских показаний. Он говорил о пустотелом карандаше, обнаруженном в корзинке для бумаг в номере Абеля. В карандаше были спрятаны микрофильмы. Один из них содержал расписание радиосвязи. В нем указывались даты, время и позывные для приема передач на коротких волнах. Используя это расписание и указанные в нем частоты, правительственные органы 15 июля и 4 августа провели операции по радиоперехвату. Томпкинс представил материал, показывающий результаты радиоперехвата и свидетельствующий о «приеме сообщений, состоявших из пятизначных цифровых групп».

Я возражал против использования всех этих доказательств на том основании, что представленные предметы и материалы получены в результате незаконного обыска и ареста, а также на том основании, что отсутствовала связь между этими нерасшифрованными сообщениями и обвиняемым. Например, в сообщении, перехваченном в июле, отправитель использовал позывные, отличные от тех, которые значились в том, что именуется расписанием радиосвязи.

Донован. Это свидетельствует об отсутствии последовательности и о полном отсутствии логики. Если вы ищете человека по имени Джон, вы не будете ходить и кричать: «Томас!». Вот так случилось и здесь.

Судья Байерс. Это зависит от того, не был ли Джон известен также и как Томас. Тогда вы могли бы звать и Томаса.

Донован. Эти сообщения не были расшифрованы. Мы можем предполагать, что это коммерческая радиограмма из Болгарии.

Томпкинс. Мне не встречались коммерческие передачи из Болгарии, переданные пятизначными цифровыми группами.

Затем обвинитель пустился в пространные объяснения, чтобы показать, какое отношение имеют шифрованные радиопередачи, перехваченные в Америке правительственными органами, к расписанию радиосеансов на микрофильме. Пока он говорил, Абель написал записку Тому Дебевойсу, в которой отмечались технические ошибки в разъяснениях обвинителя.

Когда Томпкинс закончил, судья сказал, что все это для него ново.

— Утверждаете ли вы, что представленный материал что-то доказывает?

Томпкинс. Этот материал лишь дополняет то расписание, которое было обнаружено у обвиняемого, и свидетельствует о том, что сообщения были направлены в соответствии с этим расписанием.

Донован. Ваша честь, я с вашего разрешения хочу сказать, что если этот материал о чем-то и свидетельствует, то лишь о том, что сообщения эти не были направлены в соответствии с расписанием. Тот факт, что они передавались на той же волне, ничего не подтверждает. Каждый день, каждый час и каждую минуту радиолюбитель может принять любое количество зашифрованных сообщений, передаваемых в эфир…

Судья Байерс. Присяжные скажут, имеет ли этот материал какое-то значение в качестве доказательства.

Шесть микрофильмов, спрятанных в карандаше, содержали письма к Абелю от его жены и дочери. Обвинение сочло возможным зачитать абзац из одного письма, который должен был подтвердить, что полковник побывал дома осенью 1955 года, а это позволило нам ознакомиться со всеми письмами. Обвинение возражало против того, чтобы они были зачитаны присяжным, поскольку «это личные письма, не имеющие ничего общего с положениями, содержащимися в обвинительном акте». Возражение обвинения было отклонено судьей Байерсом.

Письма были теплыми и показали гораздо лучше, чем это могли бы сделать мы, что Рудольф Абель был преданным мужем и отцом. Письма были сентиментальными, житейскими, земными — типично русскими по содержанию. Все письма дочери Абеля, Эвелин, кроме одного, были написаны по-английски. Письма жены Эли (или Елены, как она в дальнейшем подписывала

письма) были написаны по-русски.

Мы зачитали присяжным все письма. Некоторые были датированы, другие нет.

Некоторые журналисты говорили, что Абель краснел, когда читали его семейные письма, которые явно были настолько дороги ему, что он не мог их уничтожить. Корреспондент одного журнала, освещавший этот процесс, писал: «Когда судейские работники, бубня, зачитывали письма, стальная броня самодисциплины Абеля чуть не дала трещину. Лицо его покраснело, а его проницательные, глубоко посаженные глаза наполнились слезами».

Другие, однако, полагали, что письма содержат шифр, и отказывались их воспринимать как подлинные. Несколько лег спустя ФБР после тщательного изучения писем заявило, что оно убеждено в подлинности писем и в том, что они не содержат каких-либо шифрованных или тайных инструкций.

Письма жены Абеля, Эли, строились по определенной схеме. Она была хозяйкой дома и матерью и писала о своем мире: ее здоровье и здоровье мужа, дача, деревья и цветы, дочка, друзья и родственники, любимые животные. Она не взваливала заботы на плечи своего мужа, но вместе с тем не считала нужным умалчивать обо всех подробностях. Не было такой стороны семейной жизни, которая показалась бы Эле Абель слишком малой и незначительной и не стоящей упоминания. Письма ее были нежны и полны любви.

Когда чтение писем семьи Абеля закончилось, в зале суда воцарилась тишина. На какой-то момент наступило такое молчание, как будто на сцене опустился тяжелый занавес. Затем Томпкинс обратился к судье:

— Ваша честь, на этом обвинение заканчивает.

Донован ***(поднявшись со своего места).*** Если суд не возражает, защита имеет ряд рекомендаций, которые она хотела бы сделать в данный момент, и я прошу разрешения сделать их без присяжных. После внесения этих рекомендаций защита закончит.

Присяжные вышли из зала суда, после чего мы внесли рекомендацию об оправдании. Мы также предложили изъять некоторые места из показаний и обвинительного акта. Все наши рекомендации были отклонены. Абель сидел спокойно и смотрел твердым взглядом сквозь свои очки без оправы. Когда обсуждение закончилось, он передал мне четыре исписанных листка, озаглавленных: «Заметки по делу Р. И. Абеля».

Он писал, что о Хэйханене сложилось впечатление как о двоеженце, воре, обманщике и пьянице и что тот оказался «в

компании своего духовного брата, сержанта Роудса». Он критиковал обвинение за то, что оно связало его с Роудсом. Абель писал, что это было сделано на основе теории о «спицах одного и того же колеса», примененной для обоснования «заговора». Исходя из этой версии, писал Абель, его, несомненно, можно было бы связать также с Розенбергами и Хис-сом или любым другим человеком, которым, как полагают, руководил московский «центр» шпионажа.

Из представленных доказательств видно лишь, что он и Хэйханен должны были «разыскать» Роудса. Абель высказал предположение, что и какое-то другое лицо или группа могли получить задание вступить в контакт с Роудсом.

«Цели шпионажа широки. В одно?.: случае он может быть направлен специально на получение военной информации, в другом — информации по ядерным проблемам, в третьем — по вопросам экономики и техники, а также информации об отношении народа к политическим событиям. Разумно было бы предположить, что различные группы людей направляются на выполнение заданий в различных сферах, поскольку для выполнения этих задач требуются различные качества».

Он высмеивал показания Хэйханена, заявившего, что Абель охарактеризовал Роудса как хорошего потенциального агента, поскольку тот являлся военнослужащим и имел родственников, работающих в атомной промышленности. Он сказал, что подобное утверждение носит гипотетический характер «и в равной мере может относиться к любому человеку, например к Эдгару Гуверу или даже с еще большим основанием к министру обороны».

Через все заметки Абеля проходила мысль о том, что в ходе процесса суду не были представлены какие-либо доказательства, подтверждающие тот факт, что собиралась или передавалась информация военного характера. «Все это существует лишь в виде неподтвержденного предположения, а не доказательств».

Я был уверен в том, что Абель написал эти тезисы для моего руководства при подготовке заключительного выступления. «Говоря об этом деле в целом, — писал он, — представляется предпочтительным занять «объективную, в духе здравого смысла» позицию и не прибегать к аргументам эмоционального плана. Применительно к Х. и Р. (он везде писал Х. вместо Хэйханен) некоторая эмоциональность представляется уместной. Х., по его собственным словам, был изобличен как неумелый работник, пьяница, обманщик и вор. Далее, он продемонстрировал полное безразличие к своей семье в СССР. Нет сомнений, что его измена продиктована не какими-либо идеологическими соображениями,

а лишь трусостью человека, лишенного всяких моральных устоев. Применительно к нему нельзя говорить о каком-то чувстве патриотизма и силе характера — он просто трус. То же самое относится и к Роудсу.

Выступая за подход с позиции «здравого смысла», возможно, будет целесообразно в какой-то форме указать, что это единственно возможный подход для присяжных, ввиду того что они не имеют юридического образования.

Четверг, 24 октября

В этот жаркий день зал суда был переполнен. В соответствии с существующими правилами первым с заключительной речью должен был выступать я. И я испытывал удовлетворение по этому поводу. Теперь мои слова должны были быть обращены целиком и полностью к присяжным, поэтому я подошел поближе к ним. «Донован. Я обращаюсь к суду, к дамам и господам присяжным.

Этот процесс обогатил мой жизненный опыт, а также, как я полагаю, и ваш. Подобно всякому опыту он приобретает конкретный смысл лишь при ретроспективном рассмотрении.

Как вы, вероятно, помните, в начале процесса я говорил вам, в чем заключается ваш долг как добросовестных присяжных. Я разъяснил, что он состоит в том, чтобы постараться как можно более объективно оценить соответствующие факты и установить, подтверждают ли доказательства, представленные данному суду, виновность этого человека по фамилии Абель в совершении тех преступлений, которые ему приписываются. Я также подчеркнул, что данное судебное разбирательство не является процессом над коммунизмом или над Советской Россией. Задача, о которой я только что упомянул, это единственная стоящая перед вами задача. В этом зале вы, и только вы одни, имеете право вынести решение, виновен или невиновен человек по каждому конкретному обвинению.

Припомним, какие обвинения выдвигались в ходе слушания этого дела. Первое обвинение, содержащееся в обвинительном акте и единственное, касающееся уголовно наказуемого преступления, сводится, говоря коротко, к обвинению в заговоре с целью передачи информации, связанной с вопросами национальной обороны и атомной энергетики.

Вот я и задаю вам вопрос и буду задавать его вновь и вновь по мере рассмотрения дела: какие доказательства из области информации о национальной обороне и атомной энергетике были представлены вам по этому делу?

Когда мы с вами только приступали к рассмотрению дела, мы, безусловно, ожидали доказательств, свидетельствующих о

том, что этот человек завладел большими военными и атомными секретами и так далее. И я прошу вас, вспомнив все, что здесь происходило в течение последних двух недель, ответьте, какие доказательства, свидетельствующие о похищении подобной информации, были вам представлены?

Единственная причина, в силу которой этот конкретный вид заговора карается смертью, если так решит суд, заключается з том, что целью этого заговора являлась передача военной информации или информации, касающейся национальной обороны. Такое обвинение здесь было предъявлено. Я просто прошу вас вспомнить о том, какие конкретные доказательства, подтверждающие это обвинение, были представлены в ходе слушания дела.

Теперь, прежде чем мы вместе с вами рассмотрим эти доказательства, я хотел бы задать вам вопрос, продиктованный соображениями здравого смысла. Я прошу вас мысленно сравнить то, что было сказано об этом человеке — Абеле, что это за человек, с тем, что вам теперь уже известно о двух лицах, выступающих в качестве основных его обвинителей, показания которых вы слышали.

Прежде всего давайте на минуту представим, что этот человек действительно является тем, кем его считает обвинение. Предположим, что это так. Это означает, что этот человек служил своей стране, выполняя исключительно опасную миссию. Наши разведывательные органы посылают с такими заданиями только самых смелых и умных людей. Все выступавшие по этому делу свидетели, лично знавшие этого человека в то время, когда он жил в нашей стране, хотя этих свидетелей и вызывали в других целях, невольно помогли прояснить основные черты характера обвиняемого. Вы сами слышали, как эти люди один за другим давали здесь показания.

Вчера днем вам были прочитаны письма от семьи этого человека. Я не стану злоупотреблять вашим вниманием и повторять то, что в них написано. Но никто из вас, видимо, не станет оспаривать тот факт, что в них воссоздается образ преданного мужа и любящего отца. Короче говоря, это прекрасный образец семьянина, такого семьянина, который заслуживает всяческого уважения и у нас в Соединенных Штатах Америки.

Таким образом, с одной стороны, предположив, что все это истина, вы невольно должны прийти к заключению, что перед вами мужественный патриот, служащий своей стране и выполняющий даже в эти мирные годы исключительно опасную военную миссию. С другой стороны, вы имели возможность

познакомиться и с двумя людьми, выступавшими, как здесь было объявлено, в качестве основных свидетелей обвинения.

Совокупность данных Хэйханену характеристик позволяет сделать вывод, что он ренегат. В начале судебного разбирательства приводились данные о том, что Хэйханен — это человек, который, я цитирую, «перешел на Запад». Может создаться впечатление, что это высокоидейный человек, который в конце концов «избрал свободу», и так далее. Но вы сами могли видеть, что это за человек. Бездельник. Ренегат. Лжец. Вор.

Другим основным свидетелем обвинения оказался единственный, насколько мне известно, солдат в истории Америки, признавшийся в том, что он продал свою страну за деньги.

Таковы два основных свидетеля, выступавших против этого человека.

Теперь давайте несколько подробнее займемся человеком, который сказал, что его зовут Рейно Хэйханен. Как вы помните, во вступительной речи я просил вас пристально наблюдать за поведением этого человека. Я тогда отмечал, что, если утверждения, с которыми выступило обвинение, истинны, значит, человек этот был подготовлен, чтобы вести жизнь, основанную на обмане. Он тренированный обманщик, которому русские и платили, чтобы он жил такой жизнью. Он — профессиональный лжец. Теперь же, как вам известно и как он показал, ему платит еще и наше правительство.

Обвинитель вам скажет, что, для того чтобы осудить человека, подобного Абелю, необходимо использовать свидетелей такого рода. Однако я прошу вас, оценивая показания этого свидетеля, постоянно задавать себе следующий вопрос: говорит он правду или ложь, причем, быть может, единственной целью, которую он преследует, давая свои показания, является стремление спасти свою шкуру.

Я заявляю, что на основании представленных вам доказательств вы должны сделать вывод, что Хэйханен лжец, вор и двоеженец, который, утверждая, что он занимался нелегальной шпионской работой…

Судья Байерс. Мне не хотелось этого делать, но я вынужден прервать вас, г-н Донован. Вопрос о том, является ли человек, о котором вы говорите, двоеженцем или нет, зависит от действующего в России законодательства о расторжении брака, а в деле нет каких-либо данных по этому вопросу.

Донован. Ваша честь, я пытался задать этому человеку вопрос по этому поводу, но мой вопрос был отклонен.

Судья Байерс. Если хотите, в деле нет доказательств,

свидетельствующих о том, что он двоеженец.

Донован. Как можно предположить, этот человек живет в настоящее время с финской дамой, которую, ваша честь, вы разрешили мне называть «женой № 2», что отвечает правильной нумерации.

Далее, если вернуться к вопросу о том, чем занимался этот человек, находясь здесь, то наш перекрестный допрос сводился, как сказал бы врач, к биопсии, то есть попросту к срезанию кусочка ткани, с тем чтобы определить, не обнаружатся ли в нем симптомы заболевания, которое может распространиться на все смежные ткани. С этой целью мы взяли кусочек его жизни в нашей среде, в Ньюарке, штат Нью-Джерси, за время с августа 1953 по декабрь 1954 года. Я разузнал подробности о его жизни в этом городе и задал ему соответствующие вопросы, когда он выступал в качестве свидетеля.

На основании показаний, которые этот человек был вынужден в конце концов дать, можно сделать непреложный вывод о том, что если он и находился здесь с целью выполнения нелегальной разведывательной работы, то сумел совершить все ошибки, которые только можно себе представить.

Для успешного осуществления своей нелегальной деятельности разведчик должен превратиться в безликую фигуру, которая может в любой момент затеряться в толпе. Ему ни в коем случае не следует привлекать к себе внимание. А этот человек, напротив, казалось, делал все возможное, чтобы привлечь к себе пристальное внимание всех окружающих.

Судя по его показаниям, он снял небольшое помещение, чтобы устроить там фотоателье. Но, прожив год, так и не открыл ателье, зато сумел вызвать у соседей настороженность и невольное любопытство, когда замазал стекла своей комнаты мастикой. Вы уже знаете из его показаний, что он проживал там с этой финской дамой, пил водку целыми пинтами и по крайней мере один раз к нему вызывали полицию и «скорую помощь» в связи с происшедшим с ним инцидентом, в результате которого его комнаты («только две») были забрызганы кровью.

Теперь насчет этой финской дамы. Вы слышали, как я спросил его, припоминает ли он случай в булочной по соседству, где он однажды купил буханку хлеба, а затем, разломав ее, бросил куски на пол и велел этой женщине поднять их. И вы слышали, как он ответил на мой вопрос. Он сказал, что не может припомнить такого случая.

Я, в частности, спросил его: «Отрицаете ли вы, что такой случай имел место?» Он не отрицал этого. Ни разу не отрицал.

Я заявляю, что исходя из данных перекрестного допроса вам

придется сделать вывод, что такой случай имел место и что этот человек либо лгал и пытался уклониться от ответа, когда давал показания, либо был настолько пьян, когда это случилось, что по сей день не может вспомнить, был такой случай или нет. Невольно напрашиваются только такие выводы.

Человек ведет такой образ жизни, а нас с вами стараются убедить, что он бьш подполковником нелегальной разведки русских.

Что касается этой финской дамы, то в одном случае, хотя он и признает, что оставил жену и сына в России, все же говорит о финской даме как о составной части его «легенды». В начале слушания дела я думал, что он просто боится возвращаться в Россию. Когда же он закончил свои показания, у меня сложилось мнение, что в большей мере он боится возвращаться к своей жене.

Давайте примем во внимание не только жалкий характер этого человека, но и тот отвратительный образ жизни, который он здесь вел. Тем не менее перед вами по-прежнему стоит основной вопрос: учитывая все, что здесь говорилось, является ли правдивым в своей основе рассказ этого человека?

Он находился здесь в силу определенной причины. Мы знаем это. Кроме того, он использовал все эти фантастические методы связи для контакта с кем-то другим. Иногда, как он рассказывал, он пользовался этими тайниками, пустотелыми болтами и так далее для поддержания связи с обвиняемым. Через минуту после того, как он сказал об этом, он уже говорил вам, что встречался с Абелем каждую неделю и что они обычно в течение часа ездили вместе. Если он встречался с ним каждую неделю и они вместе совершали поездки продолжительностью по часу, зачем тогда нужно было поддерживать связь с помощью таких слишком сложных способов?

Он показал, что помимо связи с Абелем использовал все эти методы для поддержания связи с группой безымянных и безликих людей, которых он охарактеризовал лишь как «советских работников». Они никогда не были определены ни по имени, ни по званию, ни каким-либо другим способом.

Как вам известно, человека этого «вели» — я именно хочу сказать «вели» — по сотням страниц показаний о его деятельности. То, что он рассказал, я полагаю, можно справедливо охарактеризовать как хорошо отрепетированную пьесу. В двух случаях его спросили: «Зачем вы прибыли в Америку?» Он ответил: «Я прибыл в Америку, чтобы помочь Марку в шпионской деятельности». В другом случае ему задали вопрос: «Какого рода информацию вы пытались получить?» Его ответ, фактически совпадавший с формулировкой из сборника

законов по соответствующему разделу, гласил, что это была информация, «затрагивающая национальную безопасность Соединенных Штатов Америки».

За исключением этих двух тончайших нитей, предоставленных самым жалким из свидетелей, который когда-либо выступал в суде, за исключением этих двух тончайших нитей, в деле нет никаких доказательств, говорящих о том, что передавалась информация, затрагивающая национальную безопасность и секреты в области атомной энергии. Таких доказательств в деле нет. Однако на основе именно таких доказательств вам предлагают послать человека на смерть. Даже собаку убивают только в том случае, если известно, что она укусила.

Давайте разберем некоторые поступки, которые этот человек — Хэйханен — совершил, как он говорит, в целях осуществления заговора.

Он отправился в Колорадо, чтобы найти там человека, с которым он так и не встретился вплоть до сегодняшнего дня. Он отправился в Атлантик-Сити, чтобы найти другого человека, но и с ним он также не встретился. Он отправился в Куинси, штат Массачусетс, чтобы разыскать там еще одного человека, но вплоть до сегодняшнего дня он не уверен, нашел ли того человека, которого искал. По его словам, ему дали указание открыть фотоателье в качестве прикрытия, но он так и не сделал этого.

В тот момент, когда этот свидетель закончил свой рассказ, в том числе и о том, как ему дали деньги, чтобы он передал их одной женщине, миссис Собел, а он, не повидав ее, прикарманил пять тысяч долларов, мне невольно вспомнилось несколько фраз из известной детской книжки, очень точно, как мне кажется, характеризующих эту ситуацию: «Куда ты пошел? Никуда. Что ты делал? Ничего».

Если этот человек и был шпионом, то он, безусловно, войдет в историю как самый ленивый, неудачливый и неэффективный шпион, который когда-либо направлялся какой-либо страной для выполнения разведывательного задания. Фактически это невероятная история, а мы должны поверить в нее, в то, что этот подполковник русской нелегальной разведки прислан сюда, чтобы добыть наши важнейшие оборонные секреты.

Этот бездельник не получил бы и ефрейторских нашивок в американской армии.

Однако, вместо того чтобы дальше заниматься показаниями этого человека, которые, как я вам показал, абсолютно ничего не доказывают по данному вопросу, я хочу напомнить вам о самом важном доказательстве, представленном этим человеком. Он где-

то рассказал правду. И он рассказывал эту правду в ходе последних шести месяцев сотрудникам ФБР.

Припомните, что в заключение перекрестного допроса я спросил Хэйханена, сделал ли он это заявление сотрудникам

ФБР в конце мая и в начале июня 1957 года. Он ответил утвердительно и сказал, что сделал это заявление здесь, в Нью-Йорке, в номере гостиницы.

Теперь разрешите мне снова зачитать это заявление. Я буду читать его очень внятно и прошу помнить, что это документ самого обвинения. Разрешите зачитать то, что этот человек заявил ФБР:

«Я жил и работал в Финляндии с июля 1949 по октябрь 1952 года. Там я получил американский паспорт и прибыл в Нью-Йорк в октябре 1952 года. Я не занимался шпионажем и не получал от кого-либо каких-либо шпионских или секретных сведений за время пребывания за границей — ни в Финляндии, ни в Соединенных Штатах Америки».

Вот это заявление, которое Хэйханен лично сделал ФБР. И на основании показаний этого человека вы должны будете признать виновным другого человека в совершении преступления, караемого смертной казнью.

Это нелепо. Это заявление, прошу заметить, не было разъяснено путем допроса обвинением своего свидетеля после перекрестного допроса. По сегодняшний день это заявление остается в деле как свидетельское показание этого человека. Оно полностью оправдывает обвиняемого, и вам не дали никакого объяснения по этому поводу.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с остальными доказательствами. Здесь выступал в качестве свидетеля сержант Роудс. Вы все имели возможность видеть, что это за тип: распущенный человек, пьяница, предавший свою страну. Трудно найти слова, чтобы описать всю глубину его падения.

Теперь припомните, Роудс показал, что он никогда не встречался с Хэйхансном и никогда прежде не слышал о нем. Он никогда не встречался и с этим человеком ***(Донован указывает на Абеля),*** с обвиняемым. И также никогда не слышал о нем. Ему также ничего не известно о ком-либо из участников заговора, указанных в обвинительном акте. Вместе с тем он подробно рассказал о своей жизни в Москве, о том, как он продавал свою страну за деньги. Какое это имеет отношение к обвиняемому? События в Москве произошли за два года до того, как, по словам Хэйханена, Абель послал его, чтобы отыскать человека по фамилии Роудс. Какое все эти события имеют отношение к обвиняемому? Ответ таков: никакого.

И на основании доказательств подобного рода вам предлагают осудить этого человека. Таковы доказательства, которые вам представили, чтобы на их основе вы, возможно, послали человека на смерть.

Где доказательства, свидетельствующие о передаче информации, касающейся национальной обороны и атомной энергии? Ответ заключается в том, что если такие доказательства и существуют, то они не были вам представлены. Если обвинение строилось на основе этих доказательств, то вам не объяснили этого. Вам придется принимать решение по этому конкретному обвинению на основании тех доказательств, которые представлены по делу.

В связи с этим делом, если вы признаете этого человека виновным, это будет вина без соучастия. Обвиняемый никогда не встречался с этими людьми.

Очень важно, чтобы вы уяснили, что, осудив этого человека на основании недостаточных доказательств, вы тем самым вовсе не окажете услуги своей стране и это не будет вкладом в борьбу против коммунизма. Вы выполните долг по отношению к своей стране только в том случае, если примете справедливое решение, подсказанное вашей совестью. Я заявляю вам, если вы хотите после окончания этого дела жить в мире с вашей совестью и смотреть прямо в глаза своим соседям, то, чтобы вынести справедливре решение, вы должны прислушаться к голосу собственной совести.

Вам может показаться странным, что Соединенные Штаты Америки предоставляют защиту подобному человеку. В своих письменных показаниях под присягой, представленных мною ранее, при подготовке дела, я писал в заключении по вопросу об обыске и аресте в номере отеля «Латам» следующее:

«Абель является иностранцем, обвиняемым в преступлении, которое карается смертной казнью, — в шпионаже в пользу Советов. Может показаться ненормальным, что наши конституционные гарантии распространяются на такого человека. Некоторые люди могут подумать, будто добросовестное соблюдение Америкой принципов свободного общества представляет собой столь неуместный альтруизм, что он может привести к самоуничтожению. Но наши принципы вошли в историю и зафиксированы в законах нашей страны. Если свободный мир не будет верен своему собственному моральному кодексу, то не останется такого общества, к которому стремились бы другие люди».

Я прошу вас не забывать обо всем этом, когда вы будете принимать решение. Я обращаюсь к каждому из вас, чтобы он

прислушался к голосу своей совести, вынося суждение о том, доказано ли на основании представленных суду материалов, что этот человек действительно виновен, вне всяких сомнений, в совершении тех преступлений, которые ему вменяются в вину. Убедительно прошу вас все время, пока вы будете слушать прокурора, а также заключительное заявление судьи, а затем, когда вы будете обсуждать свое решение, не переставайте задавать себе один главный вопрос: где же информация, касающаяся национальной обороны Соединенных Штатов Америки?

Дамы и господа присяжные, если вы разрешите это дело в соответствии с высокими требованиями долга и чести, чтобы ваша совесть осталась чистой, я убежден, что по пунктам первому и второму обвинительного акта вы, без сомнения, вынесете вердикт: невиновен. Благодарю вас.

Сидя за столом защиты, мы не могли заметить, что на протяжении всего процесса один из присяжных педантично делал у себя в блокноте отметки — черным карандашом, когда обвинитель достигал успеха по какому-то пункту, и красные отметки, когда возникали обоснованные сомнения. И мы не могли предположить, что некоторым из присяжных не нравилось то, что Абель делает какие-то зарисовки в своем блокноте. «Он казался посторонним, замкнувшимся в своем собственном мире», — сказал один из присяжных.

Томпкинс. Я обращаюсь к суду, к дамам и господам присяжным. Прежде чем приступить к заключительной речи, я, конечно, хотел бы поблагодарить вас за ваше терпение и за благосклонность, проявленную к представителям обеих сторон. В ходе процесса были довольно напряженные моменты, но вы сумели проявить максимальное терпение, и я вам крайне признателен за это.

Во вступительной речи я торжественно обещал вам, что представители государственного обвинения сделают все возможное, чтобы обеспечить обвиняемому справедливое разбирательство, и полагаю, что мы действовали именно таким образом. Я также указывал, что обвинение не ставило перед собой цель просто выиграть дело, а придавало гораздо большее значение тому, чтобы свершилось правосудие.

В моей заключительной речи вам часто придется слышать такие слова, как «неоспоримое» и «неопровержимое». Это объясняется тем, что мне не известен ни один существенный факт из тех, что были представлены вам обвинением для рассмотрения, который кто-то оспаривал или пытался оспаривать.

Вопрос о наказании кратко рассматривался ранее, и вас спрашивали о вашем отношении к этому до того, как вы были приведены к присяге. Все вы заявили, что можете вынести решение по делу просто на основании представленных доказательств, не рассматривая вопроса о мере наказания. Вопрос о мере наказания не входит в компетенцию ни защиты, ни обвинения. Вынести решение о мере наказания может только судья.

Очень коротко хочу остановиться на вопросе о заговоре. Во вступительной речи я сказал, что это была просто договоренность — соучастие в преступлении, если хотите, и достаточно совершения одно явного акта, чтобы преступление можно было считать законченным. Я говорил, что действия участников заговора при этом не обязательно должны быть успешными, а «явный акт» сам по себе необязательно должен быть преступным.

Другими словами, недопустимо сидеть сложа руки в то время, как кто-то, занимаясь шпионажем, получает информацию о наших военных секретах. В данном случае мы ни в коем случае не должны проявлять беспомощность, и нам, конечно же, следует вмешаться. Нельзя допустить того, чтобы преступление совершилось.

Теперь я хочу сказать несколько слов о Рейно Хэйханене, которого здесь до меня называли тренированным обманщиком. Во вступительной речи, я полагаю, я сказал вам, что вы можете ожидать атаки по этому поводу, и она незамедлительно последовала. «Тренированный обманщик, профессиональный лжец». Он, несомненно, прошел такую же подготовку, как и обвиняемый, но только работал в НКВД меньшее время.

Хэйханен — «тренированный обманщик». Обвиняемый — мужественный патриот, служащий своей стране и выполняющий опасную миссию. Поверьте мне, мы намерены превратить такую миссию в весьма опасное дело. Он хороший семьянин и живет в хороших условиях. Его семья живет очень хорошо в Москве и имеет, как вы узнали из писем его жены, дачу и прислугу.

И вот в суде появляется и дает показания Рейно Хэйханен. Его подвергали перекрестному допросу в течение четырех дней. Защитник предложил вам наблюдать за его поведением, и я надеюсь, что вы так и сделали. И надеюсь, что вы заметили, с какой готовностью он отвечал на вопросы, независимо от того, были ли это вопросы личного характера, затрагивающие его самого и его привычки, или касались его деятельности. Он совершенно откровенно признался, что пил, а также честно рассказал, что взял пять тысяч долларов, предназначавшихся миссис Собел, и никто не собирается утверждать, что все это

характеризует его положительно.

Далее в ходе допроса на суде Хэйханен показал, что он прибыл в Соединенные Штаты Америки с целью получения секретной информации в военной или атомной области. Вам здесь уже зачитывали заявление, в котором он утверждал — он подписал это заявление, и оно было написано им собственноручно, в этом нет никакого сомнения, — что не занимался шпионажем в Финляндии и США. Это заявление было вам представлено как неоспоримое.

Из протокола видно, что после зачтения этого заявления последовал такой вопрос:

«Г-н Хэйханен, с какой целью вы были направлены в Соединенные Штаты Америки?»

Затем последовало несколько протестов, но в конце концов свидетелю дали возможность ответить.

«Я был направлен в Соединенные Штаты Америки в качестве помощника Марка для ведения шпионской работы».

Итак, когда Хэйханен прибыл в Америку в 1952 году, он являлся подготовленным и квалифицированным шпионом. У него за плечами было тринадцать лет опыта применения оружия, наблюдения, использования всевозможных средств. Его обучали технике изготовления микроточек, использованию различных устройств, английскому языку, работе с радиостанцией, использованию контейнеров и фальшивых документов.

Он показал, что в 1954 году встретился с обвиняемым и впоследствии выполнял некоторые его задания. Он говорил и о первом задании — отыскать военнослужащего Роя Роудса. Здесь говорили, что Рой Роудс выступает как обвинитель. Ничего подобного. Рой Роудс показал, что он не знал Хэйханена. Он показал, что не знал Абеля. Я верю, что это правда. Однако давайте взглянем на это с другой стороны. Абель, а также Хэйханен знали о Рое Роудсе.

Задача обвинения — доказать истинность тех обвинений, которые были предъявлены Большим жюри. Мы, конечно, не можем одобрять действий Роя Роудса. И, видимо, ни у кого здесь не возникло чувство симпатии по отношению к нему. Вы все слышали его показания. Все говорит о том, что он действовал как изменник, и мы просто представили Роя Роудса таким, как он есть, чтобы доказать, что моменты, изложенные в послании, которое обвиняемый передал Хэйханену, совпадают с тем, что Рой Роудс, по его собственному признанию, сообщил русским в Москве.

Представители обвинения, допрашивая Роя Роудса в суде, показали, что, находясь в СССР, он снабжал правительство России

определенной информацией. Обвинение также показало, что за эту информацию ему платили, и я полагаю, что в ходе перекрестного допроса это обстоятельство было лишь еще раз подтверждено. Другими словами, я думаю, что защита стремилась дискредитировать уже и без того потерявшего кредит доверия свидетеля, если это еще только было возможно после его показаний представителям обвинения. Важно, однако, подчеркнуть, что содержащиеся в его показаниях факты о характере информации, передававшейся им русским, ни разу не были опровергнуты.

Необходимо отметить, что в ходе показаний Роя Роудса была выявлена его связь с делом определенного человека, показано, что этот человек имел при себе послание о Квебеке. Этот факт не должен пройти незамеченным. Если бы он не был малодушным человеком, продавшим свою страну, и подходящей фигурой для использования в заговоре, организованном советским правительством, участники заговора не стали бы искать его. Абель и не стремился устанавливать контакт с добропорядочными гражданами. Он использовал именно таких, как Рой Роудс, поскольку добропорядочный гражданин не станет оказывать содействие советской разведке, а скомпрометированный армейский сержант, и ранее передававший информацию Советам, может оказать весьма существенную помощь. Оценивая его показания — а они не оспаривались — о том, что он передавал Советам информацию о личном составе армии и о служащих государственного департамента, вы можете составить себе представление о тяжести его преступления и вместе с тем о потенциальной ценности этого человека для Советов после его возвращения в США.

Стоит лишь любому советскому разведчику получить возможность обустроиться в нашей стране и обзавестись связями, которыми располагает любой человек на военной службе, будь то рядовой или генерал, и он, поверьте мне, получит очень важную основу для осуществления своей деятельности. Я не могу представить себе более эффективного шага, чем попытка отыскать Квебека, с тем чтобы получить военную информацию, касающуюся нашей национальной обороны. Квебек знал шифровальное дело, и он в свое время сообщил об этом русским. И необходимо помнить, это из послания о Квебеке видно, что русские полагали, что у него есть брат, работающий на атомном предприятии.

Здесь, видимо, необходимо упомянуть о болте, обнаруженном в Проспект-парке, поскольку, по моему мнению, в данном случае мы имеем веское подтверждение показаний Рейно Хэйханена. Вы

помните, что представители ФБР отправились к тайнику в Проспект-парке, но обнаружили, что он замурован. Они расковыряли цемент и нашли болт. Вы слышали показания сотрудника ФБР из вашингтонской лаборатории о том, что, вскрыв болт, он обнаружил в нем отпечатанное на машинке письмо.

Таким образом, я подхожу к одному из самых веских доказательств по делу — к этой пишущей машинке. От кого Абель получил эту пишущую машинку? Кто засвидетельствовал, что машинка принадлежит Абелю? Я даже думаю, что здесь зашита не будет в претензии. Этим лицом был не кто иной, как тот свидетель, который рассказывал здесь о личных качествах обвиняемого. Он показал, что получил эту пишущую машинку (он назвал ее серийный номер) от Абеля и передал ее ФБР.

Вы слышали, как г-н Уэбб, специалист Уэбб, давал показания о результатах осмотра пишущей машинки.

Здесь упоминалось о тайниках. Как вы думаете, кто пользовался этими тайниками в Проспект-парке для передачи сообщения? Обвиняемый! Вы слышали, как Уэбб показал, что письмо, обнаруженное в болте в Проспект-парке, было напечатано на этой пишущей машинке, принадлежащей обвиняемому.

Вы помните молодого парнишку, семнадцатилетнего газетчика с рыжими волосами и веснушками. Он показал, что получил пятицентовую монету в виде сдачи, но нечаянно ее уронил и она распалась на две части.

Это была одна из тех монеток с секретом, которые вы можете купить буквально повсюду, с той лишь разницей, что эти покупные монетки не содержат спрятанного в них микрофильма. После того как монетка раскрылась и мальчик увидел ее содержимое, он тут же передал ее сыщику из бруклинской полиции, а тот дальше — в ФБР. Теперь, пожалуйста, припомните: Джимми нашел монетку в июне 1953 года. Содержавшееся в ней послание было датировано декабрем, и в нем говорилось о чьем-то благополучном прибытии. Как вы знаете, Хэйханен прибыл в Америку в октябре 1952 года. Эта монетка не имеет никакого отношения к Хэйханену, никогда ему не принадлежала, но я утверждаю, что она представляет собой весьма веское доказательство истинности того, что он рассказал…

В связи с тем что Хэйханену уделяется столько внимания, я хотел бы также рассмотреть некоторые дополнительные доказательства, которые мы обещали представить вам, данные, подтверждающие показания Хэйханена.

Я не нахожу, что по существу его показания были оспорены

или поставлены под сомнение. Перекрестный допрос был сосредоточен на личных качествах этого человека. Его не спрашивали о тайнике. Ему не задавали вопроса ни о разговоре с обвиняемым, ни об одном из его заданий. Это обстоятельство представляется мне весьма важным.

Теперь относительно вещей, о которых Хэйханен ничего не знал, к которым не мог иметь абсолютно никакого отношения и которые вместе с тем говорят о виновности обвиняемого. Посмотрите на эти вещи. Они из кладовой дома № 252 по Фултон-стрит: болт, запонка, пустотелая запонка. Хэйханен никогда не видел всего этого и даже не подозревал о существовании этих вещей. Они находились в кладовой обвиняемого. Это зажим для галстука, тоже пустотелый, еще один болт и пустотелая батарейка, не похожая на те, которыми пользуются бойскауты. Я сомневаюсь, чтобы это можно было легко достать. Полагаю, можно с уверенностью утверждать, что среди присяжных нет ни одного человека, который видел бы подобный зажим для галстука. Я также уверен в том, что ни одна женщина не покупала такого зажима своему мужу, такого раскрывающегося зажима. Эти предметы назвали здесь игрушками, точно так же, как и монеты. Игрушки. Я полагаю, никто здесь не назовет их игрушками, служащими для развлечения. Они не могут являться таковыми. Леди и джентльмены, это средства нанесения неизмеримого вреда нашей стране. Такова цель этого заговора.

Теперь поговорим немного о поведении обвиняемого. Мне неизвестен ни один человек, который знал бы его как Рудольфа Абеля. Он был известен как Голдфус, как Марк и как Мартин Коллинз, и ни жильцы, и ни свидетели, дававшие характеристику его личности, не знали его как Рудольфа Абеля. Я полагаю, что его поведение можно охарактеризовать как скрытое, как направленное на то, чтобы ввести в заблуждение, как поведение, свидетельствующее о профессиональной ловкости хорошо подготовленного аген-та-шпиона. Это поведение мастера шпионажа, настоящего профессионала. Прошу запомнить это. Такой была профессиональная деятельность, избранная этим человеком. Он хорошо знает правила игры, и, конечно же, их знает и его семья, в том числе и его взрослая дочь. И он не может заслуживать сочувствия.

Итак, дело близится к своему завершению. И я уверен, что присяжные, проявив наивысшую мудрость и опираясь на свой здравый смысл, придут к правильному решению. Я, со своей стороны, хочу сказать вам следующее: никогда в моей практике мне не приходилось иметь дело со столь четко

сформулированными обвинениями, в полной мере подтвержденными имеющимися доказательствами, как по этому делу, представленному вам на рассмотрение.

Я также хочу подчеркнуть, что это очень серьезное дело. Предметом данного разбирательства стало тягчайшее преступление, направленное против самих основ нашего существования, а тем самым и против устоев свободного мира и даже самой цивилизации, особенно если учитывать современную обстановку в мире. Я имею основания утверждать и полагать с большей искренностью и серьезностью, чем когда бы то ни было раньше, что обвинение сумело доказать правильность своей позиции, исключив все возможные и даже необходимые в таких случаях сомнения. Я убежден в том, что вы, проявив мудрость и трезвость суждений, сумеете оценить истинность заявлений, сделанных свидетелями обвинения. Я также не сомневаюсь в том, что вы совершенно однозначно сможете оценить факты этого дела только как преступный заговор и, выслушав заключительное обращение судьи, придете к единственно правильному решению. Я хотел бы отметить, что для признания обвиняемого виновным вовсе не обязательно, чтобы преступник уже совершил свое деяние. Я полагаю, что общество и правительство имеют право защитить себя, когда имеются данные, что кто-то лишь вступает в преступный заговор. Мы не должны проявлять непростительную в этом случае беспомощность, ожидая, пока будет обнаружен труп, чтобы только тогда приступить к поискам преступника. Мы имеем полное право вмешаться, как только будет установлено, что преступление лишь готовится и в ходе подготовки к нему в преступных целях создается некое сообщество, деятельность которого будет направлена на совершение конкретных противозаконных действий.

Заканчивая, я хочу вновь сказать вам, что мы крайне признательны вам за вашу любезность, за то внимание, которое вы уделили этому весьма важному делу. Я абсолютно уверен, это мое самое глубокое убеждение, что вы, все обсудив и взвесив, признаете обвиняемого виновным в том, в чем его обвинило Большое жюри, — виновным в силу бесспорности и убедительности доказательств и материалов, представленных вам государственным обвинением. Благодарю вас.

Заключительная речь представителя обвинения продолжалась пятьдесят одну минуту. Томпкинс под давлением из Вашингтона, считавшего это дело наиболее важным из всех находящихся в производстве, по-видимому, потратил на подготовку своей заключительной речи немало сил и времени. Его высказывания

носили завершенный характер и звучали весьма убедительно. Теперь ведение дела переходило в руки председательствующего судьи.

Судья Байерс. Господа присяжные! Отчасти чтобы не заставлять вас слушать мой совсем охрипший сегодня голос, а также чтобы дать возможность суду более тщательно изучить протоколы заседаний, я выступлю со своим заключительным обращением к вам завтра в 10 ч. 30 мин. утра. До свидания.

В Бруклинском парке, находившемся рядом со зданием суда, еще ощущалось тепло прошедшего солнечного дня, и на садовых скамейках отдыхали много людей. В доме № 252 по Фултон-стрит фамилии Силвермен и Левайн исчезли из списка жильцов. Шумная известность вынудила ни в чем не повинных художников уехать из этого района. А Абель в тюремном фургоне трясся по дороге в федеральную тюрьму, где ему предстояло провести свою одиннадцатую, последнюю ночь перед вынесением вердикта.

Пятница, 25 октября

«Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля и других»

Байерс, окружной судья

Уголовное дело

Это небольшое, написанное черным по белому объявление на дверях зала заседаний разъясняло все. Это было уголовное дело, рассмотрение которого велось судьей Байерсом.

«Спокойствие, царившее в зале суда, и отсутствие бурного проявления страстей представляются поистине удивительными, если учесть потенциальную взрывную силу этого дела», — писал один французский журналист. Зал судебного заседания, где царил неумолимый и повелительный Мортимер Байерс, был настоящим форумом правосудия. Чувствовалось, что тон на процессе задавал Байерс. Все ориентировались только на него, и присяжные почтительно и даже с каким-то благоговением взирали на него.

Судья Байерс. Господа присяжные! Настало время вам рассмотреть это дело. Несомненно, вы чувствуете, что уже узнали о нем вполне достаточно и, пожалуй, предпочли бы уже больше ничего не выслушивать по этому поводу со стороны суда. Если вы и в самом деле так полагаете, то должен сказать, что и я придерживаюсь такой же точки зрения, однако в данном случае мы не можем поступить сообразно своим желаниям. И мой долг — выступить с заключительным обращением к вам, а ваш долг — выслушать меня.

Вы понимаете, что это дело касается трех различных положений закона, по которым вы должны получить необходимые разъяснения, ибо в обвинительном акте упоминаются три различного вида заговора.

Судья зачитал присяжным выдержки из Свода законов Соединенных Штатов Америки, из обвинительного документа, а также из описания «конкретных актов» и затем перешел к истолкованию того, что было зачитано.

Судья Байерс. Утверждают, что заговор зарождается в умах тех людей, которые затем становятся его участниками, то есть заговорщиками. Таким образом, заговор — это, по существу, договоренность, однако это вовсе не договоренность официального характера, то есть такая, с которой вы можете встретиться в обычных деловых отношениях.

Мне не известно ни одного случая, когда заговор был бы связан с каким-нибудь договором, зафиксированным в письменной форме. Заговор обязательно носит тайный, конспиративный характер. В силу такого его характера, пожалуй, единственным способом доказать наличие заговора является доказательство того, что люди, которых вы обвиняете в заговоре, действуют как заговорщики. Как вы знаете, пока еще не создан инструмент, который позволял бы читать мысли людей.

Единственным способом, помогающим выяснить, какие мысли и чувства владеют тем или иным человеком, является наблюдение за поведением, а иногда и за высказываниями человека, дело которого расследуется. Таким образом, для того чтобы установить, существует ли заговор, характеризующийся общностью цели или наличием договоренности у его участников, мы изучаем поведение лиц, которые действуют совместно или которые, как мы полагаем, действуют совместно в силу договоренности друг с другом.

Наличие одного лишь сговора не влечет за собой уголовной ответственности, поскольку люди, вступившие в заговор с целью нарушения закона, в какой-то момент могут одуматься и отказаться от своего первоначального намерения. Поэтому при привлечении к ответственности за заговор закон требует, чтобы было доказано не только наличие заговора, но также совершение одного или нескольких действий одним или несколькими его участниками, направленных на реализацию их замысла.

В этой связи я должен отметить, что одно или ряд действий, имеющих целью осуществление плана, являются тем элементом дела, который относится к «явным актам». Не обязательно доказывать все «явные акты». Должно быгь доказано хотя бы одно или, возможно, несколько действий, а не обязательно все

входящие в план, не вся сумма «явных актов».

Есть еще одно обстоятельство, которое требует разъяснения в связи с этим конкретным уголовным преступлением. Преступление считается установленным, если в достаточной мере будут представлены доказательства наличия сговора его участников и совершения одного или нескольких действий, направленных на реализацию этого сговора. Все это и составляет преступление. Заговор может не достичь своей цели, и тем не менее, если будет доказано наличие тех условий, о которых я только что говорил, будет считаться, что совершено преступление, за которое, как предусмотрено законом, его участники должны понести наказание.

Чтобы проиллюстрировать это положение, судья привел простой пример, который, по его словам, не имел прямого отношения к тем показаниям, которые были выслушаны присяжными по этому делу. Он сказал: «Допустим, три человека собрались взорвать здание суда. Согласно договоренности, один покупает динамит, второй отправляется за дрелью, а третий покупает электрическую батарейку. Однако динамит отсырел, батарейка плохо работает, а один из партнеров сломал себе ногу».

Судья Байерс. Однако преступление считается совершенным, если доказано наличие первоначального сговора, в соответствии с которым каждый из участников брал на себя конкретную задачу по реализации плана, и если доказательства свидетельствуют, что каждый из участников по мере своих сил пытался выполнить свою задачу. Тот факт, что цель преступления не была достигнута, не имеет никакого значения для определения того, имело место преступление или оно не было совершено.

Преступление считается совершенным после того, как его участники вступили в сгопор и предприняли одно или ряд действий в направлении реализации их планов. Я надеюсь, что достаточно четко разъяснил положение законов по этому вопросу.

Теперь мы перейдем к следующему вопросу: к презумпции невиновности, распространяющейся на этого обвиняемого и любого другого обвиняемого в уголовном деле. Презумпция невиновности применима к нему с начала дела и до момента вынесения присяжными своего вердикта. Чтобы отвести эту презумпцию, государственное обвинение должно доказать виновность обвиняемого таким образом, чтобы ни у кого не оставалось оснований для сомнений по всем основным элементам преступления, указанного в обвинительном акте. Что же означает понятие «разумые основания для сомнения»? Просто то, в чем и заключается конкретный смысл этих слов. Это понятие

подразумевает сомнения, которые появляются у вас в результате применения вами вашей способности к логическому мышлению по всем элементам показаний, имеющихся по делу. Упор при этом делается на вашу способность рассуждать и делать выводы, что неизбежно исключает всякие эмоции. Вы знаете, что одними из самых излюбленных человеческих эмоций являются симпатия и предубеждение. Вы не можете, полагаясь на эти или какие-либо другие эмоции, заявить, что у вас появились разумные основания сомневаться. Эмоции, как вы знаете, — и это характерно для всех нас — иногда противоречат нашему разуму. Именно поэтому представляется важным предупредить вас относительно того, чтобы вы не поддавались эмоциям — предубеждениям и симпатиям. В силу характера этого дела я сейчас скажу вам кое-что, что, как я надеюсь, не окажется излишним.

Я прошу вас, когда вы будете рассматривать доказательства по этому делу, не позволяйте себе даже на самое короткое мгновение задумываться над тем, что могло бы произойти, если бы обстоятельства носили другой, прямо противоположный характер, а именно: если бы американского гражданина, незаконно находящегося в СССР, советский суд судил за преступление, аналогичное тому, которое вменяется в вину обвиняемому по данному делу.

Во-первых, вам неизвестно, что произошло бы в подобном гипотетическом случае, а поэтому все эти размышления не имели бы под собой никакой реальной основы. Во-вторых, независимо от того, к каким выводам вы могли бы прийти в результате этих рассуждений, они не должны были бы никоим образом повлиять на выполнение вами ваших обязанностей. Наши обязанности, ваши и суда, заключаются в претворении в жизнь наших принципов права, и в данном случае нас не должны интересовать те правовые нормы, которые существуют в любой другой стране мира. Мы несем ответственность только за то, как мы, американские граждане, исполняем свой долг.

Я также хотел бы отметить, что если обвиняемый является конкретной фигурой, находящейся в суде, то в зале суда вместе с тем незримо присутствует и нечто другое, а именно наш дух справедливости, наш дух отправления правосудия в соответствии с нашими принципами, хранителями которых являются судьи, присяжные и представители сторон.

Обратимся, однако, к показаниям. Прежде всего в данном случае нет необходимости выяснять вопрос, который обычно решают присяжные, участвующие в рассмотрении уголовного дела, а именно: какая из противоречивых версий какого-то происшествия предположительно имела место. И вам не

приходится в этом конкретном деле выслушивать противоречивые свидетельские показания. Но это вовсе не означает, что вы не должны самым тщательным образом рассмотреть показания, хотя они и не оспариваются. И вам при этом следует быть предельно внимательными ко всему сказанному.

Что касается самого заговора, а именно его участников, целей, задач и объектов, то в этом отношении вы располагаете показаниями Хэйханена. Это единственные показания по этому вопросу в деле. Конечно, по его собственным словам, он является соучастником. Ведь он один из участников заговора. Но согласно нашей системе правосудия показания соучастника вполне приемлемы для слушания их в суде. Однако, взвешивая слова такого человека, вы должны обдумать их самым тщательным и придирчивым образом, учитывая при этом, какие личные мотивы или выгоды соучастник может преследовать, давая показания вообще, и в какой мере можно верить его показаниям, принимая во внимание тот факт, что он соучастник.

Что касается показаний всех выступающих перед вами свидетелей, то, если вы придете к выводу, что кто-то из них давал ложные показания относительно фактической стороны дела, вы имеете право полностью игнорировать все его показания в связи с наличием в них элемента лжи. Точно так же вы имеете право принимать к сведению все, что вам кажется заслуживающим доверия. Это целиком и полностью зависит от усмотрения присяжных.

Рассматривая показания Хэйханена и решая вопрос о том, согласны ли вы с ними в целом или частично, вы, естественно, обратитесь к другим показаниям, которые давались в ходе заседаний суда, в расчете на то, что они могут подтвердить то, что здесь заявил Хэйханен в качестве свидетеля.

Далее судья заявил присяжным, что они выслушали показания двадцати семи свидетелей. Затем он назвал и указал каждого из них. Иногда он даже связывал того или иного свидетеля с определенным разделом показаний. Обладая прекрасной памятью, он припомнил множество полезных подробностей, и его замечания казались всем полезными.

Судья Байерс. Я остановлюсь на свидетеле Роудсе. Единственная причина этого заключается в том, что было внесено предложение не учитывать все его показания по тем соображениям, что сам Роудс показал, что ему не известны ни обвиняемый, ни Хэйханен. Это предложение было отклонено по следующей причине.

Роудс давал здесь показания о своей службе в Москве.

Хэйханен показал, что по заданию обвиняемого он, Хэйханен, пытался найти Роудса и с этой целью ездил в Колорадо, причем в его показаниях, как я припоминаю, говорится, что обвиняемый оплатил расходы, связанные с этой поездкой. Прибыв в Колорадо, Хэйханен позвонил по телефону, полагая, что звонит на квартиру Роудса. Г-жа Браун, сестра Роудса, показала, что весной 1955 года ее действительно расспрашивал о брате по телефону человек, говоривший с иностранным акцентом.

Цель воспроизведения этих показаний в протоколе заключалась в том, чтобы помочь вам сделать правильный вывод относительно того, подтверждаются ли в этой связи показания Хэйханена, а также, пожалуй, в том, чтобы помочь вам составить свое мнение о том, является ли Роудс таким лицом, которое станет разыскивать недружественная нам держава, чтобы использовать в качестве своего агента. По этим причинам показания были все же приняты и оставлены в протоколе. Я по-прежнему считаю, что это явилось правильным решением.

Отклонив вышеуказанное предложение и принимая все другие решения в связи с протестами сторон, суд не имел намерения выразить в какой-то форме свое мнение о виновности или невиновности обвиняемого. Эти решения принимались на основе права, и, если присяжным показалось, что суд высказал свое мнение, я категорически прошу вас не принимать это в расчет, поскольку вопрос о виновности или невиновности решается исключительно вами.

Здесь говорилось о показаниях, касающихся личности связанных с делом людей. Прежде всего это неточная формулировка. Речь идет о показаниях, касающихся репутации. Ваше внимание обращается на это различие по следующей причине. Существует вполне четкое различие между репутацией и характерными чертами личности. Репутация — это то, что люди о вас думают, а характер личности — это то, чем вы в действительности являетесь. Двух или трех свидетелей здесь как бы между прочим спрашивали о том, пользовался ли обвиняемый хорошей репутацией, и они ответили утвердительно. Показания о репутации считаются важными. В этой связи позвольте мне вам заметить, что если вы верите таким показаниям, то в этом случае весомость доказательств, которые должно представить обвинение, несколько возрастет. Она может стать более внушительной, чем в том случае, если бы таких показаний не было в деле.

Вы знаете, что в деле имеется ряд вещественных доказательств, полагаю, что обвинение представило их около ста, а обвиняемый — всего четыре или пять. Среди вещественных доказательств, представленных обвиняемым, имеются документы,

которые, по признанию обеих сторон, являются письмами — перепиской между обвиняемым и членами его семьи. Возможно, это обстоятельство произвело на вас впечатление.

Я не говорю, должно ли оно было произвести на вас впечатление или нет. Однако я обращаю ваше внимание на тот факт, что в деле нет никаких доказательств, говорящих о том, кто писал эти письма и кому они были адресованы. Поэтому это свидетельство в значительной мере, как мне представляется, носило сугубо умозрительный характер.

Когда после окончания процесса прошло уже достаточно времени и он уже представлял собой лишь одну из страниц в истории нашего суда, один из двенадцати присяжных по поводу этих писем сказал следующее: «Кажется, я поверил этим письмам, поскольку обвинение не старалось их опровергнуть. С другой стороны, у обвинения, возможно, было так много доказательств, что их просто не интересовали эти письма. Я имею в виду отца семейства и тому подобное. Полагаю, что письма произвели впечатление на присяжных. И если они не были подлинными, кто-то неплохо сработал».

Судья Байерс. Итак, вы должны единогласно вынести вердикт: виновен или невиновен по пункту 1 обвинения; виновен или невиновен по пункту 2; виновен или невиновен по пункту 3. Полагаю, теперь я рассмотрел все вопросы, как того требует закон.

Судья отпустил запасных присяжных, поблагодарив их от имени суда. Он объявил, что теперь присяжные могут приступить к работе, и секретарь суда выкрикнул:

— Все остаются на местах, пока присяжные отсутствуют.

Было 12 часов 15 минут пополудни.

После того как присяжные удалились, мы сообщили представителям печати о тех комментариях, которые Абель сделал в связи с процессом. Всех интересовало, выскажется ли он относительно того, что ему было обеспечено «справедливое судебное разбирательство». Мне не хотелось касаться этого вопроса, поскольку я боялся, что, затронув его, мы невольно можем повредить нашим возможным попыткам обжалования. На шпионском процессе Розенбергов защитник совершил ошибку, которая давала о себе постоянно знать во время попыток обжалования, а именно: он поблагодарил судью за его «справедливое» ведение судебного разбирательства.

В ответ на просьбу прокомментировать действия защиты Абель написал тогда следующее: «Я хочу воспользоваться этой возможностью для того, чтобы выразить признательность моим адвокатам, назначенным судом, за то, как они провели защиту. Я

хочу поблагодарить их за ту колоссальную работу, которую они проделали для меня, и за проявленные ими при этом профессионализм и способности. Р. И. Абель». Он разрешил репортерам переписать это заявление здесь же в зале суда.

После этого мы сидели и ждали присяжных, на которых теперь легла ответственность за решение данного дела. Позже мы узнали, что старшина присяжных сразу же провел голосование, и, чтобы все себя чувствовали свободно, он провел голосование тайно, использовав для этого бумажные бюллетени. На одиннадцати листках стояло «виновен». Один присяжный проголосовал «невиновен» (по первому пункту обвинения), и вслед за этим началась дискуссия. Прошел час, наступило время ленча. Судебные распорядители проводили присяжных в ресторан «Джо» на противоположной стороне Фултон-стрит.

Часы показывали уже 1 час 15 минут, когда присяжные ушли, так и не приняв окончательного решения. Этот факт говорил о том, что они будут «отсутствовать» некоторое время и что они не единодушны в своем мнении, по крайней мере, в данный момент. И мы могли спокойно отправиться поесть.

Судейские работники отвели Абеля в комнату для арестованных, чтобы он тоже мог пообедать.

В 2 часа 30 минут, то есть через час и пятнадцать минут, присяжные вернулись и возобновили дискуссию. Первое, что они сделали, — это направили судье записку с просьбой прислать три следующих вещественных доказательства: заявление Хэйханена, сделанное сотрудникам ФБР, относительно того, что он не занимался шпионажем; письмо о Квебеке и расшифрованное послание, обнаруженное в разнимающейся пятицентовой монете. Когда об этой просьбе стало известно, это породило массу всевозможных догадок.

В течение всего процесса Абель чем-то старался себя занять. Его руки и ум все время были в работе. Если ом не делал заметок, то обязательно что-то рисовал. Он нарисовал Хэйханена, присяжных, судью Байерса, судебных служителей и обвинителя. Но теперь, когда зал суда почти совсем опустел и действия развертывались за его пределами, делать было абсолютно нечего, и время, по-видимому, тянулось для него мучительно медленно.

Вся его жизнь была полна ожидания, причем иногда такого мучительного. Он ожидал момента конспиративной встречи и момента для изъятия письма из тайника, ожидал подходящего момента для вербовки агента, ожидал писем от семьи, ожидал и страшился момента, когда его могут разоблачить. Абелю иногда казалось, будто каждый прохожий на улице смотрит на него и знает, кто он такой.

Абель говорил, что каждый человек, находящийся на нелегательном положении, постоянно должен бороться с ощущением, будто весь мир вот-вот раскроет его тайну. Однако полковник умел одолевать свои страхи в течение девяти лет.

Прошел час, затем еще один. Кто-то послал за кофе и последними выпусками вечерних газет. Один корреспондент подошел ко мне сзади и, делая вид, что читает что-то у меня за спиной, прошептал:

— Джим, тебе, пожалуй, надо быть готовым к бегству. Может быть, ты слишком хорошо сделал свое дело, и кто-то этим весьма недоволен.

Ожидать вердикта присяжных — все равно что сидеть у постели умирающего, а на сей раз это было самым тяжелым испытанием в моей практике. Когда часы над пустовавшими местами присяжных показывали 4 часа 30 минут пополудни, наша маленькая группка поневоле начала нервничать, а затем мы вдруг ощутили некоторую надежду: может быть, присяжные зашли в тупик и не могут прийти к единодушному решению? Но мысль о новом процессе, о том, что все придется пережить заново, как-то не воодушевляла нас.

Где-то хлопнула дверь, и я услышал, как кто-то выкрикнул:

— Идут!

Было 4 часа 50 минут. Таким образом, присяжные отсутствовали три с половиной часа. Зал суда быстро наполнился. Теперь все происходило с удивительной быстротой. Секретарь суда Джон Скотт встал. В этот момент он был центральной фигурой. Он обратился к присяжным:

— По делу — «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Абеля» признаете ли вы обвиняемого виновным или невиновным по первому пункту обвинения?

— Виновен.

Трижды секретарь обращался с вопросом к присяжным, и трижды старшина присяжных Даблин провозглашал, что Абель «виновен».

По моей просьбе присяжные были опрошены каждый в отдельности. И еще двенадцать раз в зале суда прозвучало «виновен». Это слово звучало как эхо: виновен, виновен…

Абель сидел все время абсолютно спокойно. Лицо его было неподвижно, а взгляд тверд. Я выступил с предложением отклонить вердикт как «противоречащий доказательствам», но судья Байерс отвел это предложение. Он распорядился, чтобы Абеля снова взяли под стражу, и определил 15 ноября как день объявления приговора. Затем судья в последний раз обратился к присяжным:

— Присяжные освобождаются от выполнения своих обязанностей. Суд благодарит вас за то, что вы с большой тщательностью и вниманием рассмотрели это дело. Быть может, то, что я скажу, и не вызовет у вас большого интереса, но все-таки я хочу, чтобы вы знали, что, если бы я был одним из присяжных, я вынес бы точно такой же вердикт. До свидания, и желаю вам успеха.

Выйдя из зала суда, Томпкинс заявил представителям печати, что «процесс был проведен в соответствии с лучшими традициями американского правосудия». Он сказал, что такого вердикта и следовало ожидать, учитывая неоспоримость приведенных доказательств, а также то, что этим делом Соединенные Штаты Америки нанесли «тяжелый удар советскому шпионажу в нашей стране».

В этот день в Вашингтоне было сделано заключительное заявление, где представители армии объявили, что мастер-сержант Рой Роудс заключен в уголовную тюрьму в Форт-Бельвуар, штат Вирджиния. Через пять дней Роудсу были предъявлены обвинения в шпионаже, а также в том, что он «не сообщил о своих прежних связях с советскими агентами» в заявлении, сделанном им под присягой военным следователям.

Четверг, 14 ноября

В Москве в «Литературной газете» появилась статья, в которой дело Абеля характеризовалось как низкопробный уголовный роман, как ложь, состряпанная Эдгаром Гувером.

В то время как московская интеллигенция читала о тамошней версии бруклинского дела, я занимался составлением письма судье Байерсу, излагая свои взгляды по вопросу о том, почему я считаю необходимым сохранить жизнь Абелю.

У меня сложилось твердое убеждение, что смерть Абеля не принесла бы никакой пользы и фактически даже противоречила бы интересам моей страны. Закончив письмо, посвященное приговору Абеля, я отправил его с посыльным судье Байерсу. Я хотел, чтобы он получил его для изучения за целые сутки до официального вынесения приговора. Только после этого я мог считать, что сделал все возможное для спасения жизни полковника.

Пятница, 15 ноября

В 10 часов 30 минут утра зал суда уже был полон, и мы все были готовы к процедуре вынесения приговора. Не хватало только одного лица — заключенного. Абель еще не прибыл из

манхэттенской тюрьмы. Судебные распорядители и облаченные в форму судейские работники казались озабоченными. В большом помещении суда воцарилась абсолютная тишина. Мы все ждали — прошло десять, пятнадцать, наконец двадцать минут. И вот около одиннадцати часов утра в зал вошел судья Байерс, и судебный пристав объявил, что заседание суда началось.

Через другую дверь в передней части зала ввели Абеля. Усаживаясь на свое место рядом с нами, он прошептал с застенчивой улыбкой, что тюремный фургон сломался по дороге и в этом причина задержки. Я начал первым, зачитав суду письмо, направленное мною судье Байерсу, в котором прежде всего указывалось, что мое ходатайство сделано исходя из предпосылки правильности вердикта, вынесенного присяжными, с точки зрения нашего закона.

«Я утверждаю, что интересы правосудия и национальные интересы Соединенных Штатов Америки требуют, чтобы смертная казнь не была применена по следующим причинам:

1) обвинение не представило доказательств, свидетельствующих о том, что обвиняемый действительно занимался сбором и передачей информации, касающейся национальной обороны;

2) обычно смертная казнь обосновывается тем соображением, что она может послужить сдерживающим фактором. Однако абсурдно было бы полагать, что казнь этого человека окажет сдерживающее влияние на руководящие круги России;

3) оценивая последствия применения смертной казни к иностранцу, обвиняемому в условиях мира в заговоре, имеющем целью проведение шпионажа, правительство должно учитывать деятельность наших собственных граждан за границей;

4) пока что правительству не удалось добиться со стороны подсудимого того, что оно могло бы счесть «сотрудничеством». Однако, безусловно, нельзя исключить такую возможность, что это положение в будущем в результате появления различных новых обстоятельств может измениться. Поэтому соответственно наши национальные интересы, по-видимому, требуют, чтобы этот человек был в нашем распоряжении в пределах разумного периода времени;

5) нельзя исключить вероятность того, что в обозримом будущем работниками соответствующих служб Советской России или ее союзников может быть арестован американский разведчик соответствующего ранга. В таком случае обмен задержанными через дипломатические каналы, возможно, будет наилучшим образом отвечать интересам США.

Большинство газет поместило информацию об этом

последнем пункте, но некоторые прошли мимо него. Несомненно, газетчики полагали, что подобное никогда не может произойти. И считали, что адвокат просто перечисляет все возможные случаи.

Что касается срока тюремного заключения, то, поскольку проблема эта новая для американского правосудия, при его определении предлагается учитывать следующие факты:

1. В двадцатых годах, когда Франция была сильнейшей державой на Европейском континенте и поэтому представляла собой основной объект советского шпионажа, французские суды приговаривали советских агентов, осужденных за получение информации по вопросам обороны, в среднем к трем годам тюремного заключения.

2. Единственным английским законом, применимым в аналогичном случае шпионажа, осуществляемого иностранцем в мирное время, является Акт о государственной тайне, принятый в 1889 году и предусматривающий в качестве максимального наказания пожизненное тюремное заключение. После того как этот акт был отменен и затем вновь введен в действие в 1911 году, максимальное наказание, которое он предусматривал, равнялось семи годам тюрьмы. Этот срок в 1920 году был увеличен до четырнадцати лет.

Прежде чем писать письмо, я добивался разрешения и получил возможность обсудить этот вопрос в Вашингтоне с представителями различных заинтересованных правительственных органов и ведомств, включая и министерство юстиции. Это не означает, что какое-либо из них обязательно согласно с тем, что было изложено выше.

Выступая в открытом судебном заседании, где я зачитывал свое письмо, я добавил несколько импровизированных заключительных замечаний:

— Обвиняемому Абелю 55 лет. Прав он или не прав, но он верно служил своей стране. И я также прошу суд учесть то обстоятельство, что официально мы находимся в состоянии мира с этой страной. По моему мнению, необходимо, чтобы решение суда основывалось на логике и справедливости, дополненных милосердием.

Судья Байерс. Желает ли обвиняемый что-либо сказать от своего имени?

Абель. Нет, ваша честь, мне нечего сказать.

Судья Байерс. Г-н Томпкинс, имеет ли обвинение что-либо сказать?

Томпкинс. С вашего разрешения я хотел бы сказать несколько слов. Вынесение приговора, безусловно, входит только в компетенцию вашей чести. Однако мне кажется, что некоторые

замечания и суждения обвинения могут оказаться полезными суду при вынесении решения. Прежде всего несколько слов о самом обвиняемом. Он не новичок в деле шпионажа. В силу полученной подготовки и своей профессии он больше тридцати лет являлся сотрудником, занимавшимся шпионской деятельностью. Известно, что во время пребывания в США он прямо и косвенно поддерживал связь с Москвой, получал инструкции, вербовал агентов и создавал шпионскую сеть. Масштабы деятельности Абеля хорошо известны суду из тех свидетельских показаний и улик, которые были представлены на процессе. Конечно, существует много подходов при вынесении приговора по этому делу: можно исходить из сдерживающего влияния, оказываемого приговором да других лиц; из соображений реабилитации или возмездия. Такие соображения, как реабилитация или возмездие, по-видимому, едва ли могут быть применимы к данному делу. Мне кажется, что было бы слишком наивным думать, будто суровый приговор может оказать сдерживающее влияние на Советы и заставить их отказаться от продолжения шпионской деятельности, направленной против нашей страны и свободного мира. Но такой приговор, безусловно, псслужит предостережением определенным лицам в Советском Союзе и в Кремле, а также исполнителям их заданий о том, что шпионаж в Соединенных Штатах Америки — дело опасное.

Далее обвинитель подчеркнул, что мои ссылки на французские законы о шпионаже двадцатых годов и английские законы 1911 и 1920 годов несостоятельны, поскольку сегодня шпионаж является гораздо более серьезным преступлением, чем когда-либо раньше.

Томпкинс. Шпионаж в 1957 году, по моему мнению, дело совсем иное. Это преступление связано с угрозой для цивилизации, угрозой для нашей страны и для всего свободного мира. Другими словами, это преступление против всего американского народа, а не против отдельных лиц, поэтому и наказание должно быть соразмерным тяжести преступления.

Необходимо также учитывать наличие угрозы для нашей страны в настоящее время со стороны государства, руководители которого заявляют нам, что они нас похоронят. Хотя, как отмечает г-н Донован, официально мы не находимся в состоянии войны с Советами, но идет «холодная война» с этой страной, и от ее исхода вполне может зависеть, кто будет победителем и в другой войне. В этих условиях наше руководство должно применять решительные меры к агентам иностранных держав, обманным путем проникающим в нашу страну с целью получения наших жизненно важных государственных секретов.

В силу всех этих обстоятельств и соображений обвинение, безусловно, без колебаний рекомендует вынести — и, по моему мнению, даже обязано требовать — серьезный и очень суровый приговор.

Судья Байерс. Вопрос о приговоре по этому делу не порождает каких-либо особых трудностей, если говорить об обвиняемом как о личности. Суду почти ничего не известно о его личной жизни и подлинных качествах, а также о мотивах, заставивших его нелегально проникнуть в нашу страну в 1948 году и с тех пор действовать здесь в качестве нелегального советского агента, преследуя цели, которые были охарактеризованы в показаниях его помощника и сообщника.

Не располагая такими сведениями о человеке, известном нам под фамилией Абель, мы должны, как того требуют имеющиеся доказательства, отнестись к нему как к человеку, который, избирая свою карьеру, знал о связанных с ней опасностях и знал ту цену, которую ему придется заплатить в том случае, если он будет разоблачен и осужден за нарушение законов Соединенных Штатов Америки, принятых конгрессом для защиты американского народа и нашего образа жизни.

Итак, как вы можете убедиться, возникает лишь вопрос, как поступить с обвиняемым, чтобы приговор в максимальной степени соответствовал интересам Соединенных Штатов Америки в настоящее время и в пределах обозримого будущего. В меру наших скромных способностей необходимо предвидеть, в чем будут заключаться эти интересы.

Изучение этого вопроса связано с учетом многих соображений. Было бы неразумно рассказывать здесь о них всех. Достаточно сказать, что суд, хорошо взвесив приговор, основанный на вердикте присяжных «виновен» по всем пунктам обвинительного акта, отвечает тем критериям, которые были мной только что указаны.

В соответствии с вердиктом «виновен» по первому пункту обвиняемый передается в распоряжение генерального прокурора Соединенных Штатов Америки для заключения в федеральную тюрьму по его усмотрению на срок до тридцати лет.

В соответствии с этим же вердиктом по пункту 2 обвиняемый…

Прочитав целую юридическую литургию, судья объявил, что Абель осуждается на тридцать, десять и пять лет тюремного заключения по каждому пункту соответственно и должен уплатить штраф в сумме две тысячи и одна тысяча долларов. Назначенные сроки тюремного заключения отбывались

одновременно, а штрафы складывались. Это означало, что всего он должен был уплатить штраф в три тысячи долларов, а срок тюремного заключения составлял тридцать лет и в случае хорошего поведения мог быть сокращен.

Вынесение приговора заняло всего шестнадцать минут. Приговор был объявлен, и Абеля вывели из зала суда. Я смотрел ему вслед и думал: нам удалось спасти ему жизнь, но для человека в пятьдесят пять лет тридцать лет тюремного заключения означали пожизненное заключение.

Когда я пришел к Абелю в камеру для заключенных в подвале здания суда, то неожиданно почувствовал себя очень уставшим. Он ожидал меня. Непринужденно сидя в большом деревянном кресле и закинув ногу на ногу, он попыхивал сигаретой. Костюм его уже несколько помялся и крайне нуждался в утюжке. Но, глядя на него, можно было подумать, что у этого человека нет абсолютно никаких забот.

— Это было неплохо, — сказал он наконец. — То, что вы сказали там в суде, — это было очень здорово. Но у меня есть лишь один вопрос. Если ваша апелляционная жалоба будет удовлетворена и приговор отменят, что тогда произойдет со мной?

Моя рубашка промокла от пота и прилипла к телу. Все мои духовные силы были исчерпаны, а он с поразительной самоуверенностью говорит мне «неплохо». В тот момент подобное холодное самообладание профессионала показалось мне невыносимым.

— Рудольф, — сказал я, посмотрев ему прямо в лицо, — если мои усилия окажутся успешными, возможно, мне придется самому застрелить вас. Не забывайте, я все еще имею звание командера[9] военно-морской разведки.

Он затянулся сигаретой, выпустил дым и сказал спокойно: — Знаете, я думаю, что вы так бы и сделали. Напряженность исчезла. Абель предложил мне сигарету, и мы занялись делом. Я сообщил ему, что мы располагаем десятью днями, чтобы решить, будем ли мы обжаловать приговор. Мы договорились, что я приду к нему через два дня и тогда мы решим этот вопрос.

Прощаясь, он протянул мне руку, и я пожал ее. Для человека, готовящегося отбывать тридцатилетний срок заключения в тюрьме другой страны, полковник Абель обладал поразительным спокойствием.

В тот день старшина присяжных Даблин по дороге домой купил газету, чтобы познакомиться с информацией о вынесении судьей Байерсом приговора. Впоследствии он рассказал одному

журналисту: «Я думал, что они это дело превратят в показательный процесс и Абель будет казнен. Но затем я прочел то место, где его адвокат говорил о том, что Абеля можно будет использовать для обмена на американца, и понял, что нет смысла казнить его. У меня брат служит в военно-воздушных силах, и я легко могу представить себе возможность подобного обмена, если, например, один из наших самолетов будет сбит».

Понедельник, 18 ноября

В этот день, то есть через три дня после вынесения приговора, я посетил полковника и нашел его в прекрасном настроении. Под мышкой у него был сверток с полным набором планов и чертежей федеральной тюрьмы на Уэст-стрит (его временного жилья).

— Что вы замышляете, — спросил я, — массовый побег в полночь?

Рудольф рассмеялся:

— У меня нет столь серьезных планов. У меня есть кое-какие мысли относительно того, как власти могут лучше использовать имеющуюся здесь площадь. Начальник тюрьмы их одобрил, поэтому он и дал мне эти планы, в которые я собираюсь внести дополнения, чтобы таким образом реализовать мои идеи. Потом он пошлет новые планы в Управление тюрем в Вашингтоне.

— Я на месте начальника тюрьмы Кринского опасался бы, что однажды темной ночью, когда охрана будет смотреть в одну сторону, вы через водосток новой прачечной выскользнете в другую.

— Да, но ему известно, что я не стану устраивать побег до тех пор, пока вы не добьетесь успеха со своей апелляцией, — сказал Абель, улыбаясь.

Целью моего визита, конечно, был вопрос об апелляции. Если вообще мы собирались оспаривать решение окружного суда, то, для того чтобы заявить о подаче апелляционной жалобы, в нашем распоряжении было всего девять дней. После этого необходимо было в срок, не превышающий сорок дней, подготовить текст ходатайства окружному апелляционному суду.

У меня никогда не было ни малейшего сомнения в том, что мы должны оспаривать правомочность обыска и ареста Абеля в вышестоящих судебных инстанциях. Однако, подавая апелляцию, мы шли на определенный риск. Если бы мы добились успеха и дело было бы передано на новое судебное разбирательство, Абель мог бы быть вторично признан виновным и новый судья мог бы, пожалуй, приговорить его к смерти.

— Я рискну, — сказал Абель.

Полковник вернулся к своим повседневным занятиям. Он снова стал рисовать карикатуры дня еженедельной тюремной газеты, печатающейся на мимеографе, и обратил свой аналитический ум на разрешение проблемы перенаселенности тюремного здания, стоящего у самого Гудзона.

Он закончил, по его словам, составление рабочих чертежей, предусматривавших перемещение на другое место находившейся на территории тюрьмы прачечной и создание большего складского помещения. Начальник тюрьмы сказал ему, что планы очень хороши, и эта оценка впоследствии была подтверждена Управлением тюрем США. Но в то время средств для претворения в жизнь этих усовершенствований не было, и планы советского полковника по перестройке тюрьмы были подшиты в дело.

Что касается усилий Рудольфа по улучшению здания федеральной тюрьмы на Уэст-стрит, один руководящий работник Управления тюрем как-то писал мне: «Он проявлял подлинную заинтересованность и считал этот проект делом, над которым стоит поломать голову… К выполнению всех своих обязанностей он относился с интересом и упорно стремился делать все, за что он брался, хорошо». Это, конечно, было сильной стороной Абеля.

1958 год

Четверг, 16 января

После того как напряжение и усталость, вызванные процессом, остались позади, мы с полковником почувствовали себя более спокойно и в течение первых недель нового года встречались часто. Встречи наши были приятными. И в это время мы полностью могли уделить свое время тому, что нас интересовало обоих, — вопросам искусства, разведки и шпионажа, книгам и людям. Хотя мы много разговаривали и о нашем деле, но Рудольф все меньше напоминал клиента или человека, осужденного судом.

Ему не хватало общества интеллектуально развитых людей, недоставало человеческого общения. Я нашел в нем увлекательного собеседника, особенно благодаря интеллектуальной честности, с которой он подходил к любому вопросу.

— Американская общественность, — сказал я ему, — испытывает удовлетворение в связи с исходом вашего процесса. Она удовлетворена тщательным и справедливым разбирательством вашего дела и вместе с тем успокоена суровым приговором, вынесенным вам.

— Мне очень приятно узнать, — саркастически заметил Абель, — что я дал американскому народу возможность испытать подобное чувство удовлетворения.

В этот период многие наши встречи проходили по субботам или праздничным дням. В такие дни начальник тюрьмы предоставлял нам возможность уединиться в его кабинете, и мы проводили два или три часа вместе — просто разговаривая. Я часто брал с собой на эти встречи моего Джона (ему тогда было тринадцать лет), и полковник был особенно добр и обходителен с ним.

Рудольф иногда говорил о себе как об отце, но редко рассказывал о своей двадцатисемилетней дочери. Тем не менее было ясно, что их связывают тесные узы. Но о жене он никогда не упоминал.

Когда в разговоре речь заходила об образовании, производственном обучении и профессиональном мастерстве, Абель высказывался очень резко и с позиций «европейца». Пожалуй, по этой причине он положительно отзывался о немцах, поскольку они, безусловно, сторонники дисциплины, а дисциплина — это краеугольный камень его философии.

Среда, 12 февраля

Во время нескольких последних встреч полковник говорил, что теперь, после того как он осужден, ему очень хотелось бы иметь возможность писать своей семье и получать от нее письма. Ему была запрещена всякая переписка с заграницей, и он назвал это правило «варварским». В этих условиях он считал, что будет лучше всего, если я попытаюсь связаться с его родными через советское посольство в Вашингтоне.

Я решил, что этот вопрос, а также другие, возникновение которых я предвидел, вполне могут поставить меня в неловкое или неприятное положение, и поэтому я должен был сделать некоторые практические предложения соответствующим правительственным учреждениям. Я сказал Абелю, что собираюсь отправиться в Вашингтон, чтобы обсудить интересующие меня вопросы с друзьями и юристами из Центрального разведывательного управления: Алленом Даллесом, директором управления, и его генеральным юрисконсультом Ларри Хаустоном.

Полковник искренне сказал:

— Я хотел бы, чтобы вы передали мои лучшие пожелания директору Даллесу. Я высокого мнения о его способностях.

Он также попросил, чтобы я прозондировал с директором ЦРУ вопрос о возможном обмене.

Суббота, 15 февраля

В этот день мы подали свою апелляцию, с тем чтобы ее рассмотрел апелляционный суд Второго округа. Многие вопросы были рассмотрены раньше, в ходе подготовки процесса, но мне казалось, что теперь наши аргументы были изложены гораздо сильнее и убедительнее. Апелляция основывалась на четырех моментах, причем упор в основном делался на вопросе об обыске и аресте.

Я откровенно сказал Абелю, что, по моему мнению, наибольший шанс добиться отмены решения суда по конституционным мотивам появится в том случае, если мы сумеем добиться, чтобы окончательное рассмотрение дела проходило в Верховном суде США.

Пятница, 21 февраля

В этот день в Форт-Мейерс, штат Вирджиния, судом военного трибунала в составе десяти офицеров сержант Рой Роудс был осужден за заговор с целью шпионажа. Он был разжалован и приговорен к пяти годам каторжных работ. Роудс был первым американским военнослужащим, осужденным судом военного

трибунала за шпионаж против своей страны, и мог быть приговорен к пожизненному заключению.

Основным свидетелем обвинения был Рейно Хэйханен.

Реакция Абеля на этот приговор сводилась к мнению, что он во всех отношениях крайне мягок. Полковник полагал, что если гражданский суд присудил его к тридцати годам, то, безусловно, американский военный трибунал должен был поступить так же сурово и со своим гражданином, предавшим родину и опозорившим свой мундир.

Суббота, 22 февраля

Снова был праздник. Советский полковник и его американский адвокат отметили день рождения генерала и президента Джорджа Вашингтона в кабинете начальника манхэттенской федеральной тюрьмы. Пили кофе, выкурили по сигарете. Затем в течение трех часов продолжалась дискуссия, в ходе которой были затронуты многие вопросы. (***Позже в тот день я набросал на листке настольного календаря темы, затронутые в ходе дискуссии.)***

Мы начали с рассмотрения записки, представленной мною в апелляционный суд, которая, по-видимому, удовлетворила Рудольфа и даже его друзей — «тюремных юристов», моих самых суровых критиков. Он сказал мне, что все убеждены в том, что мы выиграем.

Он пожаловался, что его зубы начинают шататься, и выразил опасение, что в один прекрасный день может оставить их в куске печенки из тюремной кухни. Он сказал, что тюремные юмористы не упустят такого случая, чтобы позубоскалить, а ему хотелось бы избежать славы подобного рода «тюремной знаменитости».

Вопреки моему совету перевестись в исправительную тюрьму и начать отбывать свой срок ***(и завоевывать себе хорошую репутацию),*** полковник сказал, что решил остаться здесь, в Нью-Йорке, на положении «арестованного», поскольку здесь мы можем легко встречаться и беседовать наедине. Он пояснил, что хотел бы оставаться поблизости от меня до тех пор, пока мне не удастся в ближайшие недели поговорить с Алленом Даллесом в Вашингтоне относительно его переписки с семьей и возможного обмена.

Я снова напомнил ему, что веду дневник по этому делу, которое, как я полагаю, еще далеко от своего завершения. В ходе разговора я заметил, что думаю в интересах американского правосудия когда-нибудь написать книгу об этом деле и о нем. Его реакция на это выразилась в следующих словах:

— Почему бы и нет? Кто-нибудь, безусловно, напишет такую

книгу, и я бы предпочел, чтобы это сделали вы.

Он только просил, чтобы я писал о его деле объективно и помнил, что он «просто солдат».

Коснувшись этого вопроса, мы разговорились о разведке, и Абель выразил сожаление в связи с тем, что авторы художественных произведений преувеличивают и искажают подлинную роль разведчика в двадцатом веке, который зачастую является всего лишь собирателем фактов.

Я был с ним в принципе согласен. Услугами разведчиков будут пользоваться всегда, и некоторые из них иногда добиваются блестящих результатов, сказал я ему. Однако основную массу разведывательных материалов по-прежнему будут давать кропотливое исследование и анализ открытой информации. Вопреки широко распространенному представлению подавляющая масса наиболее важной разведывательной информации добывается не посредством тайной шпионской деятельности, а открытым путем.

Я рассказал Абелю, что, основываясь на опыте своей работы во время войны в Управлении стратегических служб, а также на опыте, полученном в результате участия в разработке плана создания постоянной американской разведывательной службы для послевоенного периода, я написал небольшое исследование по этому вопросу. Я часто пользовался им во время выступлений перед іражданской аудиторией.

Абель сказал, что ему очень хотелось бы познакомиться с моей лекцией, и я принес ему экземпляр. В характерной для него манере неделю спустя он передал мне свой письменный анализ моей лекции, в котором он делал следующие резкие замечания:

«Я полагаю, что вы проделали хорошую работу, учитывая ее ограниченный объем. Могу заметить, что на некоторых аспектах делается больший упор, чем они того заслуживают (например, мнение, что Советы заняли ведущее место в ракетостроении благодаря разведке, проводимой с помощью открытых средств…).

По сравнению с другими вопросами менее разработан, по моему мнению, вопрос об оценке информации. Как юристу, вам известно, насколько тяжело составить подлинное представление о событиях на основе свидетельств очевидцев. Насколько труднее должна быть задача оценки политических событий, когда источниками информации являются люди, политические взгляды которых накладывают определенный отпечаток на то, что они говорят. Одна из опасностей в деле оценки информации заключается в том, что сами люди, занимающиеся этой оценкой, могут истолковать ее в соответствии с собственными взглядами и убеждениями. Требование объективности оценки, то есть

сведение оценки к вопросу о фактической правильности информации, имеет первостепенное значение.

Определение политического курса не является задачей разведки, хотя некоторые разведки, особенно немецкая, во время первой и второй мировых войн пытались оказывать влияние на разработку политики с помощью тенденциозной информации. Это одна из самых величайших ошибок, которую только может совершить разведывательная служба».

Пятница, 28 февраля

Для меня, как назначенного судом адвоката полковника Абеля, значительное время, затраченное на ведение дела, более чем компенсировалось его захватывающим характером. Отчасти это было связано с характером возникавших юридических проблем и трудностью их решения, но самым интересным явлением был сам Абель.

Четверг, 6 марта

Сегодня я поехал в Вашингтон, чтобы встретиться, как это было условлено, с Алленом Даллесом, директором Центрального разведывательного управления. Я нанес визит вежливости сначала в министерство юстиции, позавтракал с помощником генерального прокурора Томпкинсом, а с 2 часов 30 минут дня я более часа беседовал в помещении ЦРУ с Алленом Даллесом и его юрисконсультом Ларри Хаустоном. Я знал обоих еше по работе в Управлении стратегических служб и всегда восхищался тем грандиозным вкладом, который сделал в интересах нашей страны Даллес за сорок лет своей работы.

Я начал с того, что разъяснил, что на данном этапе испытываю противоречивые чувства в связи с выполняемым мною поручением суда. Ни при каких обстоятельствах я не сделаю чего-либо, что будет противоречить интересам моего клиента, но вместе с тем я американский юрист и имею звание командера военно-морской разведки.

— Хотя я восхищаюсь Рудольфом как личностью, — сказал я, — однако не забываю, что он представляет КГБ. Тюремная решетка не заставит его сменить свою приверженность.

— Я бы хотел, — сказал Даллес, попыхивая своей неизменной трубкой, — чтобы мы сегодня имели таких трех-четырех человек, как он, в Москве. Добавлю, что, когда вас назначили защитником, один приятель из министерства юстиции с некоторой нервозностью спросил, что вы за человек. Я ответил, что, по моему мнению, им придется туго и они могут считать, что им повезет, если сумеют осудить Абеля.

Я сказал директору, что советский полковник просил меня предпринять некоторые шаги, которые, по моему мнению, требуют одобрения правительства США, и что я пришел к нему с ведома Абеля. Я сказал, что Рудольф очень хочет получить возможность переписываться с семьей и желает направлять письма через советское посольство. Я сказал, что собираюсь написать в посольство от его имени и у меня есть намерение приложить к письму копию записки по делу, представленной в апелляционный суд, а также копию всех материалов по делу.

Директор сказал, что он не видит причин, почему Абелю не следовало бы разрешить переписку с семьей. Ему понравилась мысль о том, чтобы направить русским копии апелляционной записки и материалов дела. Однако, когда я коснулся вопроса об обмене, он быстро сказал, что ему ничего не известно о том, чтобы в Вашингтоне обсуждали такое предложение. И далее, что он не располагает сведениями, что в руках русских находятся американские агенты, на которых можно было бы обменять Абеля.

Затем я упомянул о предложении полковника произвести обмен Абеля на американцев, находящихся в заключении в Китае, при посредничестве третьей, нейтральной страны вроде Индии.

— Нейтральная страна, — сказал я, — могла бы предоставить политическое убежище всем заключенным. Это не потребовало бы, — заметил я, — официального признания Советами Абеля.

Даллес заметил, что его заинтересовало это предложение, но он хочет по этому вопросу проконсультироваться с госдепартаментом (госдепартамент возглавлялся его братом, ныне покойным Джоном Фостером Даллесом).

Когда я собрался уходить, директор в тактичной форме предупредил меня, чтобы я соблюдал осторожность в своих контактах с советскими работниками и предложил, если я сочту это желательным, направлять копии всей переписки в министерство юстиции и ЦРУ через посредство Ларри Хаус-тона. Я ответил, что именно так и хотел сделать.

Несколько ранее за завтраком Томпкинс сказал мне, что разделяет мое чувство уважения к Абелю как к человеку и что он будет настаивать, чтобы полковника направили в такую тюрьму, где его природные таланты могли бы быть использованы наилучшим образом. Он сказал, что не считает целесообразным на данной стадии дела пытаться получить информацию от заключенного, поставив его в тяжелые условия. Я целиком был с ним согласен как адвокат Абеля и как американец. Если когда-либо Абель и решил бы заговорить, то этого следовало бы добиться не с помощью таких методов.

Через несколько недель после встречи с Алленом Даллесом мне сообщили, что государственный секретарь настроен против всяких переговоров, касающихся обмена Абеля, если он не будет признан русским. Если они хотят сделать такое предложение, то могут обратиться к ним через соответствующие каналы в государственный департамент.

Четверг, 20 марта

«Обвиняемый по делу «Соединенные Штаты Америки против Абеля», — писал я советскому послу Михаилу Меньшикову, — просил меня выяснить, имеется ли возможность организовать его переписку с ближайшими членами его семьи, проживающими в СССР. Ходатайство о разрешении такой переписки будет направлено тюремным властям США, если со стороны Советского правительства не будет возражений».

Я писал также, что мой клиент желает (***в деле у меня была завизированная полковником копия документа),*** чтобы я передал им копию материалов защиты и всех материалов процесса, которые могут представлять интерес.

В течение последующих трех месяцев шла активная переписка между советским посольством в Вашингтоне и моей конторой, а американское правительство наблюдало, как мы играли в кошки-мышки в связи с вопросом предоставления Рудольфу права переписки. Если бы это было частным делом, его можно было бы решить за несколько минут. Но это были переговоры двух противостоящих друг другу мировых держав, отношения между которыми были крайне прохладными. Поэтому лишь в июле 1958 года Рудольф сумел написать своей жене, а в сентябре его письмо получило «санкцию», и только в декабре Елена Абель получила от мужа письмо — первое за полтора года, прошедшие с момента его ареста.

Русские ответили на мое первое письмо через неделю. Это была записка от их консульского отдела, в которой говорилось, что «в соответствии с их картотекой» Абель не значится как советский гражданин. Они вернули материалы процесса и записку как «не представляющие интереса». ***(Я нарочно послал материалы безукоризненно чистыми и аккуратно переплетенными. Когда они были возвращены, они были так захватаны и потрепаны, что было ясно, что их не только изучали, но и снимали с них копии.)*** Тем не менее в письме предлагалось организовать встречу Абеля с кем-нибудь из работников консульского отдела, с тем чтобы «выяснить этот вопрос».

По предложению министерства юстиции я сообщил С. Ве-

шунову, начальнику консульского отдела, с которым переписывался, что по вопросу о встрече с Абелем ему следует вступить в контакт с государственным департаментом через соответствующие каналы. Я пояснил также, что, до тех пор пока будет оставаться возможность встречи Абеля с советским консульским работником, он останется в тюрьме на Уэст-стрит, пребывание в которой не засчитывается в срок наказания, и где он, конечно, не сможет получить ни строчки от своей семьи.

В заключение я писал: «Я сообщаю об этих фактах с тем, чтобы необходимость скорейшего разрешения этого вопроса стала очевидной».

Среда, 16 апреля

Утром я изложил суть нашей апелляции перед апелляционным судом Второго округа. Со мной был Том Дебевойс. Мало что можно было добавить к тому, что уже было сказано в наших опубликованных документах, однако судьи были очень внимательны и задали ряд вопросов. По-видимому, все сознавали, что, зайдя так далеко, мы в случае необходимости обратимся со своим делом в Верховный суд США.

Четверг, 24 апреля

В письме, которое я получил в этот день, С. Вешунов опустил свой официальный титул и свою государственную должность. Письмо содержало явное предложение заняться этим вопросом конфиденциально.

Письмо было написано на простой бумаге и пришло в таком же простом конверте без обратного адреса и без каких-либо пометок на внешней стороне. В отличие от предыдущего письма, на нем стоял штемпель почтового отделения в Нью-Йорке. Вешунов подписал письмо, но оно не содержало никаких других признаков, указывающих на его личность. В письме говорилось:

«Мы снова хотим обратить ваше внимание на тот факт… мы не располагаем какими-либо данными, подтверждающими то, что Абель является советским гражданином. В связи с этим мы не имеем законных оснований для того, чтобы поставить перед государственным департаментом вопрос о встрече вашего подзащитного с нашим консульским работником. Наш представитель готов встретиться с вашим подзащитным Абелем, если такая встреча может быть организована вами в качестве защитника Абеля. В этом случае мы были бы благодарны вам за сообщение о времени и месте встречи…»

Я был озадачен. Не подумали ли они, что, поскольку я обеспечил Абелю честную защиту, я попытаюсь потихоньку

провести их человека в тюрьму на Уэст-стрит под видом моего «помощника»? Или это обычная процедура, применяемая во всех случаях и стоящая того, чтобы пойти на небольшой риск?

Я незамедлительно направил письмо в министерство юстиции. По телефону меня проинструктировали, чтобы я дал им возможность «немного попотеть». Русским я направил такое же письмо, как первое, в котором сообщил, что они должны связаться с государственным департаментом, а иначе нельзя будет ничего сделать, и добавил, что «независимо от гражданства Абеля фактом остается то, что он сделал заявление, в котором указывает, что его ближайшие родственники проживают в СССР и, если приговор, предусматривающий длительное тюремное заключение, будет утвержден, он хотел бы переписываться с ними. В связи с этим я прошу, чтобы этот вопрос рассматривался совершенно вне зависимости от его гражданства».

Когда я обо всем этом рассказал Абелю, он с усмешкой сказал:

— Вы не можете осуждать их за это, не правда ли?

Суббота, 24 мая

После нашей встречи в этот день у нас в течение некоторого времени встреч не было. Полковник в конце концов известил Управление тюрем о том, что он хочет начать отбывать свой срок. Ему сообщили, что в начале следующей недели он будет переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

Было субботнее утро. Незаметно час проходил за часом. Мы говорили об Атланте и Юге, об искусстве — его любимых нью-йоркских художественных галереях, о бруклинских, которые он искренне любил, и о том, чем он будет заниматься те нескончаемые дни, которые ему предстояло провести в Атланте. В свойственной ему прозаической манере он сказал, что увлечение высшей математикой и его способности в этой области помогут ему сохранить душевное равновесие. Я вызвался достать необходимые ему учебники, поскольку небольшая тюремная библиотека, конечно, не располагает необходимой литературой.

— Поскольку впредь нам будет достаточно сложно встречаться лично, — сказал он, — я хочу, чтобы вы помогли мне составить завещание.

Руководствуясь его указаниями, я составил завещание, предусматривавшее, чтобы, в случае если он умрет в тюрьме, тело его предали кремации, а урну с прахом и все его имущество отправили семье. Я тут же на месте отдал завещание на перепечатку, а два дружески настроенных надзирателя выполнили роль свидетелей, и я передал ему экземпляр

завещания.

Ничто в жизни разведчика, подумал я, не может показаться особенно привлекательным обыкновенному человеку. Если он работает успешно, о его деятельности никто не знает. Если он проваливается, он обретает дурную славу. Когда он оказывается в тюрьме, вся его дозволенная переписка подвергается цензуре, чужой человек составляет его завещание, и он должен быть готов умереть во враждебной стране.

У Абеля были и другие просьбы. Он просил, чтобы я продолжал заниматься вопросом о его переписке с семьей, а также попросил меня, если у меня будет время, писать ему по любым вопросам.

Четверг, 5 июня

«Я нахожусь в Атланте, штат Джорджия», — писал Рудольф. Полковник прибыл на место и сообщил свой обратный адрес: «Почтовый ящик ПМБ, Атланта, 15, Джорджия». Это было его первое письмо, и в нем сообщалось, что он благополучно устроился в тюрьме. К письму было приложено официальное заявление, в котором он поручал мне зарегистрироваться у начальника тюрьмы в качестве его адвоката, с тем чтобы я мог писать ему как «официально разрешенный корреспондент».

«Я чувствую себя хорошо и нахожусь в достаточно приличном состоянии. Имею больше физической нагрузки, чем раньше, — писал он. — Ничего не слышал от вас о результатах нашей апелляции, но, надеюсь, это не означает ничего плохого — просто задержка. Надеюсь, вы в добром здравии…»

Это письмо, как и все остальные пятьдесят восемь писем (не считая четырех рождественских открыток, написанных им лично), было написано на бумаге в линейку, как будто из школьной тетради. Он писал карандашом или чернилами и подписывался в зависимости от настроения «Рудольф», «Рудольф И. Абель» или «Р. И. Абель». Под его подписью каждый раз, независимо от его настроения, стоял его тюремный номер атлантской тюрьмы — № 80016. Присматривающий за ним тюремный воспитатель У. Е. Буш или какой-либо другой цензор читал каждое письмо и ставил штамп в верхнем правом углу. Несколько писем полковника читались ***(и затем уже отправлялись)*** даже в Вашингтоне. Очевидно, их направляли туда для получения «санкции».

В этом первом письме Абель сообщал о себе очень мало и ни на что не жаловался. Он упомянул, что его поместили в карантин, но больше ничего не объяснил.

Поэтому я был доволен, получив от полковника второе письмо, в котором он сообщал, что его перевели из карантина к

обычным заключенным и что он уже работает.

«Я получил работу в мастерской прикладного искусства, что, конечно, весьма меня устраивает. Моя работа связана с шелкоірафией. Поскольку я никогда не занимался этим делом и здесь, по-видимому, ничто в нем не разбирается, я иногда занимаюсь интересными экспериментами. У меня есть несколько книг по этому вопросу, и я смогу получить еще. Это весьма сложный вопрос, и у меня будет много работы.

В ноябре мы будем очень загружены, поскольку нам предстоит изготовить шесть тысяч рождественских открыток для заключенных и большинство из них будет изготовлено методом шелкографии. У меня в голове несколько замыслов, и я пришлю по образцу вам и Тому Дебевойсу».

Письма Абеля строились по определенной схеме. Он хотел знать содержание всех газетных и журнальных статей о своем деле. Часто он интересовался состоянием своих скудных финансов и постоянно спрашивал меня о своем имуществе — и так до тех пор, пока нам не удалось переправить это имущество его «жене» по известному адресу в Восточной Германии. О тюремной жизни он писал мало — в основном о своей художественной работе, но подробно, с чувством обиженного человека он останавливался на вопросе о переписке с семьей. Эта проблема мучила нас почти все время, пока он находился в тюрьме. Однако главным образом его мысли были заняты делом и апелляцией. По крайней мере в половине писем высказывались его взгляды, надежды и мысли по этому поводу. И наконец, все его письма были письмами воспитанного джентльмена. Он не жаловался на свою судьбу и не критиковал своих тюремщиков. Он всегда передавал теплые приветы моей семье и моим сотрудникам, выполнявшим иногда его поручения (покупка книги, возобновление подписки на «Нью-Йорк тайме» или «Сайентифик Американ», пересылка его имущества, получение для него нового зубного протеза и так далее), а также моему молодому коллеге адвокату Тому Дебевойсу. Я написал ему, что Том является кандидатом от республиканской партии на пост окружного прокурора в округе Виндзор, штат Вермонт. На это он ответил:

«Прошу передать Тому мои наилучшие пожелания. Я несколько не уверен, нужно ли пожелать ему успеха на выборах или нет. Вероятно, я отношусь предвзято ***(к прокурорам)*** и поэтому воздержусь…»

Из его писем я мог судить, что полковник должным образом устроился в атлантской тюрьме, так же, как ранее в тюрьме на Уэст-стрит.

Четверг, 12 июня

В этот день глава консульского отдела советского посольства С. Вешунов капитулировал. В третий раз он разъяснил, что Абель не числится среди советских граждан, но, учитывая желание Абеля написать своей семье, «которая предположительно проживает или проживала в СССР, мы просим направлять письма вашего подзащитного в консульский отдел посольства. Консульский отдел попытается принять меры к розыску его семьи, с тем чтобы передать его письма».

Я незамедлительно написал Рудольфу. Я сообщил ему, что, на мой взгляд, это «серьезная уступка с их стороны и что они в значительной мере пошли навстречу в деле удовлетворения его просьбы».

Затем министерство юстиции дало свое согласие на переписку, сообщив мне, что Абель должен писать своей семье ***(по-английски),*** руководствуясь обычными тюремными правилами, и передавать письма начальнику тюрьмы. Письма, после того как их «должным образом просмотрят» в министерстве юстиции, будут переправляться мне, а я уже должен буду по почте направлять их советскому консулу. Чтобы наладить все это, конечно, потребовались недели.

Первое письмо Абеля было адресовано «Эллен» — английский вариант от имени «Эля». Она же подписывала свои письма «Хэллен», причем имя это писала по-разному (то Хэл-лен, то Хэлен):

«Дорогая Эллен!

Впервые за очень долгое время получил возможность написать тебе и нашей дочке Лидии. Искренне верю, что это письмо дойдет до вас и вы сможете ответить мне.

Можно предполагать, что человек, который доставит это письмо, расскажет вам о моем положении в настоящее время. Однако лучше будет, если я сообщу вам сейчас следующее: я нахожусь в тюрьме и осужден на тридцать лет за шпионаж; в настоящее время содержусь в федеральной исправительной тюрьме в Атланте, штат Джорджия.

Я здоров и заполняю время занятиями по математике и искусству. Музыка пока исключается, но, может быть, позже я смогу снова заняться ею.

Пожалуйста, не очень беспокойся о том, что произошло. В конце концов, тут уже ничем не поможешь. Лучше заботься о себе и надейся на скорую встречу.

Здоровье — дело важное. Пожалуйста, сообщи мне, как у тебя и Лидии со здоровьем. Из того, что мне было известно раньше

(***кажется, более трех лет назад),*** состояние твоего здоровья было не очень хорошим. Пожалуйста, постарайся сделать все, чтобы поправить его. Я знаю, что это нелегко, но ты должна постараться.

Напиши мне, как Лидия живет со своим мужем. Стал ли я уже дедушкой?

Если мое письмо покажется коротким и не очень содержательным, это отчасти объясняется обстоятельствами. Однако я попытаюсь писать как можно больше и надеюсь, что вы тоже сможете писать много. Передай привет всем нашим друзьям, и, повторяю еще раз, пожалуйста, позаботьтесь о себе.

Крепко любящий ваш муж и отец Рудольф».

В нижнем левом углу стояли его подпись и тюремный знак: «Р. И. Абель, № 80016».

18 декабря г-жа Абель прислала ответное письмо, в котором сообщала, что она только что получила письмо Рудольфа, пересланное через Красный Крест. Она писала: «Понимаешь, им потребовалось много времени, чтобы найти нас».

Что касается положения, в котором оказался ее муж, то она писала, что в газетах обо всем сообщалось, «но мы не поверили в это… Мы глубоко убеждены в том, что все происшедшее с тобой — лишь результат недоразумения, что ты, конечно, невиновен и что твоя печальная история должна иметь хороший конец».

Пятница, 11 июля

В этот день апелляционный суд единогласно подтвердил виновность Абеля и данный ему тридцатилетний срок тюремного заключения.

Суд заявил, что, хотя окружной судья иногда допускал ошибки, тем не менее «эти ошибки не носят столь серьезного характера, чтобы потребовалось новое рассмотрение дела, тогда как материалы процесса прямо говорят о виновности обвиняемого…»

Что касается основного вопроса относительно обыска и ареста Абеля и его имущества, то судьи выразили мнение, что нет оснований проводить различие между законным арестом за совершенное преступление и процедурой депортации. Если обыск был законным в первом случае, когда он был связан с фактом ареста, то он должен быть законным и во втором случае.

(«По моему мнению, — писал впоследствии Абель, — ***решение апелляционного суда, хотя и многословное, фактически не затрагивает вопроса, который мы подняли в апелляции. Некоторые аргументы, выдвинутые судом, противоречат друг другу, а другие искажают выдвинутые***

нами аргументы. Я по-прежнему полагаю, что суд не столько дал ответ на важнейшие вопросы, сколько обошел их».)

Апелляционный суд следующим образом ответил на наш довод о том, что обвинение не сумело доказать, что передача военных секретов действительно имела место: «Люди, намеревающиеся собирать и передавать только ту информацию, которая доступна всем, обычно не считают необходимым использовать тайные коды, пустотелые монеты, карандаши и спичечные коробки».

Судья в заключение любезно отметил, что назначенные судом защитники, «представляя интересы апеллирующего, проявили редкие способности и действовали в самых лучших традициях своей профессии. Мы искренне благодарны им за оказанные ими услуги».

Полковник без всякого промедления напомнил мне о моем обещании подать апелляцию в Верховный суд США. «Что касается апелляции в Верховный суд, — написал он мне тут же, — я полагаю, что в соответствии с имеющейся у нас договоренностью вы предпринимаете необходимые меры».

Я пришел к выводу, что «в работе» Рудольфу трудно было угодить. Для того чтобы быть помощником и подчиненным полковника Абеля, когда он был в зените своей деятельности, наверное, требовались большая самодисциплина и величайшее внимание ко всем деталям. Хэйханен никогда не отвечал этим требованиям.

Помимо указанного выше прямого напоминания он писал только:

«У меня все нормально, никаких неприятностей».

Четверг, 19 августа

Год назад я внезапно прервал свой отпуск и стал защитником полковника Абеля в соответствии с назначением суда. Теперь мне вновь пришлось прервать свой отпуск, для того чтобы подготовить апелляцию в Верховный суд. Том Дебевойс был настолько любезен, что приехал ко мне из Вермонта, и мы вместе подготовили ходатайство об истребовании дела, с тем чтобы Верховный суд рассмотрел его и проверил работу нижестоящих судебных инстанций.

«У нас нет безусловного права на рассмотрение Верховным судом нашего дела, — разъяснял я Абелю в письме, — оно будет рассматриваться лишь в том случае, если за это проголосуют четыре члена суда из девяти… Я надеюсь на успех, хотя питал аналогичные, но не столь большие надежды, когда дело было направлено в апелляционный суд. Если Верховный суд

удовлетворит наше ходатайство об истребовании дела, это, конечно, будет весьма ободряющим признаком…»

Понедельник, 13 октября

Полученная мною телеграмма была сформулирована кратко и изложена сухим юридическом языком, но ее содержание имело большое значение: «Ходатайство об истребовании дела «Соединенные Штаты Америки против Абеля» сегодня удовлетворено. Следует письмо».

Давая согласие на рассмотрение нашего дела, Верховный суд сводил свое вмешательство к двум конкретным вопросам, касающимся конституционных ограничений в отношении незаконных обысков и арестов:

1. Можно ли считать допустимым обыск без ордера, если он связан с арестом, осуществляемым на основе иммиграционного законодательства, а не уголовного?

2. Могут ли захваченные предметы быть приняты как вещественные доказательства, если они не связаны с арестом, произведенным на основе ордера или предписания, выданного иммиграционной службой?

Эти вопросы касались самого существа нашего дела.

Абель, однако, был озабочен тем, что Верховный суд решил рассмотреть только вопрос об обыске и аресте. «Мне кажется, — писал он, — что другие выдвинутые нами пункты также существенны и заслуживают внимания».

Я старался успокоить его, разъясняя, что ограничение круга вопросов при обжаловании позволит гораздо глубже, чем раньше, рассмотреть пункт об обыске и аресте. Он был для нас основным моментом в деле. «Что касается других пунктов нашей апелляции, то не думайте, что их не будут рассматривать. Члены суда познакомились с ними, они содержатся в материалах дела, и я уверен, что, хотя о них не упоминается, они послужили одной из причин, в силу которых суд принял дело к рассмотрению».

Пятница, 21 ноября

Том Дебевойс приехал из Вермонта, и мы провели несколько дней и ночей, подготавливая проект записки для Верховного суда. Вероятно, в результате перенапряжения я пал жертвой вирусного заболевания и пробыл десять дней дома, в основном лежа в постели и занимаясь переработкой нашей записки.

Сегодня я направил копию записки в Атланту и написал, что на сегодняшний день это лучший вариант ходатайства. Я пояснил, что представители обвинения дают тридцать дней для подготовки ответа, а затем мы будем располагать двадцатью

днями, чтобы дать свой ответ. Я писал, что нас вызовут в Вашингтон для устного собеседования примерно в феврале и что суд вынесет свое решение весной.

Четверг, 4 декабря

Когда я дал согласие выступить в качестве защитника полковника Абеля, я не имел представления, что мне придется также выступать в качестве его Санта Клауса. Но дело было сделано.

В это время года всем обитателям атлантской тюрьмы вручали «подарочные заявления», которые они с надеждой заполняли и отправляли своим родственникам или кому-либо другому, кого они избирали в качестве своего Санта Клауса. Мне тоже выпала эта роль в качестве юридического представителя полковника и единственного человека, с которым он переписывался в Соединенных Штатах Америки. Его «подарочное заявление» прибыло сегодня. Рудольф просил прислать книги. Он хотел получить четырехтомную «Социальную историю искусства» и четыре фунта простого молочного шоколада (он пояснил, что этот шоколад ему нравится и к тому же он может использоваться при осуществлении всевозможных сделок в тюрьме).

Кроме того, он писал: «Я был очень занят, изготовляя рождественские открытки для заключенных. Полагаю, когда я закончу, у меня будет отпечатано всего примерно две тысячи пятьсот штук. Поверьте мне, я с удовольствием делаю эту работу. Поскольку некоторые из них печатаются в пяти цветах — это значит, что я смотрел на каждый рисунок от пятисот до двух с половиной тысяч раз, достаточно много для того, чтобы любой рисунок стал уже казаться ужасным».

(Позже он писал, что открытки, «по-видимому, понравились заключенным, поскольку после распределения их осталось очень мало. Это меня в какой-то мере удовлетворило».)

Рудольф изготовил открытки семи разных видов, включая одну на испанском и одну на еврейском языках. В соответствии с тюремными правилами он мог мне послать только одну открытку. На ней был изображен в черно-белых тонах зимний пейзаж, и она имела красную окантовку. Изображенный пейзаж мог встретиться в Новой Англии или Сибири: на фоне темных сосен, занесенных снегом, домик, а на переднем плане — группа белых березок.

На открытке было напечатано: «Лучшие пожелания по случаю Рождества». Внизу незаметные для невнимательного человека стояли инициалы художника — «Р. И. А».

1959 год

Четверг, 8 января

Первое письмо от полковника в новом году было полно надежд. Он получил весточку от жены и дочери. Они ответили на его письмо, посланное прошлым летом, которое в конце концов было доставлено по адресу, предположительно через международную организацию Красного Креста.

«Нет надобности говорить, как я счастлив, получив это письмо, и нахожусь в ожидании новых писем в будущем», — писал Абель.

Эллен Абель писала: «Мы делаем все, что можем, для того, чтобы добиться твоего освобождения, чтобы ты был снова с нами. Все, кто знает тебя лично, в том числе наши друзья, когда я им рассказываю о твоей истории, говорят, что ты невиновен, и верят, что ты будешь снова с нами».

Может быть, г-жа Абель верила в это, но я склонен думать, что эти строчки были включены в письмо для сведения государственного цензора. Она спрашивала о более важном обстоятельстве: «Не нуждаешься ли ты в деньгах? Если нуждаешься, мы можем переслать тебе, только узнай у своего юриста, как это сделать».

Следуя совету жены, Рудольф попросил меня сообщить о состоянии его финансов — о текущих расходах и об оценке («необязательной» — добавил он шутливо) возможных расходов в будущем. Он также попросил меня посоветовать, каким образом его жена может переслать деньги.

Когда Абель был арестован, ходили слухи, что полковник припрятал деньги по всему Нью-Йорку. Согласно одной версии, он зарыл в Проспект-парке миллион долларов. Однако в той мере, в какой это удалось установить ФБР, он располагал суммой в двадцать одну тысячу долларов, а наши судебные издержки к данному моменту составляли 13 227 долларов 20 центов, в основном на подготовку печатных и стенографических материалов. С согласия Абеля и одобрения окружного суда произведенные моей фирмой расходы были полностью компенсированы. Штраф, назначенный судом в сумме трех тысяч долларов, оставался неуплаченным в ожидании рассмотрения апелляции. Предстояло также получить установленный мне гонорар — десять тысяч долларов за весь процесс по этому делу.

Что касается будущих расходов, то их трудно было определить заранее. Если в силу тех или иных причин приговор будет пересмотрен, Абелю будет возвращена солидная сумма.

Однако в случае пересмотра дела первоначальные расходы на защиту значительно возрастут.

Я сообщил обо всем этом Рудольфу и сделал следующий вывод: хотя, по всей вероятности, потребуются дополнительные средства, я не могу определить даже приблизительно, какая именно сумма ему будет нужна.

Еще два вопроса занимали мысли полковника и получили отражение в письме. Во-первых, я$_i$ по-видимому, забыл возобновить его подписку на «Нью-Йорк тайме» и ему уже в течение пяти дней приходилось обходиться без кроссвордов, без игры в «бридж» и без международных новостей. Он сразу же привлек меня за это к ответственности. «Во-вторых, — писал он, — я хочу взвалить на вас еще одну задачу. Речь идет о судьбе моих пожитков». Он хотел переправить семье все свое имущество, в том числе картины, фотоаппараты, книги, ноты, музыкальные инструменты, различный инструмент — все, что власти согласятся отдать.

Пятница, 13 февраля

Это было простое письмо, которое начиналось следующим образом: «Я осмеливаюсь писать вам, после того как узнала из газет о том весьма гуманном отношении, которое вы проявили к моему мужу — Рудольфу Абелю».

Само по себе письмо было тривиальным. Важно, однако, то, что оно было вообще написано. Это было первое звено в процессе установления связи между администрацией Соединенных Штатов Америки (***к этому времени они должны были понять, что я покажу это письмо властям в Вашингтоне)*** и кем-то за «железным занавесом», кем-то, кого беспокоила судьба полковника КГБ Рудольфа Ивановича Абеля.

Письмо было напечатано на машинке на листе плотной белой канцелярской бумаги. На листе не было каких-либо печатных оттисков, имеющихся иногда на почтовой бумаге, но бумага имела явно различимые немецкие водяные знаки. Письмо было подписано «Э. Абель» и содержало следующий обратный адрес: «Фрау Е. Форстер, для Э. Абель» ***(«она — мой близкий друг», — писала Э. Абель),*** Лейпциг, 22, Эйзенахер-штрассе, 24, Германия.

Г-жа Абель писала, что она благодарна за мои усилия «облегчить участь нашего дорогого мужа и отца». Она писала, что прошло уже четыре недели с того дня, как она получила письмо от мужа, и я единственный человек, который может сообщить ей о «здоровье Рудольфа, а также о том, нуждается ли он в помощи и получил ли он наши письма».

Я воспользовался ее словами «нуждается ли он в помощи» в

качестве предлога для того, чтобы позвонить в министерство юстиции и сообщить, что получил письмо от некой г-жи Абель из Лейпцига. Ранее я запрашивал министерство юстиции о том, есть ли возражения против того, чтобы Абель получил деньги или переслал свое имущество семье. Ответа я не получил, однако это новое письмо, по-видимому, требовало принятия каких-то мер и быстрого ответа.

Через несколько часов мне позвонили, и правительственный чиновник заявил, что против того, чтобы полковник получил деньги от семьи, возражений нет, а также против того, чтобы он переслал свои вещи жене.

Получив эти заверения, я написал г-же Абель, что ее муж чувствует себя достаточно хорошо, работает в тюремной художественной мастерской и что «он изготовил очень красивые рождественские открытки для заключенных». «В тюрьме, — добавил я, — установлен весьма гуманный порядок, и вы не должны беспокоиться о здоровье мужа. Мы в нашей стране придерживаемся только самых гуманных методов содержания заключенных в тюрьме».

Я писал «г-же Абель» (я ***сомневался в том, что моя корреспондентка была настоящей женой Абеля),*** что в данный момент ей следует позаботиться лишь об одном, а именно о гонораре для адвоката ее мужа. Чтобы она не поняла меня неправильно, я пояснил: «Когда суд назначил меня защитником, я заявил, что гонорар, который получу, передам на благотворительные цели. Затем мы с вашим мужем договорились о гонораре в десять тысяч долларов за мои услуги в течение всего процесса, включая апелляцию в Верховный суд. Я лично не получу никакого вознаграждения за защиту вашего мужа».

(Тому Дебевойсу оплачивались карманные расходы; Фреймену, пока он был занят по делу, заработную плату выплачивала его юридическая фирма.)

Я настаивал на уплате десяти тысяч долларов, поскольку полагал, что, если деньги мне пришлет его семья или они будут переданы на благотворительные цели, это неизбежно произведет хорошее впечатление на общественность и положительно скажется на престиже адвокатуры. В том случае, если Верховный суд отменил бы приговор, защита сумела бы парировать нападки и критику, как, например, «эти юристы всегда найдут какую-нибудь лазейку», и так далее.

Нельзя сказать, чтобы в своем ответном письме г-жа Абель выражала большую готовность к сотрудничеству. «Я попытаюсь сделать все возможное, чтобы погасить финансовые обязательства моего мужа, — писала она, — хотя предвижу значительные

трудности».

Это второе письмо было таким же вежливым, как и первое, однако переписка принимала все более сентиментальный характер. Она писала: «Я очень рада узнать, что по крайней мере физически Рудольф находится в хорошем состоянии, и хотела бы надеяться, что он сможет вернуться к своим близким и к своей семье. Мне трудно судить о преступлении, якобы им совершенном, но я могу сказать вам как его жена, что Рудольф — честный и чистый человек с добрым сердцем и что он не заслуживает наказания. Вы знаете, что ему идет уже шестой десяток и поэтому он нуждается в мирной и спокойной жизни в семейном кругу».

После того как дело Абеля было закончено, один сотрудник ФБР, просматривавший все письма из Лейпцига, а также те, которые ранее зачитывались на суде, в разговоре со мной отмечал явное различие языка и стиля в письмах, полученных мною от «г-жи Абель», и в тех, которые Рудольф получил от своей жены до ареста.

Среда, 25 февраля

«Сегодня Верховный суд будет разбирать одно из самых трудных дел в своей практике — дело об осуждении Рудольфа Ивановича Абеля по обвинению в том, что он является советским шпионом».

Мы были в Вашингтоне, и Том Дебевойс читал вслух утреннюю газету.

Мы прибыли поездом из Нью-Йорка накануне вечером и теперь, сидя за кофе, по очереди читали друг другу нью-йоркские и вашингтонские газеты. Мы этим занимались, чтобы убить время и подбодрить себя в последние оставшиеся часы перед нашим выступлением в суде. В течение последнего месяца мы уже второй раз посещали Вашингтон. 22 января мы прибыли в суд, уже готовые вступить в полемику, но неожиданно дело было отложено. Это отнюдь не способствовало моему спокойствию.

Выступать перед Верховным судом США — это всегда волнующее событие для любого юриста. Здание суда великолепно. Зал суда поражает своим величием. Судьи необыкновенно проницательны, и состязаться с ними — трудная задача. Естественно, здесь атмосфера более напряженная, чем в окружном суде в Бруклине.

Внутри здания люди стояли в коридорах у стен, ожидая, когда откроют двери для публики. В соответствии с правилом, установленным судом, каждый желавший присутствовать на заседании должен был заранее зарезервировать себе место.

Вашингтонские друзья рассказали мне, что дело Абеля вызвало некоторое возбуждение в так называемом посольском ряду. К началу слушания дела в суд должны были прибыть супруга Джона Фостера Даллеса и сотрудники английского посольства.

Я начал следующим образом:

— Поскольку стоящие перед судом вопросы были детально изложены в записке, мне представляется, что, начав с краткого объяснения обстоятельств, не входящих в дело, я могу оказать суду наибольшее содействие.

Прежде всего с точки зрения тех вопросов, которые стоят перед судом, теряет всякое значение то обстоятельство, является или нет ходатай Абель советским шпионом. Когда он, находясь в Техасе, полагал, что его вышлют из страны, он заявил, что является советским гражданином и что в течение девяти лет незаконно находился в США, проживая под различными вымышленными фамилиями. В результате обыска и наложения ареста на имущество, произведенных в связи с этим делом, были обнаружены коротковолновая радиоаппаратура, карты оборонительных зон США, пустотелые монеты и другие контейнеры с микрофильмами на русском языке. Он пытался получить помощь от Советского правительства, которое заявило, что ничего не знает о его существовании. Все это с полным основанием позволяет заявить, что разумные присяжные вполне могли прийти к выводу, что этот человек является русским шпионом.

Этот вывод совершенно не связан с вопросом о том, была ли его виновность доказана на основе достаточных улик так, чтобы не оставалось разумных оснований для сомнения в предъявленных ему обвинениях. Короче говоря, вопрос сводится к тому, была или нет предоставлена Абелю возможность воспользоваться должной юридической процедурой.

Во-вторых, это не такое дело, по которому адвокат ходатая считал бы нужным доказывать, что ФБР и родственный административный орган, Управление иммиграции и натурализации, допустили вопиющие нарушения гражданских свобод какого-то лица. Действительно, многие люди в Соединенных Штатах Америки и, пожалуй, некоторые из участвующих в этом суде могут быть весьма обеспокоены фактами, связанными с этим делом, а также тем, что сообщается в книге «История ФБР», которая цитируется в моей записке: «зачастую тайные методы необходимы для того, чтобы раскрыть тайную деятельность, например для того, чтобы завладеть дневником шпиона или секретными документами.

Федеральный суд может не принять в качестве

доказательства то, что написано в дневнике, но в нем может содержаться информация…», где, очевидно, говорится, что незаконные обыски и изъятие имущества постоянно производятся ФБР.

Однако я хочу разъяснить, что отмена приговора, чего я добиваюсь от суда, не обязательно должна основываться на том, что гражданские свободы этого человека были нарушены. Другими словами, мое обращение к суду было бы таким же правомерным, даже если бы мы исходили из неоправданного, по моему мнению, предположения, будто ФБР каким-то удивительным образом может осуществлять на законном основании обыски и изъятие имущества, нарушающие Четвертую поправку.

Затем я развил тезис насчет того, что в середине июня 1957 года министерство юстиции оказалось перед дилеммой: арестовать Абеля и предъявить ему обвинение в шпионаже в пользу иностранного государства, как это предписывают федеральные законы, или тайно арестовать его и попытаться заставить перейти на нашу сторону.

Необходимо было сделать выбор, и он был сделан, в связи с этим я утверждаю, что, даже если бы министерство юстиции обладало подобными чрезвычайными правами на осуществление незаконных обысков и арестов, оно не могло бы сначала идти по дороге тайной — затеять игру и проиграть ее, когда Абель отказался сотрудничать, — а затем пытаться пойти по другой дороге, по дороге нормальной административной процедуры, пытаясь на словах воздать должное справедливой юридической процедуре.

Кроме того, это дело не связано с вопросом просто об изъятии некоторых вещей, которые впоследствии были использованы в качестве доказательств для вынесения обвинительного приговора. Невозможно избежать того простого факта, что этот человек и все его имущество исчезли здесь, в Соединенных Штатах Америки, на несколько дней.

В результате предъявления доказательств, полученных путем незаконного обыска и ареста — незаконного, поскольку ордер на обыск не был выдан, — этот человек был обвинен в преступлении, предусматривающем смертную казнь. Уголовное следствие, ведущееся с помощью подобных методов и практики, может иметь место только в полицейском государстве.

Мое выступление и затем ответ на аргументы, выдвинутые обвинением, заняли полтора часа. Последнюю часть моего выступления пресса сочла возможным цитировать:

«В отличие от вышеизложенного, в данном случае в основе

нашей аргументации лежат простые и ясные положения Четвертой поправки к Конституции США, являющейся частью Билля о правах. Эта поправка была принята ввиду требований многих штатов, опасавшихся слишком сильного центрального правительства и задерживавших ратификацию конституции до тех пор, пока в нее не будут включены соответствующие гарантии.

Осуждение этого человека за преступление, наказуемое смертной казнью, на основе доказательств, добытых подобным путем, следует просто сопоставить с незамысловатыми, но обязательными для нас предписаниями Четвертой поправки: «Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и иму-ществ от необоснованных обысков или арестов не должно нарушаться…»

С самого начала обвинение утверждало, что арест, произведенный утром 21 июня, был законным, а поэтому законным являлся и обыск. «Нет разумного основания проводить различие между арестами в целях депортации и арестами за совершенное преступление… должны существовать какие-то полномочия производить обыск в связи с арестом, осуществляемым по ордеру иммиграционных властей», — так говорил заместитель министра юстиции Рэнкин.

Я направил Абелю экземпляры всех записок, представленных обвинением. Все они вызвали с его стороны не очень острую критику. Когда он прочел приведенные выше слова, сказанные на заседании Верховного суда, он написал: «Обвинение, по-видимому, придерживается здесь той же идеи, что и в представлявшихся им ранее записках, пожалуй, исходя из предположения, что то, что удавалось раньше, удастся и впредь».

Настаивая на том, что обыск был законным, заместитель министра юстиции теперь говорил:

— Когда на законном основании производится арест, обыск в связи с произведенным арестом лиц и помещения, в котором они находятся, без ордера, а также изъятие предметов, которые могли быть изъяты в случае, если бы обыск производился на основании ордера, не являются антиконституционными.

Председатель суда Уоррен задал заместителю министра вопрос:

— Полагали ли власти в момент ареста, что они в ходе обыска получат достаточно доказательств для подтверждения обвинения в шпионаже?

— Считалось весьма маловероятным, — сказал заместитель министра Рэнкин, — что на это можно рассчитывать, имея дело с таким опытным человеком, как Абель. Трудно было

предположить, что такой опытный человек станет оставлять улики, которые могут быть использованы против него.

Я был озадачен. Разве Хэйханен не сообщил им, что они могут найти? И разве нельзя предположить, что агенты, находившиеся в номере по соседству с номером Абеля в гостинице «Латам», проскользнули незаметно в номер 859, когда полковник находился в районе Бруклина, где сотрудники ФБР наблюдали за ним через бинокль?

В своем выступлении я сообщил суду, как сотрудники ФБР ворвались в номер Абеля, назвали его «полковником» и пытались добиться согласия «сотрудничать» с ними. Никакого ареста не было бы и представители иммиграционных властей ждали бы в холле, если бы Абель согласился работать на правительство Соединенных Штатов Америки.

Когда я дошел до этого момента, судья Франкфуртер спросил меня, не считаю ли я обязанностью каждого гражданина, в том числе и Абеля, сотрудничать с представителями облеченных властью органов, таких, как ФБР.

— Что бы вы сделали при подобных обстоятельствах? — спросил он.

— Господин судья, — сказал я, — если бы кто-нибудь ворвался в мой дом без ордера в семь часов жарким летним утром, когда я голым спал поверх простыни, я просто не знаю, что произошло бы. Но, пожалуй, скажу следующее: они бы поняли, что попали в передрягу.

Франкфуртер сухо заметил:

— Я в этом не сомневаюсь.

Все это вызвало смех среди судей и публики.

В своем заявлении заместитель министра юстиции подчеркивал, что это дело связано с вопросами национальной обороны.

Когда закончились выступления сторон, суд принял апелляцию к рассмотрению. Затем председатель суда от имени всего суда тепло поблагодарил защиту. Он сказал:

— Полагаю, что за все время моей работы в этом суде никто не выполнял более трудной, требующей самопожертвования задачи. Мы чувствуем себя обязанными вам и вашему помощнику. Нас очень радует, что члены Ассоциации адвокатов готовы взять на себя выполнение такого рода общественной обязанности в подобном деле, которое в обычных условиях было бы для них неприятным.

К шести часам дня я был снова в Бруклине на деловом совещании банкиров и юристов.

Понедельник, 23 марта

Я послал Абелю письмо, в котором писал:

«Понедельник — это тот день, когда Верховный суд выносит свои решения. Теперь я каждый раз по понедельникам завтракаю в клубе адвокатов на Бродвее, 115, где установлен телетайп, передающий сообщения агентства Ассошиэйтед пресс. В клубе стюарду дали указание следить, не появится ли сообщение о решении по нашему делу.

Лично я полагаю, что вам следует ожидать с оптимизмом верховного исхода дела. Но что предпримут власти, я не могу предсказать. Вы, конечно, понимаете, что можете вторично предстать перед судом…»

Сегодня мое ожидание закончилось. Из сообщения по телетайпу в клубе адвокатов я узнал, что Верховный суд только что принял решение снова заслушать стороны по этому делу 12 октября, то есть через семь месяцев.

«Это удивительное решение, — писал я Рудольфу. — Мне трудно поверить, что суд был намерен подтвердить приговор, и поверить, что, желая вообще отменить приговор по основным вопросам, суд не хотел принять столь коренное решение именно в данный момент. Как вы знаете, Верховный суд последние месяцы подвергался сильной критике со стороны общественности. Однако я полагаю, что время работает на нас, поскольку любой шаг в сторону смягчения международной напряженности ***(вроде намечающейся конференции в верхах)*** может иметь благоприятные последствия. А пока что у нас нет иного выбора, как продолжать начатое».

Понедельник, 30 марта

Абель обладал сверхъестественной способностью примиряться с обстановкой и событиями. И у него существовала привычка уделять внимание самым различным мелочам, даже находясь в тюрьме, где он, по-видимому, должен был испытывать неудобства, горести и разочарования.

Вот и сейчас прошла всего лишь неделя после решения Верховного суда, означавшего, что ему придется сидеть в тюрьме семь месяцев до следующего рассмотрения дела, а затем еще несколько месяцев до принятия окончательного решения, тем не менее следующий отрывок из его письма показывает, чем он все время интересовался.

«Что касается моих вещей, то я полагаю, что, если их упаковать, они займут максимум сто двадцать кубических футов объема и будут весить не больше пятисот фунтов. Я имею в виду одежду, фотоаппараты, линзы, книги, ноты, картины. Мне бы

хотелось получить также некоторые мелкие инструменты, но я полагаю, что нельзя будет послать кого-нибудь, чтобы произвести отбор, поэтому мы не будем говорить о них. Там, однако, имеются денсиметр, некоторые электроизмерительные приборы…»

Он ни на минуту не забывал, что правительство дало разрешение на пересылку его вещей семье, и он ненавязчиво напоминал мне об этом.

Я сообщил полковнику Абелю, что в кругах адвокатуры решение Верховного суда о дополнительном слушании сторон единодушно расценивается как наша частичная победа.

Абель ответил: «Что касается вашего дальнейшего участия в деле, в случае если оно будет направлено на новое рассмотрение, то я был бы очень рад, если бы вы изыскали возможность продолжить работу. Я глубоко верю в вашу честность и способности и весьма признателен вам за то, что вы для меня сделали. Однако мне не хотелось бы вновь причинять вам беспокойство… К сожалению, я не имею средств, чтобы нанять адвоката, — это довольно серьезная проблема для меня».

Пятница, 15 мая

Наряду с другими делами мы продолжали заниматься сбором и упаковкой вещей Абеля для отправки в Восточную Германию. Меня отнюдь не радовал этот аспект миссии, возложенной на меня судом. Прокурору Уикерехэму я настойчиво повторял, что буду заниматься этим только после того, как у меня будет полная уверенность, что я не оказываю содействия шпионажу.

Я отмечал в письме, адресованном министерству юстиции, что не считаю, что порученное мне судом дело требует, чтобы я выступал в роли агента по пересылке вещей. Тем не менее я готов принять участие в этом щекотливом деле, но настаиваю на том, чтобы представители властей тщательным образом осмотрели все вещи Абеля до того, как они будут отправлены за «железный занавес».

Прошло семь месяцев, прежде чем вещи Абеля были отправлены в Восточную Германию.

Понедельник, 18 мая

Я прибыл в Атланту. Выйдя из такси, я остановился и оглядел массивные каменные стены, башни, вооруженную охрану и огромные главные ворота. Это была федеральная исправительная тюрьма Атланты, унылая, голая каменная крепость. Я вспомнил описание первого впечатления заключенного о тюрьме, которое прочел в одном из тюремных журналов, присланных мне Абелем: «Если он никогда ранее не бывал в тюрьме, то прежде всего сама

форма здания внушала ему страх».

Сначала я встретился с начальником тюрьмы Уилкинсоном, который рассказал мне, что Абель вполне здоров и хорошо приспособился к режиму. Как мне было уже известно, Абель по-прежнему хорошо уживался с семью соседями по камере, в том числе и с человеком, осужденным за похищение детей. Однако начальник тюрьмы предупредил меня, что, до тех пор пока Абель находится в его распоряжении, он считает, что следует быть готовым к тому, что какой-нибудь молодой уголовник попытается убить советского полковника, ошибочно полагая, что благодаря этому он может стать популярным героем.

Начальник тюрьмы устроил мне встречу с Рудольфом в отдельной комнате для посетителей и сказал, что мы можем не ограничивать себя временем.

Тюремная жизнь состарила полковника. Он выглядел исхудавшим. Однако он держался бодро в своем выцветшем сером тюремном наряде. Пожимая мне руку, он улыбнулся, и это был все тот же подлинный Рудольф. Он был в хорошем настроении. Полагаю, это объяснялось тем, что наши дела, казалось, неплохо продвигались в Верховном суде.

Я направил разговор на тему о его работе в художественной мастерской. Он по-прежнему с энтузиазмом говорил о своих экспериментах в области шелкографии и с очевидной гордостью сообщил мне о том, что сделал много рисунков для тюремного журнала.

Пытаясь сострить, я сказал: «Ваша нынешняя студия, несомненно, лучше бруклинской».

Смеясь, полковник ответил: «Освещение здесь гораздо лучше, да и плата за помещение меньше».

На мой вопрос, есть ли у него друзья среди заключенных, он ответил, что выделяет лишь одного человека.

«Это очень интересный человек, — сказал он, — и мы очень много времени проводим вместе».

Абель рассказал, что это бывший офицер американской армии, служивший во время второй мировой войны в Управлении стратегических служб. Позже он возглавлял группу, занимавшуюся сбором доказательств о зверствах немцев в концентрационных лагерях. Поскольку я возглавлял эту работу при подготовке крупнейшего Нюрнбергского процесса против Геринга и его сообщников, я, должно быть, встречался с этим другом Абеля, но припомнить его я не мог. Предвосхищая мой следующий вопрос, полковник сказал, что этот человек был осужден за участие в советской шпионской организации, действовавшей в Германии после войны.

(Вернувшись в Нью-Йорк, я проверил данные, касавшиеся этого человека, и обнаружил, что все, что он рассказал Абелю, было правдой.)

Не было сомнения в том, что Абель каким-то образом получал информацию «извне». Когда я сказал ему, что на обратном пути собираюсь остановиться в Вашингтоне, он заметил, что ему известно, что в музее ФБР в здании министерства юстиции организована новая выставка, посвященная его делу, и высказал пожелание, чтобы я познакомился с ней.

«Вы можете обнаружить там кое-что полезное для повторного выступления на суде», — сказал он. Он добавил также, что директор ФБР Эдгар Гувер в вышедшей недавно книге «Мастера обмана» пишет, что полковник Абель был арестован представителями иммиграционных властей «по требованию ФБР».

«Это подкрепляет нашу аргументацию, не правда ли? — спрашивал он. — Возможно, на выставке вы обнаружите какие-нибудь аналогичные хвастливые заявления. Тщеславие этого человека может его погубить».

(Прямодушное объяснение мистером Гувером обстоятельств ареста Абеля действительно оказалось одним из полезных моментов при составлении нашей записки дм повторного слушания дела в Верховном суде. Однако на выставке, устроенной ФБР в Вашингтоне, не было ничего такого, что могло бы вызвать возражение у разумного человека. Когда я осматривал выставку, мне бросилось в глаза объяснение о том, что дело обжаловано и находится на рассмотрении в Верховном суде. Я ходил по музею ФБР вместе с дюжиной других посетителей, никем не узнанный, прослушал интересные объяснения по делу Абем, с которыми выступал специальный агент ФБР, некто Салливан.)

Затем начальник тюрьмы Уилкинсон распорядился, чтобы надзиратель показал мне всю тюрьму. Это оказалось полезным делом, но оставило мрачное впечатление.

Я видел, как заключенные изготовляли мешки для почты, форменную одежду, работали в прачечной и в механических мастерских. Я видел, как они играют в бейсбол и занимаются поднятием тяжестей на спортивной площадке.

В конце дня я посетил работающую на рынок мастерскую прикладного искусства, где царил полковник, — здесь была его маленькая личная художественная студия, в которой находилось несколько отличных картин, написанных маслом, и очаровательных шелкографических этюдов, созданных с помощью разработанного им нового технологического процесса. Было

очевидно, что дела его в новой обстановке шли очень хорошо. К тому же освещение в этой новой студии было действительно лучше, чем в его прежней обители в Бруклине.

Понедельник, 15 июня

Заместитель секретаря Верховного суда в короткой записке, полученной мною на прошлой неделе, сообщал, чтс повторное слушание дела Абеля откладывается с октября по крайней мере на ноябрь, с тем чтобы не доставлять неудобства и излишне не перегружать заместителя министра юстиции, который должен был выступать по другому делу в октябре, в тот день, на который было первоначально назначено слушание нашего дела.

По поводу этой отсрочки я незамедлительно написал пространный протест председателю суда Уоррену. После этого председатель суда наметил повторное слушание сторон по нашему делу на 9 ноября, заверив меня, что больше отсрочек не будет. Он снова подчеркнул, что хочет, чтобы я знал о том, что все члены суда понимают, какое колоссальное бремя взяла на себя защита, и ценят мой личный вклад в это дело.

После этого заместитель министра юстиции заявил, что ФБР располагает сведениями о том, что Абель в своих письмах «семье» передавал информацию русским и что разрешение на переписку с семьей было ему дано по моей просьбе. Я быстро поправил его, указав, что моя роль в этом деле сводилась лишь к передаче просьбы Абеля, и я не настаивал на предоставлении ему такого права по соображениям гуманности или каким-либо другим. Решение было принято властями, осведомленными обо всех обстоятельствах дела.

«Я полагаю, — сказал я, — что между такими двумя подходами есть большая разница». Председатель суда перебил меня, довольно энергично подтвердив: «Самая значительная разница».

Понедельник, 20 июля

Я хотел покончить с вопросом о моем гонораре ***(я обещал отдать его на конкретные благотворительные цели).*** В связи с этим я напомнил Абелю: «Я считаю весьма важным для вашего дела, чтобы ваша семья выплатила необходимую сумму до ноября. Тогда я смогу сделать те взносы, которые я обещал, на благотворительные цели, и этот акт будет способствовать дальнейшему смягчению той враждебности, которая существовала сначала».

И вот теперь с последней почтой пришло письмо, в котором говорилось, что жена полковника располагает десятью тысячами

долларов и ждет моего совета в отношении того, как произвести выплату. Я рекомендовал ей внести деньги в Лейпцигский банк для перевода на счет моей фирмы в Нью-йоркском банке.

Понедельник, 27 июля

В этот день, к моему удивлению, я получил письмо от юриста из Восточной Германии со звучным именем Вольфганг Фогель (Альт-Фридрихсфельде, 113, Берлин — Фрид-рихсфельде).

Он писал:

«Дорогой коллега!

Г-жа Эллен Абель из Германской Демократической Республики поручила мне защиту ее интересов. Моя роль в основном будет состоять в организации переписки между г-жой

Абель и вами. Прошу вас в будущем переписываться только со мной».

Немецкий юрист сообщал, что уже произведена первая выплата и мне переведены 3500 долларов. «Я лично уверяю вас, — писал он, — что все другие расходы будут покрыты моей клиенткой, как только вы подтвердите получение указанной выше суммы».

Несколько дней спустя мой банк (Ферст нэшнл сити банк) известил меня о получении 3471 доллара 19 центов от г-жи Эллен Абель из Лейпцига. Я послал телеграмму господину Фогелю, в которой сообщил о получении первой суммы в счет моего «символического гонорара».

Полковник писал мне:

«Вас не должен волновать тот факт, что выслана лишь часть денег, поскольку я сам посоветовал жене послать сначала небольшую сумму, с тем чтобы убедиться в том, что перевод доходит».

Четверг, 28 июля

История этого дела была такова, что на каждый плюс приходился свой минус, и когда дела шли слишком гладко, нам следовало быть настороже. В этот день я получил неожиданное письмо:

«Мы хотим сообщить вам о том, что министерство приняло решение принципиального характера: лишить Абеля впредь привилегии вести переписку с кем-либо за пределами Соединенных Штатов Америки, в том числе с лицами, выступающими в качестве его жены и дочери».

Министерство юстиции запретило переписку Абелю, полагая, что он передает информацию Советам.

Письмо из министерства юстиции заканчивалось

следующими словами: «Это наше решение основано на убеждении в том, что предоставление Абелю — осужденному советскому шпиону — возможности продолжать в дальнейшем переписку с людьми из стран советского блока не будет соответствовать нашим национальным интересам».

Этот запрет вызвал у полковника такой приступ гнева, какой не вызывало ничто другое в течение четырех лет и пяти месяцев, пока я представлял его интересы. Он отрицал выдвинутые против него обвинения и осуждал их авторов.

«Должен признать, — писал Абель, — стиль этого правительственного письма привел меня в полное восхищение. Это письмо — шедевр».

Затем Абель немного поостыл и занялся анализом.

«Создавшееся положение, помимо всего прочего, может иметь важные последствия для выплаты вашего гонорара. Я уверен, жена будет очень обеспокоена этим фактом и вполне может счесть неразумным переводить крупную сумму денег, когда она ничего не знает о состоянии ее мужа…

То, что эта мера является дискриминацией по отношению ко мне, представляется очевидным, поскольку многие из здешних заключенных переписываются со своими семьями в Европе, Латинской Америке и других странах. Я глубоко убежден, что этот запрет вызван не стремлением помешать мне передавать информацию (в конце концов, какую она могла бы иметь ценность два года спустя, или, быть может, имеется в виду информация о пополнении в американской каторжной тюрьме в Атланте?), а желанием сделать так, чтобы я не получал никакой помощи, с тем чтобы заставить меня «сотрудничать».

Вопрос о финансовой поддержке становится важным, если будет назначено новое судебное разбирательство. Отсутствие средств было бы серьезной помехой для нормальной защиты. Возможно, это одна из целого ряда причин, но, в чем бы она ни заключалась, она, по-видимому, противоречит тому соображению, в силу которого заключенным предоставляется право переписки, а именно что такая переписка имеет благотворное влияние. Насколько я могу судить по материалам газет, четверо американцев, находившихся в Китае в заключении за шпионаж, не подвергались таким ограничениям.

Я хотел бы, чтобы вы предприняли все меры, которые вы сочтете необходимыми, для отмены этого запрета, учитывая те последствия, которые он может оказать на судьбу нашей апелляции, направленной в Верховный суд. Я уверен, что вы согласитесь со мной в том, что эта необычная мера заслуживает серьезного осмысления и что в ответ на нее необходимо

предпринять соответствующие шаги».

Воскресенье, 30 августа

Получив официальное указание министерства юстиции, я написал Абелю:

«По нашему закону переписка для вас является привилегией, а не правом. Я не представляю себе каких-либо практических мер, которые можно было бы предпринять в связи с этим вопросом. Вынесенное решение явно основывается на предположении, что вы поддерживали связь с помощью какого-то шифра, и, на мой взгляд, не имеет смысла пытаться поколебать это убеждение».

В ответ Абель написал самое длинное письмо за все время — целых две страницы, — в котором энергично опровергал мысль о том, что он направлял информацию в Восточную Германию. В своем опровержении он обвинял власти в лицемерии и, как я полагал, сделал ряд здравых замечаний.

«Касаясь моей переписки, мне трудно быть объективным, поскольку, вполне естественно, мне больно потерять всякую связь со своей семьей. Я не могу не думать, что эта мера принята как дополнительное наказание сверх того, что мне назначено судьей.

Как вы пишете, для заключенного переписка с семьей является привилегией. Тем не менее переписка поощряется администрацией, и это отмечено в Тюремном уставе.

Письма подвергаются цензуре, и те из них, которые имеют неподобающее содержание, возвращаются. Поскольку мои письма, отправляемые авиапочтой, находились в пути от двадцати пяти до тридцати дней, из которых не более пяти дней можно отвести на собственно пересылку, по-видимому, имелось достаточно времени для самого тщательного изучения этих писем… На основании этих данных можно сделать единственный вывод, что я не мог с помощью шифра направлять сообщение «людям в странах советского блока», поскольку все письма прошли цензуру и были отправлены. Права переписки обычно лишают за нарушение правил поведения в тюрьме.

Далее хочу отметить, что привилегия на переписку была предоставлена мне Вашингтоном вскоре после моего прибытия сюда. Те причины, на которые сейчас ссылаются власти, конечно, существовали и в то время и, безусловно, должны были иметь большее значение тогда — ведь по прошествии определенного времени они делаются менее значимыми. Я просто не могу себе представить, какую угрозу национальной безопасности могут заключать в себе сведения о моем пребывании в атлантской тюрьме, находясь в которой я не имею связи с внешним миром. В таком случае разумно будет предположить, что усматриваемая

опасность (если она вообще существует!) связана с моей «деятельностью» до ареста в июне 1957 года, то есть более двух лет назад. Всякая информация такой давности уже не является информацией…

В моральном отношении это решение не может быть оправдано, учитывая широко разрекламированное утверждение правительства США в превосходстве своего образа действий по сравнению, например, с действиями китайского правительства…

Я просил бы вас заново обдумать этот вопрос и сообщить свои выводы, а также ваше мнение о том, не лучше ли будет, в случае если дело будет рассматриваться в суде, чтобы там выступал другой юрист, чтобы в отношении вас не было враждебности. Прошу вас не принять это за выражение недовольства — совсем наоборот. Я рассматриваю этот вопрос в связи с основной проблемой и не хочу доставлять вам никаких неприятностей…»

Понедельник, 14 сентября

Мы просто не могли рисковать, затеяв еще одно судебное разбирательство, в ходе которого власти публично обвинили бы Абеля в пересылке шифрованной информации Советам как раз накануне повторного слушания апелляции в Верховном суде.

Сочувствуя Абелю, я все же не мог себе представить, чтобы у суда или у публики вызвало негодование запрещение полковнику вести переписку. Насколько я мог судить, он имел возможность незаметно переправлять информацию в своих письмах, например о таком факте, что он «не сотрудничает». Я написал ему в ответ:

«Хотя я понимаю, как вы расстроены, мое мнение заключается в том, что в данный момент нецелесообразно предпринимать какой-либо шаг, направленный против распоряжения о лишении вас привилегии на переписку. Распоряжение это даже могло быть рассчитано на то, чтобы толкнуть вас на то, что вы предлагаете.

Наша позиция слаба, поскольку я не верю, чтобы какой-либо суд дал указание тюремным властям разрешить вам переписываться с людьми в странах советского блока. Поскольку положение именно таково, единственный результат судебного рассмотрения этого вопроса будет заключаться в том, что представители обвинения как раз накануне повторного рассмотрения апелляции в Верховном суде смогут запутать рассматриваемые вопросы ссылками на ваше поведение в тюрьме.

Мы приближаемся к повторному рассмотрению апелляции в Верховном суде, обладая сильными позициями, которые могут быть еще более усилены нашей новой запиской. Поэтому мне

крайне не хотелось бы думать о возможности какого-либо судебного разбирательства, которое позволит министерству юстиции опорочить вас с помощью каких-нибудь новых материалов, которые не фигурировали среди материалов первого процесса.

Возможно, вам потребуется проявить некоторое терпение, но, я считаю, в ваших интересах подчиняться этому распоряжению вплоть до повторного рассмотрения апелляции в Верховном суде».

Несмотря на опасения Абеля (или угрозу) о том, что запрет на переписку может помешать выплате моего гонорара, в этот день поступил второй и последний взнос. Г-жа Абель направила оставшуюся сумму (6529 долларов 81 цент). Я подал официальное заявление в Федеральный бруклинский суд, чтобы получить санкцию на принятие денег (в заявлении разъяснялось их происхождение). Я также указывал, каким образом я намерен распорядиться своим гонораром.

Я писал: «На мой взгляд, в нашей стране изобилия самый эффективный способ борьбы с тоталитаризмом заключается в содействии здоровому моральному воспитанию и подлинному пониманию правосудия в условиях законности». Соответственно, я писал, что деньги будут распределены следующим образом: пять тысяч долларов Фордхемскому колледжу, юридическим школам Колумбийского и Гарвардского университетов по две с половиной тысячи долларов каждой. Я получил образование в Фордхемском колледже и Гарвардской школе, а прикомандированные ко мне помощники (два для ведения процесса и один для работы, связанной с апелляцией) окончили Колумбийскую школу.

Когда ко мне пришли репортеры и стали выспрашивать дополнительные подробности, я сказал: «Занятие юридической практикой — это нечто большее, чем добывание денег». Мой друг юрист на следующий день сказал мне: «Почему вы не заявили: «… нечто гораздо большее»?»

Позже я писал полковнику: «Пожертвовав гонорар, мне кажется, я сумел заставить общественность понять, что это дело было испытанием для американского правосудия».

Понедельник, 19 октября

За это время я получил три письма из Восточной Германии — г-жа Эллен Абель неожиданно стала регулярно писать. Как всегда, письма были не очень стройно составлены и носили ярко выраженный эмоциональный характер. Эта женщина высказывала сожаление по поводу запрета, наложенного на переписку Абеля с

семьей, отсрочки рассмотрения апелляции в суде, а также писала о якобы испытываемых ею душевных переживаниях. Я никогда не верил, что эти письма писала жена Рудольфа, и поэтому ее мольбы и жалобы («От вас так много зависит — без преувеличения скажу, что это вопрос жизни и смерти для меня и моей семьи. Я умоляю вас…») воспринимал с известным цинизмом. Я относился к этим письмам как к плоду дилетантской и не могущей ввести кого-либо в заблуждение работы какого-то отдела советской разведки. Для меня эти письма означали лишь одно: кто-то там весьма заинтересован в судьбе моего клиента.

Понедельник, 9 ноября

Было еще рано, и, сидя на кровати в номере вашингтонской гостиницы, я читал утренние газеты. Я уже просмотрел мои записки для устного выступления и, поскольку заседание суда должно было состояться лишь в полдень, имел возможность еще раз просмотреть их после завтрака.

Выступая в этот день перед Верховным судом, я снова заявил, что административный ордер (оставленный при себе и сохранявшийся в тайне), использованный для ареста Абеля, представлял собой уловку, примененную сотрудниками иммиграционных властей и ФБР, чтобы попытаться добиться сотрудничества со стороны Абеля и получить доказательства его шпионской деятельности.

«Подтвердив этот приговор, — говорил я, — суд даст возможность правительственным чиновникам игнорировать требование иметь ордер на обыск в любом уголовном деле, включая также и дела, связанные с депортацией».

Во время выступления сторон и после этого судьи задавали десятки вопросов. Отвечая на вопрос судьи Уиттакера, заместитель министра юстиции признал, что обыск был бы незаконным, если бы его подлинная цель состояла в получении доказательств шпионской деятельности. Однако, заявил заместитель министра юстиции Рэнкин, обыск действительно преследовал цель получить материалы для обоснования дела о высылке. Многие, подумал я, в душе смеются.

Только немного поразмыслив, юрист, представляющий правительство, заявил, что предметы, обнаруженные в отеле «Латам», имели небольшое значение по сравнению с той массой доказательств, которая была представлена в ходе процесса. Я напомнил суду о том, что во время первого «налета» на номер Абеля была обнаружена большая часть тех доказательств, которые впоследствии фигурировали на процессе.

К моему удивлению, представители обвинения высказали

мысль, что некоторые аргументы из выдвинутых нами сейчас не высказывались судье Байерсу в ходе процесса и поэтому Верховный суд должен отказаться рассматривать их. Я категорически возражал против такой постановки вопроса и показал экземпляр нашей первоначальной записки, представленной в окружном суде, в котором приводились те же доводы.

(Впоследствии я писал Абелю: ***«Обвинение прибегло к такому необычному приему, поскольку явно находилось в отчаянии. Это, несомненно, была попытка предоставить возможность суду обойти поставленный защитой вопрос, поскольку суд, конечно, хотел подтвердить приговор, но ему было крайне трудно отвергнуть нашу юридическую аргументацию***».)

Что касается того, действительно ли два представителя ФБР незаконно вошли в комнату Абеля, то г-н Рэнкин сказал, что они вошли туда без приглашения. Председатель суда Уоррен в связи с этим спросил: «Они вели себя не столь уж вежливо, не правда ли? Они силой проложили себе путь — ворвались, не правда ли?»

Заместитель министра юстиции ответил утвердительно по этому пункту.

Когда отведенные для заслушивания сторон два часа истекли, суд принял решение о принятии дела к повторной консультации.

Четверг, 19 ноября

Абель не ответил на два моих письма. Он, по-видимому, все еще переживал то, что ему была запрещена переписка с семьей, ибо он написал мне наконец: «Я сожалею о задержке и могу объяснить это лишь тем, что у меня пропал вкус к письмам».

Его письмо било в цель: «В настоящее время я занят изготовлением рождественских открыток для заключенных и начальника тюрьмы. Я уверен, что вы улавливаете всю иронию ситуации… Я ведь сам не могу послать открытку моей семье.

P. S. Не сможете ли вы попросить вашего секретаря купить и прислать мне на Рождество коробку конфет?»

Открытка, пришедшая от Рудольфа на Рождество, поражала и очень отличалась от прошлогодней. Она была выполнена в голубых и черных тонах. На открытке были изображены три пастуха на горе Вифлеемской, с благоговением взирающих на небо, где светилась звезда. На лицевой стороне открытки было напечатано: «Ноель». Один из моих партнеров, преданный католик, сказал мне: «Он вам поддается».

1960 год

Понедельник, 11 января

В начале недели ФБР закончило последний тщательный осмотр принадлежавшего Абелю имущества. Затем все, что стоило упаковать, было уложено в два огромных ящика, застраховано на 1750 долларов и отправлено в Лейпциг. Остальные вещи (станки, инструменты) были проданы за сто долларов, которых далеко не хватало, чтобы покрыть расходы, выразившиеся в сумме двести сорок четыре доллара восемьдесят два цента, на отправку в Восточную Германию основной части его имущества.

Сообщая об этом полковнику, я писал:

«После всевозможных бюрократических проволочек я разделался со всем вашим имуществом… После того как нам удалось найти ряд людей, требовавших, чтобы мы им уплатили за перевозку тяжелого оборудования, все же нам в общем удалось выручить сто долларов. Прилагаю копию накладной и упаковочный лист… Надо полагать, что с этим делом покончено…»

Но, как выяснилось, я проявил чрезмерный оптимизм. В следующем письме Абель заявил, что, просматривая упаковочный лист, он не обнаружил двух вещей: гитары и фотоаппарата «Спидтрафик» без линзы.

Запросив ФБР, мы узнали, что гитара «пришла в состояние полной негодности в результате ее осмотра, преследовавшего цель обнаружения микроточек. «Спидтрафик» не был отправлен, поскольку сочли, что он не имеет никакой ценности. Вы, конечно, понимаете, что пришлось решать вопрос о том, какие предметы являются достаточно ценными, чтобы стоило оплатить расходы на их отправку».

Абель сделал еще одну попытку.

«Что касается гитары, — писал он, — мне представляется, что попытка потребовать возмещения повлечет за собой огромные судебные издержки, которые будут значительно превышать стоимость самого инструмента…»

Я заверил его, что попытка затеять тяжбу по этому делу обошлась бы дорого и была бы нецелесообразной, «учитывая обвинения, которые государство, безусловно, выдвинуло бы в этом случае».

Упорство, однако, было отличительной чертой Рудольфа. Только в марте он перестал упоминать о гитаре и фотоаппарате в нашей переписке.

Понедельник, 25 января

Прошло одиннадцать месяцев с тех пор, как наше дело впервые слушалось в Верховном суде. Каждый понедельник, конечно, был днем, когда объявлялись решения Верховного суда. У меня уже вошло в привычку примерно в полдень бросать все свои дела и отправляться в клуб адвокатов, где я садился у телетайпа, ожидая сообщений из Верховного суда.

В письме, которое я отправил в этот день Абелю, я писал, что завидую его выдержке. Судя по его последнему письму, он как будто больше беспокоился о своей гитаре, чем о решении суда.

В ответ он написал:

«Меня, естественно, интересует вопрос о том, когда Верховный суд огласит свое решение, но я стараюсь, чтобы это меня не слишком тревожило. Временами мне это удается, но бывают моменты, когда я начинаю волноваться. Как вы сами говорите, в этом году обстановка более благоприятная. Политическая ситуация и в стране, и за рубежом стала более спокойной, и у нас появилось больше надежд…»

Я также коснулся вопроса о его переписке:

«Думаю, что все, что мы можем сделать, — это проявлять такие христианские добродетели, как терпение, стойкость и надежда».

Суббота, 20 февраля

Г-жа Абель, которая называет себя «несчастной простой женщиной с разбитым сердцем», прислала мне просьбу о снисхождении и помиловании, адресованную председателю Верховного суда Уоррену. Эта просьба была вполне в духе ее прежних посланий.

«…Неизвестная вам больная женщина с разбитым сердцем берет на себя смелость отнять у вас немного вашего драгоценного времени, чтобы просить о помощи в деле, которое является для нее вопросом жизни и смерти… К несчастью, мне не известны ни обстоятельства дела, ни степень вины моего мужа… но я уверена, что он не мог совершить никакого преступления, ибо в мире мало таких честных, добрых и благородных людей, как Рудольф. Мне кажется, что суть дела не в нем, а скорее в тех ненормальных, напряженных отношениях, которые сложились между странами Востока и Запада. Мой муж — простой, обыкновенный и очень хороший человек — всего лишь жертва, игрушка беспощадной судьбы…»

Письмо было напечатано на простой белой писчей бумаге и состояло из пяти сотен неудачно подобранных слов. В нем было

одно интересное место:

«Совсем недавно я случайно узнала, что в сентябре 1955 года американским властям в Берлине были переданы трое американских граждан. Как я слышала, они были осуждены в России за антигосударственную деятельность и освобождены досрочно… Я думаю, что их семьи в США понимают, что это было проявлением гуманности. Разве Америка менее гуманная страна, и разве не ясно, что одно доброе деяние влечет за собой другое? Я буду молиться за вас до конца своих дней».

Не могло быть и речи, конечно, о том, чтобы я отправил это письмо председателю Верховного суда Уоррену. Я мог послать его только в одно место — в министерство юстиции, для изучения и анализа. Затем я ответил г-же Абель:

«Что касается вашего личного ходатайства, адресованного председателю Верховного суда Уоррену, то я думаю, что мне не стоит уведомлять его об этом ходатайстве. По-моему, оно не принесет никакой пользы, а, весьма возможно, серьезно повредит делу вашего мужа. Если решение будет в его пользу, то меньше всего можно ожидать, что это будет результатом какого бы то ни было сочувствия к тяжелому положению вашего мужа.

Что касается вашего упоминания о передаче американских служащих в 1955 году, я считаю, что по таким вопросам правильнее было бы обратиться в наш государственный департамент. В настоящее время американскую общественность больше всего интересует судьба американцев, находящихся в заключении в коммунистическом Китае».

Понедельник, 28 марта

«СЕГОДНЯ ПОДТВЕРЖДЕНО РЕШЕНИЕ ПО ДЕЛУ «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПРОТИВ АБЕЛЯ»

Содержание этой телеграммы, полученной в Нью-Йорке в 3 часа 59 минут дня, было передано в нашу контору по телефону. Она бьша подписана старшим клерком Верховного суда США Джеймсом Браунингом.

Примерно в это же время Абель писал мне из Атланты: «Только что я услышал по радио, что Верховный суд подтвердил решение низших судебных инстанций большинством в пять голосов против четырех. Я с нетерпением жду вашего мнения, особенно ввиду столь незначительной разницы в числе голосов. Думаю, что, учитывая характер голосования, можно ходатайствовать о пересмотре.

Я понимаю, как вы огорчены результатом, но считаю, что имеются обстоятельства, которые смягчают этот удар».

Непостижимый Рудольф! После двух лет и девяти месяцев —

с лета 1957 года до зимы 1960 года — он только что проиграл свое дело большинством всего лишь в один голос и теперь выражал мне свое сочувствие. Но уже в следующий момент он писал:

«Не сможете ли вы приехать в Атланту для личной беседы, чтобы обсудить возможные юридические шаги? У меня есть одна-две идеи, которые было бы неплохо обсудить…»

Меня самого переполняли смешанные чувства. Я радовался, что все уже позади, но вместе с тем был разочарован тем, что мы не выиграли дело, и все же я был доволен, что мы довели дело до конца, и убежден, что сделали все, что можно было предпринять в данном случае.

Больше года назад, когда мы впервые обжаловали приговор в Вашингтоне, я подготовил короткое заявление для опубликования в момент, когда Верховный суд примет решение по делу, независимо от характера этого решения. Теперь ко мне начали являться репортеры, причем кое-кто из них явно ожидал, что я буду называть решение суда судебной ошибкой. Моя фирма опубликовала написанное мною год назад заявление без всяких изменений.

«Сам факт, что в Соединенных Штатах Абель был подвергнут всей должной законной процедуре, имеет и здесь, и за железным занавесом гораздо большее значение, чем конкретный исход дела.

Г-н Донован добавил, что он выступит с этим заявлением независимо от решения суда. Когда его спросили, как он чувствует себя после сегодняшнего решения, он ответил просто: «Устал!»

Члены Верховного суда написали три особых мнения. Это, конечно, свидетельствовало о борьбе, которая, по всей вероятности, происходила в комнате для совещания, а возможно, и явилась причиной повторного обсуждения. Эти мнения были изложены в резких выражениях.

Вторник, 5 апреля

Полковник выглядел осунувшимся и измученным. Он так похудел, что одежда висела на нем. Под его глубоко посаженными глазами были темные круги. Тюрьма состарила его, подумал я. Мы виделись с ним в последний раз почти год назад, и, когда его ввели в комнату, меня поразила его явная физическая изможденность.

— Я здоров, — сказал он поспешно. — Это все из-за жары. Она меня замучила, я потерял десять фунтов.

Чтобы облегчить нам встречу, министерство юстиции любезно согласилось доставить полковника в Нью-Йорк и

содержать его в тюрьме предварительного заключения на Уэст-стрит. Абель просил, чтобы мы встретились сразу же после того, как Верховный суд вынесет свое решение, но я просто не мог освободиться от текущих судебных дел. Он рассказал мне, что всю длительную поездку из Атланты они проделали на машине, двигаясь миля за милей по знойным дорогам Юга. Остановились они только в Вашингтоне, где полковника поместили в вашингтонскую федеральную тюрьму.

— Я начинаю все больше и больше знакомиться с вашими американскими тюрьмами изнутри, — сказал он. Даже в Атланте он не утратил своего шутливого тона.

Затем он начал говорить о том, что, несмотря на его плохой вид, его дела в Атланте идут хорошо. Он сказал, что теперь у него в камере только три человека. Жить ему стало удобнее и лучше. Он также рассказал, что по-прежнему посвящает большую часть времени искусству — он вел занятия в нескольких группах, многие часы проводил в своей камере за занятиями математикой.

У нас обоих в голове была одна и та же мысль, и я спросил его:

— Что вы думаете о решении?

Он задумался, а затем сказал с грустной улыбкой:

— Оно меня не удивило. Я не верил, что дело будет решено исключительно на основе закона. Я рассматриваю его как политическое решение, ибо, откровенно говоря, считаю, что ваши юридические доводы были неопровержимы.

Мы обсудили вопрос о том, ходатайствовать ли перед Верховным судом о новом слушании дела. Я сказал, что, хотя и считаю это бесцельным, нам больше ничего не остается делать.

— Тогда я просил бы вас прозондировать этот вопрос, — сказал он. — Пока у нас остается хоть какая-нибудь возможность действовать, я хотел бы ее использовать.

Мы снова коснулись опасной темы, когда перешли к обсуждению возможности ходатайствовать о сокращении тридцатилетнего срока заключения Абеля. Я недавно беседовал по этому вопросу с представителями министерства юстиции и был подготовлен к его обсуждению.

— Это можно сделать, — сказал я, — только в том случае, если суду будет известно, что вы действительно сотрудничаете с правительством. ***Я*** могу привести любое основание для подачи ходатайства на открытом заседании, но, согласно нашей практике, судья должен знать, что вы сотрудничаете. В ином случае первоначальный приговор не будет изменен.

Он покачал головой.

— Об этом не может быть и речи. Никогда я не сделаю

этого, — сказал он. — В первые же полчаса, когда я сидел утром на кровати в гостинице «Латам», я принял решение, и оно остается твердым.

— При таких обстоятельствах, — сказал я, — было бы бессмысленно обращаться с таким ходатайством к судье Байерсу. По существу, оно могло бы даже нанести ущерб вашим правам в будущем.

Абель только покачал головой и не сказал ни слова.

Я сообщил ему, что получаю письма, написанные якобы его женой, но, по моему искреннему убеждению, не верю в то, что это она их написала. Он пожал плечами.

— Язык, которым написаны эти письма, — сказал я, — говорит о том, что эта «Эллен Абель» считает меня каким-то евангелистом, стремящимся обратить Абеля в истинную веру, а если это не так, то она, должно быть, смотрит на меня как на простака, раз я взялся за это дело с самого начала и с таким упорством продолжаю его вести.

Рудольф засмеялся, оценив мою шутку.

— У вас действительно есть жена и дочь? — спросил я, поддразнивая его.

— Ну. конечно, — ответил он горячо, но тут же замолчал, ничего не добавив и не объяснив.

Другими словами, подчеркнув, что у него действительно есть семья, проявляющая большой интерес к его судьбе, он не стал возражать против моего утверждения, что получаемые мною письма поступают не от семьи, а из какого-то официального источника.

— Не думаете ли вы, что теперь, когда вся надежда на суд исчерпана, ваше правительство примет меры, чтобы добиться вашего освобождения?

— Сам не знаю, — ответил он.

Сказав это, он сменил тему разговора и попросил меня —

причем самым решительным образом — возобновить ходатайство о предоставлении ему права писать семье.

— Последнее письмо от них я получил в августе прошлого года, — сказал он, — и я по-прежнему считаю, что это неправильно и несправедливо.

Мы вспомнили с ним о дружественно относившемся к нему надзирателе в тюрьме на Уэст-стрит, который, как мне сказали в тот день, уволился после моего последнего посещения этой тюрьмы.

— Ему эта работа была не по душе, — сказал главный надзиратель.

Абель хорошо помнил его и сказал, что ему это понятно.

— Я мог бы много лет оставаться заключенным, — заметил он, — но никогда не мог бы быть надзирателем. Нужно быть каким-то особенным, лишенным воображения человеком, чтобы пасти других людей, как стадо.

Среда, 20 апреля

Я подал ходатайство о новом слушании дела Верховным судом, призывая пятерых его членов, голосовавших за подтверждение приговора, «внимательно прислушаться к голосу своей судейской совести».

В моем ходатайстве указывалось, что оно служит интересам миллионов людей, проживающих в Соединенных Штатах, на которых распространяются законы об иммиграции и натурализации, чьи личные свободы теперь «сурово и несправедливо урезаны в результате решения, принятого по делу Абеля». В ходатайстве содержалось только четыре пункта.

Наконец-то дело, кажется, стало близиться к концу.

Воскресенье, 1 мая

В 4 часа 30 минут утра (по московскому времени) Фрэнсис Пауэрс, тридцатилетний американский летчик из Паунда, штат Вирджиния, поднял в воздух со взлетной полосы Пешаварского аэродрома в Пакистане свой самолет У-2 и направился к советской границе. Пауэрс сделал двадцать семь вылетов, налетав на У-2 в общей сложности пятьсот летных часов, но «бесшумный перелет» над Советским Союзом был самым трудным из всех его заданий. Впоследствии Пауэрс признался, что он «боялся и нервничал».

Этот страшный полет в одиночестве начался в Пешаваре, пограничном городке, и по плану должен был закончиться на расстоянии трех тысяч семисот восьмидесяти восьми миль отсюда, в Буде, на территории Норвегии. Почти три тысячи миль этого маршрута пролегали над советской территорией. Полет все время проходил на высоте не ниже семидесяти тысяч футов, на которой летчик все время пользовался кислородным прибором и каждое его движение требовало больших усилий. Для завершения перелета понадобилось бы восемь часов.

Прозванный русскими «черной дамой шпионажа», У-2 был шпионским самолетом, пилотировавшимся летчиками из ЦРУ. Он был оборудован фотоаппаратурой, магнитофонами, радарами и радиоаппаратурой. Основной задачей Пауэрса было сфотографировать ракетные базы под Свердловском.

На расстоянии двадцати миль к юго-востоку от этого советского промышленного центра Пауэрс изменил свой курс,

повернув на девяносто градусов влево. Послышался шум, затем последовала вспышка (оранжевого или красноватого цвета), и самолет стал терять управление. После того как он на мгновение выровнялся, он перешел в пике. Пауэрс потерял управление, был «подброшен», а затем выбросился из самолета. Он не попытался уничтожить самолет (кнопка, с помощью которой он мог бы это сделать, была у него под рукой) и не воспользовался ядом для самоуничтожения, который был ему вручен. Когда он спустился на парашюте на советскую территорию, его задержали, и буквально через несколько часов он уже находился на допросе на знаменитой московской «Лубянке» — в доме № 2 по улице Дзержинского.

Среда, 11 мая

В ответ на обвинения относительно того, что Соединенные Штаты повинны в «намеренном шпионаже, осуществляемом с помощью своих самолетов У-2», президент Эйзенхауэр на пресс-конференции отметил, что, выступая с подобным заявлением, русским не следовало бы забывать о деле своего собственного агента Рудольфа Ивановича Абеля и о представленных на соответствующем судебном процессе доказательствах его виновности. Президент, тем не менее, признал, что указанные полеты действительно имели место и осуществлялись с его ведома, и постарался убедительно мотивировать необходимость их проведения, заявив: «…С начала деятельности моего правительства я издал директивы относительно сбора всеми возможными средствами информации, необходимой для зашиты Соединенных Штатов и свободного мира от внезапного нападения…»

На всех газетных полосах страны вновь появились фотографии Абеля и материалы, посвященные его делу. Через шесть недель после того, как Верховный суд уже, вероятно, сдал это дело в архив, оно снова оказалось на первых страницах газет. А в редакционной статье нью-йоркской газеты «Дейли ньюс» даже предлагалось «обменять Абеля на Пауэрса».

Понедельник, 16 мая

Однако Советы еще только начали свою пропагандистскую кампанию. В Париже Хрущев потребовал от Соединенных Штатов немедленных извинений и наказания лиц, ответственных за «недопустимые провокационные действия военно-воздушных сил США». Он предупредил, что в противном случае будет вынужден отказаться от участия в совещании Большой четверки, которое должно было вскоре начаться.

Заседание четырех лидеров проходило в течение трех часов и пяти минут, но они смогли договориться лишь о том, что совещание нужно отложить. Эйзенхауэр, конечно, отказался извиниться, и совещание в верхах провалилось прежде, чем началось.

В Вашингтоне Верховный суд постановил, что приговор по делу Абеля должен остаться неизменным, и отказался удовлетворить наше ходатайство о новом слушании дела. Как говорилось в одной из газет: «Это решение было принято в разгар международного кризиса, вызванного катастрофой самолета У-2, происшедшей на территории Советского Союза на расстоянии около тысячи двухсот миль от государственной границы СССР».

Среда, 8 июня

В центре разгоревшегося кризиса оказался застенчивый, молчаливый сын Оливера Пауэрса, окончившего лишь пять классов, который сказал о нем: «Он был послушным ребенком, но питал страсть к приключениям. Я хотел, чтобы он стал врачом, но он мечтал о профессии летчика».

Пауэрс писал из тюрьмы, что с ним обращаются гораздо лучше, чем этого можно было ожидать, он получает больше пищи, чем может съесть, и много спит… а также каждый день, если нет дождя, имеет возможность совершать прогулки на воздухе и даже как-то раз принял солнечную ванну.

Начальник Пауэрса, директор ЦРУ Аллен Даллес ***(он ушел в отставку осенью 1961 года, и его сменил Джон Маккоун),*** характеризовал Пауэрса как хорошего пилота, превосходного штурмана и высокопрофессионального фотографа. Шпионом он стал как бы случайно. Таким образом, в этом смысле было бы неправильно сравнивать его с полковником Абелем. Однако в последующие месяцы их имена стали упоминаться почти постоянно рядом друг с другом. Кроме того, в редакционных газетных статьях содержались обвинения, направленные против Пауэрса, что он поступил трусливо, не покончив с собой и не уничтожив свой самолет. А теперь тщательно собранные остатки У-2 были выставлены в московском Парке имени Горького как символ «американского бандитизма».

Воскресенье, 12 июня

Начиная с марта Абель прислал мне только одно короткое письмо, в котором настаивал, чтобы я постарался добиться возобновления его переписки, ибо, «кажется, имеются сведения, что Пауэрс переписывается со своей семьей». Но в этот день почтальон принес письмо от него, преисполненное волнения.

«Я получил письмо от г-на Пауэрса, отца летчика самолета У-2», — говорилось в начале письма. Затем следовали копии письма Пауэрса и ответа Абеля.

«Уважаемый полковник Абель, — писал Пауэрс-старший, — я отец Фрэнсиса Пауэрса, связанного с катастрофой У-2, происшедшей несколько недель назад. Я уверен, что вам известно об этом международном инциденте и о том, что мой сын в настоящее время задержан в Советском Союзе по обвинению в шпионаже.

Вы, конечно, поймете мое беспокойство как отца о судьбе моего сына и мое страстное желание, чтобы моего сына освободили и вернули домой. Я имею намерение просить юсударственный департамент и президента Соединенных Штатов об обмене с целью освобождения моего сына. Я имею в виду, что буду настаивать и сделаю все возможное, чтобы добиться от моего правительства вашего освобождения и возвращения на родину, если власти вашей страны освободят моего сына и разрешат ему вернуться ко мне. Если вы согласны действовать в этом направлении, я был бы вам обязан, если вы сообщите мне об этом и поставите в известность власти вашей страны.

Я был бы признателен, если бы вы возможно скорее написали по данному вопросу.

(подпись)

Искренне ваш Оливер Пауэрс»

На это Абель ответил:

«Уважаемый г-н Пауэрс!

Как я ни ценю и понимаю вашу заботу о безопасности и возвращении вашего сына, я, к сожалению, должен сказать, что, учитывая все обстоятельства, вашу просьбу следует адресовать не мне. Видимо, вы должны были обратиться к моей жене. К сожалению, мне по указанию министерства юстиции не позволяют писать семье, и поэтому я не могу сообщить ей о вашей просьбе лично».

Полковник никогда не упускал случая уязвить министерство юстиции в связи с лишением его права на переписку.

В последовавшем затем письме ко мне Абель просил, чтобы я отослал копии писем адвокату его жены в Восточном Берлине Фогелю и полностью ввел в курс событий г-жу Абель.

Ранее я сообщал Абелю, что отправляюсь по делам в Европу, и это побудило его написать, что, «пожалуй, было бы полезным, если бы вы смогли встретиться с адвокатом моей жены… Он мог бы получить от вас гораздо более ясное представление о сложившейся ситуации, чем из любой переписки. Надеюсь, что у

вас будет приятное путешествие».

Абель, несомненно, понимал, что теперь появилась возможность соответствующей сделки.

Я предоставил копии этих писем в распоряжение ФБР в Нью-Йорке и ЦРУ в Вашингтоне и по рекомендации правительства передал телеграфным агентствам краткое сообщение о письмах Пауэрса и Абеля. В результате эта история снова появилась на первых страницах газет под такими заголовками: «ПЕРСПЕКТИВА ОБМЕНА ШПИОНАМИ — ПАУЭРСА НА АБЕЛЯ»; «США ИЗУЧАЮТ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТЦА ЛЕТЧИКА». Но министерство юстиции и государственный департамент немедленно опубликовали заявление: «Комментариев нет». Тем не менее один из высокопоставленных, но анонимных источников осторожно пояснил, что имеются два обстоятельства, препятствующих такому обмену: 1) Пауэрсу еще предстоит суд по обвинению в шпионаже; и 2) русские никогда не признавали, что Абель является их агентом, не говоря уже о признании его советским гражданином. Для советского правительства вступить в переговоры об обмене Абеля было бы равносильно признанию того, что оно санкционировало проведение шпионской деятельности.

Именно поэтому Абель был недоволен сообщениями печати и послал мне по этому поводу резкую записку. Он писал:

«У меня не такое положение, чтобы проявить инициативу в отношении переговоров об обмене или участвовать в них. Я отправил копии писем О. Пауэрса и моего ответа исключительно для сведения моей жены. Я хочу, чтобы г-н Фогель знал, что сообщения в печати появились не по моей инициативе… Я считаю, что в данном случае нет необходимости в рекламе, и считаю, что нецелесообразно что-либо предпринимать, что могло бы ей способствовать».

Но в общем эта реклама привела к положительным результатам. В газетах ряда городов США появились редакционные статьи в поддержку предлагаемого обмена. Их содержание, в общем-то, сводилось к тому, что «мы хотели бы, чтобы Фрэнсис Пауэрс вернулся на родину». А тем временем сообщения телеграфных агентств, на что мы и рассчитывали, тщательно изучались в Москве.

На другой день в десять часов утра я со своим сыном Джоном выехал по делам в Лондон на борту лайнера «Нью-Амстердам».

Пятница, 24 июня

В этот день министерство юстиции отменило запрет на переписку Абеля. Телеграмму с этим известием я получил в

лондонской гостинице, где остановился. С телеграммой в руках я отправился в американское посольство, где узнал, что мне уже теперь незачем искать встречи с восточногерманским адвокатом Фогелем во время моего пребывания в Европе. Мне сообщили, что Абель может теперь сам переписываться со своей женой и ее адвокатом и что они могут действовать в вопросе об обмене по своему усмотрению. Меня также информировали, что все американские посольства предупреждены о моем пребывании в Европе и что, если я получу письмо от Фогеля (скажем, в Швейцарии), я должен немедленно известить об этом ближайшее посольство.

Всю остальную часть нашего путешествия, во время которого мы побывали в Цюрихе, Париже, Дублине и вновь в Лондоне, мы отдыхали душой и телом, стараясь не вспоминать того, что у меня есть русский клиент, которого зовут Абелем. Однако в Париже я провел чудесные полчаса в обществе пригласившего меня к себе американского посла, и мы обсудили это дело в общих чертах.

Среда, 17 августа

Пауэрс был заключен в тюрьму и содержался там сто восемь дней без права переписки и свиданий. По иронии судьбы, в день, когда ему исполнился тридцать один год, его одели в двубортный синий костюм и доставили на суд как шпиона (согласно статье 2 советского Уголовного кодекса). В случае доказательства вины его могли приговорить к смертной казни или к тюремному заключению на срок от 7 до 15 лет.

Когда родители летчика, Оливер и Ида Пауэрс, и его жена Барбара заняли специально отведенные для них места и заработали телевизионные камеры, Пауэрс встал, чтобы сказать: «Да, признаю себя виновным».

Позже он произнес покаянную речь:

«Положение, в котором я оказался, нельзя назвать завидным. С тех пор как я нахожусь здесь, я располагаю ограниченной информацией о том, что происходит в мире, но, насколько я понимаю, прямым результатом моего полета оказалось то, что совещание в верхах не состоялось и визит президента Эйзенхауэра (в Россию) отменен. Это, в свою очередь, привело к тому, что напряженность в мире значительно возросла, и я искренне огорчен, что своими действиями невольно способствовал этому. Теперь, когда мне известны некоторые последствия моего полета, я глубоко сожалею, что сыграл в этом известную роль».

Процесс в Доме Союзов продолжался три дня. и, ксгда он

закончился, Пауэрса приговорили к десяти годам заключения, из которых три года он должен был провести в тюрьме и семь лет в трудовом лагере.

«Исход процесса Пауэрса, — писал Абель, — в известной мере поразил меня. Я не ожидал особой суровости приговора и полагал, что его приговорят к десяти годам исправительной тюрьмы. Но приговор к трем годам тюремного заключения и семи годам в трудовом лагере был, на мой взгляд, довольно мягкий, учитывая обстоятельства дела и особенно то, что Пауэрса могут освободить через пять лет, а может быть, даже и раньше, если он будет выслан. Я не могу понять, как можно называть этот приговор «очень суровым» по сравнению с тридцатью годами, которые получил я. Какими же словами можно охарактеризовать мой приговор? Сомневаюсь, смог ли бы судья Байерс найти подходящие определения!

Иногда я задумываюсь над тем, какова была бы реакция здесь, в конгрессе, в печати, на радио и на телевидении, если бы что-либо вроде инцидента с У-2 произошло в Канзасе и в роли злодея в этой пьесе оказался бы русский летчик?»

Суббота, 10 сентября

Как только процесс Пауэрса закончился, на сцене снова появилась г-жа Абель. После трехмесячного перерыва она написала с целью прокомментировать обмен письмами между Оливером Пауэрсом и ее мужем:

«Мы с дочерью страстно хотим, чтобы Рудольф освободился из заключения и как можно скорее вернулся к нам, но предполагаемый способ (обмен) кажется нам не только нереальным, но даже опасным. Муж в своем письме пишет, что дело летчика не имеет к нему никакого отношения. Поэтому мы не понимаем, почему возник этот вопрос. Чтобы продумать наши дальнейшие шаги, мне, видимо, придется встретиться с моим адвокатом в Восточном Берлине…»

Делать было нечего — оставалось только ждать и надеяться, что настанет время, когда ветер подует в другом направлении.

Когда Верховный суд отказал нам в новом слушании дела, мы уплатили штраф Абеля в сумме трех тысяч долларов, составлявших часть той суммы, которую следовало заплатить согласно приговору, вынесенному судьей Байерсом, и просили его жену выслать еще пять тысяч долларов на будущие расходы. На личные нужды Рудольфу требовалось двести пятьдесят долларов в год. Г-жа Абель написала, что она спешно продает вещи и занимает деньги, чтобы оплатить обязательства ее мужа.

Суббота, 4 декабря

Снова пришло время для ежегодного рождественского послания полковника и для его новогодней просьбы.

«Я пошлю вам рождественское поздравление в ближайшем

будущем, — писал он в начале письма, а затем сообщал о своих нуждах: — Я хотел бы получить четыре фунта простого молочного шоколада, что же касается книг, то мне хотелось бы иметь книгу о теории квадратичных форм или «Введение в теорию чисел» Леонардо Диксона».

Как всегда педантичный, он также напоминал нам о необходимости возобновить его подписку на газеты и журналы.

1961 год

Среда, 4 января

На совещании в верхах Хрущев предложил отложить переговоры на восемь месяцев, явно подразумевая при этом, что президента Эйзенхауэра, который оставался уже на своем посту два срока и не мог быть переизбран, к тому времени уже не будет. 8 ноября президентом был избран Джон Фитцджеральд Кеннеди, и советский руководитель дал понять, что он хочет, чтобы инцидент с У-2 «стал делом прошлого», и выразил надежду, что с приходом к власти в Америке нового главы государства «подует свежий ветер».

Эти высказывания, конечно, не ускользнули от внимания друзей полковника Абеля, и поэтому я не удивился, когда Рудольф в своем первом письме в новом году написал:

«Кстати, в одном из своих последних писем жена советует мне обратиться с ходатайством к новому президенту. Я указал, что при данных обстоятельствах не считаю это возможным для себя, но предложил, чтобы она сделала это сама, предприняв примерно такие же шаги, как родственники Пауэрса и другие… Я был бы вам весьма признателен, если бы вы смогли дать ей совет по этому вопросу».

Мой совет г-же Абель сводился к тому, чтобы она обратилась в Белый дом просто с просьбой, а не с юридическим ходатайством, но я рекомендовал ей направить эту свою просьбу только после того, как новое правительство приступит к выполнению своих обязанностей.

Как обычно, я держал наше правительство в курсе всех событий.

21 января президент Кеннеди официально вступил в должность. Четыре дня спустя новый президент провел свою первую пресс-конференцию и объявил об освобождении советскими властями капитанов ВВС Фримена Олмстеда и Джона Маккоуна, пилотов самолета РБ-47, который был сбит советским истребителем 1 июля 1960 года. Этот разведывательный самолет совершал полет над Баренцевым морем, и они были единственными уцелевшими членами экипажа, состоявшего из шести человек. Со стороны Хрущева это был жест доброй воли по отношению к новому правительству. Атмосфера стала немного разряжаться.

Среда, 8 февраля

Ходатайство г-жи Абель о помиловании отнюдь не было

простым и лишенным всякой юридической подоплеки. Оно было агрессивно-эмоциональным.

«Германия,

Лейпциг, 22, Эйзенахерштрассе, 24, г-же Э. Фостер, для г-жи Э. Абель

Его превосходительству г-ну Дж. Ф. Кеннеди,

Президенту Соединенных Штатов Америки 8 февраля 1961 года Уважаемый г-н Президент!

Простите, что я отрываю вас от важных государственных дел ради рассмотрения моего личного дела, но для меня оно поистине является жизненно важным.

Я жена Р. И. Абеля, который был приговорен в 1957 году к тридцати годам тюремного заключения… Меня зовут Эллен Абель. Я родилась в России в 1906 году. Я преподавательница музыки и живу в Германии со своей дочерью Лидией Абель.

После того как судьба более десяти лет назад разлучила меня с мужем, я все время жестоко страдала, ожидая его возвращения. Мне не известны все обстоятельства дела мужа, но я убеждена, что он не мог сделать ничего аморального и преступного. Поверьте мне, он очень честный, благородный и добрый человек. Я знаю его лучше, чем кто бы то ни было. Я убеждена, что его по не известной мне причине оклеветали и запутали в чем-то злые люди… Ни одно неопровержимое доказательство его виновности в нанесении ущерба безопасности США не было представлено. Почему же его так сурово покарали? Я пишу об этом не потому, что пытаюсь убедить вас в его невиновности, — я понимаю, что это не в моей власти; я пишу лишь для того, чтобы просить вас быть гуманным и снисходительным к моему несчастному мужу, даже если вы вполне уверены в его виновности…

Меня воодушевила хорошая весть, о которой я узнала из газеты, что в России были освобождены и переданы американским властям два американских летчика, Олмстед и Мак-коун. Это вселило в меня надежду на возможность благожелательного рассмотрения вами вопроса о досрочном освобождении моего мужа. Я убеждена, что, если вы будете милостивы к моему бедному мужу, такой поступок будет понят всеми не только как проявление вами гуманности и доброты, но и как свидетельство вашего стремления содействовать возникновению новой эры мира в истории человечества. Такой гуманный поступок, безусловно, не может не сказаться благотворно на судьбе некоторых американцев, которые попали в беду за границей и не могут вернуться домой.

Прошу вас, г-н Президент, удовлетворить мое прошение…

С величайшим уважением, искренне ваша,

(подпись)

Эллен Абель»

Для меня смысл этого послания был ясен: Хрущев закидывал удочку, не удастся ли добиться от Кеннеди освобождения Абеля взамен освобождения пилотов РБ-47.

Вторник, 4 апреля

На протяжении всех этих лет представители ФБР совершили несколько деловых поездок в Атланту для встречи с Рудольфом. Время от времени они прощупывали его на предмет «сотрудничества». Это было обычной процедурой: они выясняли, не становится ли он более податливым. Им необходимо было это установить. Теперь, учитывая перспективу возможного обмена, наша контрразведка еще раз попыталась воздействовать на него, прежде чем ей, возможно, пришлось бы его освободить. К тому же в ее распоряжении имелось два неплохих рычага, с помощью которых она могла оказать на него давление. Это были предстоящее ходатайство на имя президента и проходивший в Лондоне так называемый «процесс о секретах», на котором выплыло и его имя. Пять человек, в том числе и двое американцев, обвинялись в похищении и передаче России военно-морских секретов из особо секретной английской базы в Портленде, где английские военно-морские силы вели исследовательскую работу в области строительства подводных военных средств. Американцы Моррис и Леона Коэн были опознаны как профессиональные советские шпионы, одно время связанные с полковником Абелем.

Когда Абеля арестовали в гостинице «Латам», в его портфеле были найдены фотографии Коэнов. Это были ничего не значившие в то время портреты с надписью «Шерли и Моррис». К фотографиям были прикреплены резинкой пять тысяч долларов наличными, предназначавшиеся, вероятно, для передачи кому-то.

Полковник написал мне о недавнем посещении его представителями ФБР, начав как бы невзначай: «Между прочим, меня посетили агенты ФБР. Они заинтересованы в получении информации и использовали для нажима лондонский процесс и прошение моей жены, намекая, что мое упорство может повредить мне. Незачем и говорить, что я ответил отказом.

По одному вопросу (о лондонском суде) я сделал заявление. Они сказали, что, возможно, подвергнут кое-кого суду, и на этом основании потребовали, чтобы я сообщил, что мне известно об этих людях, с тем чтобы, быть может, их реабилитировать. В ответ я заявил, что сомневаюсь, может ли быть возбуждено дело против этих людей, но если оно будет возбуждено, то я мог бы

встретиться с их защитником, чтобы выяснить, чем я могу помочь».

Было непохоже, что полковник становится более сговорчивым. Он казался особенно воинственно настроенным.

Понедельник, 8 мая

«Удрученная» г-жа Абель опять принялась за дело. Подождав три месяца ответа от президента Кеннеди, г-жа Абель снова подняла вопрос об обмене. На этот раз она предложила нечто конкретное.

«Размышляя над тем, нельзя ли как-нибудь ускорить решение этого вопроса, я вспомнила о письме, которое в прошлом году прислал моему мужу отец летчика Пауэрса. Я его читала, но, если я не ошибаюсь, он предложил моему мужу предпринять какие-то совместные шаги с целью помочь своему сыну и моему мужу освободиться. Рудольф писал мне тогда, что дело Пауэрса не имеет к нему никакого отношения, и я сама не считала, что Пауэрс может помочь в освобождении моего мужа.

Я хотела сразу написать об этом г-ну Пауэрсу, но боялась, что вся эта история получит огласку, которая неблагоприятно отразится на судьбе моего ходатайства. Не зная, как поступить, я решила просить у вас совета… что надо сделать, чтобы ускорить решение нашего дела? Пожалуйста, не оставляйте моего письма без ответа».

Решив тотчас же, не откладывая, связаться с нашим правительством, я написал: «По моему мнению, совершенно очевидно, что мы впервые получили предложение обменять Пауэрса на Абеля».

Когда я писал это письмо в Вашингтон, мне невольно вспомнились события мрачного дня 15 ноября 1957 г., когда я стоял в бруклинском Федеральном суде перед судьей Байерсом и просил сохранить Абелю жизнь, обосновывая свою просьбу, между прочим, и тем, что нельзя было исключить вероятность того, что в обозримом будущем работниками соответствующих служб Советской России или ее союзников может быть задержан американский разведчик соответствующего ранга. В таком случае обмен заключенными через дипломатические каналы, возможно, будет наилучшим образом соответствовать интересам Соединенных Штатов Америки.

Теперь дело уже сдвинулось с мертвой точки, но продвижение осуществлялось в крайне медленном темпе. В течение последующих девяти месяцев я получил от г-жи Абель еще три письма. Тем временем полковника информировали о всей переписке. Один из моих вашингтонских друзей

рекомендовал мне проявлять терпение, поясняя, что «правительству обычно требуется девять месяцев, чтобы сделать то, что вы, адвокаты, занимающиеся частной практикой, делаете за три недели».

Полковник, как всегда, реагировал немедленно. Он написал: «Лично я считаю это правильным шагом, и, если Пауэрсы согласятся, это поможет нам выяснить ситуацию в ближайшее время. Я написал г-же Абель, что согласен с ее решением…»

Рудольф указал, что для него единственной неразрешенной проблемой является вопрос о том, чтобы найти страну, которая предоставила бы право убежища ему и Пауэрсу.

Суббота, 17 июня

Письма продолжали поступать. Прошло несколько недель, и вот от «удрученной» Эллен снова пришло письмо в знакомом светло-голубом конверте.

«Получив это столь важное для меня и долгожданное письмо, я сразу же отправилась в Берлин. Я посетила советское посольство и просила помочь мне добиться освобождения моего мужа, ибо сама я ничего уже не могу для него сделать. Меня внимательно выслушали и попросили зайти еще раз через несколько дней.

Когда я пришла во второй раз, мне сказали, что к моей просьбе отнеслись сочувственно, и рекомендовали мне действовать через установившиеся каналы.

В связи с этим я уверена, что если мой муж будет прощен, то и г-н Пауэрс будет амнистирован…»

Среда, 26 июля

После обсуждения этого вопроса правительственными чиновниками я написал «г-же Абель»:

«По получении вашего письма от 17 июня я отправился в Вашингтон, чтобы обсудить этот вопрос с соответствующими официальными лицами. В результате у меня сложилось мнение, что они проявляют интерес к возможностям, указанным в вашем письме».

Я написал и письмо Абелю, приложив к нему копию последнего сентиментального произведения его «жены», закончив письмо следующими словами: «Думаю, что я сделал все, что было в моих силах. Следующий шаг, как вы видите, остается всецело за советскими представителями. У меня имеются все основания полагать, что после освобождения Пауэрса вы можете рассчитывать на помилование главой правительства и на депортацию».

Четверг, 17 августа; понедельник 11 сентября

От г-жи Абель из Лейпцига было получено два письма. Одно из них, присланное в мою контору, предназначалось для передачи г-же Барбаре Пауэрс. Видимо, г-жа Абель в июле потеряла терпение и поэтому написала: «Вы можете надеяться увидеть вашего мужа через девять лет еще молодым, а для меня каждый день разлуки — это еще один шаг к смерти. Мы уже пожилые люди, наше здоровье никуда не годится, и мы не можем надеяться прожить долго. Простите меня за эту невольную жалобу…»

Затем она повторила свое обычное утверждение, что Рудольфа посадили в тюрьму за преступления, которых он не мог совершить, рассказала о своем прошении, направленном президенту Кеннеди, и, наконец, стала настаивать, чтобы жена Пауэрса обратилась к американскому президенту с призывом принять определенные меры для возвращения ее мужа. «ТЕПЕРЬ И ВАШЕ И МОЕ ДЕЛО ПОЛНОСТЬЮ ЗАВИСИТ ОТ АМЕРИКАНСКИХ ВЛАСТЕЙ — от того, примут ли они какие-либо меры, чтобы освободить своего летчика».

Мне она писала:

«По вашему совету я посетила советское посольство в Берлине и показала ваше письмо от 26 июля. Рада сообщить вам, что советские представители, как и раньше, проявили большое понимание и заверили меня в своей готовности помочь мне…

Из нашей беседы я поняла, что теперь имеется только один возможный путь добиться успеха: ОДНОВРЕМЕННО ОСВОБОДИТЬ ПАУЭРСА И МОЕГО МУЖА, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИМ ОБРАЗОМ ОРГАНИЗОВАНО».

Вот оно, наконец! Этого я и ожидал. Она закончила письмо словами: «С нетерпением жду вашего ответа…»

Среда, 6 декабря

Рудольф, как он обычно делал в конце года, прислал мне письмо. На этот раз он признался, что «пребывание в тюрьме становится для него довольно мучительным». Это было его четвертое ежегодное рождественское послание. Он снова напомнил нам, простым смертным с Уильям-стрит, чтобы мы возобновили его подписку, и снова просил прислать его четырехфунтовый пакет молочного шоколада.

Сообщая о своих рождественских открытках, он писал: «Вообще, мне кажется, все они довольно неплохие и их качество становится лучше. Дела здесь в общем идут все так же. Надеюсь, что вы пребываете в добром здравии, и желаю вам, вашей семье и

вашему персоналу, который ведает моими делами, самого веселого Рождества и счастливого Нового года».

Это было последнее письмо от Рудольфа с почтовым штемпелем «Атланта, Джорджия».

1962 год

(Нижеследующий огчет касается задания, выполненного по поручению правительства Соединенных Штатов!

По соображениям государственной безопасности в нем сделано несколько необходимых купюр и изменены отдельные детали.)

Четверг, 11 января

По приглашению правительства США я присутствовал на совещании в Вашингтоне, где мне было сообщено, что, согласно принятому «на высшем уровне» решению, обмен Абеля на Пауэрса будет отвечать национальным интересам.

— Если вы согласны, — сказали мне, — то мы хотели бы, чтобы вы взяли на себя миссию выехать в Восточную Германию для переговоров об обмене.

Я охотно согласился, и мы обсудили все возможные последствия этой миссии. Естественно, возникал вполне законный вопрос: насколько велика будет потеря с нашей стороны, если мы освободим такого «мастера шпионажа», как Абель? Невольно напрашивался ответ, что это не будет особенно большой жертвой. Во-первых, почти за пять лет его пребывания в тюрьме стало ясно, что Абель отнюдь не намерен «сотрудничать» с нашими контрразведывательными органами. Во-вторых, поскольку в функции агента разведки входит не только сбор сведений, но и незамедлительная передача их своему начальству, то можно было полагать, что теперь Абель может представить в Москве только текущие отчеты о жизни в тюрьмах США. Все сведения, собранные им до ареста, были уже известны его руководству. И, наконец, в-третьих, после международной огласки, которую получило его дело, невозможно было представить, что его вновь попытаются использовать в качестве разведчика.

— А как насчет его использования там, у себя, для оценки поступающих отсюда разведывательных данных? — спросил я. — С его знанием Соединенных Штатов он, видимо, будет идеальным человеком, чтобы возглавить отдел Северной Америки в московском КГБ.

— Вряд ли, — сказали мне. — Если бы мы приняли обратно человека, который много лет прожил за границей и был изолирован от нас, мы наверняка усомнились бы в его полной лояльности. В таких вещах нельзя рисковать. А коль скоро даже мы стали бы колебаться в вопросе о том, можно ставить такого

человека во главе «совершенно секретного» отдела или нет, то уж советские органы, известные своей осторожностью, безусловно, еще менее охотно пойдут на это. Абель провел здесь около девяти лет. Его собственный помощник оказался перебежчиком. Одно то, что мы соглашаемся освободить его, непременно вызовет у русских сомнения, и они будут подозревать, что он «продался». Вероятнее всего, его будут использовать только для того, чтобы обучать технике шпионажа других. Но даже и тут при его возрасте и слабом здоровье он не сможет быть особенно полезен, если только его вообще решатся использовать.

Эти рассуждения показались мне разумными.

Поскольку отъезд по делам в Европу был для меня вполне обычным явлением, мы договорились, что я отправлюсь в Лондон привычным порядком. Я заранее извещу своих друзей, забронирую номер в гостинице, куплю билет на гражданский самолет, но скрою цель моей поездки не только от своих сослуживцев, но и от своей семьи.

Я составил и отправил из Вашингтона в Лейпциг письмо «фрау Абель», в котором говорилось, что произошли «важные события», вследствие которых возникла необходимость нашей встречи. Я закончил его следующими словами: «Предлагаю встретиться в советском посольстве в Восточном Берлине в субботу, 3 февраля 1962 г., в двенадцать часов дня. Не следует никому рассказывать об этой встрече. В случае согласия телеграфируйте мне, пожалуйста, в мою адвокатскую контору тремя словами: «Счастливого Нового года».

В мае наше министерство юстиции категорически отклонило адресованное г-жой Абель президенту Кеннеди ходатайство о помиловании. Я счел для себя необходимым запастись официальным письмом, которое убедило бы русских, что правительство Соединенных Штатов выполнит обещание освободить Абеля, которое я дам. В конце дня мне вручили такое письмо, но я был неудовлетворен чрезмерной осторожностью формулировки, носившей расплывчатый и туманный характер. Изменить ее, однако, отказались, и это было все, что я повез с собой в Восточную Германию в качестве доказательства моего официального статуса. Вот текст письма, напечатанного на бланке министерства юстиции:

«Уважаемый г-н Донован.

В связи с состоявшимся недавно при вашем участии совещании по вопросу о помиловании вашего клиента настоящим заверяю вас, что после выполнения определенных условий изложенная в письме к жене вашего клиента причина, по которой вопрос о помиловании не может рассматриваться, уже не будет

существовать.

Искренне ваш Рид Коварт,
атторней по делам о помиловании»

Четверг, 25 января

В десять часов утра я в своей конторе получил телеграмму из Берлина. «Счастливого Нового года», — говорилось в ней, и стояла подпись: «Елена». Вопрос о встрече в Восточном Берлине был решен.

Я тут же отдал все необходимые распоряжения для поездки в Лондон и послал предварительные телеграммы.

Суббота, 27 января

После завтрака я на такси отправился в Гарвардский клуб, где у меня была договоренность о встрече с одним лицом, с которым я был связан в Вашингтоне, чтобы получить окончательные инструкции. Я дал ему подробный маршрут своего путешествия, а он сообщил мне, когда я могу получить официальные инструкции в Лондоне.

Он рассказал мне, что в Восточной Германии арестован молодой американец из Мичигана, студент Йельского университета Фредерик Л. Прайор, которому предъявлено обвинение в шпионаже. До постройки берлинской стены Прайор занимался в Восточном Берлине исследовательской работой, завершая докторскую диссертацию о торговле за «железным занавесом». Он копнул слишком глубоко и раздобыл какие-то материалы, которые считались секретными, и теперь восточные немцы собирались организовать пропагандистский процесс над ним. Прокурор официально заявил, что потребует смертной казни для молодого американца. Полагали, что вся эта история широко освещается в печати в надежде на то, что американское общественное мнение настроится в пользу Прайора и вынудит тем самым Соединенные Штаты пойти на какую-то форму признания восточногерманского правительства.

Другой молодой американский студент, Марвин Макинен из Пенсильванского университета, был тоже арестован за шпионаж на том основании, что, совершая туристическую поездку по России, он тайно фотографировал военные объекты. Его дело рассматривалось в советском суде. Он был признан виновным и приговорен к восьми годам тюремного заключения в России.

Мне сообщили, что теперь восточногерманский адвокат Фогель утверждает, что он представляет интересы как семьи Абеля, так и семьи Прайора. На днях он прислал в миссию США в Западном Берлине письмо, в котором сообщалось о том, что г-жа

Абель уверена в возможности освобождения Прайора и Макинена, если США согласятся обменять Абеля на Пауэрса. Однако наши люди считали, что доверять Фогелю не следует. Рекомендация, данная мне правительством, заключалась в том, что моей основной задачей должен стать обмен Абеля на Пауэрса, хотя и не возбранялось попытаться освободить всех трех американцев, ибо вне рамок этого обмена «человека за человека» мне представлялось право поступать по собственному усмотрению, «по наитию». Я решил попытаться освободить всех трех американцев.

Вторник, 30 января

Я прибыл в Лондон рано утром после обычного полета на реактивном пассажирском самолете Панамериканской компании и остановился в гостинице «Клэридж», где меня посетил молодой, но чрезвычайно эрудированный «г-н Уайт», который сообщил мне, что в Берлин я должен отправиться в следующую пятницу. Он сообщил мне, что в течение остальной части путешествия меня из соображений безопасности будут называть «г-н Деннис». Затем он отсчитал мне пачку купюр в западногерманских марках, а я налил ему для подкрепления рюмку коньяка «Клэридж».

Отдыхая в своем номере, я мысленно все время возвращался к периоду второй мировой войны, когда я часто останавливался в гостинице «Клэридж» вместе с покойным генералом Донованом. Управлению стратегических служб приходилось держать здесь в резерве апартаменты для находившихся в эмиграции правительств, подпольную деятельность которых мы субсидировали. Югославский король Петр и румынский король Михай помещались на нашем этаже. К нам же без конца приходили самые разнообразные посетители, которые хотели посоветоваться с генералом. Помнится, многие из них при знакомстве представлялись мне как «г-н Деннис».

Пятница, 2 февраля

«Г-н Уайт» явился до рассвета, и я выписался из гостиницы. Я попросил администратора задержать до моего возвращения почту, которая прибудет на мое имя, и отправил жене телеграмму, где сообщал, что друзья пригласили меня на несколько дней отдохнуть в Шотландии. Она давно уговаривала меня устроить себе именно такой отпуск.

Еще до рассвета мы заехали за молодой женщиной, служащей в английских органах безопасности. Она спокойно уселась на заднем сиденье нашей маленькой машины. Часа два «Уайт» вел машину, взяв направление на одну из английских воздушных баз,

расположенных в лондонских окрестностях. Всю дорогу, не переставая, лил дождь.

Когда мы прибыли на воздушную базу, женщина показала документы часовому, а тем временем из постовой будки вышел какой-то господин в темной штатской одежде с весьма подходящим к случаю котелком на голове. Усаживаясь на заднем сиденье машины, он приподнял котелок, приветствуя «г-на Денниса», пожаловался на ненастную погоду, а затем спросил у меня паспорт. Согласно полученным мною инструкциям, я открыл его на странице с визой, где не было ни моей фамилии, ни фотографии, и он аккуратно поставил на ней официальный штамп, удостоверяющий, что я только что покинул пределы Великобритании. Мы миновали почти всю территорию базы и несколько минут спустя остановились у ожидавшего нас американского самолета С-45. Я вышел из машины с саквояжем в руках. Молодая англичанка, стоя под дождем, помахала мне рукой и весело сказала: «С богом, г-н Деннис». Господин в штатском снова приподнял котелок.

Капитан ВВС США Макартур тут же представился мне, и самолет поднялся в воздух с единственным пассажиром на борту — «г-ном Деннисом». За завтраком, состоявшим из жареных пирожков с кофе, капитан пояснил, что из-за отвратительной погоды нам придется лететь на военно-воздушную базу в Висбадене (Западная Германия), обогнув Амстердам. Следующие три часа я провел за чтением книги.

Мы заправились в Висбадене, подкрепились в самолете сэндвичами с кофе, а затем летели два часа в полнейшем тумане, прорезая то дождь, то снег, вдоль узкого «коридора» над территорией Восточной Германии в Берлин. Наконец мы спустились на аэродром Темпельгоф, где наш самолет встретил американец по имени Боб, чья небольшая машина ожидала нас на стоянке неподалеку. Шел сильный снег. Никому, казалось, до нас не было дела, и мы быстро уехали.

Молча мы проделали весь путь, пока не остановились у неосвещенного частного дома в жилом секторе Западного Берлина. Войдя, мы зажгли свет в столовой, опустили шторы, сняли покрытую снегом одежду и впервые как следует разглядели друг друга.

— Привет, — сказал мой попутчик. — Извините, что я не очень-то занимал вас разговорами во время поездки, но я полагал, что после перелета из Лондона вам захочется отдохнуть, прежде чем мы с вами поболтаем. ***(Это был высокий симпатичный мужчина лет сорока, спокойный и уверенный в себе.)***

— Вы будете жить здесь один. Ежедневно по утрам сюда будет приходить вполне надежная прислуга-немка, которая будет готовить вам завтрак и убирать постель. Мы постарались устроить вас поудобнее, и вы найдете здесь все что нужно — от американских сигарет и старого выдержанного шотландского виски до самых свежих журналов. Вам, пожалуй, следует распаковать теперь ваши вещи и пару часов отдохнуть. Я зайду попозже, и мы пойдем обедать.

Три часа спустя мы превосходно пообедали с ним в ресторане, расположенном на маленькой улочке. Разговор шел о чем угодно, только не о моей миссии. Затем мы отправились на машине в гостиницу «Берлин-Хилтон», полностью оккупированную коммерсантами, и Боб показал мне ее тускло освещенный бар «Голден-сити». Когда мы ехали сквозь снегопад домой, он сказал, чтобы я позвонил ему завтра, после поездки в Восточный Берлин, из гостиницы «Берлин-Хилтон» по не зарегистрированному в справочнике телефону, который я должен был запомнить. У этого телефона, по его словам, должны были, исключительно для этой цели, круглосуточно дежурить, пока я буду находиться в Берлине. Вернувшись в свой пустой дом, я поднялся наверх и улегся спать в холодную постель, вспоминая вчерашний вечер в «Клэридже» с его теплой атмосферой и музыкой.

Суббота, 3 февраля

Я проснулся от холода. На улице шел дождь со снегом, и стоял тот удручающий мрак, которым обычно бывает окутан Берлин в плохую погоду. Но меня беспокоил главным образом страшный холод в спальне.

Прошло не менее часа, прежде чем я разобрался в устройстве дома, являвшем собой образец типично немецкой бережливости. В доме были две раздельные отопительные системы. Одна — для нижнего и другая — для верхнего этажа, установленные с тем расчетом, чтобы ни одна из них не использовалась напрасно, без нужды. Днем ни один из жильцов, у которого есть хоть капля здравого смысла, не стал бы зря расходовать топливо, обогревая спальню, а ночью — столовую. Согласно немецкой логике, даже в самые суровые морозы в Берлине только круглый идиот поддерживал бы тепло во всем доме в течение суток. Чтобы обеспечить полную эффективность этого дьявольски хитроумного плана, из прихожей шло два отдельных хода, один — в столовую, а другой — на лестницу, которая вела на второй этаж в спальню. Накануне вечером ни Боб, ни я не позаботились включить верхнюю отопительную систему. А температура была около нуля.

Вскоре я обнаружил, что простудился. У меня ныла спина, и похоже было, что начинается плеврит. Когда приехал Боб, мы установили, что температуры у меня нет, и он обещал привезти мне мазь для втираний. Мы оба считали нежелательным, чтобы я обращался к американскому гражданскому врачу. Мы попытались представить себе сурового немецкого бюргера (потихоньку проклиная его), который построил этот дом, а теперь, видимо, греется на солнышке где-нибудь на пляже в Аргентине.

До прихода Боба я вышел пройтись и обнаружил неподалеку старый католический костел. Как раз шла восьмичасовая месса. В тускло освещенном костеле было немного людей. Вероятно, многим помешало прийти ненастье. Я заметил, что среди прихожан почти не было молодежи. Больше всего было женщин. У нескольких присутствовавших на службе стариков на рукавах имелись черные повязки — вероятно, в память о сыновьях, погибших на фронтах второй мировой войны. В древнем костеле было почти так же холодно, как и в моей спальне.

После вкусного завтрака, поданного нам молчаливой прислугой-немкой, Боб показал мне на карте города единственные оставшиеся открытыми проходы через берлинскую стену.

Когда мы ехали на западноберлинскую станцию эстакадной железной дороги, где я купил билет в оба конца (на счастье, как я сказал Бобу), была сильная метель. Я поднялся по лестнице и сел в первый же вагон. Поздно ночью я описал все подробности своей поездки в моем официальном донесении в Вашингтон.

Каждый раз, возвращаясь вечером из Восточного Берлина, я шел в бар «Голден-сити» и набирал не числившийся в справочнике номер телефона, после чего в бар являлся Боб. Тем временем я успевал набросать краткую сводку за день. Он вез меня домой, сразу же отсылал сводку в Вашингтон, а после ужина приводил ко мне стенографистку, которой я диктовал подробное донесение. Все последующие «ежедневные записи» представляют собой выдержки из таких донесений. Остальные подробности взяты из моих дневников.

Около 11 часов 15 минут я вошел в здание станции «Зоопарк» эстакадной железной дороги и сел в поезд, который через двадцать минут доставил меня на Фридрихштрассе. Поезд проследовал над «стеной», которую охранял большой отряд полицейских. Все они были вооружены карабинами и пистолетами или холодным оружием, висевшим у них на ремне.

Дойдя до Унтер-ден-Линден, я ужаснулся. Некогда красивейший из бульваров мира являл собой картину полной разрухи. Несколько одиноких прохожих с трудом пробирались

сквозь снег. Мне вспомнилось лето 1936 года, когда я жил в гостинице на этой оживленной улице во время Олимпийских игр. В тот период Германия находилась на подъеме, лелея ложное представление, будто она вновь стала мировой державой. Лишь немногие из тех, кто тогда прогуливался по Унтер-ден-Линден, могли предвидеть, что великолепные сооружения превратятся в руины.

Скоро я разыскал советское посольство, но сидевший в приемной служащий после проверки документов сообщил мне на чистейшем английском языке, что я должен пройти в следующую дверь, в консульство, где и состоится моя встреча. Я прошел туда, позвонил и открыл массивную дверь.

— Здравствуйте, — приветствовала меня с улыбкой молодая женщина. — Я дочь Рудольфа Абеля. Это моя мать, г-жа Абель, и мой кузен, г-н Дривс.

Я пожал им всем руки, но ничего не сказал. «Дочери» было лет тридцать пять; она бегло говорила по-английски и казалась очень проницательной. Я принял ее за славянку. «Г-же Абель» на вид было около шестидесяти, и она выглядела типичной домашней хозяйкой. «Кузен Дривс» не проронил ни слова. Это был худой, суровый на вид человек, лет пятидесяти пяти. Он все время сжимал и разжимал свои могучие кулачищи, и я мысленно отнес его к типу «Отто-веша-теля». Он, вероятно, был из восточногерманской полиции.

После нескольких минут молчания, когда я закуривал сигарету, г-жа Абель вдруг встала и подошла ко мне.

— Как там мой бедный муж Рудольф? — воскликнула она на ломаном английском языке.

Когда я ответил «хорошо», она разразилась рыданиями, которые длились несколько минут. Дочь все время гладила ее по спине, а кузен принес ей стакан воды. Я сидел неподвижно.

— Почему последнее письмо моего отца было написано на необычной бумаге? — внезапно спросила дочь. — И почему на его письме, да и на вашем был проставлен вашингтонский штемпель?

Помедлив, я ответил:

— Письмо было отправлено из Вашингтона, с тем чтобы оно не прошло через мою адвокатскую контору, я хотел предотвратить всякую возможность огласки. Что касается вашего отца, то я написал ему о своей поездке в Берлин, но по моей просьбе это письмо не было отправлено обычным путем. Ему прочли его в кабинете начальника исправительной тюрьмы в Атланте. Это было сделано во избежание появления всяких слухов среди других заключенных, и его ответ был послан в Вашингтон для отправки почтой.

Дочь как будто была удовлетворена моим ответом.

— Вы что же, можете произвести этот обмен? — спросила жена, снова как бы повторяя заученную реплику из иностранного фильма.

— Хоть сегодня, — ответил я, — если все мы будем действовать разумно и добросовестно.

— Как себя чувствует отец в тюрьме? — спросила дочь.

— Он никогда не выглядел лучше. Это неплохая тюрьма, и он работает в художественной мастерской, где целыми днями занимается живописью.

— Даже золотая клетка остается клеткой, — заметила дочь, а г-жа Абель снова разразилась рыданиями. Я начал подумывать о том, когда же, наконец, кончится эта не слишком приятная комедия.

Прошло минут пятнадцать, и я выкурил за это время несколько сигарет. Ровно в двенадцать часов открылась дверь и вошел высокий, стройный и хорошо одетый человек в очках без оправы. С независимым видом он всем нам представился. Это был второй секретарь советского посольства Иван Александрович Шишкин.

— Вы говорите по-немецки? — спросил он меня на английском языке.

— Очень плохо, — ответил я.

— Хорошо, — сказал он, — нам обоим будет легче говорить по-английски.

Он пригласил нас в кабинет и, усевшись за стол, жестом предложил нам сесть. За время пребывания в комнате, в течение целого часа, никто из так называемой семьи не проронил ни слова, если не считать, что дочь ответила утвердительно, когда ее спросили, может ли семья снова прийти сюда для второй встречи в будущий понедельник.

Я начал разговор с Шишкиным, пояснив ему, что я адвокат и занимаюсь частной практикой, что у меня много неотложных дел и что для поездки сюда пришлось пойти на известные жертвы в смысле своего времени. Я сказал, что должен зарабатывать семье на жизнь и не могу долго оставаться в Берлине, поэтому мне необходимо получить ответ на мои предложения как можно быстрее.

— Да, — сказал Шишкин. — Мне это вполне понятно.

По-английски он говорил безукоризненно.

Он спросил меня, как я доехал из Нью-Йорка в Берлин и не доставила ли мне каких-либо неприятностей погода. Я ответил, что по роду своей адвокатской деятельности мне почти ежегодно приходится бывать в Лондоне и что я прибыл туда на

гражданском воздушном лайнере. Через несколько дней я вылетел в Берлин на специальном военном самолете, предоставленном мне руководством страны. Я добавил, что способ передвижения и поездка в Берлин окольным путем планировались для того, чтобы место моего пребывания было известно лишь очень немногим высокопоставленным правительственным служащим.

— Где вы остановились в Западном Берлине? — спросил он.

Я ответил, что миссия США поместила меня в частном доме, но я не знаю ни его адреса, ни местонахождения.

— Г-н Шишкин, — сказал я, — я приехал в Берлин только по одному делу. Один восточногерманский адвокат, по имени Вольфганг Фогель, прислал мне письмо, в котором говорилось, что, по мнению г-жи Абель, если мне удастся добиться освобождения ее мужа, будут освобождены Пауэрс, американский студент Прайор, задержанный в Восточной Германии, и находящийся в настоящее время в тюрьме в Киеве американский студент Макинен. В связи с этим я получил от моего правительства обещание доставить Абеля в любой указанный вами в Берлине пункт через сорок восемь часов после достижения договоренности.

Шишкин побарабанил пальцами по столу. Затем я передал ему письмо от атторнея по делам о помиловании из министерства юстиции. Внимательно ознакомившись с ним, он отложил его в сторону и сказал: «Весьма туманное». Я ответил, что в письме намеренно опущены лишние подробности, чтобы избежать каких бы то ни было разговоров среди стенографисток, которые могли бы привести к «утечке информации».

Затем я снова уселся на свое место.

После небольшой паузы Шишкин снял очки, протер их и сказал:

— Более года назад Абели, являющиеся восточными немцами, пришли ко мне в консульство. Я выслушал их и пообещал запросить Советское правительство, можно ли обменять Пауэрса на Абеля. Что же касается этих американских студентов, Прайора и Макинена, то я никогда о них не слышал. Вы подняли новый вопрос, и я абсолютно не уполномочен обсуждать его с вами.

Я выразил свое изумление. Единственной причиной моей поездки в Берлин, сказал я, было письмо от Фогеля, в котором приводились слова г-жи Абель. Если Шишкин не намерен обсуждать это предложение, то у меня никаких дальнейших инструкций от моего правительства нет и мне остается только вернуться восвояси.

— У вас нет никаких дальнейших инструкций? — лукаво спросил Шишкин.

— Никаких, — ответил я. — Но я хотел бы рассказать вам о подготовительных мероприятиях, проведенных для того, чтобы доставить Абеля сюда, если обещание Фогеля будет выполнено. Я сообщу о нашей договоренности в Вашингтон. Абеля немедленно отправят сюда на военном самолете в сопровождении заместителя начальника Управления тюрем США. Последний будет иметь при себе приказ об отмене приговора, уже подписанный президентом Кеннеди, но на нем должен будет поставить свою подпись и заместитель начальника Управления тюрем. Это будет сделано на месте, где будет произведен обмен (мы предлагаем мост Глиникер-брюкке), после того как я засвидетельствую, что мы получили именно тех людей, которых должны были получить. Человек, который может опознать Пауэрса, уже в Берлине. Семья Прайора, как вам, вероятно, известно, находится здесь, а людей, которые знают Макинена, нетрудно найти. Нужно только ваше согласие, и Абель будет вам передан.

Выслушав меня внимательно, Шишкин сказал:

— Вы уверены, что президент Кеннеди уже подписал такой документ?

— Абсолютно уверен, — ответил я. — Конечно, в нем указано, что Абель никогда не сможет вернуться в США под страхом того, что нынешний приговор будет приведен в исполнение… Я хотел бы указать еще на одно обстоятельство. Уже некоторое время наша печать выступает за такой обмен. По моему личному мнению, если вы хотите, чтобы Абеля освободили, действовать надо именно сейчас. Если мы затянем дело, благоприятная атмосфера может измениться в связи с каким-нибудь международным инцидентом или из-за изменения внутриполитического положения у нас в стране.

— Вы уверены, — спросил Шишкин задумчиво, — что точка зрения, которую вы только что выразили, отражает также и мнение правительства Соединенных Штатов?

— Безусловно, — ответил я.

Шишкин снова заявил, что его беспокоит то обстоятельство, что у меня нет при себе никаких письменных подтверждений, кроме «туманного» письма атторнея по делам о помиловании. Я сообщил ему, что в случае необходимости мог бы передать ему дополнительные мандаты от главы нашей миссии в Западном Берлине.

— И больше того, — добавил я, — неужели не ясно, что ни один загруженный своими делами частный гражданин не поехал

бы за несколько тысяч миль с таким заданием, если бы у него не было на это достаточных полномочий.

Я также выразил серьезное неудовольствие по поводу того, что вопрос нельзя решить сразу на месте.

— Коль скоро я приехал сюда, пожертвовав своим личным временем, — заявил я, — и выясняется, что Фогель ввел меня в заблуждение ложными утверждениями, то он — отъявленный мошенник и должен быть наказан.

— Я вас понимаю, — ответил Шишкин, — но, как бы то ни было, ваши предложения невозможно обсудить сегодня. Мне придется связаться с моим правительством.

Я невольно обернулся к г-же Абель и сердито сказал:

— Фогель говорил, что это вы велели сделать такие заявления. Правду он говорил или нет? — Она выглядела испуганной и смущенной, но продолжала молчать.

Шишкин быстро перебил меня:

— Сейчас больше не о чем говорить. Однако мне кажется, вы рассердились всерьез.

Затем Шишкин сказал, что он хотел бы оставить письмо атторнея по делам о помиловании пока у себя. Я спросил, не может ли он снять с него фотокопию, чтобы я мог сохранить подлинник у себя.

— Я официальный представитель советского посольства, — раздраженно ответил Шишкин. — И если я обещаю вернуть, вы можете не беспокоиться.

Я дал согласие и затем спросил, нельзя ли ввиду ограниченного времени, которым я располагаю, прервать нашу беседу. Я позавтракаю где-нибудь в Восточном Берлине, а тем временем Шишкин мог бы запросить Москву по радио о согласии на мое предложение и мы могли бы закончить дело позднее, сегодня же.

— Сегодня суббота, — ответил он. — Вы предлагаете слишком быстрый план действий. Не сможете ли вы приехать сюда в понедельник в пять часов дня?

Я ответил, что смогу, но что после понедельника мне нельзя оставаться здесь долго, ибо, напомнил я ему, мне потребуется еще сорок восемь часов, чтобы доставить сюда Абеля. Между тем, продолжал я, если он получит ответ из Москвы до понедельника, он сможет связаться со мной по одному западноберлинскому телефону. Я записал на карточке не указанный в справочнике телефон Боба и передал карточку ему. Он спросил, ответят ли по этому номеру ночью и в воскресенье. Я заявил, что у этого телефона дежурят все время, пока я нахожусь в Берлине. Мое правительство, добавил я, сознает, насколько мне дорого время, и

оказывает мне эту любезность, чтобы облегчить мою задачу.

Затем Шишкин задумчиво произнес:

— Итак, они хотят трех за одного!

Я заметил, улыбаясь:

— Один истинный художник всегда стоит больше трех ремесленников.

Он ответил мне самодовольной улыбкой при моем упоминании об Абеле.

— Мне хотелось бы теперь выразить свое личное мнение, — сказал я. — Поскольку Абели теперь утверждают, что они являются гражданами Восточной Германии, а Прайор задержан восточными немцами, то освобождение Прайора, безусловно, избавит Советскую Россию от каких-либо трудностей, когда ей надо будет официально объяснить свою позицию. В противном случае это было бы расценено как проявление чрезмерной заботы о восточногерманском гражданине Абеле.

Он задумчиво кивнул головой, как будто я подал ему новую идею.

Шишкин спросил, насколько трудно мне было попасть в Восточный Берлин. Я рассказал ему, как проехал, и пояснил, что единственной трудностью было то, что на станции собралась большая толпа. Если мне придется вернуться сюда, добавил я, то я просил бы его избавить меня от стояния в очереди. Он заявил, что очередь обычно бывает на станции только по субботам, но, если она доставляет мне неприятности, он может договориться о предоставлении мне особой привилегии. Почему, спросил он, мое правительство не предоставило в мое распоряжение машину, которая могла бы пройти через «контрольный пункт Чарли»? Я пояснил, что поехал рабочим поездом специально, чтобы остаться незамеченным и не привлекать к себе внимание прессы. Ответ как будто удовлетворил его.

Я вручил Шишкину свою адвокатскую визитную карточку и в качестве дружественного жеста дал ему также свою карточку вице-председателя Управления по делам просвещения города Нью-Йорка. Он внимательно посмотрел на нее и заметил:

— У вас замечательная работа.

Я попросил его карточку, но он с удивлением спросил:

— Разве это необходимо?

Я ответил:

— Нет, но желательно.

Тогда он протянул мне свою визитную карточку, которую я положил в карман. Мы пожали друг другу руки, и я вышел из кабинета.

Понедельник, 5 февраля

В семнадцать часов я прибыл в Восточный Берлин и явился в советское посольство. Оно размещалось в большом здании из белого камня, выдержанном в классическом стиле, в форме невысокой буквы «V». Налево был вход в посольство, а через двор — такой же вход в консульство. Перед зданием стояли советские часовые. Чтобы попасть в посольство или в консульство, надо было нажать кнопку звонка у входной двери.

В этот день я пришел в консульство несколько раньше назначенного времени. В приемной находились мисс Абель и кузен Дривс, который одарил меня довольно натянутой улыбкой. По моей просьбе мисс Абель назвала мне по буквам фамилию кузена — «Drews» (по-немецки она произносится как «Дривс»). Она сказала, что ее мать осталась в гостинице, поскольку она до сих пор «страшно нервничает» после нашей встречи в субботу.

— У вас хорошие новости? — спросила она.

Я ответил, что этот вопрос можно будет обсудить только в присутствии секретаря Шишкина.

Внезапно появился Шишкин. Он сухо поклонился мисс Абель и Дривсу, но сердечно пожал руку мне. Затем он, полностью игнорируя моих собеседников, предложил мне побеседовать с ним наедине в кабинете.

Я передал ему короткую записку от главы миссии США в Западном Берлине, где указывалось, что я уполномочен выезжать в Восточный Берлин по делу, которое есть у меня в советском посольстве, и что он полностью осведомлен о цели моего приезда в Берлин. Письмо было написано на бланке дипломатической службы США и подписано американским посланником.

Шишкин стоя прочел вслух записку, затем сказал:

— Хотя я во время нашего совещания в субботу нисколько не сомневался в вашей компетентности, но в таких вещах надо соблюдать осторожность.

— Теперь ближе к делу, — сказал он. — Доложили ли вы своему руководству о нашей встрече? Какие инструкции вы получили?

— Доложил немедленно, — ответил я, — и единственные инструкции, которые я получил, заключались в том, чтобы я встретился с вами, как вы просили, и узнал, какие дальнейшие указания вы получили от своего правительства, если вы получили их вообще.

Шишкин сел за стол и с сугубо официальным видом открыл большой кожаный портфель, заявив, что он получил инструкции из Москвы. В ответ на мой вопрос он сказал, что не будет возражать, если я запишу их текст дословно. Затем он прочел

следующее:

«1. Советское правительство, руководствуясь чувством гуманности, согласно обменять Пауэрса на Абеля.

2. Такие гуманные действия с обеих сторон и устранение одного из постоянных источников антисоветской пропаганды должны будут способствовать улучшению отношений между нашими странами.

3. Если американское правительство заинтересовано в освобождении Макинена, находящегося в настоящее время в Киеве, то Советское правительство готово обменять Абеля на Макинена, но обмен Пауэрса и Макинена на Абеля невозможен. Американская сторона должна сама сделать выбор. Если вопрос решится положительно и последует улучшение отношений, то могут иметь место и дальнейшие шаги в этом направлении.

4. Что касается Прайора, то данный вопрос не входит в компетенцию советских органов и может быть разрешен только правительством Восточной Германии. Это можно сделать через г-жу Абель и ее адвоката Фогеля, который уже сообщил Доновану, что их ходатайство было благожелательно рассмотрено правительством Восточной Германии».

Затем Шишкин заявил, что других инструкций у него нет и что мы с г-жой Абель должны приступить к разработке плана обмена, который затем будет рассмотрен Советским правительством. Об американском предложении относительно места обмена — моста Глиникер-брюкке (упомянутого мною во время нашей предыдущей встречи) — Шишкин сказал, что это «неплохо».

Я сообщил ему, что меня крайне заинтересовало упоминание о Марвине Макинене. Могу ли я считать, что после освобождения предполагаемых лиц и улучшения международных отношений СССР в недалеком будущем помилует Макинена? Шишкин сказал, что в данный момент он не может подтвердить такое толкование, но наведет справки по данному вопросу.

Я сказал Шишкину, что извещу об этом контрпредложении свое правительство и надеюсь вернуться с ответом в течение суток. Шишкин заметил, что, поскольку у меня болит спина (а это было довольно заметно), мне незачем являться лично. Он предложил прислать ответ моего правительства в советское посольство через дипкурьера.

Передав мне официальное послание, Шишкин стал держаться свободнее и во время беседы спросил, добровольно ли я взял на себя зашиту Абеля. Я объяснил, что Абель обратился не с обычной просьбой о «назначении судом» адвоката, а скорее о назначении судом «адвоката по выбору Ассоциации адвокатов». Я

сказал, что это не понравилось федеральному судье, который счел, что Абель ему не доверяет. Шишкин улыбнулся с понимающим видом.

Он спросил, какое я получил вознаграждение. Я сказал, что договорился с Абелем о гонораре в десять тысяч долларов за зашиту и что затем пожертвовал всю сумму трем университетам.

Когда мы вышли из посольства, мисс Абель и кузен Дривс попросили меня рассказать о беседе. Я вкратце изложил им наш разговор, и мисс Абель сказала:

— Мы должны немедленно пойти к г-ну Фогелю, он обещал подождать нас у себя в конторе.

На мой вопрос, почему он не мог прийти к нам в посольство, она заявила, что его многочисленные клиенты и дела не позволили ему покинуть контору. Она называла его контору на французский лад — «бюро».

Мы сели в такси и во время получасовой поездки обсуждали с мисс Абель возможную процедуру обмена. В конце концов мы предварительно договорились, что обмен произойдет на мосту Глиникер-брюкке в десять часов вечера в среду 7 февраля. В случае нелетной погоды или какой-либо другой непредвиденной случайности, из-за которой прибытие одного из заключенных задержится, встреча будет перенесена на следующий вечер в то же время и в том же месте.

Наконец мы подъехали к конторе Фогеля.

Фогель сразу же справился, хорошо ли я говорю по-немецки, на что я ответил по-английски: «Очень слабо». К моему изумлению, кузен Дривс вызвался служить нам переводчиком и перевел Фогелю мое короткое сообщение о том, что произошло в кабинете у Шишкина. Фогель кивнул и сказал, что он рад показать мне официальное сообщение генерального прокурора Восточногерманской республики. Оно было на немецком языке и гласило:

«Настоящим удостоверяется, что ходатайство о передаче вашего клиента американским властям может быть удовлетворено, если американская сторона согласится на известные вам условия.

Официальный представитель Генерального прокурора:

Виндлиш, Государственный прокурор».

Бросалось в глаза, что письмо было сформулировано по образцу письма атторнея по делам о помиловании США, которое я передал Шишкину при нашей первой встрече и которое тот неодобрительно назвал «туманным».

Письмо было датировано 5 февраля 1962 г. и показано мне

только в оригинале, то есть на немецком языке. Дривс признался, что не может перевести его дословно, а может лишь вкратце передать его содержание своими словами. Я попросил дать мне фотокопию оригинала и его точный перевод на английский язык. Фогель ответил, что у него нет фотокопировального оборудования, а затем, вызвав секретаря-стенографистку, сообщил мне, что она может перевести письмо только на французский или итальянский языки: в конторе у него нет ни одного человека, который мог бы сделать точный перевод на английский язык. По моей просьбе он велел этой девушке напечатать копию немецкого оригинала, которую он лично заверил своей подписью.

После краткого обсуждения письма я сказал Фогелю, что мне необходимо (для выработки собственного плана действий) получить простой ответ на простой вопрос: может ли теперь Фогель гарантировать, что, если предварительный план обмена, назначенного на вечер в среду, будет одобрен всеми сторонами, восточногерманские власти доставят Прайора в то же время и на то же место для тройного обмена?

— Безусловно, да, — ответил Фогель.

По окончании нашей беседы Фогель вызвал для нас такси, и все мы, уходя, попрощались с ним.

Мисс Абель и Дривс проводили меня на такси до станции на Фридрихштрассе. По дороге мисс Абель несколько раз пыталась узнать мое мнение о событиях этого дня, говоря, что ее матери очень «захочется узнать все новости». Я сказал ей, что, честно говоря, не могу заранее предсказать реакцию со стороны моего правительства. Однако, добавил я, если обещания, данные в этот день, будут выполнены добросовестно и быстро, то не исключена возможность, что мое правительство примет эти условия.

На станции «Фридрихштрассе» мы расстались.

Мне снова пришлось пройти через посты восточногерманской пограничной охраны.

Пообедав в тихом кафе, я вернулся домой и собирался лечь спать, как вдруг пришел Боб. По незарегистрированному западноберлинскому телефону, номер которого я сообщил только Шишкину, было получено сообщение для меня. Из телефонной будки, расположенной в Западном Берлине, звонил человек, говоривший по-немецки:

«Возникли непредвиденные осложнения. Должен срочно поговорить с вами в моей конторе в одиннадцать часов утра завтра, 6 февраля. Фогель».

Мы с Бобом обсудили значение этого сообщения, оба мы отнеслись к нему подозрительно. Я был твердо убежден, что если

я на другой день в указанное время поеду в Восточный Берлин, то мне следует идти не к Фогелю, а неожиданно явиться к Шишкину, показать ему запись разговора и потребовать объяснений. Боб согласился с этим, а затем известил Вашингтон. Поздно ночью Вашингтон одобрил этот ход.

Вторник, 6 февраля

В десять часов утра я снова тем же маршрутом отправился в Восточный Берлин и позвонил в двери советского консульства. Резкий голос спросил меня по-немецки, по какому делу я пришел, и громко повторил этот вопрос, но я никак не мог понять, откуда слышится этот голос. Наконец я заметил, что он, видимо, исходил из прорези над дверным звонком, и сказал:

— Я хотел бы видеть г-на Шишкина.

После небольшой паузы голос спросил:

— Вы говорите по-английски?

Я громко ответил:

— Именно по-английски я и говорю, и я хочу видеть г-на Шишкина.

Дверь автоматически открылась, и я вошел.

Минут через пятнадцать в комнату вошел Шишкин. Он извинился, что задержал меня, но выразил удивление по поводу моего «неожиданного визита». Он пригласил меня в кабинет, и я сообщил ему, что вчера, после разговора с ним, я по его совету отправился с мисс Абель и ее кузеном в адвокатскую контору Фогеля. Я рассказал ему об этом посещении, показал письмо от генерального прокурора Восточной Германии и сказал, что по возвращении в Западный Берлин я обо всем информировал Вашингтон. В моем донесении, продолжал я, говорилось, что, хотя первоначально мое правительство было заверено в возможности освобождения Пауэрса, Макинена и Прайора в обмен на Абеля, я рекомендовал принять сделанное мне теперь предложение об освобождении Пауэрса и Прайора, ибо из переданного мне Шишкиным московского письма я понял, что по мере улучшения отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в недалеком будущем можно будет ожидать и помилования Макинена. Шишкин кивнул. Я сказал, что после этого мое правительство известило меня о своей готовности принять советское предложение об обмене Пауэрса и Прайора на Абеля, учитывая, что Макинен будет вскоре также освобожден.

Наконец, я рассказал Шишкину о загадочном телефонном сообщении, полученном ночью от Фогеля, и о том, что оно было передано в Вашингтон и сорвало все наши планы. Я передал Шишкину стенограмму этого сообщения. Он был удивлен:

— Какое странное сообщение! Что же оно означает?

Я ответил, что для выяснения этого я и нанес столь ранний визит Шишкину, поскольку сообщение было получено по телефону, номер которого я дал только ему во время нашей первой встречи в субботу.

Я выразил надежду, что Советское правительство не намерено отказываться от своей позиции, которую оно изложило в полученном из Москвы накануне сообщении. Ибо, полностью полагаясь на это сообщение, я окончательно договорился с Фогелем и мисс Абель и рекомендовал этот план Вашингтону, который его одобрил. Я добавил, что теперь уже все готово для доставки Абеля в Берлин для обмена.

Шишкин откинулся на спинку стула и торжественно заявил, что Советское правительство не имеет привычки менять однажды занятую им позицию. Он сказал, что хочет снова подтвердить готовность его правительства обменять Пауэрса на Абеля, но должен еще раз подчеркнуть, что вопрос о Фредерике Прайоре не входит в компетенцию Советского правительства.

Подумав минуту, Шишкин сказал:

— Мне кажется, коль скоро вы получили это сообщение от Фогеля, вы должны к нему же и пойти в контору. После разговора с ним вы можете, если пожелаете, вернуться сюда сегодня в любое время дня.

Я спросил, не может ли он позвонить Фогелю и, чтобы ускорить дело, вызвать его сюда, в советское посольство. Шишкин ответил, что он иногда встречается по официальным делам с министром юстиции Восточной Германии, но, к сожалению, беседовать с частным восточногерманским адвокатом для советского официального представителя было бы крайне неуместно.

— По прошлой встрече с Фогелем я знаю, что во время переговоров с ним мне следовало бы иметь переводчика, — сказал я, — и в этом смысле ваше присутствие здесь на встрече было бы очень ценным. К тому же мне придется ехать на такси в его контору одному, и я не могу заплатить за проезд, так как у меня только несколько западногерманских марок, а здесь они считаются контрабандной валютой.

Шишкин ответил, что лично он не может помочь мне в качестве переводчика, но уверен, что у меня не будет никаких трудностей.

После бесплодного пятнадцатиминутного ожидания такси у здания посольства я пошел пешком по снежным сугробам к вокзалу на Фридрихштрассе, где и нашел такси. Мы доехали до конторы Фогеля, и шофер молча взял мои западногерманские

марки. В конторе я увидел только Дривса. Он сказал, что мисс Абель не придет. Она расстроена возникшими трудностями, о которых сообщил Фогель, и к тому же «ухаживает за матерью».

Дривс начал читать пространное заявление на английском языке, которое, по его словам, было написано мисс Абель. Я перебил его, сказав, что прочту это заявление сам и возьму его с собой. Фогель не согласился, и тогда я сказал, что должен снять копию с заявления. Этот документ, написанный по-английски от руки на дешевой линованной бумаге, гласил следующее:

«Вчера вечером, после того как мы расстались, меня вызвал к себе г-н Фогель и сообщил мне неблагоприятные известия.

Г-н Фогель видел представителя канцелярии генерального прокурора, и, когда он упомянул о ваших словах, будто вы получили согласие Советского Союза на обмен известного нам лица еще на кого-то, этот представитель был крайне удивлен. Он подчеркнул, что вначале они согласились на обмен Прайора на Абеля, то есть одного человека на одного. Теперь, видимо, условия обмена меняются, и представитель канцелярии предвидит возникновение известных осложнений. ГДР согласилась обменять Прайора на Абеля, и только. Эта договоренность должна быть выполнена точно.

В противном случае правительство ГДР считает себя вправе действовать по собственному усмотрению и не может дать согласие на обмен одного лица на двоих, когда одно из них к тому же находится в другой стране. Г-н Фогель просил меня сообщить вам о его беспокойстве по этому поводу, так как он не в состоянии отсрочить процесс Прайора, а в канцелярии генерального прокурора ему дали понять, что в случае, отказа американцев обменять Абеля на Прайора немцы начнут широковещательный судебный процесс, ибо у них имеется достаточно улик, чтобы осудить Прайора. Это, как вы понимаете, может отрицательно повлиять на авторитет США и затронет в особенности семью Прайора».

Лишь только Дривс кончил читать, я гневно выразил свое возмущение и назвал все это послание «злонамеренной чепухой». Я сказал, что и восточногерманское правительство, и Фогель действовачи явно недобросовестно и что у моего руководства и у меня лично нет времени для игры с ними в прятки. О том, чтобы обменять Абеля на одного лишь Прайора, подчеркнул я, не может быть и речи. Если Восточная Германия не будет придерживаться обещания, официально данного вчера в письме генерального прокурора, то мне придется прервать все переговоры и рекомендовать моему правительству отозвать меня в Нью-Йорк.

Я встал и начал надевать пальто.

Фогель поспешно нажал кнопку на своем столе. Далее все произошло, как на сцене театра. Дверь в кабинет моментально открылась, и вошел его помощник. Он стоял, вытянувшись у стола, и, кивая головой, как попугай, объявил, что Фогелю только что звонили от генерального прокурора Восточной Германии. Генеральный прокурор, как сказал этот последний из нашей труппы актеров, хочет, чтобы Фогель прибыл к нему в тринадцать часов для дальнейшего обсуждения «дела Прайора».

— Как кстати! — воскликнул Фогель, поднимаясь и взглянув на свои часы. — Останьтесь, пожалуйста, здесь, в Восточном Берлине, до окончания моей беседы. Обещаю вам, что приложу все усилия, чтобы уговорить генерального прокурора изменить свое решение.

Я сказал, что очень рано позавтракал и мне бы хотелось, чтобы меня проводили в хороший отель, где я мог бы заказать обед. Фогелю, на мой взгляд, после беседы с генеральным прокурором удобнее прийти туда же. Фогель согласился и дал мне пятьдесят восточногерманских марок (я объяснил ему, что у меня нет денег), а затем Дривс спросил, не может ли он пойти пообедать вместе со мной. Я не возражал. Когда я уходил из конторы, Дривс задержался, «чтобы забронировать столик в ресторане» (он был почти пуст, когда мы пришли). Он, вероятно, звонил Шишкину. Фогель, оглянувшись, чтобы посмотреть, не видит ли его Дривс, поднял большие пальцы рук и сказал мне по-немецки: «Не отступать!» Он явно старался угодить обеим сторонам. Затем Дривс спустился вниз и мы сели в автомобиль Фогеля, новую красивую спортивную машину.

Мы отправились в ресторан на Фридрихштрассе. ресторан произвел на меня очень приятное впечатление. Выбор, судя по меню, был превосходным, но оказалось, что многих из указанных в меню блюд в ресторане нет. Мне подали хороший суп и свежий салат, за которым последовали сыр и кофе. Дривс взял что-то вроде тушеного мяса.

Пока мы обедали, Дривс держал себя очень вежливо, но все время старался выпытать мое личное мнение о том, не удастся ли обменять на Абеля Прайора. Я заявил ему, что всякие такие разговоры — это пустая трата времени. Потом он спросил, послал ли я ответ в государственный департамент, и я ответил утвердительно.

После того как я расстался с Шишкиным в посольстве, я ни разу не упомянул, что сообщение Фогеля, полученное мной накануне ночью, было передано по незарегистрированному телефону, номер которого я сообщил только Шишкину. Тем не менее во время завтрака Дривс сам сказал, что, «после того как

Фогель сообщил вчера вечером Абелям плохие известия, мисс Абель, к счастью, подумала о номере телефона, который она запомнила». Он также сообщил мне, что один из деловых друзей, иностранец, оказался в это время в Восточном Берлине и, когда ему стало известно об их затруднениях, согласился позвонить из Западного Берлина и передать сообщение по телефону.

После этого Дривс как-то совершенно неожиданно спросил меня:

— Как вы думаете, почему Шишкин несколько раз настаивал на том, чтобы разговаривать с вами наедине, без нас?

Я ответил, что у меня нет ни малейшего представления об этом, и он прекратил разговор на эту тему.

В разговоре с Дривсом я заметил, что мне «очень жаль» семью Абеля, и спросил, как зовут г-жу Абель и ее дочь. Он ответил, что мать зовут Лидией, а дочь — Еленой. Я спросил, была ли Елена замужем, и он ответил:

— К сожалению, нет.

Затем он сразу же спросил, не говорил ли со мной Абель о своей семье, на что я ответил:

— У нас никогда не было для этого подходящего случая.

(Фактически, судя по прежней переписке и данным, фигурировавшим на процессе Абеля, включая микропленки с письмами, захваченными в комнате Абеля при его аресте, заявления кузена Дривса были абсолютно ложными. Как зовут мать и дочь, он перепутал, поменяв их имена. Кроме того, в одном письме, приводившемся на процессе в качестве улики и, видимо, написанном дочерью Абеля, подробно описывался ее муж.)

К концу обеда (около 3 часов 15 минут дня) Дривс извинился и сказал, что «идет в мужскую комнату», — вероятно, ему надо было позвонить по телефону. Вскоре после этого явился Фогель и попросил счет. Когда его принесли, я дал Дривсу билет в пятьдесят восточногерманских марок, который мне раньше дал Фогель, и сказал, чтобы он заплатил по счету, а сдачу оставил себе. Дривс вытащил пачку денег и сказал:

— Оставьте эти пятьдесят марок себе.

Я объяснил ему, что не хочу иметь при себе восточногерманские деньги во избежание каких-либо неприятностей с валютой на границе.

Фогель, улыбнувшись, сказал:

— Это хорошо, что вы так осторожны в валютных вопросах, иначе восточногерманскому правительству пришлось бы, чего доброго, обменять вас на кого-нибудь.

В ответ я весело засмеялся.

Дривс заплатил по счету (сорок марок) и положил сдачу в карман. Затем Фогель заявил, что у него произошел «ужасный поединок» с генеральным прокурором, но в конце концов он «победил». Он сказал, что теперь все трудности, связанные с освобождением Прайора для обмена его с Пауэрсом на Абеля, устранены. Оказывается, генеральный прокурор был крайне недоволен тем, что, приехав в прошлую субботу в Восточную Германию, я отправился прямо в советское посольство к Шишкину, вместо того чтобы вначале явиться к Фогелю и к генеральному прокурору.

Фогель ответил, что в настоящий момент все это уже не имеет значения. Важно лишь то, что теперь генеральный прокурор согласен на освобождение Прайора. Мы сейчас должны поехать в советское посольство, сказал он, и после совещания с Шишкиным Фогель доложит генеральному прокурору, что советские официальные представители одобрили сделку. Он заявил, что уже договорился встретиться с Шишкиным в четыре часа дня.

Я спросил, означает ли это без всяких оговорок, что все возражения восточногерманских властей против обмена Пауэрса и Прайора на Абеля теперь устранены. Он ответил: «Да».

Выйдя из ресторана, мы сразу же направились в советское посольство, где в приемной нас принял Шишкин. Он официально представился Фогелю, как совершенно незнакомый ему человек, а затем спросил, как идут дела. Фогель сделал ему по-немецки в основном то же сообщение, какое он сделал мне за столом в ресторане, указав, что все препятствия со стороны восточногерманских властей устранены. Шишкин не высказал никаких замечаний, но вдруг пригласил меня в кабинет для личной беседы с ним, где он заявил, что сообщил о моих замечаниях своему правительству и что только сегодня (во вторник) он получил из Москвы новое письмо. В нем говорилось, что на основании высказанных мною в субботу замечаний в Москве создалось впечатление, что американское правительство считает Макинена более ценным для себя человеком, чем Пауэрса, и что в связи с этим предложение об обмене Пауэрса на Абеля следует аннулировать, сделав твердое предложение об обмене Макинена на Абеля.

Тут я вспылил и, вставая, сказал, что Шишкин вырвал эти несколько замечаний из общего контекста! Ему хорошо известно, что с самого начала основой переговоров был вопрос об обмене Пауэрса на Абеля и что непременным условием любой сделки является передача нам Пауэрса. Я сказал, что Шишкин не только знал и подтвердил мне это еще сегодня утром (во вторник), но

что в письме из Москвы, которое он зачитал мне накануне, моя позиция была понята правильно. В нем прежде всего в качестве самостоятельного вопроса безоговорочно санкционировался обмен Пауэрса на Абеля и только потом говорилось о возможности выбора американцами Макинена вместо Пауэрса. Я повторил, что полученные мною инструкции с самого начала исключали возможность какой-либо сделки без Пауэрса и что единственным вопросом было, кого Советы могут отдать в придачу к Пауэрсу.

Шишкин невозмутимо ответил:

— Сегодняшнее письмо из Москвы аннулирует все мои прежние инструкции. Теперь я не уполномочен обсуждать что-либо, кроме обмена Абеля на Макинена.

Я заметил, что после письма, зачитанного мне накануне, и устного подтверждения Шишкиным этого обязательства сегодня утром его последнее заявление, видимо, означает, что Советы не слишком заинтересованы в освобождении Абеля.

— Начиная с прошлой субботы вы играете со мной в шахматы, — сказал я. — Хотя я и люблю иногда поиграть в шахматы, сейчас у меня для этого нет времени.

— Я? — ответил Шишкин. — Я играю только в волейбол.

Я сказал Шишкину, что, в какую бы игру он ни предпочитал играть, в данный момент меня интересует только один вопрос: остается ли в силе вчерашняя договоренность об обмене Абеля на Пауэрса и Прайора? Если нет, то я доложу об этом своему руководству и порекомендую немедленно отозвать меня домой. Шишкин заявил, что это совершенно новый вопрос и что он должен связаться с Москвой для получения инструкций. Он попросил меня прийти снова завтра между двумя и тремя часами дня, тогда он ознакомит меня с ответом Москвы.

Я сказал, что не вижу смысла совершать еще одну изнурительную поездку к нему в посольство через берлинскую стену, поскольку я дал ему номер своего телефона в Западном Берлине и он может в нужный момент позвонить мне. Поэтому я вынужден отказаться от нового визита в посольство и попросить вместо этого, чтобы Шишкин, получив дальнейшие инструкции, сообщил мне ответ по телефону. Я добавил, что, если я не получу от него известий до следующего вечера, я буду просить о разрешении вернуться домой.

Шишкин сказал: «Очень хорошо» и заявил, что я получу ответ завтра.

Я ушел от Шишкина в состоянии крайнего раздражения, не подав ему руки. Дривс, ожидавший меня в приемной, вышел из посольства со мной вместе. Мы с ним прошли весь путь до

станции эстакадной дороги на Фридрихштрассе. По дороге он все время спрашивал меня, что я лично думаю об этом деле, чтобы он мог «сообщить мое мнение мисс Абель и семье». Я сказал Дривсу, что мое мнение в основном сводится к тому, что начиная с прошлой субботы неамериканская сторона ведет переговоры безответственно и недобросовестно.

Я добавил, что, если сделка «Пауэрс плюс Прайор за Абеля» не состоится и мое правительство примет мои рекомендации о моем отзыве, я вынужден буду сообщить полковнику Абелю, что его «семья», видимо, отказывается от него, и, возможно, он после этого пересмотрит свою позицию «не-сотрудничества» с США. Я добавил, насколько мог, многозначительно:

— Я убежден, что он посчитается с моим мнением.

Этот день показался мне очень длинным.

Среда.* 7 *февраля

Я встал довольно поздно, но к полудню от Шишкина еще не было никаких вестей. Мой отчет о событиях прошлого дня был передан в Вашингтон, и оттуда было получено несколько ответных посланий. В них проводились две мысли: во-первых, я настолько рьяно играю свою роль, что ставлю под угрозу успех своей первоначальной миссии — обменять Абеля на Пауэрса; во-вторых, если я вернусь в Восточный Берлин, то должен сделать это только на свой страх и риск.

В 3 часа 15 минут по незарегистрированному западноберлинскому телефону бьшо получено следующее сообщение:

«Доновану.

К сожалению, мы сегодня не получили ответа. Надеемся получить его завтра. Сообщим немедленно.

Шишкин».

Игра в шахматы продолжалась. Несмотря на рекомендацию Вашингтона соблюдать осторожность, мне казалось, что необходимы энергичные меры. Я считал, что если мы не пойдем теперь на решительный шаг, то либо моя миссия полностью провалится, либо Советы придут к выводу, что, если они будут достаточно долго упираться, им не надо будет выдавать никого, кроме Пауэрса.

Мы с Бобом обсудили ход событий за последние несколько дней, и он предложил мне проконсультироваться не только с главой американской миссии в Берлине, но и с генералом Клеем, который был личным представителем президента Кеннеди в Берлине в ранге посла. Поскольку мы не могли подвергать

опасности мою квартиру, встреча состоялась в квартире Боба.

День выдался на редкость унылый и хмурый. Не переставая, вперемежку с дождем шел снег. В столовой у Боба горел камин, что мне, с моей ноющей спиной, было особенно приятно. Генерал Клей внимательно слушал, пока я рассказывал ему о полученном мной из Вашингтона совете и о том, как я сам оцениваю положение. Я был убежден, что если мне в ходе переговоров удастся вновь перейти в наступление, то в придачу к Пауэрсу мы получим и Прайора. С другой стороны, мы все согласились с Вашингтоном в том, что с моей стороны было бы безрассудно снова переправляться через стену, чтобы явиться с еще одним неожиданным визитом к Шишкину.

Наконец мы договорились о тактике, которая могла обеспечить нам победу. Генерал Клей сам написал послание, которое мы отправили Шишкину:

«Получил вашу телефонограмму и сожалею о задержке, ибо могу оставаться здесь, увы, лишь ограниченное время. Поскольку меня все еще беспокоит спина, я просил бы вас приехать завтра, в четверг 6 февраля 1962 года, от четырех до шести часов дня в резиденцию представителя нашей миссии г-на Говарда Трайвера по адресу: Далем, Фогельсонг, 12.

Донован».

Четверг, 8 февраля

На заре меня разбудил прибывший от Боба курьер. Только что по специальному телефону в Западном Берлине была получена телефонограмма. Она гласила следующее:

«Донована.

Получил положительный ответ. Жду вас у себя в кабинете сегодня в четыре часа, если состояние вашего здоровья позволит вам приехать.

Шишкин».

За завтраком мы с Бобом обсудили это последнее сообщение. Должны ли мы принять его за чистую монету? Не является ли оно еще одним ходом Шишкина в его явной войне нервов. И не стараются ли поймать нас в ловушку Фогель или Дривс, за чьи действия Советы сняли бы с себя всякую ответственность?

Я считал, что должен пойти ва-банк и отправиться в Восточный Берлин, послав сначала Шишкину подтверждение.

Боб связался с генералом Клеем, который согласился с моим решением. Затем я послал через курьера следующее сообщение:

«Шишкину.

Приеду в шестнадцать часов, но из-за состояния здоровья был

бы признателен, если бы вы прислали машину на вокзал в 15 часов 30 минут.

Донован».

Я прибыл в Восточный Берлин в 3 часа 45 минут дня, но не увидел машины, которая ждала бы меня. Поскольку все еще шел сильный снег, я поехал в советское посольство на такси.

Шишкин пригласил меня к себе в кабинет. Войдя, я увидел там накрытый столик, сервированный прелестным хрусталем и серебром. На нем стояли бутылка армянского коньяка, немецкая минеральная вода, печенье и ваза с аппетитными яблоками.

Шишкин сразу же налил в рюмки коньяк и предложил тост «за удачу». Когда мы чокнулись, он сказал, что получил из Москвы благоприятный ответ и что вся сделка одобрена. Это значит, объяснил он, что Пауэрса обменяют на Абеля, а восточные немцы одновременно освободят Прайора. Однако он заявил, что, хотя освобождение Прайора восточными немцами совпадет по времени с обменом Пауэрса на Абеля, оба действия не должны произойти в одном и том же месте, ибо Восточная Германия является суверенным государством.

Я ответил, что, по-моему, это несколько осложняет дело. Хотя я и не возражаю против такой процедуры, мне непонятно, почему бы не доставить всех троих в одно и то же место. Но Шишкин сказал, что считает необходимым настаивать на этом.

Я сказал ему, что буду рекомендовать моему правительству принять эти условия. При этом я хочу особо подчеркнуть, что, насколько я понимаю, в случае улучшения отношений между нашими странами можно будет ожидать в недалеком будущем помилования Макинена. Шишкин заявил, что он сообщил о моих «соображениях» своему правительству, которое в принципе одобряет их[10].

Что касается времени и места, то Шишкин сказал, что готов рассмотреть любое предложение относительно времени обмена, на что, по его мнению, лучше всего назначить его на следующую субботу. На вопрос о точном времени он ответил: «Чем раньше, тем лучше». Сначала я предложил двенадцать часов дня, но он спросил: «А почему не раньше?» Когда я предложил 7 часов 30 минут, он сказал, что это превосходное предложение, ибо в это время будет мало прохожих. На его вопрос, сколько человек должно присутствовать при обмене Пауэрса на Абеля, я заявил, что, на мой взгляд, официальных представителей должно быгь не более шести. Он выразил свое согласие.

Шишкин сказал, что Москва просила, чтобы я лично обратился к своему правительству с просьбой постараться свести

к минимуму антисоветскую пропаганду, когда об обмене будет объявлено официально.

Он налил нам обоим еще по рюмке коньяку, закрыл свой портфель и принял менее официальный вид. Я спросил его, на скольких языках он говорит, и он сказал: «Только на четырех» — русском, немецком, английском и шведском. Он сказал, что во время войны учился в Московском университете, за границей живет уже около десяти лет и теперь хотел бы попутешествовать по своей родной стране.

Я рассказал ему, что в нашей стране очень мало лингвистов в силу нашей географической изоляции и широкого распространения английского языка. Я пояснил, что мы всячески стараемся исправить это положение, обучая детей в раннем возрасте иностранным языкам, в том числе и русскому.

— Вам следовало бы изучать русский, — сказал он.

— В моей стране, — ответил я, улыбаясь, — только оптимисты изучают русский язык. Пессимисты изучают китайский.

Он засмеялся, но смех его был неискренен.

Я информировал Шишкина, что, как мне было сообщено,

Управление тюрем временно перевело Абеля в Нью-Йорк. Мне хотелось предупредить его, что, поскольку о прибытии Абеля может стать известно нью-йоркским газетам, могут возникнуть всякие толки по доводу обмена. ***(Этого, однако, не случилось.)*** Я также сказал ему, что существуют тайные системы оповещения, с помощью которых информация поступает даже в строго охраняемые тюрьмы, и рассказал, как Абель информировал меня в Атланте, что в здании министерства юстиции в Вашингтоне, в музее ФБР, была устроена новая выставка материалов по его делу.

Мы выпили еще коньяку, а по окончании нашей беседы он вызвал посольскую машину с шофером. Несмотря на холод и мокрый снег, который пошел снова, он проводил меня за дверь, через тротуар, к ожидавшей машине.

Я вернулся обычным путем и прибыл в Западный Берлин в 18 часов 10 минут. В баре «Голден-сити» я составил и отправил Бобу отчет для Вашингтона, сообщив, что сделка завершена и «находящийся там пакет» должен быть отправлен немедленно. Позднее я посетил генерала Клея в его резиденции. Он был доволен моим отчетом.

Пятница, 9 февраля

Я встретился с Шишкиным в посольстве около двенадцати дня и сообщил ему о принципиальном согласии правительства

Соединенных Штатов обменять Абеля на Пауэрса и Прайора.

По поводу Фредерика Прайора Шишкин долго спорил, утверждая, что Прайора следует передать его семье в «адвокатской конторе» Фогеля в Восточном Берлине. Я был не согласен на освобождение Прайора где бы то ни было в Восточном Берлине. Наконец Шишкин согласился на выдачу его в по-іраничном пункте на Фридрихштрассе одновременно с обменом Пауэрса на Абеля. Я сказал ему, что Прайора встретит машина с приемно-передающей радиоустановкой, чтобы нас могли известить об его освобождении, когда мы будем на мосту. Он кивнул в знак согласия. Я убеждал Шишкина, что в его же интересах будет освободить Прайора сегодня, чтобы обе сделки выглядели как самостоятельные, но Шишкин ответил, что это будет противоречить полученным им инструкциям.

Шишкин сказал, что главное, что беспокоит советскую сторону, — это официальное сообщение, которое будет сделано Соединенными Штатами. Он сказал, что мы не будем считаться ответственными за информацию прессы, но подчеркнул важное значение текста наших официальных сообщений для будущих взаимоотношений между нашими странами. Я заверил Шишкина, что мы не будем вести официальной пропаганды.

Шишкин сказал, что будет присутствовать при обмене Абеля на Пауэрса в сопровождении двух советских официальных представителей. Мы договорились, что в 8 часов 20 минут на середине моста заместитель начальника Управления тюрем и я встретимся с тремя советскими представителями, чтобы удостовериться, все ли в порядке. Затем два охранника, по одному с каждой стороны, выведут обоих заключенных, и после опознания каждый из них будет передан другой стороне. Официальные представители обменяются рукопожатиями, а затем все разойдутся. Он нарисовал на бумаге план встречи, который я положил в карман. Я согласился с этим планом, считая его разумным, но сказал, что с ним должно также ознакомиться американское руководство и, если будут предложены какие-либо изменения, я немедленно свяжусь с Шишкиным. Я заверил Шишкина, что ни корреспондентам, ни фоторепортерам не будет разрешено присутствовать при обмене.

В Западный Берлин я вернулся в 13 часов 30 минут. Боб повез меня к командующему вооруженными силами США в Берлине генерал-майору Уотсону, чтобы обсудить план обеспечения безопасности на следующее утро. Генерал был одним из четырех человек в Западном Берлине, знавших о моем пребывании там. «Г-н Деннис» прибыл потихоньку и прошел в усиленно охраняемую ставку генерала Уотсона через заднюю дверь. Поздно

ночью Боб сообщил мне, что Абель прибыл в Западный Берлин и я могу повидаться с ним, если хочу. Я сказал Бобу, что сон для меня сейчас важнее, и договорился, чтобы меня разбудили пораньше.

Суббота, 10 февраля

Я встал в 5 часов 30 минут и, несмотря на усталость, стал укладываться. Пошел восьмой день моего пребывания в Берлине, и, если все пройдет хорошо, он будет последним. После завтрака мы с Бобом отправились в американские военные казармы. Небольшая гауптвахта, где содержался Абель, была освобождена от других заключенных и усиленно охранялась. Войдя внутрь, я увидел заместителя начальника. Управления тюрем, которым оказался Фред Уилкинсон. Он был начальником исправительной тюрьмы в Атланте, когда я навещал там Абеля, и получил повышение недавно. За кофе мы обсудили последнее мероприятие, а затем я попросил разрешения повидаться с Абелем наедине.

Когда я вошел в подземную камеру, Рудольф встал. Он улыбнулся, протянул мне руку и, к моему удивлению, сказал: «Хэлло, Джим!» Раньше он всегда называл меня «г-н Донован». Вид у него был измученный, он похудел и сильно постарел. Но он был любезен, как всегда, и, предложив мне американскую сигарету, сказал суховатым тоном: «Мне их будет недоставать».

Мы спокойно поговорили. Я спросил, не боится ли он возвращаться домой, на что он быстро ответил: «Конечно, нет. Я не сделал ничего бесчестного». О Фрэнсисе Гарри Пауэрсе он знал все, но ему не приходилось прежде слышать о деле Фредерика Прайора. Я вкратце изложил ему план осуществления обмена, и он счел его разумным. Он сказал, что никогда ничего не слышал о Шишкине, хотя наши люди сообщили мне, что, по их мнению, я вел переговоры не со «вторым секретарем советского посольства в Восточной Германии», а с «начальником западноевропейского отдела КГБ».

Когда настало время ехать, он взял меня за руку и сказал с большой искренностью:

— Я никогда не смогу как следует отблагодарить вас за ваш тяжелый труд, а главное — за вашу добросовестность. Я знаю, что ваша страсть — коллекционирование редких книг. В моей стране такие культурные ценности являются достоянием государства. Но я как-нибудь устрою, чтобы вы в течение ближайшего года получили должное выражение моей благодарности.

Из тюрьмы мы с Бобом поехали к назначенному месту встречи на мосту Глиникер-брюкке. Когда мы прибыли туда, было

уже светло, но страшно холодно. С нашей стороны моста повсюду можно было видеть американскую военную полицию. Она сменила часовых западногерманской пограничной охраны, которые, как я заметил, сидели в караульной будке с изумленным и даже несколько испуганным видом и пили кофе. Их явно не известили о нашей миссии. Абель прибыл около 8 часов 15 минут в машине, полной охраны. Наш охранник, который потом вышел на мост с Абелем и Уилкинсоном, был здоровенный детина, каких мне редко приходилось видеть. Ростом не менее двух метров, он весил, должно быть, килограммов 130 с лишним. Я так и не узнал, кто он, но, вероятно, его прислали сюда из Федерального управления тюрем.

Ровно в 8 часов 20 минут я вышел на середину моста. По одну сторону от меня шел глава миссии США в Берлине, по другую — молодой штатский, который был товарищем Пауэрса, когда тот летал на У-2. Тем временем с другой стороны к нам начал приближаться Шишкин в сопровождении двух штатских. Когда они дошли до середины моста, мы с ним выступили вперед, официально обменялись рукопожатиями и дали обоюдные заверения, что в соответствии с нашим соглашением все готово.

После этого каждый из нас подал знак на соответствующую сторону пролета моста, и с каждой стороны вышло вперед по три человека. В нашей тройке шли Абель, заместитель начальника Управления тюрем Уилкинсон и здоровяк из охраны. Русская тройка состояла из Пауэрса в меховой шапке и двух человек с телосложением борцов. Абель и Пауэрс несли набитые доверху мешки.

Шишкин четко объявил мне, что, поскольку восточные немцы освободили Прайора на Фридрихштрассе, теперь может быть произведен обмен Пауэрса на Абеля. Я сказал ему, что должен получить соответствующее подтверждение, и крикнул, чтобы мне подтвердили это с нашей стороны моста. Наконец кто-то ответил оттуда: «О Прайоре еще ничего не сообщили!»

Шишкин сказал, что мы должны завершить обмен немедленно, пока по мосту не началось обычное движение. Я ответил: «Мы будем ждать здесь, на месте, пока мои люди не подтвердят, что Прайор освобожден». Я пояснил, что вчера вечером мы сообщили семье Прайора о возможности благоприятных новостей, и сегодня рано утром несколько офицеров службы безопасности отвезли Прайоров на «контрольный пункт Чарли», чтобы они могли там опознать и встретить своего сына.

— По моим сведениям, — сказал Шишкин, — Фогель сопровождал Прайора до контрольного пункта, а затем молодого

человека освободили.

— Возможно, что Фогель спорит с Прайором о своем адвокатском гонораре, — сказал я с улыбкой. — Это может протянуться несколько месяцев.

Шишкин расхохотался и сказал:

— Уступаю вам, как юристу. Вам, без сомнения, не раз приходилось сталкиваться с такими вещами.

Приняв менее официальный вид, Шишкин сказал, что ему было приятно познакомиться со мной и что мне следовало бы играть более активную роль в государственных делах. «Хорошо иметь дело с умными людьми», — сказал он.

Вдруг мы услышали с нашего конца моста крик: «Прайора освободили!» Было 8 часов 45 минут. Я подал знак Уилкинсону. Он вынул официального вида документ и скрепил его своей подписью. ***(Тем временем оба заключенных были опознаны встречавшими, которые начали дружески махать им руками.)*** По знаку, поданному Шишкиным и мной, Пауэрс и Абель вышли вперед со своими мешками и переступили через разграничительную линию. Они не взглянули друг на друга. Пауэрс воскликнул: «О, как я рад тебя видеть!» — и схватил своего старого товарища за руку. Они направились к нашему концу моста.

Абель задержался. Он попросил Уилкинсона дать ему официальный документ о помиловании, сказав:

— Я буду хранить его как своего рода диплом.

Затем, положив свой мешок, он протянул мне руку и сказал:

— Прощайте, Джим!

Я ответил:

— Всего хорошего, Рудольф.

Шишкин стоял в стороне, затем он подал мне руку и спросил:

— Надолго вы с Пауэрсом останетесь в Берлине?

Я пожал плечами и, подумав о предстоящем нам путешествии через «коридор», ответил:

— Думаю, что мы имеем право отдохнуть тут пару дней, как вы считаете?

— Конечно, — улыбнулся он. — Прощайте, всего вам хорошего.

Мы расстались.

В августе 1962 года на пограничный пункт «Фридрихштрассе» прибыл советский курьер и спросил представителя американской миссии. Он передал ему предназначавшиеся для меня конверт и пакет, на которых был указан мой нью-йоркский адрес. В приложенном к пакету письме говорилось:

«Дорогой Джим!

Хотя я не коллекционер старых книг и не юрист, я полагаю, что две старые, изданные в XVI веке книга по вопросам права, которые мне удалось найти, достаточно редки, чтобы явиться ценным дополнением к вашей коллекции. Примите их, пожалуйста, в знак признательности за все, что вы для меня сделали.

Надеюсь, что ваше здоровье не пострадает от чрезмерной загруженности работой.

Искренне ваш Рудольф».

В пакете были два редких издания XVI века: «Комментарии к кодексу Юстиниана» на латинском языке, в веленевых переплетах.

Дело Абеля было закончено.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. Ф. КЕННЕДИ

«Белый дом,
Вашингтон,
12 марта 1962 года
Уважаемый г-н Донован!

В настоящее время вы уже знаете о решении по делу Фрэнсиса Гарри Пауэрса. Для вас оно должно явиться источником глубокого удовлетворения, и я хочу, чтобы вы знали, что я считаю возвращение г-на Пауэрса и результаты пересмотра его дела ценными с точки зрения национальных интересов.

Насколько мне известно, переговоры, которые вы взяли на себя после того, как дипломатические каналы оказались бесполезными, являются единственными в своем роде, и вы вели их с величайшим умением и мужеством. Освобождение помимо Пауэрса Фредерика Л. Прайора и перспектива возможных переговоров относительно Марвина В. Макинена могли стать возможными только в результате исключительно умелых ваших действий.

Я хочу поблагодарить вас за оказанные вами услуги.

С наилучшими пожеланиями.
Искренне ваш (подпись)
Кеннеди

Г-ну Джеймсу Б. Донована, «Уоттерс энд Донован»,
161, Уильям-стрит, Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк

notes

Примечания

1

This Week. I960. Oct. 23.

2

Натан Хейл (1755–1776) — легендарный американский разведчик. В период войны за независимость американских колоний он был направлен Дж. Вашингтоном со специальным заданием на территорию, занятую английскими войсками, где был схвачен англичанами и казнен. Н. Хейл почитается как «отец» американской разведки. В США установлено несколько памятников этому национальному герою. Один из них находится на территории Лэнгли — штаб-квартиры ЦРУ.

3

Большое жюри — судебная коллегия, принимающая решение по вопросу о предании суду. — *Примеч. ред.*

4

Американский легион — организация участников различных войн, основанная в 1919 г., узаконена как официальная организация актом конгресса США. — Примеч. ред.

5

Действия, подтверждаемые свидетельскими показаниями.

6

У. Дж. Донован являлся основателем и директором Управления стратегических служб (УСС) США. Эго Управление в период войны осуществляло разведывательную и диверсионно-подрывную деятельность на территории стран гитлеровской коалиции. В 1946 г. — заместитель главного обвинителя США на Нюрнбергском процессе.

7

Прозвище американского солдата.

8

Б. Арнольд (1741–1801) — американский генерал, решивший предательски сдать англичанам крепость Вест-Пойнт. — *Примеч. ред.*

9

Офицерский чин в ВМС США, соответствующий званию капитана 3-го ранга.

10

11 октября 1963 г. Макинен был освобожден.